

ОБЩЕСТВО - СРЕДА - РАЗВИТИЕ

www.terrahumana.ru

№ 1(62)'22

Выходит 4 раза в год

ISSN 1997-5996

DOI 10.53115/19975996_2022_01

Входит в «Перечень ведущих рецензируемых научных журналов...» ВАК Минобрнауки РФ

ОБЩЕСТВО

Стратегия дискурса

Мартынов В.А. «Культуральные войны»: теоретические проблемы истории «поворота» в науках о культуре (статья вторая)..... 3

Верховых И.А. Цивилизационная парадигма анализа и оптимизации образовательных моделей14

Глобализация: полемика цивилизаций

Мосолова Л.М., Бондарев А.В., Зыкин А.В. «Коренные народы»: многомерность проблематизации 19

Ян Цзые. Некоторые проблемы и перспективы проведения культурной дипломатии Китая в России 25

Антропология и этнология в XXI веке

Кубанова Т.А. Образ мифологической картины мира тунгусо-маньчжуров: на пути от хаоса к организованности и порядку 30

Языки культуры

Бедирханов С.А. Природный мир в поэтической рецепции П. Фатуллаевой. Социокультурный аспект..... 34

Кооб А. *Контрфас.* Эволюция иммерсивного звука в американском кино..... 39

Мир художественной культуры

Схаплок Г.А. Советский марш в эпоху Великой Отечественной войны (1941–1945 годы)..... 43

Максимов А.Н. Сценическое событие как единица действия в драматическом спектакле51

Культурное наследие

Котков В.М., Ачкасов Н.Б., Сорокотяга И.А., Спирина О.С. Военная периодическая печать в годы Великой Отечественной войны в Заполярье..... 55

Матросов А.Е. Кульмская битва в исторической памяти 61

Ценностный опыт

Зимбули А.Е. Учитель: нравственно-ценностные ракурсы. Памяти Владимира Георгиевича Иванова (1922–2009) посвящается 66

Давыдов С.А. Предпринимательская деятельность: как она оценивается в хозяйственной культуре современной России..... 76

Воскресенский А.А., Султанов К.В., Сунягина А.Г. Эпистемология постматериализма в свете экономики знаний: ценности и мировоззрение.....81

Воронцов А.В., Прилуцкий А.М., Богачев А.М., Теплых Г.И. Психосемиотика деструктивного поведения: от убийства символического к убийству реальному 86

Педагогический опыт

<i>Пономарева Е.В., Иванова О.И.</i> Диагностика социальных эмоций дошкольников в условиях музыкальных занятий: материалы исследования.....	97
<i>Старовойтова Е.С.</i> Особенности педагогических методов Ю.И. Плахта и их влияние на подготовку артистов балета.....	103
<i>Окладникова Е.А., Липатова А.А.</i> Опыт воспитания патриотизма как высшего социального чувства: пример одного студенческого научного тура	111
<i>Мезенцева С.В.</i> Музыкально-компьютерные технологии и саунд-дизайн: о востребованности специалиста нового профиля	121

СРЕДА ОБИТАНИЯ

Природная среда

<i>Дружинина О.А.</i> Палеолимнологические исследования в юго-восточной Прибалтике (Калининградская область) в 2010–2020 гг.: новые данные о природной среде позднего плейстоцена и голоцена.....	125
<i>Ушаков М.В.</i> Расчетные характеристики максимального весеннего стока рек Северного Приохотоморья.....	131

НОВОСТИ

<i>Бобков В.Н.</i> К 85-летию Александра Ивановича Субетто.....	135
<i>Субетто А.И.</i> Милосердие. Размышление ученого-ноосферолога в начале XXI века	136
<i>Санжеева Л.В.</i> Личность, ученый, педагог. Игорь Леонтьевич Набок. К юбилею профессора РГПУ им. А.И. Герцена	138
<i>Бороноев А.О., Захарова Е.М.</i> Максим Максимович Ковалевский – зачинатель Русской социологической школы. Круглый стол, посвященный 170-летию со дня рождения М.М. Ковалевского.....	139
<i>Кутенков П.И.</i> Русский язык: показатель жизнородности человечества и его бытия на Земле. Шестая Международная межпредметная научно-практическая конференция «Знаки и знаковые системы народной культуры», 10–11 декабря 2021 года, Москва–С.-Петербург.....	142
<i>Дробышева М.Н.</i> События театральной и выставочной жизни Петербурга. Январь, февраль, март 2022 года.....	146
Contents	159
Summary & References	161
Правила направления, рецензирования и опубликования научных статей	181
Редакционный совет	185

УДК 130.2 + 001.8 + 008
ББК 71.0 + 87.2

В.А. Мартынов

«КУЛЬТУРАЛЬНЫЕ ВОЙНЫ»: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ «ПОВОРОТА» В НАУКАХ О КУЛЬТУРЕ (СТАТЬЯ ВТОРАЯ)

Теоретическая дискуссия об исследованиях культуры в Манчестере в 1996 г. – ключ к пониманию и новейшей истории антропологии, и наук о культуре в целом. Проблема в том, что дискуссия в «группе дебатов» только по видимости была теоретически фундаментальной. Дискуссия не вышла к фундаментальным проблемам, главной из которых является необходимость мыслить современные проблемы гуманитарного знания в ситуации складывающейся новой парадигмы научного знания, в контексте эпистемологического и культурного поворотов. Экспансия культуральных исследований была в первую очередь знаком начала этих поворотов. Об общих процессах и нужно было спорить в первую очередь. Этого не произошло, итогом дискуссии было украшенное воинственной риторикой объявление о консолидации и отказ от диалога с культуральными исследованиями. Антропология отказалась от принципиальных решений и поплыла по течению, которое несло её к конструктивизму, к отказу от теоретического контроля над определением культуры, к потере предмета и институциональной идентичности. Вопрос о необходимости системного реалистичного определения культуры остался не поставленным, он актуален и сегодня. Конфликты, сопровождающие «культуральные войны», наглядно демонстрируют серьезность и актуальность проблемы.

Ключевые слова:

архаика, науки о культуре, конструктивизм, критическая теория, культуральные исследования, культурология, современность, социокультурная антропология, субполитический контроль, теория культуры, эпистемологический поворот, эпистемологический реализм.

«Культуральные войны»: теоретические проблемы истории «поворота» в науках о культуре (статья вторая) // Общество. Среда. Развитие. – 2022. № 1. – С. 3–13. – DOI 10.53115/19975996_2022_01_003-013.

© Мартынов Владимир Анатольевич – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник, Омская гуманитарная академия, Омск; e-mail: vmartynov@list.ru

В терминах «культуральных войн» становятся понятными и логика той трансформации, которую пережила культурная антропология в последние сорок лет, и её противоречивость, непоследовательность.

Вначале о логике и о неизбежности изменений. Избежать радикальной трансформации антропология не могла. Если совсем коротко, то проблема была в том, что сам статус теории в антропологии был сложным. Институционально все сложилось более чем стройно. У социокультурной антропологии была своя собственная предметная область, уникальная и защищенная от возможных посягательств от соседних дисциплин: «наивные» культуры, архаика. Во-вторых, антропология

была полновластной хозяйкой всех прав на контроль над определением культуры. А это очень и очень немало, это обеспечивало существенные институциональные привилегии: к середине XX в. антропология определенно стала «супернаукой» среди гуманитарных дисциплин, а антропологи оказались среди гуманитариев привилегированной кастой. Но повторимся: это внешне комфортное положение было внутренне противоречивым и поэтому неустойчивым. Антропология – это по существу самого слова знание о человеке вообще, в том числе о современном, и прежде всего о современном. А в реальности антропология на протяжении всех ста лет её великой истории в качестве «супернауки»

4 | была знанием только о «наивных» людях. «Роль социокультурной антропологии в этом проекте [«по созданию общей науки о человеке» – В.М.] заключалась в описании народов, которые вели если не “досовременный”, то во всяком случае “несовременный” образ жизни» [9, с. 50]. Отсюда невозможность теории. Она была ненужной. Теория по своему смыслу стремится к знанию об общем и всеобщем, к тому, чтобы знание о своем особенном предмете не замыкалось в этой отдельной особенности, а приобрело состояние конкретно-всеобщего знания. Между тем как антропология фактически пошла на искусственную консервацию своей особенности. Сама наивность оказалась системно культивируемой. Чем наивнее, тем лучше. Потому что именно степень наивности давала и дает престиж. «Степень экзотичности изучаемого до сих пор остается интимно связанной с престижем ученого» [13, с. 83].

Это очень хорошо объяснимо в терминах «войны» за контроль над определением культуры. В тайлоровском определении культуры, которое было фундаментом антропологии на протяжении всего XX в., важен момент «тотальности». По Э. Тайлору, культура – общество в целом, взятое в тотальности внутренних связей. Слов «тотальности», «системности» Тайлор не употреблял, но понимал культуру именно так, потому что его определение пытается знать о жизни общества именно *всё*. По этой же причине концепт «культура» нужен Ф. Боасу. Боас прежде всего – позитивист. И он хочет знать *всё*, и чтобы это «всё» было обозримо, упорядоченно и доступно¹. А то, на что указал Тайлор, допускает именно такую возможность. О тайлоровской «культуре» можно знать именно *всё*. Хотя на самом деле знать *всё* нельзя. Но верить в знание *всего* можно. Вот эта вера – и есть тот фундамент, который придавал энергию работе Боаса.

Но за все надо платить. Плата оказывается немалой. Объекты, устроенные хоть сколько-нибудь гетерогенно, для изучения не подходят. Тогда выход один: изучать те объекты, где соблюдение тотальности гарантировано. Именно таким образом антропология оказалась обреченной изучать культуры, которые на английском называются “native”, наивные. Именно поэтому «место полевой работы понималось самодостаточным, содержащим в себе *всё*» [3, с. 113]. Полевое исследование наивных культур получило фактически сакральный статус. «Долговременное включенное наблюдение представлялось магическим

ключом» [3, с. 113]. Эта магия сто лет и работала, продолжает работать и сейчас. Именно поэтому культурная антропология и оказалась верна заветам Тайлора и Боаса и вплоть до 1990 г. не покидала территорию «наивных» культур, искусственно культивируя и консервируя саму это «наивность».

Состояние двойственное. С одной стороны, институциональные преимущества, престиж и привилегии². С другой стороны, антропология оказалось обреченной на полутеорию и оказалась уязвимой для жесткой критики. Самая жесткая критика – на тех страницах «Истории мировой культуры» М.С. Кагана, которые мы упоминали в первой статье. Культурная антропология Боаса – еще один пример «теоретической беспомощности», это наука, которая не умеет видеть «лес», а видит только «деревья», тогда как о «лесе» и надо говорить в первую очередь [6, с. 23, 27].

Кризисные противоречия были заложены в глубинных фундаментальных основаниях антропологического знания, в определении культуры. Их можно было не замечать в первую половину XX в. Но с середины XX в. не думать об этом было нельзя. Дело в том, что у «полутеории» нет и не может быть теории современности. И поэтому совсем серьезные сложности у антропологии стали появились с 1960 г., с начала «эпохи постмодерна», а в особенности после планетарного триумфа постструктурализма в 1970-е, с началом бурного развития соответствующей риторики, когда в том числе и в каждой газетной публикации нужно было кланяться современным богам. А у антропологии права доступа к современности не было. И это положение проблематично. Оно уязвимо. В современном мире, устремленном в будущее, антропология оказалось подозрительно патриархально-старомодной. Антропологию стало особенно легко критиковать именно за старомодность. Оказалось возможным следующее утверждение: «Культурная антропология» «не располагает сегодня достаточным комплексом теоретических моделей, позволяющих объяснять не только примитивные, традиционные культуры, но и современные» [11, с. 29]. Антропологи хотели быть современными, хотели участвовать в бурных дебатах о сегодняшней демократии. Они и получили сегодня такое право. Ценой отказа от собственного определения своего предмета. И отказа от самого предмета.

А теперь совсем серьезный вопрос: а была ли возможность у антропологии и

сохранить предмет, и получить право доступа к теории современности? А вообще был ли выбор?

Начнем с более простого вопроса: если в истории новейшей антропологии было что-то похожее на выбор, то когда это было?

Вот на этот вопрос ответ есть: если выбор и был, то он был в точке начала трансформаций, в начале-середине 1990-х годов. Именно тогда состоялась жаркая дискуссия в Манчестере, о которой коротко говорилось в первом очерке, драматично организованная и столь же драматично прошедшая. Со страшным названием итоговой книги: «Культуральные исследования будут смертью антропологии».

Дискуссия в GDAT 1996 года – ключ к пониманию и новейшей истории антропологии, и наук о культуре в целом. Её официальный итог – категорический отказ антропологии от сотрудничества с культуральными исследованиями. Решение было принято не просто большинством голосов, но подавляющим большинством (34 против 19). Дальнейшие действия антропологии соответствовали этим решениям: американские центры стали игнорировать культуральные исследования, в Британии о них продолжали что-то говорить, при этом существенно умаяя их содержание, роль и значение (по схеме «пятой тактики», см. первую статью нашего очерка). Этот остракизм был плохим решением, потому что в реальности произошло как раз то, что написано в заголовке итоговой монографии: классическая антропология погибла, а культуральные исследования расцвели. Выигрыш же современной академической антропологии оказался в том, что она может позволить себе делать вид, что ничего не произошло, и, скорее всего, сможет придерживаться этой тактики еще лет пятнадцать-двадцать.

А теперь совсем всерьез. Что произошло и что могло произойти? Ответ: проблема в том, что дискуссия в группе GDAT только по видимости была теоретически фундаментальной, на самом деле она была теоретически неглубокой. Сам предмет дискуссии был определен неглубоко. Дискуссия не вышла к фундаментальным проблемам, главной из которых является необходимость мыслить современные проблемы гуманитарного знания в контексте фундаментальных проблем современного знания. Надо было не в алармической тональности шуметь о нашествии варваров-культурологов, а думать о главном. А главное – эпистемологический поворот.

Именно в это время, в середине 1990-х годов, западная гуманитаристика переживала радикальную трансформацию: началось строительство новой системы знания на новых, конструктивистских основаниях. На антропологию это обрушилось давлением более чем серьезным. Экспансия культуральных исследований была в первую очередь знаком этих процессов. Вот о них, об общих процессах, и нужно было говорить. Антропология подошла к «поворотам»: прежде всего эпистемологическому, а вслед за ним к культурному и прочим. 1990–1995-е годы были рубежом перелома, точкой выбора, и выбор нужно было делать внятно, с широко открытыми глазами, принципиально.

Здесь шаг в сторону, к точке зрения со стороны. Можно посмотреть на проблему в перспективе фундаментальных проблем современности. Среди многих теорий современности объемным и многосторонним взглядом отличается модель социолога-философа У. Бека, проблематизирующая понятие модерна. Книга У. Бека «Общество риска» заканчивается предложением установить в современном мире «институциональные гарантии» «субполитического контрконтроля» [2, с. 346]. Если упростить, то речь идет о гарантиях тотальной и подлинной критики любых инноваций. «Только там, где медицина выступает против медицины, атомная физика против атомной физики, человеческая генетика против человеческой генетики, информационная технология против информационной технологии, можно составить себе полноценную картину и оценить, какое будущее прячется в пробирке. Возможность самокритики во всех формах – это не угроза, а поистине *единственный* путь, на котором можно заблаговременно обнаружить ошибку, которая в противном случае очень и очень скоро заставит нас напрочь забыть о сне» [2, с. 346]. Потому что мы живем в обществе, где регулярно «возникают серые зоны формирования будущего» [2, с. 333], риски в этих условиях могут быть катастрофически значимыми, последствия неконтролируемыми. «Для научных исследований отсюда... следует необходимость уже на предварительной стадии альтернативно и противоречиво дискутировать о рисках определенных шагов и замыслов, причем не только во внутрипрофессиональной группе, но и в межпрофессиональных группах, которые надлежит институционально создать» [2, с. 347]. Даже локальные эксперименты в лабораториях должны, по У. Беку, диску-

6 тироваться фундаментально, проходить через тотальную самокритику. А уж если речь идет о решениях, которые уже в исходной точке нацелены на трансформации глобального масштаба, такие, которые могут изменить структуру бытия общечеловеческих практик, существующих многие десятки лет, то тогда дискуссии должны быть сверхнасыщенными, захватывать всех членов цехового сообщества и общество в целом.

В середине 1990-х антропология вышла к инновациям, которые были именно такими, требовали именно таких дискуссий, требовали организации «субполитического контрконтроля». А как поступили антропологи? Отделались небольшим полускрытым междусобойчиком в Манчестере по простенькому сценарию с предсказуемым результатом. Итогом было то, что и должно было быть: обставленная воинственной риторикой консолидация и объявление о победе. Но победа была пирровой. Антропология отказалась от принципиальных решений и поплыла по течению. По течению, которое несло её на волнах красивой риторики к конструктивизму и к радикальной смене идентичности.

Между тем как в дискуссии была возможность задуматься всерьез. Философ среди антропологов Найджел Рэппорт был близок к тому, чтобы зафиксировать самое главное, проблему тяжелых онтологических последствий конструктивистской эпистемологии, его критика культуральных исследований была именно онтологичной: «Культуральные исследования рассматривают историю и распространение дискурсов,... как если бы не было ничего другого: они отрицают все реальные основания», «они бездушны» [30, р. 24–25]. Но противопоставить этой «бездушности» Н. Рэппорт ничего не смог, его положительная программа была избыточно оптимистичной: потеря идентичности антропологии не угрожает, потому что все возможные парадигмальные трансформации она несет в себе самой в силу своей природы, по причине своей исконной плюралистичности. Т.е. сработали штампы британской антропологии, прежде всего, Манчестерской школы. Антропология умеет управлять сменой парадигм, извлекая из перемен пользу, «становясь в каждом изменении только более похожей на себя» [30, р. 20].

Н. Рэппорт очень ярко изобразил самое кошмарное, что может происходить в современной науке: это ситуация, когда «Фуко встречается с Бхабхой, Бодрийром

и Лаканом в киберпространстве» [30, р. 25]. Именно это происходит, по его мнению, в культуральных исследованиях, поэтому они и «бездушны» и «несостоятельны». Антропология же к этому не имеет никакого отношения, потому что «находится в состоянии грубого здоровья» [30, р. 23]³. Но время показало, что эта оценка была наивной. Уже тогда, когда Н. Рэппорт говорил о “rude health” антропологии, это было далеко не так. А через пятнадцать лет антропология полностью превратилась в «место встречи» Фуко и Лакана в киберпространстве [ср.: 26].

В драматичной ситуации середины 1990-х годов нужен был системно-целостный взгляд на плюсы и минусы двух стратегий, конструктивистской и реалистической. Нужно было устроить «ревизию», «бухучет». Но никакого стремления к такому системно-целостному взгляду в дискуссии не проявилось, и именно это отсутствие воли к теории и было началом потерь. Потому что потери были неизбежны, и понять это можно и нужно было еще в 1996 г. Как минимум, нужно было отчетливо осознать значимость выбора, возможные последствия. В терминах реализм/конструктивизм аутентичная антропология Боаса–Малиновского – целиком и полностью реалистическая наука. Надо было понять уже тогда, что, отказавшись от реализма, сохранить дисциплину в её аутентичном виде не получится. Как не получится сохранить привилегии, предопределенные именно этой аутентичной формой науки.

Немного переформулируем «второй вопрос» и зададим его в такой форме: а был ли все же реальный выбор у антропологии в 1990-е годы, или сползание в конструктивизм было неизбежно? Чтобы допустить возможность положительного ответа на этот вопрос, нужно ответить на следующий: чем могла бы заняться реалистическая антропология сегодня? Ответ: теорией. Антропология сто лет обходилась без теории, откладывая принципиальные дискуссии как бы на «потом». Вот в 1990-е годы это «потом» и наступило. И как раз здесь и нужно было найти ответ на главный вопрос: где граница между архаикой и современностью? Этот вопрос в классической антропологии не то чтобы не решался принципиально, он даже и не ставился. А вопрос этот совсем не отвлеченный. Именно ответ на него мог бы позволить антропологии погрузиться в самую гущу современных проблем. Потому что на самом деле из внятной постановки главного

вопроса вытекает много частных и столь же серьезных. Насколько современный человек глубоко отличается от несовременного? На какой глубине индивидуального и общественного сознания находится те параметры, которые предопределяют разницу? Могут ли досовременные практики ужиться с современными, модерными? Не получается ли, что самая архаичнейшая архаика может ужиться с Wi-Fi связью, со смартфонами и с новейшим оружием (что и есть главная проблема современности)? И тогда не оказывается ли, что в сегодняшней реальности может процветать бесконечно сложная гибридность с сотнями форм сотен же вариантов? Не есть ли тот мир, который мы привыкли называть унифицированно современным, на самом деле – нечто бесконечно сложное?

В контексте важности этих вопросов и ответов на них можно сказать следующее: у антропологов в 1990-е годы был ключ к созданию подлинной теории современности как теории фундаментально многосложного общества, той теории, которой не было и нет в современном знании. Мир на самом деле фундаментально сложен. Антропология могла бы стать той наукой, которая специализируется на этой сложности, которая умеет давать сложные ответы. Вместо этого антропология присоединилась к полностью одномерному и насквозь идеологизированному постструктуралистскому проекту и к идеологии неоглобализма.

Антропологи опасались только прямой агрессии, а серьезная опасность в другом. В отказе от поиска серьезной теории, в потере контроля над определением культуры. Отказавшись от своего классического определения культуры, антропология оказалась беззащитной от растворения в системе нового знания, от превращения в простой винтик в конвейере производства стандартных кейсов. Новые «науки о культуре» (список ниже), устроены структурно точно так же, как устроена современная антропология: одна и та же методология, одна и та же идеология (культурализм), одна и та же теория, одно и то же определение культуры. Никакого особого положения в новой системе знания у антропологии нет, никаких прав и возможностей бороться за традиционные привилегии нет. «Своей критикой авторитарных стилей предшественников сегодняшние антропологи подорвали и свой собственный авторитет» [40, р. 4]. Коллективная монография, в которой прозвучали эти слова, вышла через пятнадцать лет после диску-

ссии в Манчестере, и называется она «Конец антропологии». За последние двадцать лет это единственная книга, которая претендует на то, чтобы быть теоретическим обобщением итогов революции в антропологии.

Итак, возможности были, но они остались в прошлом, а что сегодня, каковы итоги молчаливого ответа «нет» эпистемологическому реализму и громкого «нет» культуральным исследованиям?

Сохранился в основном статус антропологии как привилегированной супердисциплины. Лучше всего это видно из самого факта существования Американской антропологической ассоциации и сохранения форм её деятельности, кульминация которой – многотысячные съезды. Здесь более чем серьезный вопрос: а общество знает, что антропологи больше не хотят быть апостолами-спасителями и жить десятилетиями в вигвамах? Нет. Дж. Маркус об этом говорит очень мягко: «Публика (как научная, так и ненаучная) продолжает видеть в них [в антропологах – В.М.] экспертов по «примитивному», «экзотическому» и «досовременному», полагая, что даже если социокультурные антропологи и могут сказать что-то интересное о современном мире, то это все равно по той причине, что они рассматривают его с точки зрения чего-то “архаичного»» [9, с. 53]. А не потому ли общество продолжает верить в мёртвую легенду, что антропологам нужна эта вера и поэтому они ничего и не делают для того, чтобы общество смогло увидеть и оценить глубину трансформаций современной антропологии? Не потому ли, что искусственная консервация правил игры антропологам нужнее правды?

Эта консервация – и есть причина того отсутствия теории современной антропологии, о котором шла речь в первом очерке о «культуральных войнах». Нужна ли антропологам теория? В кульминации своих размышлений Дж. Маркус очень кратко, не поясняя, намекает на «политические причины» и «сентиментальные поводы», которые позволяют неким силам «искусственно замедлить» самоопределение антропологии [9, с. 54]. Можно попытаться подумать об этих «политических причинах» и «сентиментальных поводах». Но важнее ответ на вопрос: а не нужны ли эти «поводы» и «причины» самим антропологам? И тогда не окажется ли, что дело не в «сентиментальных поводах», а в опасениях последствий возможных потерь? В том, что потери могут быть большими, очень

8 | большими, ведь антропология по-прежнему остается привилегированной дисциплиной. А все привилегии покоятся на вере общества в то, что антропология остается верной своему гуманному призванию, объявленному Боасом сто двадцать лет назад. «Публика до сих пор воспринимает социокультурную антропологию такой, какой она была половиной столетия ранее» [9, с. 53–54]⁴, и все привилегии обеспечены именно таким восприятием антропологии. «Общественная легитимность социокультурной антропологии покоится на понятии о том, что она занимается» далекими и экзотическими культурами [9, с. 54]. И тогда признаться в том, что сегодняшняя антропология верна другим заветам, заветам Фуко, требовавшего полного разрыва с гуманизмом, ой как непросто. Захочет ли общество платить за антигуманизм? Поэтому и опасения велики, настолько, что не без некоторого преувеличения их можно сравнить с первобытным страхом. Положение более чем драматичное. Социокультурные антропологи, освоив критическую теорию, «научились компетентно выступать против предубеждений и стереотипов в современном американском обществе» [9, с. 54], и, строго говоря, это и есть их главное и едва ли не единственное занятие. Все-все-все стереотипы они решительно просвечивают светом критики. Но предубеждение американского общества относительно самой антропологии остается нетронутым светом критики. Дж. Маркус фиксирует и сам этот факт, и то, что ситуация является очевидно абсурдной⁵, но вина в его изложении определенно оказывается на обществе, на его инертности, на том, что оно склонно само предубеждаться, потому что общество хочет быть инертным «все равно» [9, с. 54]. Но разве не очевидно, что сказать так – это слишком уж просто? Ведь важно понять, что в этой ситуации нужно антропологам? Не получается ли, что тотальная критичность новейшей антропологии регулируема? Что иногда, когда нужно, свет критики можно и отключить? Что среди стереотипов есть полезные, которые можно и нужно сохранить? Все надо просветить, но самое главное при этом можно оставить в тени. Вспомним еще раз главный тезис Дж. Маркуса: «Социокультурные антропологи до сих пор не смогли внятно озвучить (как для других, так и для самих себя) те перемены в собственных поисковых стратегиях, которые отражают перемены, уже пришедшие de facto в практику этнографических полевых исследований» [9, с. 54].

Но почему «не смогли»? Может быть, не захотели? Освободиться от тех требований, которые предрассудки общества накладывают на антропологию, антропологи хотят. А сами предрассудки трогать никто не хочет. Воли к истине в самом принципиальном вопросе нет. Истина не нужна.

Поэтому и нужно антропологам убеждать себя в том, что ничего не меняется, что все по-старому, что антропологи «грубо здорова». Понять антропологов, которые пытаются убедить себя в том, что все прекрасно в лучшем из миров, можно. Но сама интенсивность этих попыток самовнушения и наигранный оптимизм – симптом кризиса. Новейшая антропология находится в глубоком кризисе. «В теоретическом отношении» новые проекты в современной антропологии «чаще всего опираются на положения разнообразных социально-культурных теорий, выработанных в тех или иных областях за пределами антропологии» [9, р. 51–52]. «Новых идей нет, нет их и на горизонте... Мы пришли к тому, что стерли сами себя. И потеряли смысл нашего существования (raison d'être)» [41, р. 13]⁶.

Разрыв с культуральными исследованиями, провозглашенный антропологией в 1996 г., оказался фатальной ошибкой. При этом не забываем, что подлинной ошибкой, самой большой ошибкой, был отказ от реалистической эпистемологии. Но, если уж эпистемологический поворот совершен, то зонтик культуральных исследований для антропологии был бы более предпочтительным, чем зонтик критической теории. Филологи оказались прозорливее, они с культуральными исследованиями дружат, в «теории литературы» Каллера [7] четвертая часть книги посвящена истории (и теории) дружбы литературоведения и cultural studies. Еще больше отсылок к культуральным исследованиям у Т. Иглтона [5].

Да, проблема есть. Сближение с культуральными исследованиями для дисциплин круга «наук о культуре» непременно ведет к зависимости, к понижению дисциплинарного статуса. Но не к «смерти», как было заявлено в Манчестере в 1996 г. А вот пребывание под зонтиком критической теории может означать именно это.

Понятно, как это будет происходить, точнее, уже происходит. Пример. В 2006 г. появилась известная статья философа Е. Андерсона «Эпистемология демократии» [19]. В ней она уточняет параметры современной демократии с опорой на опыт

демократизации положения женщин в общинах современной Индии. Чем её подход отличается от подходов новейших антропологов? По существу ничем. При этом: Е. Андерсон опирается не на свои полевые наблюдения, а на наблюдения индийских исследователей, своего опыта у неё нет. Еще недавно это воспринималось как большой грех. Но вопрос: насколько опыт академических полевых исследований значим сегодня?

И это еще не все. Сегодня мы живем в мире постколониального сомнения. Оно диктует сомнение в том, что ученый, выросший в европейской культуре, сможет преодолеть ракурс видения мира, навязанный ему его культурой. Отсюда вытекает, что предпочтительнее то описание культуры, например, Индии, которое сделано индийцем. И тогда оказывается, что Е. Андерсон, эпистемолог, делающий свой заключения о жизни индийских женщин на основе данных, предоставленных ей индийскими исследователями, фундаментально эпистемологически более права, чем, скажем, Э. Повинелли, опирающаяся в своих работах о демократии на свой старый полевой опыт. При этом сами исследования, на которые опиралась Е. Андерсон, были выполнены в формате “case studies”, в них не было теоретических обобщений. Но можно несколько не сомневаться, что скоро таких обобщений со стороны представителей вчерашних «наивных» наций будет всё больше. Вопрос: чьи права на знание общество оценит выше? Ответ очевиден. Коль скоро аксиомы постколониализма непререкаемы, то прав на знание о Востоке у белого профессора Колумбийского университета нет и не может быть в принципе. Знать может только сам Восток. Победит восточное знание о правах восточных женщин. Т.е. восточная критическая теория. Зачем к знанию о восточном праве идти через белую антропологию? Это до сих пор делается только потому, что Индия «по умолчанию» является областью интересов антропологов, но эпистемологически это было обеспечено хозяйским правом на всю «наивность». Сейчас самой наивности уже нет. И тогда американская антропология – ненужный балласт. Находясь под зонтиком критической теории, американская университетская антропология оказывается беззащитной от давления с Востока.

Так что если и можно говорить о том, что «антропология может стать мертвой», то именно в таком ключе. Поместив себя под «зонтик» критической теории, антропология сама себя потеряла, «стерла».

Есть еще одна причина, по которой страхи антропологов 1990-х гг. быть поглощенными культуральными исследованиями были напрасны. Дело в том, что лидеры культуральных исследований сами не склонны к такому сценарию. Они не хотят видеть культуральные исследования интегративной дисциплиной, и это желание настолько велико, что ведёт к парадоксам.

Вначале несколько слов о дискуссиях о методе в культуральных исследованиях. Они особенно показательны.

Есть основания описать методологию культуральных исследований как нечто сплошь цельное, интегрированное в единство. Именно так, как «жесткий scientистский методологический канон» преподносит русскоязычной аудитории культуральные исследования В. Куренной [8]. Но сами идеологи культуральных исследований осторожнее. О более или менее строгом методологическом единстве говорит только Н. Колдри [27]. А вот П. Аласуутари в самой культуральной теории видит единство, но в методах видит тотальную плюралистичность, «бриколаж» [18, р. 2]. Ш. Брунсом [25], П. Уиллис [51] далеки от такого плюралистического радикализма, но далеки и от Н. Колдри.

А в обобщенных моделях теории мотив тотального плюрализма господствует. Для Д. Келлнера Cultural Studies – нечто «multi-perspectival» [39, р. 102], т.е. в том числе и нечто мульти-методологичное; для Баркера – «плюралистичное поле противостоящих друг другу направлений» [22, р. 34]; для Макгигана – «insistently plural» [29, р. 1].

Та же тональность определяет понимание дисциплинарного статуса культуральных исследований. Вопрос: может ли научное направление не стремиться к тому, чтобы стать «дисциплиной», «школой»? Нет, не может. Даже представить такое трудно. Особенно выразительно невозможность такого предположения проявляет себя во взгляде на культуральные исследования в России. Так, школой и только школой культуральные исследования являются для В. Куренного с его истовой верой в «методологические каноны». Но и для намного более осторожной Г. Зверевой это так [4]. А вот для С. Холла культуральные исследования никогда не мыслились единой школой. «Мы никогда не были одной школой» [34, р. 244]. Артикулируя запрет на дисциплинарные рамки, Холл готов идти дальше, к парадоксам: “I am not interested in Theory” [34, р. 245].

10 | Отсюда возможность такого определения: культуральные исследования – «недисциплинарная дисциплина» (П. Уиллис).

Почему? Как раз ответ на этот, в принципе, очень сложный вопрос, понятен: от научной строгости приходится отказываться во имя политики. А в плане политики дело обстоит так: у культуральных исследований есть шансы объявить себя лидерами вселенского плюрализма. Плюралистами хотя бы все, гонка за лидерство в этом общем деле задана базовыми параметрами постструктуралистского и постмодернистского дискурсов. Все хотят быть Хранителями «скрижалей» Подлинного Плюрализма. Контроль над плюралистической риторикой – вот великая цель. Культуральные исследования в целом пытаются быть на высоте этой задачи, быть частью делёзовского проекта, быть самой образцовой децентрированной машинкой в ризоматично разбредающем стаде других децентрированных машинок. А что получилось? Спаянная в одно плотное целое система. Жесточайшим образом унифицированная, очищенная от всего постороннего, от всего, что может мешать. Конвейер. Ритмично работающий, работающий. Выдающая одинаковым образом устроенные результаты, сплошь предсказуемые.

Появление в 1995 г. первого номера журнала «Body and Society» было знаком появления новой науки «Body Studies», а еще знаком начала обвального процесса появления множества новых однородных «наук». В рамках нашего размышления нет возможности дать развернутый анализ эпистемологии и методологии новой науки. Но если бы был, то с чего следовало бы начать? Сразу с погружения в проблемы бытия тела? Нет. Гораздо более важным шагом в ситуации анализа этой науки была бы фиксация того, что одновременно с исследованиями телесности появилось еще десять-двенадцать наук, уже по внешним признакам, по названию, очень похожих. И разве не очевиден тогда вопрос: могла ли такая одновременность быть случайной? Нет. Произошел структурный сдвиг более общего порядка, тектонический. И состоялось образование некоего целого, тоже тектонического порядка. Какая-то новая метапарадигма. Вот об этом и нужно говорить. О тектонике. О главном.

А главное удивляет. Ситуация почти парадоксальна: на поверхности – взрыв инноваций, множество новых наук, а внутри – однообразие и простое воспроизводство.

Все новые науки оказываются, во-первых, устроенными единообразно, во-вторых, это единообразие не является оригинальной инновацией, за словами о новых подходах в аналитике угадываются уже отработанные, ставшие канонами схемы.

Первый вопрос: что является теорией? Фуко. В первую и во вторую очередь. «Фуколдианская перспектива продвигает социальный конструкционизм настолько далеко, насколько возможно, прямо к сердцу «естественного» или «биологического», утверждая, что то, что мы знаем о болезни, сфабриковано властью дискурсов, а не открытиями «истин» о теле» [20, р. 35]. Д. Вейнберг [50], Н. Салливан [46] присоединяются. Основоположник академической науки о теле Б.С. Тёрнер дополняет теоретические ориентиры: П. Бурдьё и М. Хайдеггер [48]. Н. Ричардсон и А. Лок сразу помещают режимы теоретизации тела в «фуколдианскую рамку» [43, р. 11, 16]. В той же фуколдианской перспективе рассматривает подходы к телу «бабушка» «исследований тела» С. Бордо [23]. Среди теоретических ориентиров могут появляться имена Ю. Хабермаса, Ж. Лакана, Ж. Бодрийяра, Дж. Батлер и т.п. Все это – вариации того, что мы уже знаем, – критической теории. Т.е. теорией «исследований тела» является «критическая теория».

Та же ситуация в «Fashion Studies» [37; 38]; «Sport Studies» [21; 35]; «Gay and Lesbian Studies» [42]; «Tourism Studies» [47]; «Trauma Studies» [28; 36]; «Memory Studies» [1; 45] и т. д. У всех наук одна и та же теория. По схеме, объявленной Дж. Каллером: новейшим научным гуманитарным дискурсам не нужна своя оригинальная теория. Нужна одна единая Догма на всех. Нужна критическая теория. В принципе на всех хватит одного Фуко (что и происходит).

Поправка. Критическая теория является рамкой самого общего порядка. При этом, как и в антропологии, в реальной исследовательской практике критическая теория дополняется теорией и методами культуральных исследований. Так, главной работой Н. Ричардсона является исследование репрезентаций [44]. А теоретическим фундаментом исследований репрезентаций является культуральные исследования. И тогда его исследование репрезентаций телесности – культуральное исследование в первую очередь. Таковы же известные исследования телесности С. Делэйни [31], Л. Ваканта [49], Л. Энтерлайн [32] и П. Гилберт [33]. И исследования травмы и памяти, например, в современной прозе [24]. «Современные подходы

к моде и методы её изучения... возникли внутри культуральных исследований» [37, р. 6]. Это утверждение справедливо не только для исследований моды, это честная фиксация универсальной закономерности. Во всем множестве новых «наук» о культуре та же ситуация: общая теория и метод берутся в готовом виде в культуральных исследованиях.

И тогда все всерьез. Все сорок новых гуманитарных «наук о культуре» одинаковы! И все вместе образуют системное целое. Все это факультеты в одном департаменте. И имя этому департаменту – «cultural studies».

И тогда культуральные исследования – никоим образом не пасущаяся рядышком со всеми в ризоматичном ползании по плоскости машинка, а некая супермашина, регулирующая деятельность полсотни подчиненных машин. Вся система – хорошо управляемое целое, имеющее центр управления. Как экономика в СССР, управляемая Госпланом. А все гуманитарное знание оказывается гораздо более систематизированным, чем наука в СССР. И тогда центр этого знания больше похож не на АН СССР, а на другое учреждение, из одного романа, называющееся в нем Министерством Правды. А еще в СССР был «научный коммунизм», дисциплина, являвшаяся «вестником» Правды, преподававшаяся в вузах как итог всех «обычных» гуманитарных дисциплин, как синтез. А еще как материнское знание. И начало, и конец. И не совсем наука, и мета-наука. И то, что дает начальный контур всему, и то, что дает итоговый смысл. И то, что изучается в шестом классе, и последний экзамен в вузе. И тогда это очень похоже на роль cultural studies сегодня. Cultural studies – это научный коммунизм эпохи неолиберального активизма, эпохи неоглобализма. Супернаука, отвечающая за методологию и идеологию, одновременно наука и министерство правды. Все вместе очень похоже на то, о чем «Диалектике Просвещения» сказано: «Замкнутый круг между манипуляцией и являющейся реакцией на неё потребностью, делающей все

более плотным и плотным единство системы» [17, с. 150]. Все стратегические процессы в западной гуманитаристике именно в этом направлении и развиваются. Кроме антропологии, почти ровный путь в этом направлении совершило литературоведение. Большой путь в этом же направлении прошла история. На пике риторики о «множестве множественностей» гуманитаристка погружается в состояние порядка, близкого к казарменному. «Метафизический» XIX в. начинает выглядеть радикально плюралистическим в сравнении с тем, что видится в недалеком будущем. Даже во времена господства той или иной методологической программы (например, позитивизма), унификации не было: методологии у всех гуманитарных наук были свои собственные.

Вот поэтому идеологи культуральных исследований и не хотят называть свою науку наукой. Как только они это сделают и признают реальное положение вещей, реальность превращения гуманитарного знания в систему, в регулярно работающий механизм, они сразу же потеряют право на радикально плюралистическую риторику, на слова о том, что их новое знание – тотальная множественность. Множественность есть, но она оказывается регулируемой, за поверхность «ста цветов» – простые механизмы производства многоцветия. Лидеры культуральных исследований догадываются об этом. И эта догадка является для культуральных исследований жутким кошмаром. Вот поэтому они всячески и пытаются откеститься от той роли, в которой оказались. Положение двойственное. И отказаться совсем нельзя, приятно быть все же на вершине власти и контролировать меру рациональности гуманитарных дискурсивных стратегий. Но вслух сказать об этом нельзя. Отсюда и определение культуральных исследований как «недисциплинарной дисциплины». Отсюда и сложности с теорией, отсюда и перипетии «культуральных войн», отсюда ситуация, когда контроль над определением культуры одновременно и нужен, и не нужен.

Список литературы:

- [1] Ассман А. Новое недовольство мемориальной культурой. – М.: НЛО, 2016. – 232 с.
- [2] Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну. – М.: Прогресс, 2000. – 384 с.
- [3] Елфимов А.А. Полилокальная этнография вчера и сегодня: разговор с Д. Маркусом // Этнографическое обозрение. – 2020, № 6. – С. 111–125.
- [4] Зверева Г.И. Культурология как академическая проблема // Вестник РГГУ. Серия «История. Филология. Культурология. Востоковедение». – 2007, № 10. – С. 14–32.
- [5] Иглтон Т. Теория литературы: Введение. – М.: Изд-й дом «Территория будущего», 2010. – 296 с.
- [6] Каган М.С. Введение в историю мировой культуры. Кн. 1. Второе изд. – СПб.: Петрополис, 2003. – 368 с.

- [7] Каллер Дж. Теория литературы: краткое введение. – М.: АСТ, 2006. – 158 с.
- [8] Куренной В. Исследовательская и политическая программа культурных исследований // Логос. – 2012, № 1. – С. 14–79.
- [9] Маркус Дж. О социокультурной антропологии США, её проблемах и перспективах // Антропологические традиции: стили, стереотипы, парадигмы. – М.: НЛО, 2012. – С. 48–67.
- [10] Мостова Л.А. Парадигмы антропологической теории на рубеже XIX–XX и XX–XXI вв. или парадоксы научной динамики // Выбор метода. Изучение культуры в России 1990-х годов. Сборник научных статей. – М.: РГГУ, 2001. – С. 21–27.
- [11] Резник Ю.М. Культурология в системе наук о культуре: новая дисциплина или междисциплинарный проект? // Фундаментальные проблемы культурологии: В 4 т. Т. 1: Теория культуры. СПб.: Алетейя, 2008. – С. 16–30.
- [12] Соколовский С. Зеркала и отражения, или еще раз о ситуации в российской антропологии // Антропологический форум. – 2014, № 20. – С. 143–188.
- [13] Соколовский С. Прошлое в настоящем российской антропологии // Антропологические традиции: Стили, стереотипы, парадигмы. – М.: НЛО, 2012. – С. 78–108.
- [14] Соловей Т.Д. Уйти от науки, где вечно повторяется вчера // Этнографическое обозрение. – 2021, № 3. – С. 186–188.
- [15] Тишков В.А. Откуда и куда пошла российская этнология // Этнологическое обозрение. – 2020, № 3. – С. 72–92.
- [16] Тишков В.А. Реквием по этносу: Исследования по социально-культурной антропологии. – М.: Наука, 2003. – 544 с.
- [17] Хоркхаймер М., Адорно Т. Диалектика Просвещения. Философские фрагменты. – М., СПб.: Медиум, Ювента, 1997. – 312 с.
- [18] Alasuutary P. Researching culture: Qualitative Method and cultural studies. – L.: SAGE, 1995. – 224 p.
- [19] Anderson E. The Epistemology of Democracy // Episteme. V. 3. – 2006, Issue 1. – P. 8–22.
- [20] Annandale E. The Sociology of Health and Medicine. – Cambridge: Polity, 1998. – 289 p.
- [21] Andrews D.L. Posting up: French Post- structuralism and the Critical Analysis of Contemporary Sporting Culture // Handbook of Sports Studies / Ed by J. Coakley and E. Dunning. – L., New Delhi: SAGE Publ., 2000. – P. 106–138.
- [22] Barker Ch. Cultural Studies: Theory and Practice. – L.: Sage, 2000. – 485 p.
- [23] Bordo S. Unbearable Weight: Feminism, Western Culture and the Body. – Berkeley: University of California Press, 1993. – 408 p.
- [24] Boulter J. Melancholy and the Archive. Trauma, History and Memory in the Contemporary Novel. – L., N.Y.: Continuum, 2011. – 208 p.
- [25] Brunsdon Ch. The feminist, the house wife and the soap opera. – Oxford: Oxford Univ. Press, 2000. – 268 p.
- [26] Cool J. The Mutual Co-Construction of Online and Onground in Cyborgnic: Making an Ethnography of Networked Social Media Speak to Challenges of the Posthuman // Human no More: Digital Subjectivities, Unhuman Subjects, and the End of Anthropology / Ed. by N.I. Whitehead, M. Wesch. – Boulder: Univ. Press of Colorado, 2012. – P. 11–32.
- [27] Couldry N. Inside culture: Re-imagining the method of cultural studies. – L.: SAGE, 2000. – 176 p.
- [28] Craps S. Beyond Eurocentrism: trauma theory in the global age // The Future of Trauma Theory: Contemporary Literary and Cultural Criticism / Ed. by G. Buelence, S. Durrant, R. Eaglestone. – N.Y.: Routledge, 2014. – P. 45–62.
- [29] Cultural Methodologies / Ed. by J. McGuigan. – L.: SAGE, 1997. – 224 p.
- [30] Cultural Studies Will be Death of Anthropology / Ed. by P. Wade. – Manchester: GDAT, 1997. – 66 p.
- [31] Delayny S. Impolitic Bodies. Poetry, Saints and Fifteen-century England. – N.Y.: Oxford Univ. Press, 1998. – 256 p.
- [32] Enterline L. The Rhetoric of the Body from Ovid to Shakespeare. – Cambridge, N.Y.: Cambridge Univ. Press, 2004. – 272 p.
- [33] Gilbert P.K. Mapping the Victorian Social Body. – N.Y.: State Univ. of New York Press, 2004. – 245 p.
- [34] Hall S. On Postmodernism and Articulation: An Interview with S. Hall by L. Grossbreg // Hall S. Essential Essays. V. 1. Foundation of Cultural Studies. – Durham, L.: Duke Univ. Press, 2019. – P. 222–246.
- [35] Hargreaves J., McDonald I. Cultural Studies and the Sociology of Sport // Handbook of Sports Studies / Ed by J. Coakley and E. Dunning. – L., N. Delhi: SAGE Publ., 2000. – P. 48–60.
- [36] Ifowodo O. History, Trauma and Healing in Postcolonial Narrative. – N.Y.: Palgrave, 2013. – 238 p.
- [37] Jense H. Locating Fashion Studies: Research Methods, Sites and Practice // Fashion Studies: Research Methods, Sites and Practice. – L., Oxford, N.Y., New Delhi, 2016. – P. 1–18.
- [38] Kawamura Y. Fashion-ology. An Introduction to Fashion Studies. – Oxford, N.Y.: Berg Publ., 2005. – 124 p.
- [39] Kellner D. Overcoming the divide: cultural studies and political economy // Cultural Studies in Question. – L.: Sage, 1997. – P. 102–120.
- [40] Kohl K.-X. Introduce // The End of Anthropology? / Ed. by H. Jebens, K.-X. Kohl. – Canon Pyon: Sean Kingston Publishing, 2011. – P. 1–12.
- [41] Marcus G. The End (s) of Ethnography: Social/Cultural Anthropology's Signature Form of Producing Knowledge in Transition // Cultural Anthropology. – 2008, № 23 (1). – P. 1–14.
- [42] Richardsson D. Rethinking Sexuality. – L.: SAGE., 2000. – P. 192 p.
- [43] Richardson N., Locks A. Body Studies: The Basic. – L., N.Y.: Routledge, 2014. – 145 p.
- [44] Richardson N. Transgressive Bodies: Representations in Film and Popular Culture. – Farnham: Ashgate, 2010. – 246 p.

- [45] Schmidt S.J. Memory and Remembrance: A Constructivist Approach // *Cultural Memory Studies: An International and Interdisciplinary Handbook* / Ed. by A. Erll, A. Nunning. – B., N.Y.: W. De Gruyter Publ., 2008. – P. 191–202.
- [46] Sullivan N. Foucault's Body // *Routledge Handbook of Body Studies*/ Ed. by B.S. Turner. – L., N.Y.: Routledge, 2012. – P. 106–116.
- [47] Tucker H., Akama J. Tourism as Postcolonialism // *The SAGE Handbook of Tourism Studies.* / Ed. by T. Jamal. – L.A., L., New Delhi, Singapore: SAGE Publ., 2009. – P. 504–520.
- [48] Turner B.S. Embodied Practice: M. Heidegger, P. Bourdieu and M. Foucault// *Routledge Handbook of Body Studies*/ Ed. by B.S. Turner. – L., N.Y.: Routledge, 2012. – P. 62–74.
- [49] Wacquant L. Body and Soul. Notebooks of an Ahenice Boxer. – Oxford: Oxford Univ. Press, 2004. – 288 p.
- [50] Weinberg D. Social Constructionism and the Body // *Routledge Handbook of Body Studies* / Ed. by B.S. Turner. L., N.Y.: Routledge, 2012. – P. 144–156.
- [51] Willis P. *The Ethnographic Imagination.* – Cambridge: Polity Press, 2000. – 174 p.

¹ Ср.: при Боасе «американская антропология... напоминала хорошо организованный склад» [10, с. 23].
² Здесь допустимо сказать несколько слов, дополняющих слова Дж. Маркуса и С. Соколовского об особом статусе антропологии среди других гуманитарных дисциплин, об исключительной престижности антропологической работы. Важна в том числе историко-культурная составляющая. Для США антропология – в том числе символ идентичности нации, почти такой же, как Статуя Свободы. У американской государственности есть проблемы и с демократией, и с гуманизмом. Конституция – самая демократичная и самая гуманная в мире, но это не мешало осуществлять политику геноцида по отношению к автохтонным нациям и расовой дискриминации по отношению к афроамериканцам. И американская демократия, и американский гуманизм изрядно подпорчены. Иначе говоря, и демократия, и гуманизм не являются полноценно легитимными. В переводе с языка Вебера на язык Гегеля это означает, что у американской демократии дурная совесть, точнее, большая совесть. Вот эту большую совесть антропологи и лечили. Своей жертвенностью они искупали чужие старые грехи. Творец антропологии, её Мессия, Л.Г. Морган, двадцать лет проживший среди ирокезов, первым прошел путь искупительной Жертвы. Л.Г. Морган – это Христос, искупивший национальную вину белой Америки. Не случайный путь Моргана стал моделью ритуала инициации каждого антрополога. А сам этот ритуал – основной символ идентичности для антропологии. Его продолжатели, антропологи XIX–XX вв., – это апостолы, идущие за Учителем и продолжающие его путь, его дело, дело искупления своей жертвенностью чужих грехов. Поэтому так важны были дорогостоящие экспедиции в заповедные уголки затерянных миров. А в отчетах об экспедициях так важны были не только блокноты со статистикой, но и подлинные свидетельства жертвенности, фотографии «мучеников» (фотографии Б. Малиновского в суровых полевых условиях – любимые символы идентичности антропологов). Антропология как метатекст – это та исповедь, которая обеспечивает индульгенцию на искупление грехов. В зеркале антропологии Америка – лидер всееленского гуманизма. Антропология как институт – гарант этого лидерства. Имя Ф. Боаса, которое встречало еще недавно (сейчас нет) нас на главной странице сайта департамента антропологии Колумбийского университета – символ этого лидерства. Антропология – великий американский национальный бренд. За такой серьезный статусный бренд американская элита была готова платить, платила и продолжает платить. За апостольскую жертвенность в первую очередь. Именно эти настроения американских элит многие годы «выливались в повышенные инвестиции» в антропологию [9, с. 48].

³ Интересная оппозиция: либо «грубое здоровье», либо «Фуко с Лаканом».

⁴ Слова Дж. Маркуса в новейшем интервью: «Административные колеса системы по-прежнему вращаются вокруг оси, привязанной к идее «одинокое этнограф в поле»» [3, с. 120].

⁵ В новом интервью: «Это курьезный анахронизм, антропология, наверное, единственная из всех социальных наук, в которой наблюдается такой разрыв между интеллектуальной и организационной сторонами исследовательского процесса» [3, с. 120].

⁶ Здесь уместно сказать несколько слов о том, как трансфер американской антропологии из реализма в конструктивизм видятся из России, как это повлияло на нашу этнографию. Хорошо видится. Дрейф к конструктивизму в российской этнографии начался с самого начала 1990-х. Но быстрой победы не получилось. Рудевым конструктивистской реформы был все эти тридцать лет академик В.А. Тишков. Тектоническим рубежом в движении к конструктивизму была книга В.А. Тишкова «Реквием по этносу» [16]. Она хорошо обнажает главные проблемы. Самая главная: быстрой победы конструктивизма достичь не получилось, в России с понятием этноса расстаться непросто. По В.А. Тишкову, должна умереть теория этноса, но «не сама этническая реальность» [15, с. 75]. Но тогда конструктивизм В.А. Тишкова оказывается половинчатым, тогда он оказывается оппортунистом, центристом и попадает сразу под две критики, «справа» и «слева». С позиций конструктивизма критикует В.А. Тишкова С. Соколовский [12]. Но В.А. Тишков в целом склонен к оптимизму и не согласен с «приговорами» С. Соколовского [15, с. 91]. Тогда вопрос. Для Тишкова несомненны успехи новой западной антропологии в деле «соединения традиции и модернизации» [15, с. 89]. Где хоть один пример? Успехом такой органики была бы теория. А её нет. Как можно без наличия полноценной теории, в ситуации, когда новейшая антропология испытывает, по выражению Дж. Маркуса, тяжелейший стресс от «глубокого анахронизма», говорить об «успехах»? Где успехи? А о состоянии сегодняшней российской антропологии есть еще и такие слова: это «страх перед будущим» в ситуации «непримлемого настоящего» [14, с. 188].

ЦИВИЛИЗАЦИОННАЯ ПАРАДИГМА АНАЛИЗА И ОПТИМИЗАЦИИ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ МОДЕЛЕЙ

В условиях модификации ключевых параметров европейской культуры особую актуальность обретает проблема корректировки моделей высшего образования с учетом вызовов постнеклассического этапа культуры, перешедшей в стадию постмодерна. «Нервом» современной цивилизации продолжает оставаться научно-технологическая доминанта, обрекающая мир на экстенсивный путь развития, который все чаще признается как тупиковый. «Прометеевскую» концепцию технологического прогресса начинает вытеснять и корректировать усиливающийся антропологический вектор, повышающий человекотворческую миссию гуманитарного образования, обеспечивающего формирование человека как творца и творения культуры. Автор характеризует методологические сценарии динамики образовательных институтов в структуре культуры: формационный, социально-антропологический и цивилизационный, осуществляющий корректировку образовательных моделей в соответствии с ключевыми вызовами времени и базовыми технологическими инновациями, с учетом человекотворческих ресурсов гуманитарной культуры. Осуществляя глубинный анализ ключевых проблем общекультурного характера, цивилизационная методология позволяет вскрыть ресурсы оптимизации антропотворческих функций образования, обеспечивающего воспроизводство ценностно-нормативных доминант, ментальных матриц и критериев идентичности субъекта национальной культуры. Российская цивилизация демонстрирует адаптивно-открытый тип культуры, создающий благоприятные возможности для формирования многомерности и полифонии образовательных теорий и воспитательных систем. Научная новизна представленной концепции состоит в обосновании преимуществ цивилизационной методологии анализа образования как ключевого института культуры, обеспечивающей конструктивную корректировку сегодняшних образовательных моделей в соответствии с ключевыми вызовами времени.

Ключевые слова:

антропологический кризис, институт образования, постиндустриальное общество, ресурсы национальной культуры, цивилизационная методология анализа.

Верховых И.А. Цивилизационная парадигма анализа и оптимизации образовательных моделей // Общество. Среда. Развитие. – 2022, № 1. – С. 14–18. – DOI 10.53115/19975996_2022_01_014-018.

© Верховых Ирина Александровна – аспирантка, Санкт–Петербургский гуманитарный университет профсоюзов, Санкт–Петербург; e–mail: irina.verhovih@mail.ru

В ситуации динамичной смены культурной модели неизбежно возникают противоречия между общественными потребностями и сложившимися моделями образовательных институтов, включая их содержательное наполнение и технологическую оснащенность. Современный институт образования, включая его реформаторские стратегии, в силу своей консервативности, практически не выходит из парадигмы классической рациональности, «в то время как постнеклассическая реальность утверждает принципиально иные ценности, цели, критерии рационального» [1, с. 5]. В условиях растущего противоречия между постнеклассическим типом культуры и ее классической версией особую актуальность получает философско-культурологические исследования института образования, интегрирующие методы и результаты, полученные в рамках широкого спектра гуманитарных наук.

Ключевые вызовы образованию связаны с переходом европейской культуры в стадию постмодерна, которая «выстраивает свое настоящее и будущее на тотальном нигилизме по отношению к великим достижениям предшествующих эпох» [1, с. 6], воспроизводит характерные для языческого этапа истории аксиологические матрицы и поведенческие сценарии, сегмент которых стремительно расширяется под воздействием деструктивной энергетики постмодернистского дискурса и в условиях аномийного пространства интернет-коммуникаций. «Рыночный тоталитаризм» эпохи постмодерна в ее сегодняшней, ультралиберальной версии, уничтожает мотивацию социального участия, лишает общество энергии солидарности и ответственности, приближая «нравственный коллапс» культуры. Симптомом этапа становится антропологический кризис, который девальвирует традиционные жизнен-

ные сценарии, утверждая «свободу от» как высшее благо, лишая энергии и смысла созидательную активность человека, в том числе и в сфере образовательной деятельности.

Разрешение противоречий в институте образования может осуществляться по двум сценариям: либо в режиме «революционных» изменений, отрывающих данный институт от традиционного вектора и логики его развития; либо путем конструктивной адаптации к эволюционным изменениям, но в пределах сложившихся традиций. Вторую стратегию обеспечивает цивилизационная парадигма анализа ключевых проблем и ресурсов образования в большом историческом контексте. Дело в том, что историко-педагогический процесс представляет собой постоянно развивающуюся систему, энергию динамики которой образует взаимодополнение традиций и новаций. В этом плане история образования – это критически выверенная, теоретически обоснованная и кодифицированная система педагогического опыта человечества. Динамика педагогической мысли отражает длительный процесс развития самопознания человечества в периодах его детства, юности, зрелости. И даже опыт ушедших с арены истории «упраздненных культур» становится достоянием человечества, совокупное общественное сознание которого сохраняет основополагающие элементы прошлого. Анализ опыта народов, которые сохранили в образе жизни черты историко-педагогического прошлого, позволяет достаточно достоверно восстановить практики воспитания и образования. С философской точки зрения педагогика имеет дело с особым миром, творимым и создаваемым человеческим интеллектом и душевным талантом – в центре философско-культурологического знания всегда был человек как часть макрокосма. В этом смысле «история педагогики какого-либо народа есть история развития одной стороны народной души – педагогического народного самосознания, которое может вырабатываться лишь самим народом, а высказываться и формулироваться его представителями» [4]. Интерес отечественных и зарубежных ученых к исследованию динамики и функций гуманитарного образования связан с антропотворческими ресурсами данного института, которые меняются в зависимости от мировоззренческого контекста и технологической эволюции человеческой цивилизации. При этом институт образования в цивилизационном контексте,

сохраняя относительную автономию и подчиняясь своим внутренним законам функционирования и развития, находится в постоянном взаимодействии с другими институтами государства и гражданского общества.

Существует несколько методологических сценариев анализа закономерностей и ресурсов динамики образовательных институтов в структуре культуры: а) формационный, исследующий модели образования в контексте смены общественно-экономического типа развития; б) социально-антропологический, осуществляющий анализ доминирующих педагогических стратегий сквозь призму функционирования институтов социализации и инкультурации, обеспечивающих базовые условия становления и развития личности; в) цивилизационный, акцентирующий внимание на совокупности ключевых форм и условий жизнедеятельности человека в их историческом контексте, осуществляющий анализ и корректировку образовательных моделей в соответствии с ключевыми вызовами времени и базовыми информационно-технологическими инновациями, с учетом образовательных ресурсов национальной гуманитарной культуры. Цивилизационная методология анализа фиксирует ключевые проблемы общекультурного характера и выявляет ресурсы оптимизации антропотворческих функций ключевых институтов общества, обеспечивающих воспроизводство определенного типа человека, включая его мировоззренческие доминанты и типичные картины мира, критерии идентичности, систему взаимоотношений с природой, обществом, людьми. Сущность человека в цивилизационном формате анализа предстает в модусе свободы и ответственности, возможностей саморазвития и самореализации (Г.Б. Корнетов). Смена содержания и моделей образования определяется конкретной исторической ситуацией, а тип учебного заведения является в определенном смысле моделью культуры. «Образование есть особого рода культура, специфический феномен жизни социума, предназначенный для передачи опыта поколений, воспроизводства и преумножения всей полноты человеческого бытия. Эволюция идеи образования неразрывно связана с процессом развития культуры, задающей границы поля, в котором осуществляется образовательная деятельность» [1, с. 12].

Концепт «цивилизация» фиксирует устойчивую социокультурную общность,

сохраняющую ценностно-нормативное и ментальное своеобразие в масштабах большого исторического периода [12]. Локальные цивилизации являются либо частью великих цивилизаций, либо предшествующими великим цивилизациям. Цивилизация конституирует предельно общие социокультурные параметры, фиксируя их различия в технологии производства и управления, в моделях межличностных отношений, механизмах регулирования человеческой жизнедеятельности. Это исторически устойчивая совокупность национальностей и этнических групп, связанная общностью культурных ценностей, традиций, критериев идентичности, смыслообразующих сценариев. «Ядро» или «душу» цивилизации составляет «мировоззренческая доминанта» (П. Сорokin), определяющая специфику ключевых институтов, образы человека и мира, смыслообразующие жизненные сценарии. Эпистемологические цивилизационные матрицы делают доступными человеческому пониманию явления и закономерности окружающего мира, они закладывают основы опыта познания системной сущности разрозненных фактов и явлений, закономерностей бытия человека и мира.

Как стадия общественного развития цивилизация (в том числе в ее технологической ипостаси) определяет функции институтов образования и воспитания, а культура обеспечивает их аксиологическую базу и содержательное наполнение. «История педагогики в данном методологическом контексте предстает как циклический процесс возникновения, утверждения, кризиса и смены доминирующего идеала, который зарождается в недрах культуры, получает легитимацию в системе гуманитарного знания (философия, этика, искусство)», обретая «историческую устойчивость» в процессе функционирования института образования [2, с. 218]. Основой существования в цивилизационном контексте педагогических традиций на протяжении длительного времени выступает социокультурная связь и единство духовной жизни «крупномассивной общности», имеющей территориальную привязанность и сохраняющей «длительную преемственность» [4]. Культурологически обоснованный вариант исторической периодизации института образования в контексте европейской цивилизации представлен в работах А.С. Запесоцкого, который выделяет несколько моделей развития университета в соответствии с мировоззренческой доминантой культу-

ры. В частности, теоцентрическую образовательную модель средних веков сменяет антропоцентристская версия культуры эпохи Возрождения, центром которой становится реальный человек с его проблемами и заботами. Затем утверждается естественно-научная, технократическая модель, которая оформляется в конце XVIII века на базе натуралистского культурной доминанты. Система образования советского периода истории утверждает социоцентристскую парадигму, в рамках которой сущность и смысл «части» определяется тем, чему она служит. Содержательную специфику исторически состоявшихся моделей образования определяли характерные черты гуманитарной культуры той или иной эпохи, в том числе философско-культурологической мысли [3, с. 292–293].

«Нервом» современной цивилизации продолжает оставаться научно-технологическая матрица, формируемая системой эпистемических принципов, характеризующих уровень развития научных знаний и технических средств, обрекающая мир на экстенсивный путь развития, который все чаще признается как тупиковый. В то же время прометеевскую концепцию «непрерывного технологического прогресса» начинает корректировать усиливающийся в культуре антропологический вектор, вытесняющий «машинную доминанту» человекообразными информационными технологиями, которые становятся драйвером перехода «ведущей роли от материально-вещественных элементов производства к духовно-идеальным, от овеществленного труда к живому». Человеческий фактор, утверждающий приоритет духовно-нравственной, творческой энергии становится «основополагающим условием развития производства и воспроизводства общественной целостности» [6, с. 14]. Его фундаментальная роль в процессах модернизации повышает человекотворческую значимость гуманитарного образования, миссия которого состоит в воспроизводстве духовно богатой и социально ответственной личности, в формировании морально-нравственного облика человека как творца и творения культуры.

В период перехода с индустриальной на постиндустриальную стадию развития становится заметным усиливающееся влияние культуры на тенденции развития ключевых институтов общества. В отличие от «социоцентрического» индустриального мира (чья динамика была связана в основном с социальными взаимодействиями

ями и противоречиями), человек в постиндустриальном обществе живет в «культурно-центрическом» мире, определяющем характер и мотивацию социальных взаимодействий, специфику «лидеров мнений», формирующих в сетевом пространстве у молодого поколения актуальные смыслообразующие сценарии и др. Но динамика этого мира не всегда вписывается в гуманистические приоритеты. В частности, массовая культура эпохи постмодерна оттесняет или даже поглощает классическую культуру, превращая ее в «музейный экспонат» или в продукт преимущественно досугового потребления. Традиционная «высокая» культура все чаще переходит в социальную резервацию и режим экстравагантной сценической имитации для туристов. Такая ситуация чрезвычайно повышает ответственность образования как института творения человека по образу той культуры, которую он транслирует с помощью педагогических технологий и практик.

Культурология в педагогической ипостаси выделяет три базовых типа цивилизаций: стационарный, адаптивный и динамичный. Российская «педагогическая цивилизация» демонстрирует адаптивный тип культуры, который складывается на базе устойчивых традиций, с учетом специфики национального этоса и ментальности. Практически во все века для данного типа доминирующим был принцип авторитета: воспитательные стратегии выстраивались с опорой на традиции, ритуалы, символы, коллективистскую психологию солидарности, которая блокировала развитие индивидуальности в ее либеральной версии. Однако с начала XIX века в российской педагогической мысли культурно легитимный статус получает идея свободного развития личности (О.В. Архипова). При этом «адаптивно-открытый тип культуры России создавал благоприятные возможности для диалога и взаимобмена педагогическими традициями» [11, с. 52].

Основой для формирования многомерности и полифонии образовательных теорий и воспитательных систем стала полиэтническая природа русского мира, который включает в свой состав культуры десятки других народов и издавна был связан с соседними культурами. Уникальность России как центра евразийской цивилизации состоит в сочетании черт европейского мира и азиатской стихии – именно это позволяет ей претендовать на собственный путь развития, альтернативный западному, господствующему на протя-

жении последних веков. При этом диалог русского мира с европейской культурой способствовал обогащению содержания образования и расширению педагогических практик, гуманизации общественной жизни, в том числе за счет усиления вектора индивидуальности. Конструктивному диалогу способствовали базовые характеристики национальной культуры – ее универсальность, веротерпимость и свобода личности, которые «пройдя через все испытания средневековья, стали основными особенностями европеизма в культуре» [8, с. 181]. Фактором конструктивного диалога с европейским миром стала ценность свободы, глубинно встроенная в христианскую антропологическую матрицу: «но русская культура еще и потому европейская, что она всегда в своей глубочайшей основе предана идее свободы личности» [9, с. 4].

В контексте глобальных цивилизационных сдвигов последних десятилетий гуманитарии все чаще говорят о неадекватности имеющейся системы гуманитарного образования ключевым проблемам и формирующимся общественным потребностям эпохи. В недрах завершающего этапа культуры постмодерна активно формируются сценарии «посткапиталистического будущего», контуры которого пока предельно размыты. «Градус неопределенности» усиливают цифровые технологии, способствующие «культурной энтропии» общества, деформирующие в глобальном масштабе традиционные институты и критерии идентичности. При этом характер и реалистичность того или иного «сценария» будущего зависит от позиции интеллектуальной элиты: продолжить путь «нисхождения» в деструктивные для человека и культуры стихии или способствовать «восхождению» человека к духовным высотам, и прежде всего с помощью института образования. Именно несоответствие института образования вызовам эпохи мотивирует поиск оптимальных образовательных моделей, в том числе на базе цивилизационной методологии, которая, во-первых, осуществляет корректировку приоритетов и технологической составляющей образовательного процесса с учетом базовых характеристик культуры «постнеклассического общества». Во-вторых, существенным условием оптимизации моделей образования в ситуации переживаемого российским обществом антропологического кризиса является востребованность духовно-нравственного потенциала отечественной гуманитарной мысли: ее

18 | подлинно гуманистическая доминанта в трактовке человека, обоснование фундаментальных функций культуры и искусства в информационном обществе становятся значимым ресурсом реабилитации глубинной сущности образования как антропотворческого института – способа *пре-образования* и возвышения природных задатков и возможностей человека. Цивилизационная методология анализа и корректировки образовательных моделей с учетом вызовов времени и ресурсов отечественной культуры способна восстановить генезисную слитность образования и национальной культуры, обеспечить фундаментализацию образовательных парадигм и воспитательных практик с учетом национального этоса и ментальных матриц, обеспечивающих идентичность и социальную тождественность человека, гарантирующих его включенность в смысловой Универсум.

Список литературы:

- [1] Архипова О.В. Идея образования в контексте постнеклассической культуры / Автореф. дисс. ... д. филос. н. – СПб, 2012. – 50 с.
- [2] Запесоцкий А.С. Культура: взгляд из России. – М.: Наука; СПб.: Гуманитарный университет профсоюзов. – 846 с.
- [3] Культурцентристская модель высшего образования. Выпуск 47. Новое в гуманитарных науках. – СПб.: ГУП, 2010. – 288 с.
- [4] Иванов В.В. Культурная антропология и история культуры. – Интернет-ресурс. Режим доступа: <http://kogni.narod.ru/ivanov.htm>
- [5] Каптерев П.Ф. Общий ход развития русской педагогики и ее главные периоды. – Интернет-ресурс. Режим доступа: http://dugward.ru/library/kapterev_pf/kapterev_p_f_obchiy_hod.html
- [6] Корнетов Г.Б. Всемирная история педагогики: антропологический подход // Магистр. – 1997, № 6. – С. 14–15.
- [7] Культурцентристская модель высшего образования. Выпуск 47. Новое в гуманитарных науках. – СПб.: ГУП, 2010. – 288 с.
- [8] Лихачев Д.С. Книга беспокойств. Статьи, беседы, воспоминания. – М.: Новости, 1991. – 529 с.
- [9] Лихачев Д.С. О национальном характере русских // Вопросы философии. – 1990, № 4. – С. 3–6.
- [10] Марков А.П. Западная цивилизация эпохи постмодерна: симптомы заката и сценарии будущего // Культура и образование. – 2021, № 1 (40). – С. 5–13.
- [11] Солодянкина О.Ю. Иностранные бонны и гувернантки в России (середина XVIII – середина XIX вв.). – Череповец: Череповецкий государственный университет, 2006. – 237 с.
- [12] Степин В.С., Толстых В.И. Демократия и судьбы цивилизации // Вопросы философии. – 1996, № 10. – С. 3–13.

«КОРЕННЫЕ НАРОДЫ»: МНОГОМЕРНОСТЬ ПРОБЛЕМАТИЗАЦИИ

Представлен опыт проблематизации понятия «коренные народы», анализируется значительный спектр сложившихся в современной науке интерпретаций терминов «малочисленный» и «коренной» народ, а также ставится вопрос о характере и целях использования этих понятий в различных научных дискурсах и социально-политических практиках. Актуальность такой постановки проблемы связана с тем, что от адекватной или неадекватной интерпретации и правового применения этого термина в значительной мере зависит реальное существование малочисленных народов, направление их ментальных ориентаций, степень и способы защищённости этнокультурной самобытности, явные и скрытые возможности использования этих этносов как акторов в тех или иных политических и экономических целях. Применённые в работе методы позволили показать перманентность миграций народов в разные регионы мира с их последующим укоренением на новой территории и взаимодействием с ранее пришедшими туда народами, выявить целый ряд противоречий в интерпретации вопроса о том, кого следует считать коренными этносами на той или иной территории. Критический анализ применения в современных науках и правовых документах термина «коренные народы» позволил сделать вывод о том, что он не отвечает критериям научного понятия или категории, зачастую он связан с мифоконструированием национальных историй. Его использование как инструмента научного познания и навигатора социально-политических или национальных ориентаций не является эвристически перспективным. В контексте регуляции межэтнических взаимоотношений термин «коренные народы» таит в себе конфликтно-генный потенциал и может выступить опасным оружием в арсенале радикальных сил и тех, кому их действия политически выгодны.

Ключевые слова:

автохтонность, «исконная территория», концепт, коренные народы, малочисленные народы, многомерность проблематизации.

Мосолова Л.М., Бондарев А.В., Зыкин А.В. «Коренные народы»: многомерность проблематизации // Общество. Среда. Развитие. – 2022, № 1. – С. 19–24. – DOI 10.53115/19975996_2022_01_019–024.

© Мосолова Любовь Михайловна – доктор искусствоведения, профессор, Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена, Санкт-Петербург; e-mail: mosolova@mail.ru

© Бондарев Алексей Владимирович – кандидат культурологии, доцент, Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена, Санкт-Петербург; e-mail: avbondarev@mail.ru

© Зыкин Алексей Владимирович – доктор культурологии, доцент, заведующий кафедрой иностранных языков и культуры речи, Санкт-Петербургский государственный аграрный университет, Санкт-Петербург; e-mail: zykinalex@mail.ru

Настоящая работа является логическим продолжением исследования, посвященного концепту «коренные народы» [15; 22], его интерпретации в современной науке и социальной практике. Предыдущие работы представляли собой главным образом теоретическую и методологическую основу и были направлены на историографию и интерпретации. Однако важным также остается вопрос о многомерности данной проблемы, которая, безусловно, является значительной по своей сути.

В указанных выше работах нами была предпринята попытка найти ответ (или же приблизиться к нему) на ряд вопросов: можно ли считать народы планеты, именуемые «малочисленными и коренными», действительно *коренными* (т.е. укоренёнными на занимаемой ими территории); являются ли термины «малочисленный» и «коренной» научными категориями, адекватно отражающими соответствующую сложную этнокультурную реальность; насколько корректно эти термины исполь-

зуются в современных исследованиях межэтнических отношений, правовых документах, общественном и политическом пространстве.

Безусловно, ситуация усложнена и тем, что любое слово, термин или понятие нагружены большим или меньшим спектром значений, имеют некие коннотации, актуализирующиеся в тех или иных социокультурных контекстах. Весь вопрос в том, *кто и в каком направлении* трактует и интерпретирует эти значения, задаёт их «идейно-смысловой аттрактор», «понятийно-силовой вектор», переходя от слов к действиям.

Одним из таких сложных и неоднозначных понятий в современном научном, обыденном, нормативно-правовом и общественно-политическом лексиконе, как мы уже отмечали, выступает термин «коренные народы» («indigenous peoples»).

Между тем от адекватности его понимания или не понимания зависит реальное существование конкретных народов, развитие их культуры жизнеобеспечения и ментальных ориентаций, а также их взаимоотношения с соседями, роль и статус в межэтническом взаимодействии как внутри государства, так и за его пределами¹.

Материалы и методы

Детальный анализ историографии показал, что слово ‘indigenous’ («коренные народы/население») можно найти в юридических документах уже первой половины XVI века **в связи с европейской колониальной экспансией в ходе Великих Географических открытий**. Одним из первых термин «indigenous» ввёл в правовой лексикон Франсиско де Витория (Francisco de Vitoria; ок. 1486–1546)². В русскоязычном политическом, обыденном, научном и правовом лексиконе XVI–XX вв. в отношении нерусского населения Российской государства присутствовали такие понятия, как *«инородцы»* и *«туземцы»* – в них не вкладывалось никаких уничижающих коннотаций, что весьма характеризует именно положительное отношение русских к окружающим народам. В настоящее время в тех же целях, для описания тех же этнических реалий используются разные термины, имеющие в своей основе древнегреческое и латинское происхождение: *«автохтонность»*, *«аборигенность»* и *«индигенность»* (на русском языке все эти термины употребляются преимущественно в узкоспециальной научной литературе). Но что такое автохтонность, аборигенность, или индигенность? Эти

слова хоть и являются в обыденной речи синонимами, однако далеко не во всех случаях и смыслах. В современном международном праве эти термины, к примеру, в англоязычном пространстве, или в испанском и французском языках, используются по-разному, с целым спектром значений и нюансами коннотаций (например: «indigenous», «aboriginal», «native» people, «First peoples», «First Nations», «Aboriginal peoples», «autochthonous peoples»). Когда же эти слова превращаются в юридические термины, то возникают различные законодательные нормы, влекущие за собой определённые права и обязанности, преимущества и возможности этих народов.

Обращаясь к «кустам» первичных значений и проведя сравнительный терминологический анализ, а также контекстуальную интерпретацию указанного понятия, отметим, что именно смысл слов «корень», «коренной», являются той прочной основой, тем базисом, на котором держатся последующие исторические метаморфозы и трансформации этих слов, а также содержания определений. Прилагательное «коренной» в отношении к этносам стало использоваться в переносном, метафорическом смысле – *исконный, первичный, устойчивый и постоянный*. Речь шла о народах, существование которых на определенной территории «уходит корнями» в древность или средневековье, которые прежде других «пустили корни», укоренились на той или иной территории нашей планеты. Детально данные векторы рассмотрены нами в предыдущей работе [15].

Результаты

Перейдем к многомерности проблематизации предмета исследования и рассмотрим некоторые важнейшие, с нашей точки зрения, аспекты понятия «коренные народы» в этом русле.

Эпистемологическая проблематизация: прежде всего это сам вопрос о научных критериях «укоренённости». Чем «коренные» народы отличаются от всех прочих народов? Что это за свойство – *«быть коренным»*? Что подразумевается под «укоренённостью»? Исконность проживания на данной территории? Первичность её заселения? Какой этнос по отношению к какому нужно считать *коренным*? Кого следует считать *первичным* населением на той или иной конкретной территории, где сейчас живут народы, называемые «коренными»? Кроме того, не понятно, являются ли «коренными» только «малочисленные» народы или «укоренённость» распростра-

няется также и на «многочисленные» народы? Тогда какую численность и на каких основаниях следует считать объективным критерием для наделения статусом «коренного малочисленного народа»? Каково значение самоидентификации и самоопределения для обоснования представления народа как «коренного»? Может ли одно определение отразить все многообразие коренных народов различных районов мира? К эпистемологическому блоку проблематизации примыкает широкий и наиболее часто обсуждаемый в специальной литературе круг *терминологических спорных вопросов*: как соотносятся термины «народы» («этнотысы») и «коренные народы», «коренные народы» и «коренное население», «коренные народы» и «этнические меньшинства», «коренные народы» и «не самоуправления территории», «коренные народы» и «самобытные этнотысы»?

Географическая (пространственная) проблематизация: все народы Земли являются коренными народами нашей планеты, поэтому в каких пределах надо перемещаться, чтобы оставаться «коренным», а за этими границами оказаться «переселенцем»? Как измерять это перемещение – в метрах, километрах или тысячах километров? Что будет критерием того, что первопоселенцы действительно «пустили ли корни» на данной территории и что эта земля стала «исконной» зоной их обитания? Какой должен быть масштаб перемещения, чтобы перестать быть в некой территории *коренным* и стать *мигрантом*?

Темпоральная (временная) проблематизация: согласно современным научным данным, все люди-представители вида *Homo Sapiens* произошли из северо-восточной Африки, а затем распространялись несколькими волнами по всему земному шару. Соответственно возникает вопрос: кого считать «исконными» и «коренными»? В какой момент появляются «коренные» народы в сравнении с «некоренными»? Следует ли считать «исконными» и «коренными» лишь только те аборигенные племена, которые **впервые** пришли на ту или иную **прежде незаселенную человеком** территорию? Доподлинно известно, что расселение людей относится к очень далёким временам, лишь острова Тихого океана и Антарктика оставались незаселёнными человеком до начала новой эры. Но тогда как можно вычислить прямых потомков этих первобытных первопроходцев, да и есть ли они вообще? Может ли один и тот же этнос существовать ты-

сячи, а то и десятки тысяч лет? Или, говоря о «коренных народах», имеются в виду уроженцы определённой местности, застигнутые на ней европейской колонизацией и зафиксированные в исторических источниках? Либо существуют какие-то иные хронологические способы идентификации и обоснования статуса «укоренённости»? Всё это подводит к постановке такого проблемного вопроса: сколько времени нужно прожить на той или иной «исконной» территории, чтобы считаться «коренным народом»? Какую вообще дату, хронологический рубеж или исторический период (и на основании чего?) следует брать за точку отчёта, чтобы рассматривать те или иные народы в качестве «коренных» и «исконно» населяющих данную местность?

Субъект-объектная проблематизация: кто должен считать данный народ «коренным» – сам этот народ, другие народы его воспринимать в качестве такого, либо органы власти в стране его проживания или некие международные надгосударственные институты, некие транснациональные корпорации, либо все вместе? Кроме того, насколько сцеплено представление о «коренном» статусе с самим человеком, конкретным представителем того или иного «коренного малочисленного народа»? В случае межэтнического брака утрачивает ли один из супругов свой статус представителя «коренного народа» (например, муж) или, наоборот, этот статус приобретает и второй член супружеской пары (например, жена), не являющейся уроженкой «коренного народа»? Или рассмотрим этот же вопрос персональной сцепленности «коренного» статуса в пространственном отношении: например, один из авторов данной статьи является урождённым представителем шорского этноса (тюркоязычного «коренного малочисленного народа» в юго-восточной части Западной Сибири), сейчас проживает и работает в Санкт-Петербурге, возникает вопрос: утрачен ли в таком случае его статус представителя «коренного народа»? И если да, то когда, как и на каком расстоянии от Горной Шории это «укоренённое» качество было им утрачено? Иными словами, в какой степени персонализируется «укоренённость» или же этот статус имеет отношение лишь исключительно к целому народу, пребывающему на своей «исконной земле» и сохраняющему традиционную культуру? Сращивается ли статус «коренного народа» с тем или иным его представителем, конкретной личностью,

и человек с ним путешествует, оставаясь по всему миру коренным?

Функциональная проблематизация: для чего вообще нужен статус «коренного народа»? Если для преодоления исторической несправедливости колониализма, то в какой мере международное сообщество в состоянии это исправить, обеспечив коренным народам права, которые жизненно необходимы для сохранения их идентичности и содействия их экономическому, социальному и духовному развитию при признании их права на своеобразие и уважение к этому своеобразию?

Кто и в каких целях может статус «коренного народа» представлять, использовать, отстаивать и т.д.? Это должно быть выражение внутренних этнических потребностей «коренного народа»? Если да, то в каких формах? Кто имеет право говорить от имени коренного народа? В какой мере коренной народ могут представлять его национальные активисты и энтузиасты, те или иные национально-культурные ассоциации, этнические общины и т.д.? Или эти интересы должны выражать государства, где данные коренные народы проживают? Или права «коренных народов» представлять, использовать и отстаивать неправительственные организации, транснациональные корпорации и т.д.?

Несмотря на то что в последнюю минуту в Декларацию о коренных народах ООН было добавлено положение о территориальной целостности и политическом единстве суверенных и независимых государств, не дает ли статус «коренного народа» правовую лазейку для запуска сепаратистских тенденций внутри суверенных государств и вмешательства третьих сил во внутренние дела того или иного государства, связанные с урегулированием реальных или мнимых проблем некоего «ущемленного» «коренного народа»? Насколько разрушительными для национальных государств может оказаться реализация прав коренных народов? В настоящее время «индигенный дискурс» бросает вызов национальным государствам сразу на двух уровнях: макроуровне – международных организаций коренных народов, основанных на транснациональной солидарности, и микроуровне – локальных этнических общин, землячеств, национально-культурных ассоциаций и сообществ этноактивистов и т.д. [11; 13]. Имплементированные в российские законодательные документы и юридическую практику термины «коренной» и «малочисленный» народ зачастую принимаются авторами научных текстов

и правовых документов без должного рефлексивного осмысления, хотя порой отмечается, что они не тождественны, часто противоположны по сути и используются нередко в спекулятивных и политических целях (см., напр., работы J.S. Anaya [17], W.M. Bradford [18], J. Clifford [19], А.Х. Абашидзе, Ф.Р. Ананидзе [1–3], Р.Ш. Гарипова [4; 20], П.В. Гоголева [5; 6], С.Н. Горбунова, А.Б. Досакаева, М.Ю. Задорина, В.А. Кряжкова [7–9; 21], Д.А. Кудряшова, М.С. Куропятник [10; 12], В.П. Маркова, Н.В. Минченко, М.А. Митюкова [14], Н.А. Лопуленко, В.Л. Лютцера, А.А. Попова и др.)

Политико-правовая проблематизация: какие политические, социальные, экономические и юридические права и обязанности, выгоды и ограничения, возможности и преимущества подразумевает статус «коренного народа»? Какие народы законодательно получают статус коренных и есть ли для этого объективные и убедительные критерии? Какие политико-идеологические модели лежат в основе этнического статуса коренных народов? И какие проблемы могут возникнуть при восстановлении в правах на территорию или распределении льгот коренным народам? Являются ли, например, русские «коренным» народом России? Или «коренные народы» лишь те, кто обитал здесь до возникновения России? Правоммерно ли разграничивать этносы на «коренные» и «некоренные» между теми, кто живет в национальных республиках России и другими, обитающими в иных административных образованиях страны? Всю остроту проблемы коренных народов и их правового статуса придает именно «укоренение» людей на некой территории, на которую они или их предки пришли «предпоследними» (известно ироничное «определение» коренных народов как «потомков предпоследних завоевателей»), сама примордиальная привязка народа к почве, заставляющая нас вспомнить И.Г. Гердера и его романтическое определение народа как «единства крови и почвы», дискредитированное идеологами нацизма. Как быть с теми коренными народами, у кого обманом или подкупом местных элит отняли право на родную землю?

Культурологическая проблематизация: некоторые исследователи, в том числе Хосе Р. Мартинез-Кобо, полагают, что «коренной народ состоит из нынешних потомков народов, которые проживали на нынешней территории всей или части какой-либо страны в момент, когда на неё прибыли из других частей мира лица дру-

гой культуры и этнического происхождения, которые покорили их и поставили в зависимое положение путем завоевания, колонизации и других средств...» [16]. Следует ли из этого, что претенденту на статус «коренного народа» необходимо быть слаборазвитым, кем-то завоёванным и угнетенным другим «доминирующим» этносом? Воспроизводят ли «коренные народы» только доиндустриальные типы общества и культуры, типы ментальности и художественной деятельности? Ряд исследователей считает, что «коренные народы» отличает «мы-сознание» принадлежности именно к этому типу народонаселения на Земле – от индейцев навахо в Северной Америке до чукчей на российском севере, от лапландцев Скандинавии до бушменов Южной Африки и т.п. Является ли такое «мы-сознание» фундаментальным признаком общности малочисленных народов мира или любого этноса?

Выводы

Подводя предварительный итог, зададим вопрос: относится ли статус «коренного народа» лишь только к этносам, пребывающим на своей «исконной земле» и сохраняющим свою самобытную культуру,

традиционный образ жизни и систему хозяйствования? Если да, то тогда на какой момент времени и в какой степени «аутентичности» следует оценивать «самобытность» культуры, «традиционность» образа жизни и системы хозяйствования, ведь культура любого народа меняется и вовсе не только из-за внешних влияний, связанных с колонизацией, научно-техническим прогрессом и т.д.

В заключение отметим, что культура тех народов, которых именуют «коренными», в каждом случае интересна и оригинальна. Их образ жизни, нравы и обычаи, систему жизнеобеспечения можно назвать традиционными, своеобразными, самобытными, но отнюдь не примитивными. Оговорить последнее необходимо, поскольку еще нередко бытует мнение о существовании народов, «одаренных» способностью воспринимать цивилизацию и лишенных этой способности, более культурных и менее культурных, высокоорганизованных и примитивных. Подобная сортировка народов не просто абсурдна, но и безнравственна, ибо за «примитивностью» той или иной культуры скрывается либо обывательская невежественность, либо этноцентрический снобизм.

Список литературы:

- [1] Абашидзе А.Х. Организация Объединенных Наций и защита прав коренных народов: монография. – М.: РУДН, 2010. – 228 с.
- [2] Абашидзе А.Х., Ананидзе Ф.Р. Обеспечение прав коренных народов в соответствии с международным и национальным правом : сборник актов / Авт.-сост. А.Х. Абашидзе, Ф.Р. Ананидзе, Д.А. Гугунский, Д.А. Круглов, А.М. Солнцев. – М.: РУДН, 2017. – 448 с.
- [3] Абашидзе А.Х., Ананидзе Ф.Р. Правовой статус меньшинств и коренных народов. Международно-правовой анализ: монография. – М.: РУДН, 1997. – 224 с.
- [4] Гарипов Р.Ш. Эволюция прав коренных народов в международном праве: от геноцида до декларации ООН // История государства и права. – 2013, № 7. – С. 45–48.
- [5] Гоголев П.В. Проблемы институционализации этнического (аборигенного) права и систематизации законодательства субъектов Российской Федерации // Вестник Сургутского государственного университета. – 2020, № 4 (30). – С. 61–66.
- [6] Гоголев П.В. Юридические основания систематизации законодательства субъектов Российской Федерации в области защиты прав коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока / П.В. Гоголев // Право в контексте устойчивого развития Арктики: вызовы времени и новые возможности : сборник материалов международной научно-практической конференции, посвященной 100-летию доктора юридических наук, профессора Михаила Михайловича Федорова, Якутск, 17–21 ноября 2020 года. – Казань: Бук, 2021. – С. 289–293.
- [7] Кряжков В.А. Дело о традиционной охоте, или Первый опыт защиты прав коренных малочисленных народов в Конституционном суде России // Анализ российской и зарубежной правовой базы, международно-правовых актов, а также правоприменительной практики в области защиты прав коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации. – М.: Издание Государственной Думы, 2019. – С. 232–247.
- [8] Кряжков В.А. Оправдала Ли Конституция Российской Федерации ожидания коренных малочисленных народов? // Уральский форум конституционалистов : Материалы четвертого Уральского форума, Екатеринбург, 01–06 октября 2018 года / Отв. редактор М.С. Саликов. – Екатеринбург: Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Уральский государственный юридический университет», 2019. – С. 96–102.
- [9] Кряжков В.А., Гарипов Р.Ш. Конвенция МОТ 169 и российское законодательство о коренных малочисленных народах // Государство и право. – 2019, № 9. – С. 52–64.
- [10] Куропятник А.И., Куропятник М.С. Саамы: контексты и интерпретации социальных и культурных изменений // Сибирские исторические исследования. – 2017, № 4. – С. 226–229.

- [11] Куропятник М.С. Индигенность в контексте глобализации: эпистемологический и социокультурный аспекты // Вестник РУДН. Серия: «Социология». Vol. 19. – 2019, № 3. – С. 387–396.
- [12] Куропятник М.С. Коренные народы в контексте культурной непрерывности // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. Т. 16. – 2016, № 4. – С. 769–776.
- [13] Куропятник М.С. Коренные народы в процессе социокультурных изменений / Дисс. ... д. соц. н. – СПб., 2006. – 360 с.
- [14] Митюков М.А. Конституция и Федеративный договор: проблемы соотношения (политико-правовые дискуссии начала 90-х годов). – М.: Проспект, 2019. – 312 с.
- [15] Мосолова Л.М., Бондарев А.В., Зыкин А.В. Концептуализация понятия «коренные народы»: историография, интерпретации // Вестник гуманитарного образования. – 2021, № 4 (24). – С. 50–59.
- [16] ООН, документ E/CN.4/Sub.2/L/566 от 29.06.1972. – Интернет-ресурс. Режим доступа: <https://undocs.org/pdf?symbol=ru/E/CN.4/Sub.2/1986/7/Add.4> (01.02.2022)
- [17] Anaya J.S. *Indigenous People in International Law / Second Edition.* – Oxford University Press, 2004. – 396 p.
- [18] Bradford W.M. *The Struggle for Recognition: Comparing the Rights of Indigenous Peoples and Minority Groups in International and Domestic Law.* – Ottawa: University of Ottawa, 2002.
- [19] Clifford J. *Returns. Becoming Indigenous in the Twenty-First Century.* – Cambridge: Harvard University Press, 2013. – 376 p.
- [20] Garipov R.S. Indigenous Peoples' Rights Providing By International Legal Tools // *Astra Salvensis.* V. 5. – 2017, № 10. – P. 17–26.
- [21] Kryazhkov V.A., Garipov R.S. ILO 169 Convention as a vector for the aboriginal legislation development in Russia // *International Journal of Human Rights.* – 2020. – Интернет-ресурс. Режим доступа: <https://doi.org/10.1080/13642987.2020.1804371> (01.02.2022)
- [22] Mosolova L.M., Bondarev A.V., Zykin A.V. «Indigenous peoples» as a concept of scientific and educational discourses: terminology and interpretation problems // *Psychology and Education.* Vol. 58. – 2021, № 3. – P. 31–50.

¹ Источниковую базу исследования формируют международные договоры, различные документы ООН: резолюции Генеральной Ассамблеи, Совета Безопасности Организации Объединенных Наций, Совета по правам человека, значительный массив аналитической документации Рабочей группы и Экспертного механизма по правам коренных народов ООН, а также других организаций международных и иных уровней, связанные с изучаемой проблемой, а также национальные законодательства государств, прежде всего Российской Федерации.

² По мере осознания масштаба открывавшихся путешественниками территорий и обнаружения там многочисленного туземного населения, в самой Европе стали вспыхивать дискуссии: кому эти земли должны принадлежать и как относиться к аборигенам? Одно из документальных свидетельств такого рода полемики – юридические трактаты Франсиско де Витории «De Indis» и «De Jure belli Hispanorum in barbaros» (1532 г.). В этих работах в связи с доктриной Terra Nullius им обсуждается законность притязаний и захвата европейскими державами земель в Новом Свете. Позиция Франсиско де Витории заключалась в том, что европейские державы не имели права присваивать себе земли в Америке, поскольку они уже были населены и находились под контролем индейцев, являющихся там «indigenos» («коренным народом», т.е. местным населением). Впоследствии во время вальядолидских дебатов 1550–1551 гг. об основах колониальной политики по отношению к аборигенам Нового Света эти взгляды де Витории отстаивал и развивал его последователь Бартоломе де лас Касас (Bartolomé de las Casas 1484–1566), прославившийся в веках благодаря самоотверженным протестам против зверств испанских колонизаторов в отношении коренного населения Нового Света, защите интересов угнетенных индейцев и восхищенному изучению их самобытных культур.

Рискиём предположить, что в архивах Папского Престола в Ватикане («Archivum Apostolicum Vaticanum», в том числе и «Archivum Secretum Vaticanum») можно также найти немало документов, в которых поднимается тема «indigenos».

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ ПРОВЕДЕНИЯ КУЛЬТУРНОЙ ДИПЛОМАТИИ КИТАЯ В РОССИИ

Статья посвящена изучению сложностей и проблем, с которыми Китай сталкивается при проведении культурной дипломатии в России, а также предлагает способы их преодоления или смягчения. Автор отмечает, что в процессе укрепления всеобъемлющего стратегического сотрудничества между Китаем и Россией сотрудничество в области культуры наряду с политическим взаимодействием и торгово-экономическими связями рассматривается в качестве третьего столпа двусторонних отношений. Показано, что масштабы культурного сотрудничества между двумя странами постоянно растут и вступили на путь институционализации. Подчеркивается, что по-прежнему существует большой разрыв между культурным восприятием друг друга китайским и российским населением, с одной стороны, и, с другой стороны, нынешним высоким уровнем политического взаимного доверия. Автор предлагает возможные пути смягчения существующих проблем, с которыми Пекин сталкивается при проведении культурной дипломатии в России.

Ключевые слова:

Китай, китайско-российские отношения, культурная дипломатия, культурный обмен, мягкая сила, Россия.

Ян Цзые. Некоторые проблемы и перспективы проведения культурной дипломатии Китая в России // Общество. Среда. Развитие. – 2022, № 1. – С. 25–29. – DOI 10.53115/19975996_2022_01_025-029.

© Ян Цзые – аспирант, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург; e-mail: ziyee657579889@gmail.com

Культура государства и его внешняя политика тесно взаимосвязаны друг с другом. Культура оказывает достаточно сильное влияние на внешнюю политику страны. Так, американский ученый Джон П. Ловелл указал, что «Люди растут в культурной атмосфере и находятся под влиянием своих основных ценностей, обычаев и убеждений... В каждой этнической группе само правление и формулирование внешней политики происходят в определенном культурном контексте» [4]. Культурные установки и особенности играют роль при оценке международной ситуации, артикулировании роли, статуса и целей государства, определении национальных интересов и формулировании внешней политики страны.

Культура и дипломатия – это две разные формы человеческой деятельности. Культура – это высокосортное искусство, которое воспитывает чувства и улучшает темперамент, в то время как дипломатия – это политический процесс, который направлен на решение конкретных проблем между странами и преследует краткосрочные выгоды. Но сегодня люди объединяют культуру и дипломатию, чтобы сформировать новый дипломатический метод – «культурную дипломатию», и придают ей все более важный статус. Термин «культурная дипломатия» появился в 1930-х годах

и был введен в научный оборот американским исследователем Ф. Баргхорном. Согласно его определению, культурная дипломатия – это манипуляция культурными материалами и кадрами в пропагандистских целях [9].

В современном мире все больше и больше стран приходят к осознанию того, что культурная дипломатия является важным средством реализации их национальных интересов и стратегий. Культурная дипломатия является невидимой силой и важным проявлением мягкой силы страны. Культурные обмены в рамках традиционной дипломатии обычно существуют как ее вспомогательное средство. С ростом и развитием глобализации культурная дипломатия приобрела новые коннотации, статус и ценности и стала наиболее эффективным средством международной конкуренции в области культурной мягкой силы. Культурная дипломатия стала не только «третьим столпом» внешней политики страны, но и ядром общей дипломатической стратегии государства.

Китай – страна с многотысячелетней историей и культурными традициями. С начала реализации Пекином политики «реформ и открытости» за прошедшие четыре десятилетия Китаю удалось существенно нарастить свою экономическую и военную мощь, однако для достижения

магистральной цели Китая, состоящей в достижении «великого возрождения китайской нации» и превращения Китая в настоящую глобальную державу крайне важно проводить культурную дипломатию в целях усиления мягкой силы государства.

В 2019 г. исполнилось 70 лет со дня основания Китайской Народной Республики и 70-летие установления дипломатических отношений между Китаем и Россией. На торжественном вечере, посвященном 70-летию установления дипотношений между Китаем и Россией, председатель КНР Си Цзиньпин отметил, что за 70 лет китайско-российские отношения стали весьма зрелыми, стабильными и крепкими [7]. На этом фоне «Совместное заявление Китайской Народной Республики и Российской Федерации о развитии отношений всеобъемлющего партнерства и стратегического взаимодействия», подписанное главами государств двух стран в том же году, заложило новую модель отношений между Китаем и Россией [8]. С 2016 по 2021 гг. две страны провели 5 китайско-российских медиа-форумов. На форумах совместно обсуждались основные темы двух стран, что углубило осведомленность и понимание культур друг друга среди народа двух стран [3]. В этой связи Китай и Россия вступили в новую эру более дружественного сотрудничества.

Будучи соседними странами, Китай и Россия имеют дипломатическую историю, насчитывающую более 400 лет, и постепенно сформировали очень прочные политические и экономические связи с частыми обменами во многих областях. В крупномасштабных мероприятиях национального уровня «национальный год», «год языков», «год туризма», «год дружественных молодежных обменов» и «год СМИ», которые Китай и Россия постоянно проводят друг с другом в последние годы, значительная доля приходится на культурные мероприятия [13].

Правительства Китая и России придают большое значение культурным обменам и сотрудничеству в области культуры. В процессе совместной организации мероприятий по культурному обмену между двумя сторонами народы двух стран расширили свое понимание культурных традиций и особенностей друг друга.

Культурная дипломатия стала важным каналом укрепления политических связей между Китаем и Россией. Более того, культурная дипломатия Китая в России способствует развитию экономических и тор-

говых отношений между двумя странами. С 1980-х гг. экономическая мощь Китая постоянно растет, и он налаживает более тесное экономическое сотрудничество со странами по всему миру. Китайско-российские торгово-экономические отношения также динамично развиваются. С 2011 по 2021 гг. доля Китая во внешней торговле России неуклонно росла, и Китай является крупнейшим торговым партнером России 11 лет подряд. Россия стала десятым по величине торговым партнером Китая. Согласно статистике, за два года, прошедшие с момента вспышки эпидемии коронавируса, в 2020 г. двусторонний товарооборот между Китаем и Россией составил 110,777 млрд долл., что свидетельствовало о превышении психологической отметки в 100 млрд долл. на протяжении трех лет подряд [12]. В 2021 г. объем китайско-российской торговли достиг исторического максимума в 147 млрд долл.

Важную роль в наращивании торгово-экономических отношений между двумя странами сыграла и культурная дипломатия. Развитие культурной дипломатии не ограничивается лишь культурными обменами и сотрудничеством, но может также охватывать такие области, как наука и техника, образование, литература и художественное сотрудничество. Сотрудничество в этих областях может эффективно способствовать развитию смежных отраслей. Например, в июне 2021 г. 11-я российско-китайская ярмарка культуры и искусства была успешно проведена в приграничных городах Благовещенске и Хэйхэ. Эта ярмарка была только литературным и художественным шоу-проектом в 2010 г., а теперь расширила продвижение культурного туризма, продвижение инвестиций, онлайн-торговлю и т.п. [5]. Это ежегодное мероприятие не только углубило понимание народами двух стран культур друг друга, но и способствовало развитию торговли между двумя странами.

Таким образом, культурная дипломатия Китая в России в форме торговли продуктами народной культуры и торговой деятельности может укрепить всестороннее дружественное сотрудничество между Китаем и Россией. Это также может способствовать процветанию и развитию культурной торговли, которая может принести долгосрочные выгоды.

Проведению Китаем культурной дипломатии в России способствует целый ряд факторов. Во-первых, китайско-российские отношения в настоящее время находятся в лучшем периоде своего исто-

рического развития. С момента заключения отношений всеобъемлющего партнерства и стратегического взаимодействия между Китаем и Россией в 2019 г. до июня 2021 г. обе страны объявили о продлении «Договора о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве между Россией и Китаем» [6]. Поэтапное политическое позиционирование между странами не только указывает направление развития китайско-российских отношений, но и предоставляет обеим сторонам политические гарантии для осуществления экономического, торгового и культурного сотрудничества на более высоком уровне. Во-вторых, правительства России и Китая придают большое значение двусторонним культурным обменам. В апреле 1996 г. две страны создали механизм регулярных встреч премьер-министров Китая и России. Этот механизм в основном охватывает все области китайско-российского сотрудничества и является механизмом консультаций на самом высоком уровне, наиболее полной организационной структурой и наиболее обширными областями зарубежного сотрудничества Китая. Он обеспечивает стабильную и эффективную институциональную основу для сотрудничества между Россией и Китаем.

Хотя Китай и Россия достигли хороших результатов в области культурных обменов, все еще существует много проблем в дальнейшем развитии культурной дипломатии Китая в России.

Во-первых, различия в географическом положении и в исторических обстоятельствах создают определенные различия в культурных особенностях Китая и России. Географическая среда – основа, от которой зависит выживание и развитие человечества. Различные географические условия позволили разным регионам и разным этническим группам сформировать свой собственный культурный дух. Китай расположен в Восточной Азии, на огромной территории и на большом удалении от западных цивилизаций. С древних времен фермерская общественная жизнь в замкнутой географической среде и богатых природных условиях позволяла китайцам формировать дух привязанности к своей Родине, смирения и благоразумия, а также трудолюбия. Но с другой стороны, у китайцев есть недостаток: они довольствуются существующим положением вещей и придерживаются правил. Это тоже является причиной, почему китайцы в России всегда создают у россиян ощущение таинственности, не любят об-

щаться с другими и слишком скромны. В то же время, обширная территория, уникальные природно-географические особенности и природные условия наделяют русский народ несгибаемой волей. Русские более предприимчивы и обладают сильной способностью воспринимать новое. Но для некоторых китайцев это создает ощущение больших перемен и недостаточной стабильности. Различия в культурном духе приводят к тому, что Китай и Россия имеют разные взгляды и ценности, что затрудняет Китаю проведение культурной дипломатии в России.

Во-вторых, национальные интересы являются основополагающей отправной точкой для правительства в осуществлении дипломатической деятельности на международной арене. В последние годы, с ростом комплексной национальной мощи Китая, в международных СМИ начала все сильнее распространяться теория «китайской угрозы». В России эта теория получает развитие в контексте опасений россиян относительно того, что Китай экспортирует большое количество товаров в Россию, что сократит пространство для отечественных товаров на российском рынке и окажет негативное влияние на российскую экономику [1]. Присутствуют среди части россиян и опасения относительно того, что миграция китайского населения в Россию окажет влияние на местную ситуацию, особенно на Дальнем Востоке. Также некоторые россияне считают, что эксплуатация российских природных ресурсов китайскими компаниями угрожает экологии Сибири и Дальнего Востока [1]. Распространение в России теории «китайской угрозы» также отчасти затрудняет Китаю проведение культурной дипломатии в России, ставит перед китайской культурной дипломатией новые задачи и вызовы.

В-третьих, поскольку индустрия культуры в Китае появилась достаточно поздно, китайские культурные продукты пока относительно слабы в плане международной конкурентоспособности. В 2017 г. на культурную индустрию США приходилось около 17% ВВП, Японии – 20%, а средний показатель по ЕС превысил 13%. В 2019 г. на культурную и смежные отрасли Китая приходилось всего лишь 4,5% ВВП Китая [10].

Указанные вызовы и проблемы, с которыми Китай сталкивается в процессе проведения культурной дипломатии в России, могут быть преодолены или смягчены путем принятия ряда мер и иници-

атив. Во-первых, большее внимание при развитии китайской культурной дипломатии следует уделять китайским неправительственным организациям. Поскольку неправительственные организации обладают характеристиками большей доступности для широких масс в стране целевой аудитории, у них больше шансов завоевать доверие и признание общественности других стран. Поэтому в проведении культурной дипломатии в России Пекину следует оказывать активную поддержку и предоставлять гарантии китайским неправительственным организациям. Правительство должно регулярно вкладывать капитал в культурные обмены, чтобы обеспечить их нормальное функционирование.

Во-вторых, Китаю следует готовить больше междисциплинарных специалистов в области культурной дипломатии. Как правило, междисциплинарные специалисты имеют обширный опыт, широкие знания в области культуры, универсальность в навыках с большим потенциалом для развития, а также личность, характеризующуюся гармоничным развитием и творческими способностями [11]. Развивая способности людей в области дипломатических отношений с Россией, необходимо уделять внимание развитию инновационных способностей и практических навыков, а не ограничиваться чисто теоретическими знаниями из книг. Необходимо усилить развитие коммуникативных и практических навыков китайских дипломатов в области культурной дипломатии с Россией. Исходя из этого, нужно развивать профессиональные таланты переводчиков в России. Потому что китайские междисциплинарные специалисты в области культурной дипломатии в России должны не только обладать навыками перевода на высоком уровне, но и владеть теоретическими профессиональными знаниями – например, знания о национальных особенностях России, об истории и о политической системе. Таким образом, междисциплинарные специалисты в области российской культурной дипломатии могут сыграть большую роль на дипломатической арене с Китаем.

В-третьих, Китай должен больше развивать свою индустрию культуры, связанную с Россией, и обогащать содержание культурных обменов. При осуществлении мероприятий по культурному обмену с Россией Китаю следует уделять больше внимания контенту в области традиционной национальной культуры, и на этой основе он также должен использовать по-

пулярные короткие видеоролики для ее продвижения. Возьмем в качестве примера видеоролик Ли Цзыци, ее творчество эффективно интегрирует китайскую культуру и обычаи, позволяя городским жителям обрести чувство духовной принадлежности, в то же время это также позволяет иностранным пользователям Интернета ощутить китайскую пасторальную атмосферу [14]. Поэтому использование коротких видеоплатформ для межкультурного общения может стать эффективным способом для россиян соприкоснуться с китайской культурой.

Автор считает, что российская сторона также может извлечь уроки из вышеприведенных предложений по продвижению деятельности китайской культурной дипломатии с Россией. Например, в полной мере использовать средства массовой информации для продвижения российской истории и современной культуры в Китае, чтобы дать возможность китайцам, изучающим русский язык, и любителям русской культуры углубить свое понимание России по многим аспектам. Российская сторона также должна активно развивать междисциплинарных специалистов, которые заинтересованы в дипломатии с Китаем, чтобы две страны могли более эффективно осуществлять деятельность в области культурной дипломатии. В то же время, с течением времени и накоплением опыта, междисциплинарные специалисты в области культурной дипломатии между Россией и Китаем могут обобщить набор более практических дипломатических методов, чтобы взаимопонимание и дружба двух народов друг с другом не ограничивались только правительственными обменами на высоком уровне, а также расцвели более тесными обменами и связями между народами двух стран.

Оглядываясь на прошлое, можно сказать, что сотрудничество между Китаем и Россией в политической и экономической сферах не только достигло успешных результатов, но и добились хороших результатов в области культурной дипломатии. Сотрудничество в области образования, литературные и художественные обмены, а также ряд мероприятий на национальном уровне – все это стало важными событиями в области культурной дипломатии между двумя странами. Сотрудничество между Китаем и Россией в области культуры имеет большое стратегическое значение для развития отношений между двумя странами. Это не только поможет укрепить развитие политических отношений

между двумя странами, но и способствует дальнейшему углублению торгово-экономического сотрудничества между двумя

странами, а также поможет укрепить взаимопонимание между китайским и российским народами.

Список литературы:

- [1] Китайская угроза для России: миф или реальность? – Интернет-ресурс. Режим доступа: <http://www.putin-today.ru/archives/48656> (02.03.2021)
- [2] Китайско-российская торговля установит два исторических рекорда в 2021 году. – Интернет-ресурс. Режим доступа: <https://world.huanqiu.com/article/45M32pyTjil> (09.12.2021)
- [3] Китайско-российский форум новых медиа прошел успешно. – Интернет-ресурс. Режим доступа: <http://www.gia.ru/20211124/forum-1760529729.html> (09.12.2021)
- [4] Ли Чжи(李智) Культурная дипломатия: интерпретация коммуникации [М]. (文化外交: 一种传播学的解读[М]) / Ли Чжи(李智). – Пекин: Издательство Пекинского университета, 2005.
- [5] Российско-Китайская ярмарка культуры и искусства открылась в Благовещенске. – Интернет-ресурс. Режим доступа: <https://www.amur.info/news/2021/06/22/190898> (15.12.2021)
- [6] Россия и Китай продлили договор о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве. – Интернет-ресурс. Режим доступа: <http://gia.ru/20210628/dogovor-1738885401.html> (10.12.2021)
- [7] Си Цзиньпин и Владимир Путин приняли участие в торжественном вечере, посвященном 70-летию установления дипотношений между Китаем и Россией. – Интернет-ресурс. Режим доступа: <http://russian.cri.cn/news/homeList/380/20190606/299367.html> (10.12.2021)
- [8] Совместное заявление Российской Федерации и Китайской Народной Республики о развитии отношений всеобъемлющего партнерства и стратегического взаимодействия, вступающих в новую эпоху. – Интернет-ресурс. Режим доступа: www.kremlin.ru/supplement/5413 (18.12.2021)
- [9] Barghoorn F. C. The Soviet Cultural Offensive. The role of Cultural Diplomacy in Soviet Foreign Policy. – Princeton, 1960. – 353 p.
- [10] Global Soft Power Index. – Интернет-ресурс. Режим доступа: <https://brandirectory.com/globalsoftpower/> (12.12.2021)
- [11] Interdisciplinary Talent. – Интернет-ресурс. Режим доступа: https://ebrary.net/11654/economics/interdisciplinary_talent (15.12.2021)
- [12] 中俄伙伴关系框架下的人文交流与合作 [Культурные обмены и сотрудничество в рамках китайско-российского партнерства]. – Интернет-ресурс. Режим доступа: http://www.jyb.cn/rmtzcg/xwy/wzxw/202110/t20211021_629698.html (09.12.2021)
- [13] 中俄文化交流让“世代友好”理念深入人心 [Культурные обмены между Китаем и Россией глубоко укоренили концепцию «дружбы поколений» в сердцах людей]. – Интернет-ресурс. Режим доступа: http://ru.china-embassy.org/whhz/zgwhzels1/201603/t20160307_3144442.htm (09.12.2021)
- [14] 让短视频平台展示好中国形象传播好中国声音 [Пусть короткая видеоплатформа покажет хороший имидж Китая и распространит хороший голос Китая]. – Интернет-ресурс. Режим доступа: https://translate.yandex.ru/?utm_source=wizard&lang=zh-ru&text= (17.12.2021)

ОБРАЗ МИФОЛОГИЧЕСКОЙ КАРТИНЫ МИРА ТУНГУСО-МАНЬЧЖУРОВ: НА ПУТИ ОТ ХАОСА К ОРГАНИЗОВАННОСТИ И ПОРЯДКУ

Статья посвящена исследованию начального этапа формирования мифологической картины мира тунгусо-маньчжуров Дальнего Востока. На основе опубликованных материалов известных сибиреведов и собственных полевых материалов автор структурирует зарождение представления о мироустройстве и формировании его основ. Мифологический образ космоса как знак мирового порядка выступает универсальным кросскультурным архетипическим образом гармонии и порядка. С помощью синергетического подхода анализируются идеи рождения порядка из хаоса в мифологической вселенной. Данное исследование актуально на рубеже XX–XXI века, когда остро стоит вопрос адаптации человека к изменившимся условиям, поиска новых форм его отношений с миром. Мифотворчество как фундаментальное свойство человеческого сознания позволяет обрести платформу человеку в кризисное время. Каждый исторический тип культуры имеет свою картину мира, внутри которой действуют современная и мифологическая составляющие, легко переходящие одна в другую, обеспечивая развитие вечно существующей истории. Изучение мифологической картины мира позволит не только вычлнить традиционные компоненты в современной картине мира, но и определить их новые формы и интерпретации.

Ключевые слова:

вселенная, демидург, картина мира, миф, хаос, порядок.

Кубанова Т.А. Образ мифологической картины мира тунгусо-маньчжуров: на пути от хаоса к организованности и порядку // Общество. Среда. Развитие. – 2022, № 1. – С. 30–33. – DOI 10.53115/19975996_2022_01_030-033.

© Кубанова Татьяна Андреевна – кандидат культурологии, ведущий специалист по научно-просветительской деятельности музея, Государственный Русский музей, Санкт-Петербург; e-mail: tatiana_kub@mail.ru

Рубеж веков во все времена ставит перед человечеством важные вопросы целостности человеческого бытия, способного противостоять раздробленности мира и утраче идеалов. Рубеж XX–XXI веков – не исключение, он характеризуется распадом Советского Союза, глубокими социально-политическими трансформациями, разрушением государственных ценностей, потерей прежних общенациональных идей, падением духовно-нравственных устоев.

В этих условиях на первый план выдвинулась проблема адаптации человека, поиска новых форм его отношения с миром. Известно, что на переломах истории, в переходные периоды, при кризисе ценностей народы, как правило, обращаются к своему культурному наследию, пытаются найти в них ответы на сложные вопросы современности [4]. Время предков стано-

вится миром, усваивая законы которого они могут обрести устойчивую платформу в своем движении, при этом миф, обычно, выступает базисом человеческого сознания и целостного мировосприятия.

На рубеже XX–XXI веков, в связи с необходимостью «обживания» нового мира организуются новые фольклорные и этнографические экспедиции в места проживания коренных народов, исследователи проявляют интерес к мифу, его морфологии, специфике существования в современном мире (Э.Я. Голосовкер, С.П. Батракова, М.С. Каган, В.М. Найдыш, Г.Н. Оботурова и др.). Актуальными становятся идеи известных специалистов XIX–XX веков о мифе как постоянно повторяющейся и вечно существующей истории (А.Ф. Лосев), о мифотворчестве как древнейшем символическом языке, с помощью которо-

го человек моделирует мир, общество, самого себя (Е.М. Мелетинский).

Мифологическая картина мира – первая попытка, направленная ее создателями на гармонизацию личности, общества, природы. В ней рассматривается начальный период развития мира. В разных культурах мира мифологический образ космоса как знак мирового порядка имеет сходные черты и может выступать универсальным кросскультурным архетипическим образом гармонии и порядка (В.В. Василькова). Представления древнего человека о законах мироупорядочения созвучны синергетическим идеям о рождении порядка из хаоса. В последние годы изучение открытых нелинейных систем активно используется в культурологических исследованиях (О.Н. Астафьевой, В.В. Васильковой, А.В. Зубковой, М.С. Каганом, Л.П. Киященко, Э.А. Орловой, В.М. Петровой, Н.А. Хреновым и др.).

Каждый исторический тип культуры имеет свою картину мира. Но какую бы культурную парадигму мы ни рассматривали, внутри нее всегда будут развиваться ее современная и мифологическая составляющие. Первая из них представляет научную картину мира, вобравшую все характеристики исследования человеком мироздания и понимание им своего места в нем. Вторая основана на мифологической парадигме, раннем способе освоения человеком реальности, способе его мироощущения и миропонимания. Для современного человека мифологическая и научная картины мира взаимопроницаемы, легко переходящие одна в другую.

В статье используются космогонические мифы, записанные известными учеными и полевые материалы автора (ПМА, 1989, 1997, 2001–2004). Обращение к древнейшей форме творческой деятельности – мифологии, позволяет структурировать картину мира традиционных народов, что, в свою очередь, при определенных условиях позволит не только вычлнить мифологические компоненты в современной картине мира, но и определить новые их вариативные формы и интерпретации.

К концу XX века у тунгусо-маньчжуров существуют несколько вариантов космогонических мифов, в которых последовательно раскрываются начальные этапы рождения мира. В одних земля появляется самостоятельно, из постепенно уплотняемой сильным течением водной пены. Со временем пена превращается в твердую стихию [9, с. 32]. В других вариантах нанайских мифов уже изначально

прочитывается существование водной и небесной стихий. Земля в них обязана своим появлением как самой воде, так и птицам или антропоморфным демиургам [10, с. 28]. Лебеди, Гагары, Утки, Орлы часто, по желанию человека, ныряют в воду и достают камни, песок, необходимые для образования земли и реки Амур [6, с. 95].

В одном из мифов повествуется, что в начале света жили три человека Шанвай, Шанкоа и Шанка. Однажды они послали лебедей достать камни и песок. Птицы ныряли семь дней. Когда они вышли из воды, то увидели, что земля растет, река Амур течет [10]. Аналогичный вариант встречается и у эвенков, только вместо трех человек демиургами водного пространства выступают два брата. Один из них Сэваки – младший, добрый, жил вверху, другой Харги – старший, злой, обитал внизу. Помощница младшего брата Гагара/Лягушка достала из воды землю, которая впоследствии разрослась. Позже младший брат стал dueño-хозяином верхнего мира, а старший – нижнего мира [ПМА, 1997; 2, с. 214–215], продолжая совместное обустройство земли – места жизни человека [5, с. 21].

В следующей группе нанайских мифов мир состоит из трех стихий: небесной, в которой парит Хадон (Орел), водной («везде вода» или ил) и земной. Последняя обозначена островком – холмиком среди «водной хляби», на котором сидит птица Мямильди либо Старушка («богиня Земли»). Птица Мямильди захватила в когти земли *тохала* и, полетев, обронила ее. Из упавшей тохалы и родилась большая земля [1]. В другом мифе, уставши летать, Орел просит у обитательницы суши Старушки присесть отдохнуть, но получает отказ и одновременно совет. По одной версии – взять кусочки земли с острова [3, с. 150], по другой – разнести пепел из трубки, которую она курит [ПМА, 1997]. Кусочки земли, упавшие в ил, сказочным образом преобразуются: где кусочек побольше, «там гора появляется», где поменьше, «там холмик» образуется. В итоге действий Орла появилась земля и на ней деревья, цветы, животные, а из дерева – человек. Важно обратить внимание на то, что пепел (потухший огонь) является источником образования земли, на которой живет и человек.

«Частица солнечного огня», как и пепел в предыдущем мифе, является активным энергетическим началом для очеловеченной земли и в следующем мифе. Причем в нем Ворона, полетев над водным пространством к солнцу, обожгла себе все оперение, более того, кусочек солнца, дан-

ный ей для создания земли, упал слишком далеко (глубоко), образовав мир мертвых *буни*. Лишь Сорока усвоила ошибки своей предшественницы и выполнила задачу. В результате кусочек солнца, полученный от неба, упал ближе, чем в предыдущий раз, и образовал землю [ПМА, 1997].

В другом мифе, рассказанном в 1920-х гг. каза-шаманом из рода Оненко, главными действующими персонажами выступают две птицы: летающая Ходан и сидящая Мямелди. Причем наиболее активна роль первой птицы, которая во время полета роняет землю в воду, и в месте ее падения образуются новые островки земли. В эвенкийском мифе за землей на дно моря ныряет Птица (Младший брат), а другая (Старший брат) растягивает ее до современных размеров [6, с. 95]. В нанайском мифе рода Бельды небольшой островок земли, созданный при первотворении, также имеет способность увеличиваться в своих размерах, но только в результате ударов драконовой или змеиной плетью [9, с. 32]. Следует подчеркнуть, что «водоплавающий творец» – Птица, относящаяся к архаичным в прауральской космогонии, играет важную роль в творении земли. По мнению А.П. Окладникова, крест на груди водоплавающей птицы, изображенной на петроглифах (район с. Шереметьевское, Дальний Восток) символизирует вселенную и отражает четыре стороны света [6, с. 97–98]. Таким образом, подчеркивается активная роль птицы в сотворении вселенной.

Приведенные отдельные мифы тунгусо-маньчжуров позволяют проследить один из ранних этапов построения мира. В одном мире уже имеет определенную структуру, целостность которой обеспечивается наличием небесной и водной стихий, в других к ним прибавляется третий мир – земной. Причем в первой группе мифов сферы мира занимают относительно друг друга иерархически-вертикальное положение, в котором небо обладает правом дальнейшего структурирования мира. Для этого оно посылает Уток, Птиц воссоздать землю из заложенных в водном хаосе первоэлементов и указывает способы творения: достать камни, песок, землю, либо разбросать землю, а то и поделиться частью своей энергии (кусочком солнца или пеплом). Следует подчеркнуть, что речь здесь идет, как и в некоторых космогонических мифах других народов Сибири, о воссоздании земли. Место будущей стихии обозначено – срединное положение (островок, холмик над водой). Определен и механизм конструирования

этого мира для водоплавающих и летающих птиц [ПМА, 2003]. Момент соединения земли (или ее составляющих) и воды является решающим в окончателном построении трехчастной вертикальной структуры мира [8, с. 5; ПМА, 2001]. При этом еще не забыта творческая функция водной стихии. Именно ее участие становится определяющим в акте сотворчества с Небом. Появившаяся сфера Земли имеет целостную структуру, двойчную по своей сути, в основе которых лежат гендерные отношения: женского/мужского. В мифологических представлениях нанайцев водная стихия также ассоциируется с женским началом и в момент первотворения становится создателем и мужского начала – Земли [ПМА, 2004]. Такие взаимоотношения сфер обеспечивают вселенной, имеющей когда-то форму Мирового яйца [ПМА, 1989: 7, с. 310], новый виток позитивного развития [ПМА, 1997; ПМА, 2004].

Следующий этап развития образа мифологической картины мира у некоторых тунгусо-маньчжуров связан с мифологическим сюжетом множественности светил и наступившим периодом Хаоса, когда формируется трехчастная картина мира, и шаман становится посредником между создателем и человеком, разрешая проблемы земного сообщества. Но это уже другая история.

Выводы

Обращение к мифологии – древней форме творческой деятельности человека, позволяет определить законы формирования картины мира традиционных народов, ее структуру и форму. В статье рассмотрены варианты космогонических мифов народов Сибири, раскрывающих образование земли и построения мира. Универсальной первоосновой мира для тунгусо-маньчжуров является понятие Хаос/Вода, для которого характерно отсутствие формы и упорядоченности, смешение стихий-первоэлементов. Показано, что со временем под влиянием синергетических процессов и внутренней энергии стихии разъединяются, появляется Земля, которая в союзе с Водой образует единую целостную структуру. При этом в мифологической картине и образах мира подчеркивается определяющая роль и творческая функция стихий.

На рубеже веков обращение Художника к культурному наследию коренных народов позволяет ему осознать себя продолжателем древних традиций в современном художественном процессе.

Полевые материалы автора:

- ПМА, 1989, п. Эконда, Эвенкия, Красноярский край.
 ПМА, 1997. Информация Марии Иннокентьевны Тумали, п. Кондон, Хабаровский край.
 ПМА, 1997. Сказитель Анна Денисовна Оненко, с. Троицкое, Хабаровский край.
 ПМА, 2001. Информация Анны Александровны Самар, Екатерины Дмитриевны Самар, Людмилы Уламовны Пассар, Комсомольск-на-Амуре.
 ПМА, 2003. Информация Ксении Ивановны Дигор (п. Кондон), Екатерины Дмитриевны Самар (Комсомольск-на-Амуре), Хабаровский край.
 ПМА, 2004. Информация Екатерины Дмитриевны Самар, Комсомольск-на-Амуре.

Список литературы:

- [1] Архив Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) Российской академии наук. Ф. 5. Оп. 2. Д. 62.
- [2] Василевич Г. М. Эвенки. Историко-этнографические очерки (XVIII – нач. XX в.). – Л.: Наука, 1969. – 304 с.
- [3] Древний свет / Зап. и лит. обработка А. Чадаевой. – Хабаровск: Книжное изд-во, 1990. – 240 с.: ил.
- [4] Культурные индустрии Кольского Севера: пролегомены к исследованию / Под общ. ред. Л.М. Мосоловой. – СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2012. – 177 с.
- [5] Мазин А.И. Традиционные верования и обряды эвенков-орочононов (кон. XIX – нач. XX в.). – Новосибирск: Наука, Сиб. отделение, 1984. – 200 с.
- [6] Окладников А. П. Петроглифы Нижнего Амура. – Л.: Наука, 1971. – 334 с.
- [7] Оненко С. Н. Нанайско-русский словарь: 12 800 слов. Под редакцией В.А. Аврорина. – М.: Русский язык, 1980. – 552 с.
- [8] Ритуальная скульптура нанайцев: каталог / Сост. Т. А. Кубанова; из фондов музея. – Комсомольск-на-Амуре, 1992. – 178 с.
- [9] Сем Ю.А. Мифологические представления нанайцев о природе и человеке // Генезис и эволюция этнических культур Сибири. – Новосибирск, 1986. – С. 30–44.
- [10] Шаньшина И.В. Мифология первотворения у тунгусоязычных народов юга Дальнего Востока России (опыт мифологической реконструкции и общего анализа). – Владивосток: Дальнаука, 2000. – 157 с.

ПРИРОДНЫЙ МИР В ПОЭТИЧЕСКОЙ РЕЦЕПЦИИ П. ФАТУЛЛАЕВОЙ. СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ АСПЕКТ

Рассматриваются символические формы организации образного мира известной лезгинской поэтессы Пакизат Фатуллаевой. Прослеживаются социокультурные реалии 1950–1960-х годов, определившие условия интенсивного развития поэтического творчества. Отмечается, что основным результатом осуществивших в 1950-х годах изменений стало утверждение идеи творческой индивидуальности поэта, писателя. Индивидуализация жизненного пространства духовного бытия сопровождалась постепенной рационализацией ментальных структур сознания, следствием чего стало активнее её проникновение в глубинные слои жизни поэтического духа. Все это обеспечивало разнообразие символических форм духовного бытия. Одним из этих форм становится идеальная проекция природного мира, которая определяет не только содержательные, но композиционные особенности пейзажной лирики Ф. Фатуллаевой. Исходя из этого, целью статьи является исследование форм и принципов организации идеальных основ природных явлений в творчестве лезгинской поэтессы.

Ключевые слова:

Пакизат Фатуллаева, пейзажная лирика, поэтическое творчество, природный мир, социокультурный аспект.

Бедирханов С.А. Природный мир в поэтической рецепции П. Фатуллаевой. Социокультурный аспект // Общество. Среда. Развитие. – 2022, № 1. – С. 34–38. – DOI 10.53115/19975996_2022_01_034-038.

© Бедирханов Сейфеддин Анвер оглы – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник, Институт языка, литературы и искусства им. Г. Цадасы Дагестанского федерального исследовательского центра Российской академии наук, Махачкала; e-mail: bedirhanov@mail.ru

Октябрьская революция, Гражданская война, установление советской власти, Великая Отечественная война, восстановление разрушенного войной народного хозяйства – факты, которые определяют сценарии исторической драмы, разыгранной на социокультурной карте 1920–1940-х годов. Последовательность этих фактов выстраивает ряд событийно локализованных циклов, которые включаются в единый ритм исторического движения. В исходных основаниях этот ритм выдавал действенность неких хаотичных форм организации социального бытия. Однако концентрированные в самом движении истории силы сопряжены с эволюционными механизмами, в линейных направлениях которых устанавливаются порядок неких устойчивых ментальных схем. Через структурные явления этих схем происходит постепенный отход от эмпирических начал, следствием чего является более ак-

тивное развертывание в 1950–1960-х годах рациональных, знаковых структур творческого сознания.

Связывая расцвет поэтического творчества в 1950–1960-х годах с решениями XX съезда партии, последствием которых стало заметное усиление гуманистических основ литературы, А. Павловский отмечает, что «возросший интерес к сфере индивидуального и неповторимого бытия выражался все эти годы по-разному, но, притворяясь в те или иные литературные формы, от документально-очерковых до лирически-импрессионистских и монументально-символических, он неизменно предполагал и вызывал интенсивную психологизацию самого метода изображения, выдвижения на первый план человеческой личности и внешне обыденной биографии в её сложных, порою интимно опосредованных взаимоотношениях как с локальной средой, так и с большим миром эпохи»

[3]. Интенсивная психологизация методов и форм изображения действительности свидетельствовала о возросшем уровне поэтической рефлексии, которая обещивала разнообразие символических форм духовного бытия.

В 1950–1960-е годы активно развивается и лезгинская поэзия, которая обогащается «многими замечательными произведениями, демонстрируя расцвет, возмужание, национальную неповторимость и воспитательную значимость. Ее богатство заключено в соцветие жанров, многообразии идей, проблем, тем» [5, с. 3]. Она «энергично и целенаправленно выходит на передовые рубежи идейно эстетического освоения действительности» [5, с. 3]. Но самым заметным явлением в художественной жизни лезгинского народа стало активное участие в ней женщин-поэтесс, что способствовало концентрации на этнопоэтической карте народа неких внутренне локализованных, ценностно определенных, эмоционально насыщенных конструктивных смыслов, определивших сущностно-содержательные и композиционные основы определенного пласта (женской поэзии) поэтического творчества.

Лезгинское женское поэтическое творчество – сложившееся художественно-эстетическое явление, несущее природное, нерациональное, эмоциональное, чувственное начала этнокультурных традиций народа. Это и делает необходимым выстраивание исследовательских подходов, представляющих женские особенности художественного сознания не только в контексте отдельного самостоятельного литературного явления, но и затрагивающих частные аспекты творческого своеобразия женщин-авторов. Исходя из этого, в статье рассматриваются особенности организации идеальных форм поэтического мира в творчестве Пакизат Фатуллаевой.

В стихотворениях поэтессы значительное место занимают идеально сконструированные образные формы природных явлений. Первооснова этих форм исходит из созерцательного взгляда, который устанавливает определенный интервал между двумя ценностно-актуальными полюсами: лирическими субъектом и объектом. Через структуры созерцания эпизоды природы открываются сознанию, являются в его рефлекторных актах. В результате природные явления, уже очищенные от непосредственных впечатлений, заряжаются духовной энергией. Именно в «звуках и красках неба и земли», в их «бесконечных оттенках и переливах», поэтесса «ищет от-

ражение своего внутреннего мира, ищет средства для выражения тончайших, неуловимых чувствований, мгновенных состояний, возникающих при созерцании природы <...>» [1, с. 188–189].

В ряде стихотворений Пакизат Фатуллаевой природный мир отображается в естественных стихийных смысловых явлениях. Так, например, произведение поэтессы «Цуьк» («Цветок») начинается с описания эпизодов действительности, включенных в темпоральные ритмы утреннего времени.

В темпоральных ритмах времени выстраивается определенный порядок, в моментах которого воспроизводятся естественные ритмы окружающего мира. Как пишет М.Н. Эпштейн, «поэзия находит в природе не только свои ритмы и строфы, но и прежде всего тот дух естественности, непредсказуемости, которым сама дышит. В ней есть та безусловность самовыражения, которая неподотчетна никакой разумно поставленной цели... И потому природа входит в само существо поэзии, которая отличается от всех других видов культурной деятельности своей стихийностью, близостью к голосам, веяниям, запахам. Поэзия – это обнаженное естество, природность самой культуры...» [8, с. 14].

Природные ритмы концентрируются, в результате транслируются в семантические структуры в грамматических оформлениях явлений утра: ночь-рассвет-туман-роса-солнце. Каждому явлению, находящемуся во власти текущего времени, сопутствуют отдельные факты внешнего мира, в связке с которыми создается разноцветная картина утра. «С гор уходит ночь, наступает утро, которого сопровождает плотный туман. Земля покрыта росой», а дальше:

*ХкечIна рагъ яваш-яваш,
Рагарив чин игисна.
Сифте нураф хуш цуькведин
Таза буйдиз багъишна* [7, с. 47].

Вышло солнце потихоньку,
К скалам лицом прижавшись.
Первые лучи прекрасных цветов
Молодому стану подарило¹.

Из образного целого «медленно восходящего солнца» исходят явления, которые, несущие определенные «природные» значения солнца, встраиваются в ритмическую организацию стихотворения. В композиционных и ритмических структурах произведения эти явления охватываются

¹ Здесь и далее подстрочные переводы принадлежат автору.

36 | душевными волнениями, вследствие чего образуются семантические поля, в пределах которых «естественные» стихии солнца транслируются в эмоциональные переживания лирической героини. Наполненный лучами солнца эмоциональный мир Я героини в вербальных актах сознания распадается на множество тонких, нежных, женственных чувственных реалий. Из взаимоотношений этих реалий образуется духовная комбинация, представляющаяся как символическое содержание лирического объекта – цветка.

Образ цветка включен в естественные ритмы природы: на макушке скалы колосится одинокий цветок. Утром, от тяжелой и холодной росы опустилась его, находящегося еще в шелухе, солова. Первые лучи медленно восходящее солнце дарит цветку, что оживляет его.

В последней строфе цветок сравнивается с девушкой. Его образ определяется такими, присущими юной девушке поведенческими характеристиками, как «боятся», «стесняется», «голову поднимает иногда». Причина такого поведения – влюбленность цветка в солнце:

*Регдьюз-кичИез, руша хьыз кьил
Хкажзава ара-бир.*

*Ашукь хьанва факьинал цуьк –
Четин яни чирун сир?*

Боясь, стесняясь, словно девушка
Опущенную голову иногда поднимает.
Влюбился цветок в солнце –
Но тяжело ли раскрыть тайну?

Стихотворение завершается риторическим вопросом. Встроенный в грамматический строй последней стихотворной строки вопрос «Четин яни чирун сир?» («Тяжело ли раскрыть тайну?») отсылает к глубинным духовным сентенциям, охватывающим «жизненные порывы» и цветка, и солнца в единых импульсивных ритмах. В результате синтезируется единое, внутренне целое пространство души, которое присваивается Я героине в качестве ее жизненного цикла. Для нее нет никакой тайны в том, что цветок влюблен в солнце.

Более взыскательный взгляд лезгинской поэзии 1960–1980-х годов на окружающую действительность Г. Темирханова связывает с чрезвычайным усложнением личности. Именно поэтому «так прочувственно восприятие природы, ее красок и звуков, потому порой так точно настроение человека соотносится с мятежным или гармоничным состоянием пейзажа» [5, с. 14].

Усложненное личностное начало, явленное в пейзажной лирике П. Фатуллаевой в образе Я героини складывается из определённых синтетических, сознательных явлений, в сочетаниях которых факты внутреннего и внешнего миров встраиваются в единые слитные и параллельные линии жизненных циклов. Если в стихотворении «Цуьк» («Цветок») жизненная позиция Я растворена в природных образах, то в произведении «Сирень» лирическое начало, грамматически определённое в номинации «Зун» («Я»), занимает деятельно-активную позицию, которая выстраивает собственную семантическую линию.

В стихотворении развернута ещё одна линия, которая обустроивает содержательное пространство лирического объекта-сирени. Между этими линиями устанавливается связь через прием обращения.

В произведении использован и художественный прием обрамления. Оно начинается и заканчивается со стихами:

*Хьанач завай, сирень, кьатIуз
Вун цуькведа гьатнатIа мус [7, с. 49].*

Не смогла, сирень, понять,
Когда ты смогла расцвести.

В начале произведения эти стихи образуют отдельное строфическое целое, явленное в форме двустипхия. В конце они включаются в композиционную конструкцию четверостишия в позициях третьей и четвертой стихотворных строк.

Таким образом, в структурных смыслах приема обрамления освещается единое, внешне очерченная жизненная форма, внутри которой разыгрывается экзистенциальная драма духовного бытия. «Сценическая» конструкция этой драмы сведена к определенной точке напряженности, с одной стороны которой жизнь, подвластная времени, с другой – сирень, носитель циклических ритмов природы. Жизненные энергии, синтезированные течением времени, и сирень, несущая циклическую суть природного мира, не могут быть охвачены едиными ценностно определёнными установками бытия. Поэтому жизненное пространство раскрывается на основе собственных импульсивных волнений, охватывающих его экзистенциальную суть в реалиях, в темпоральных основаниях которых расходятся ритмы жизни и времени: «элячIнани зун туна вахт» («прошло ли время мимо меня»).

Циклический характер природного мира сопряжен с огромным многообразием внутренне разнообразных явлений дей-

ствительности, которые в содержательных актах эмоционально активного сознания транслируются в различные ассоциативные потоки. Сущностно-содержательные характеристики этих потоков синтезируются определёнными установками поэтического сознания, пребывающего не только в импульсивных биениях собственных жизненных ритмов, но и в ментальных основаниях определенного культурного универсума.

В монографии К.Н. Григорьяна «Пушкинская элегия» приводится слова В.Г. Короленко, который отмечает, что многие художники «описывают природу терминами человеческих ощущений: буря стонет, плачет, злится, печалится, грустит. Это и неизбежно, и правдиво: под условным выражением вы чувствуете связь, извечную, неразрывную, скажем, даже таинственную, между природой и душой человека, которая есть ведь тоже явление природы и потому тесно связана с нею миллионами своих живых ощущений» [1, с. 188–189]. Обращенность поэтов-романтиков к природе в исследовании связывается со спецификой их мирозерцания. Природа для них и «высокий образец природы, и символ свободы, и друг, кому вверяли «тайны сердца». Характерной чертой поэтического пейзажа становится «беседа», интимный разговор наедине с природой» [1, с. 190].

«Интимный разговор наедине с природой» ведется в стихотворении П. Фатуллаевой «Зул» («Осень»). Осень в стихотворении лишен единой, внутренне собранной в наименовании объективной позиции. Его образная конструкция распадается на отдельные, событийно определённые эпизоды, развертывание которых вызывает к присутствию явления жизни лирического Я в различных ситуативно данных ассоциативных линиях.

Включённые в строфическую организацию первых двух четверостиший ассоциативные поля сведены к единому, ценностно определённом идеальном пространстве, которое представляет явления внешнего и внутреннего миров в синтетических реалиях бытия. Из этих реалий выделяется отдельный смысловой конструкт, всецело принадлежащий природной жизни. Образная организация этого конструкта определяется наименованием – «целуьн тар» («ива»). Образ дерева сопровождается предикатом «зи дуст» («мой друг»), тем самым фиксируется позиция ивы в жизненных волнениях лирического Я. В жизненном пространстве Я образ дерева присваивается определением «сефил»

(«грустный»), через понятийные структуры которого осенний пейзаж окрашивается в темные тона.

Осенняя картина природы представляется с помощью таких художественных средств как «жестокий осенний ветер», «пожелтевшие листья», «грустная ива» и т.д. Определения «жестокий», «пожелтевшие», «грустная» не есть лексические единицы, несущие непосредственные «природные» характеристики их референтов. И осенний ветер, и листья, и ива в своих естественных проявлениях равнодушны к присвоенным им состояниям, потому в их определениях содержатся жизненные формы, заряженные моментами душевных волнений. Включенные в формообразующие ритмы единого жизненного цикла эти моменты устремляются друг к другу, из сочетания которых образуются полнота субъективной жизни лирического Я.

Если образы осеннего ветра, листьев, ивы объединяют моменты настоящего, то жизненное пространство простирается и на прошлое, и на будущее [2]. Из этого принципа жизни исходят вербальные акты, выстраивающие сущностно-содержательную композицию третьей строфы.

Третья строфа начинается с риторического вопроса «Квехъ къекъвезва?» («Что ищешь?»). Автором и адресатом этого вопроса является лирическая героиня. В семантических структурах этого вопроса устанавливается прочная ассоциативная связь между пожелтевшими листьями осени и быстро прошедшим детством:

*Квехъ къекъвезва? Белки зулун
Хъити хъайи пешер хъиз
Фад-фад фейи аялвилехъ
Заз шадвал тур эквер хъиз?* [7, с. 51]

Чего ищешь? Может, словно осенние
Пожелтевшие листья,

Быстро промчавшего детства,
Как огоньки, зажегшие во мне счастье.

Говоря о функциональных значениях природных явлений в стихотворчестве, Г.Н. Пospelов пишет: «Словесно воспроизведенный вид природы не может стоять в стороне от общих задач лирического творчества – от задач раскрытия внутреннего мира людей в его социально-исторической характеристике, в его идейном осознании и эмоциональной оценке со стороны художника. Поэтому для истинно лирического поэта-пейзажиста вид природы сам по себе не может иметь самодовлеющего значения. Природа для него лишь предмет изображения, через который поэт выражает свою обобщающую идейно-

38 | эмоциональную мысль» [4, с. 96]. Исходя из этого, можно отметить, что образы природы в стихотворениях П. Фатуллаевой регистрируют глубинные, проникновенно чувственные силы, которые, собранные наименованием Я, представляют внутренне уравновешенный, безмятежный, кра-

шенный в основном в светлые тона, жизненный мир лирической героини поэтессы. Формы организации этого мира располагает богатом набором художественных средств, из сочетаний которых выстраиваются структурные основы творческого явления известной лезгинской поэтессы.

Список литературы:

- [1] Григорьян К.Н. Пушкинская элегия (Национальные истоки, предшественники, эволюция). – Л.: Наука. Ленинградское отделение, 1990. – 259 с.
- [2] Зиммель Г. Понятие и трагедия культуры. – Интернет ресурс. Режим доступа: <https://www.libfox.ru/61338-g-zimmel-ponyatie-i-tragediya-kultury.html>
- [3] Павловский А. О психологическом анализе в советской литературе (В историографическом аспекте) // Проблемы психологизма в советской литературе / Под ред. В.А. Ковалева и А.И. Павловского. – Л.: Наука. Ленинградское отделение, 1970. – С. 9–38.
- [4] Поспелов Г.Н. Проблемы исторического развития литературы. – М.: Просвещение, 1972. – 272 с.
- [5] Темирханова Г. Современная лезгинская поэзия. – Махачкала: Даг. кн. изд-во, 1988. – 128 с.
- [6] Фатуллаева П. Маковое поле // Гамидова Л. Роза и цветок. – Махачкала, Даг. кн. изд-во, 1975. – 64 с.
- [7] Фатуллаева П. Мой светлый дом. Сборник стихов. – Махачкала: Дагестанское книжное изд-во, 1981. – 96 с. (На лезг. яз)
- [8] Эпштейн М.Н. «Природа, мир, тайник вселенной...»: Система пейзажных образов в русской поэзии. – М.: Высшая школа, 1990. – 303 с.

ЭВОЛЮЦИЯ ИММЕРСИВНОГО ЗВУКА В АМЕРИКАНСКОМ КИНО

Статья посвящена роли иммерсивного звука в кино и его эволюции в американском кинематографе, начиная с первой кинокартины, использующей многоканальное, объемное звучание – анимационного фильма студии Уолта Диснея «Фантазия» (1940). Кинематограф приветствовал возможности использования объемного звука, и скорость его внедрения обуславливалось только техническим прогрессом и состоянием кинорынка. Благодаря цифровизации медиа на всех этапах производства, а также развитию сетевых, бинауральных технологий и удешевлению компьютерных технологий, объемный звук стал общедоступным. Его применение в кино и в музыке обеспечивается также возможностью воспроизведения через наушники с помощью бинауральных технологий, которые уже встраиваются в различные прокатные платформы, такие как, например, Apple Music.

Ключевые слова:

американское кино, бинауральные технологии, иммерсивный звук, Dolby Stereo, Dolby Atmos.

Контрерас Кооб А. Эволюция иммерсивного звука в американском кино // Общество. Среда. Развитие. – 2022, № 1. – С. 39–42. – DOI 10.53115/19975996_2022_01_039-042.

© Контрерас Кооб Александр – доцент, Санкт–Петербургский государственный институт кино и телевидения; старший преподаватель, Санкт–Петербургский государственный университет, Санкт–Петербург; e-mail: contrerasa@mail.ru

Концепция звука в современном кино отражает сложные процессы взаимодействия технических новаций и актуальных идей режиссера, которые в жанровом кинематографе ориентированы прежде всего на зрителя и способствуют его полному погружению в произведение. Звуковое решение должно при этом соответствовать замыслу режиссера и сценариста, которые обуславливают тематику, жанр и визуальную стилистику фильма, рассчитанного на массового зрителя, и усиливать образно-содержательные ресурсы других средств киновыразительности.

Примерами могут служить такие популярнейшие жанры для массового зрителя, как фантастический фильм, триллер и хоррор. По отношению к этим жанрам можно говорить, что в наиболее удачных фильмах, их представляющих, звуковое сопровождение играет огромное значение при воздействии на зрительскую аудиторию. Какова же роль иммерсивной составляющей звука при этом? Как именно технологии Dolby Atmos могут участвовать в конструировании этого воздействия на зрителя?

Иммерсивное аудио означает, с одной стороны, способ воспроизведения звука с учетом его пространственных измерений, с другой – способность производить и воспринимать звуки в разном направлении и на разном расстоянии. Такое аудио можно создавать с помощью большого количества громкоговорителей, которые располагаются вокруг слушателя. Примером подобного воспроизведения является система Dolby Atmos, которая предназначена для киноте-

атров. Технология, которая используется для наушников с тем же эффектом, имеет название Binaural Synthesis. Она позволяет создать в области барабанной перепонки акустическое звуковое поле, подобное тому, которое создается в реальной звуковой сцене. В целом развитие систем объемного звука идет по пути создания акустической иллюзии и большинство современных технологий основаны на более или менее удачном обмане физиологии человеческого слуха.

Первая кинокартина, использующая многоканальное, объемное звучание, считается анимационный фильм 1940-го года студии Уолта Диснея «Фантазия» («Fantasia»), для которой была разработана система «фантасаунд» (fantasound). Звук был записан на отдельной киноплёнке в виде четырёхканальной оптической фонограммы, из которых три содержали запись соответственно левого, центрального и правого каналов, а четвёртая была предназначена для управления усилительного тракта для каждого канала. Она содержала контрольные тона, по одному тону для каждого канала, чья амплитуда регулировала коэффициент усиления каждого усилителя [7]. Благодаря этой технологии можно было значительно расширить динамический диапазон, присущий оптической фонограмме, который был заметно низок в тот период, но достаточный для воспроизведения речи. В этот период были проведены эксперименты с окружающим звуком с помощью тыловых и фланговых громкоговорителей [10], и даже объектным панорамированием с помощью потолочных

40 | громкоговорителей, которые уже предвосхищали будущие системы сарраунд и иммерсивного аудио, но в итоге выбор пал на три фронтальных канала и ограничение стерео. Для показа фильма «Фантазия» требовалось два синхронизированных проектора: один для фильма, другой для звука, так как в стандартной 35-мм киноплёнке не хватало места для многоканальной оптической фонограммы. Это, а также необходимость оснащения многоканальным дорогостоящим усилительным трактом и дополнительными громкоговорителями делало данную систему экономически неоправданной, и она прекратила свое существование после нескольких показов.

Тем не менее ее реализация указывает на то, что по крайней мере с 40-х годов искали пути расширения звукового пространства не только по горизонтали, но и по вертикали. Будучи фильмом, в котором музыка играла главенствующую роль, «Фантазия» отчетливо выявляла недостатки монофонических фонограмм того времени, причем главный недостаток был не технический, а фундаментальный: музыка требует пространства, объема, особенно если речь идет о музыке с «плотной» инструментровкой (еще Стравинский жаловался на ранние грамофонные записи, говоря что рояль звучит как будто из горла певца).

В немом кино это проблема не существовала, так как музыка воспроизводилась живьем, а люди, знакомые с классикой, слушали классические произведения в концертном зале, где, кроме локализации, есть еще и атмосфера, созданная реверберацией. Система «фантасаунд» – первая система, создающая ощущение иммерсивности, присущей музыке, с помощью ее пространственного воспроизведения в виде стерео. Необходимо подчеркнуть, что создатели музыкальной партитуры не стремились к точной передаче расположения звуков оркестра, а использовали возможность аппаратного манипулирования их расположением в звуковом поле в художественных целях: «Duplication of an original distribution of sound sources was a *secondary* consideration, and the choice of directions from which sounds were to come was to be entirely at the discretion of the directors, musicians, and technicians»¹. Здесь видны первые признаки «гиперреалистичного» звука.

¹ «Дублирование оригинального распределения источников звука было второстепенной задачей, а выбор направлений, с которых должны были исходить звуки, полностью отдавался на усмотрение режиссеров, музыкантов и техников» (Kellogg, “Final Installment”).

Иммерсивность с самого начала не имела первостепенной целью точное воссоздание звукового поля, а рассматривалась как средство для достижения художественного результата. Еще одной проблемой воспроизведения музыки является передача динамического и частотного диапазонов. В классической музыке динамика имеет большое выразительное значение, тем более, если она является главным «персонажем». Звуковая партитура фильма учитывала технические возможности аппаратуры, композиторы ориентировались на них, по крайней мере в период, когда главенствовала оптическая фонограмма.

Проблему увеличения динамического диапазона оптической фонограммы на данном этапе, до появления Dolby Stereo со системой шумоподавления Dolby A, можно было решить только путём автоматизации усиления во время показа, что требовало один канал для записи контрольных уровней. Но многоканальная оптическая запись требовала наличие двух проекторов. Проблема записи многоканального звука на киноплёнку будет решена только в 50-х годах в виде нанесения магнитных слоев на киноплёнку 70 мм.

Что касается тембра, улучшение в этой области было достигнуто только при магнитной записи, у которой показатели по отношению сигнал/шум, как и по частотному диапазону, намного превосходили показатели оптической фонограммы, не требуя автоматизации динамики или ограничения по высоким частотам с целью уменьшения шума.

Новый качественный скачок в индустрии звуковых эффектов связан с попытками Голливуда выйти из затяжного кризиса, охватившего кинематографическую индустрию Америки во второй половине 50-х годов. Одной из причин сложной ситуации, в которой оказалась киноотрасль, стала конкуренция со стремительно развивающимся телевидением. Зрители стали отдавать предпочтение новому «зрелищу», что привело к существенному снижению кинопосещаемости. В борьбе за иссякающий поток кинозрителей студии наперебой стали предлагать аудитории картины, которые не будут демонстрироваться на маленьком черно-белом экране телевизионных приемников.

«Синерама», «Синемаскоп», система «Виставижн», стереоскопическое кино. Каждая из этих систем предлагала зрителю новое впечатление, среди характеристик которого были: изменение пропорций экрана (эффект погружения), цвет, стереоскопический эффект, объемный звук.

Звуковые эффекты в каждой из этих систем играли немаловажную роль, помогая сделать достоверными визуальные эксперименты, у которых было еще много недостатков и недоработок.

Большая часть экспериментальных систем, которые были предложены зрителям в 50-е годы, в кинематографе, не прижилась и счастливо продолжила свое существование в виде аттракционов в парках развлечений, которые стали развиваться как раз в конце этого десятилетия. Исключением стали только изменение пропорций экрана и стереозвук. Широкий экран пришелся по вкусу зрителям и не требовал слишком значительных вложений в переоборудование кинотеатров.

Особое внимание к звуковым эффектам уделялось при создании «фильмов-катастроф», которые стали еще одной попыткой крупных студий предложить аудитории картину, которой противопоставлен просмотр на «малом экране». Сами катастрофы в этих лентах создавались при помощи миниатюр, которые давали возможность получить эффектные сцены разрушений и стихийных бедствий при минимальных финансовых вложениях, что было особенно важно, так как основная часть бюджета картин уходила на гонорары кинозвезд, которые были надежным гарантом заполнения зрительных залов.

Макеты и модели, дорисовка изображения, метод «синего экрана», «блуждающая маска» помогали воспроизводить на экране зрелищные эпизоды настоящих эпических масштабов: крушение океанского лайнера («Приключения “Посейдона”» – «The Poseidon Adventure», 1974), авиакатастрофы («Аэропорт» – «Airport», 1970; «Аэропорт 1975» – «Airport», 1975, 1974), падение огромного дирижабля («Гинденбург» – «The Hindenburg», 1975), грандиозного пожара в небоскребе («Ад в поднебесье» – «The Towering Inferno», 1974).

Большая часть экранных потрясений происходила в местах, которые были привычны и хорошо знакомы каждому из зрителей. И тем важнее было воссоздание естественного звукового фона каждой из подобных зрелищных сцен. Если катастрофа «звучала» неестественно, то зритель мог бы усомниться в ее реальности и начать внимательно разглядывать «картинку», где (при тщательном анализе изображения) можно было найти приметы использования миниатюр.

В ряде случаев «минимализм» бюджета приводил к тому, что на съемочную площадку попадали обычные миниатюры из

магазина, предназначенные для детей. Именно так произошло во время работы над фильмом-катастрофой из знаменитой серии «Аэропорт» – «Аэропорт 1975». Но грамотное использование освещения, скорости съемки и звуковых эффектов позволило постановщикам добиться необходимой достоверности происходящего, что было особенно важно, учитывая совершенную неправдоподобность сценария, рассказывающего о том, как самолет сталкивается с нефтяной вышкой, падает в море и погружается на дно в состоянии, которое позволяет пассажирам остаться в живых.

Таким образом, можно сказать, что реализм звукового фона был основой важнейших сцен в лентах этого жанра, их поддержкой, помогавшей аудитории поверить в происходящее, стать его участником, погрузиться в атмосферу действия.

Именно так и произошло в ленте Роберта Уайза «Гинденбург» (1975). Картина воспроизводила на экране реальные события и все должно было быть предельно достоверно. Эффекта реальности происходящего на экране можно было достичь только за счет органичного сочетания съемок в полноразмерных декорациях, использования визуальных эффектов (в первую очередь – миниатюр) и звуковых эффектов, которые помогли бы объединить все визуальные составляющие в единое целое.

Для этого при создании звуковых эффектов к фильму постановщик данных эффектов Питер Беркос тщательно изучил все технические и полетные характеристики дирижаблей, особенности двигателей, которые на них использовались, специфику модели, к которой относился «Гинденбург». Все это делалось для того, чтобы при прослушивании звуков работающего двигателя, созданных Беркосом, возникало реальное ощущение огромной массы, которая, тем не менее, летит.

При создании звуковой дорожки к кульминационной сцене падения дирижабля использовались не только записи звуковых эффектов, но и документальный репортаж о крушении реального воздушного судна. В ряде сцен для получения звуковых эффектов использовались практически подручные средства. Когда нужно было «озвучить» Огни Святого Эльма, Беркос использовал набивку для напольного покрытия, которую «щелкали» перед микрофоном.

В 1978 году Макс Белл разработал для «Dolby Laboratories» новую концепцию, которая была протестирована в фильме о Супермене. Она привела к возникновению объемного звука в фильме «Апокалипсис

сегодня», который стал одним из первых официальных релизов в кинотеатрах с тремя каналами в передней и двумя в задней части. В кинотеатрах использовались, как правило, пять динамиков позади экранов 70 мм, но только левый, центральный и правый были использованы на полную частоту, а левоцентристские и правоцентристские применялись только для низких частот. В «Апокалипсисе» кодер/декодер был разработан Майклом Карагосяном тоже для «Dolby Laboratories». Объемный звук создавался группой во главе с Уолтером Мерчем для киностудии «American Zoetrope». Этот формат был также развернут в 1982 году с выпуском стерео объемного звука в фильме «Бегущий по лезвию бритвы».

Таким образом, иммерсивный звук воспроизводит «правильное» ощущение направления и расстояния до источника звука, а также эффекта помещения. Акустическая зона наилучшего восприятия, где воспроизводится звук, могла быть частью пространства или слуха. Современные звуковые системы кинотеатра предназначены для погружения зрителей в источники звука, который ограничен горизонтальной плоскостью на высоте головы слушателя.

Немногие системы объединяют 3D-стереоскопическое видео с возможностями трехмерного звука. Системы виртуальной реальности иногда позволяют нескольким пользователям соединять вместе видео и аудио. Однако это небольшое количество пользователей несопоставимо с большим количеством обычных людей, с которыми работает система кинотеатров. Таким образом, большое количество зрителей в зале кинотеатра является важной характеристикой для данной технологии. Как следствие, следует обратить внимание на пространство, в котором должен воспро-

изводиться звук, поскольку он обычно ориентирован скорее на кинотеатр, чем для системы виртуальной реальности. По всем этим причинам можно сделать вывод, что технологии, используемые в системах виртуальной реальности, не обязательно могут быть лучшим выбором для кинотеатра.

На ежегодной премии «Грэмми» в 2019 году Академия звукозаписи изменила категорию «Surround Sound» на категорию «Immersive Audio». Со стороны могло бы показаться, что это простое переименование. Но речь шла о изменении технологических параметров, то есть о переходе к новым технологиям. Воспроизведение звука перестало быть «окружающим» (с разных сторон на одной плоскости), оно стало объемным – «3D», то есть звук теперь в любой момент мог появиться отовсюду, имитируя реальность.

В заключении хотелось бы подчеркнуть, что с самого начала кино исследовало возможности объемного звука. Объемное звучание неизбежно внедрялось в кино в зависимости от технического прогресса и состояния рынка. Объемный звук стал общедоступным благодаря цифровизации медиа на всех этапах производства и развитию сетевых и бинауральных технологий, а также увеличению и удешевлению компьютерных технологий. И его применение в кино и в музыке обеспечивается в том числе возможностью воспроизведения через наушники с помощью бинауральных технологий, которые уже встраиваются в различных прокатных платформах, как, например, Apple Music. Единственное препятствие на пути полноценного иммерсивного звука в наушниках – это разработка технологии создания личных «отпечатков ушей» для оптимизации параметров анатомической передаточной функции (HRTF), и снижение стоимости этого процесса в дальнейшем.

Список литературы:

- [1] Алдошина И. Многоканальные пространственные системы. Рекомендации международных стандартов // Шоу-Мастер. – 2003, № 2; 3. – С. 86–89; 92–93.
- [2] Голдовский Е.М. Основы кинотехники. – М.: Искусство, 1965. – 636 с.
- [3] Звуковой эффект. 3D аудио или иммерсивные технологии. – Интернет-ресурс. Режим доступа: <https://doctorhead.ru/blog/zvukovoy-effekt-3d-audio-ili-immersivnye-tekhnologii/> (16.01.2022)
- [4] Майоров Н. Хроника советского широкого экрана // Техника и технологии кино. – 2009, № 3. – С. 30–36.
- [5] Меерзон Б. Как развивалась технология Surround Sound. – Интернет-ресурс. Режим доступа: https://www.allprosound.ru/istoriya/Technics/Technics_47.html (16.01.2022)
- [6] Пестриков В. М. 3D звук: актуальность и технические решения // Актуальные проблемы радио- и кинотехнологий: материалы II Международной научно-технической конференции, 24–27 октября 2017 г. – СПб.: СПбГИКиТ, 2018. – С. 181–194.
- [7] Bernard J. All About Surround Sound // Radio-electronics. V. 61. – 1990, № 6.
- [8] Beyond Dolby (Stereo): Cinema in the Digital Sound Age / Kerins M. – Bloomington, Indiana: Indiana University Press. – 2011.
- [9] Sound design & science fiction / Whittington W. – Austin: University of Texas Press. – 2007.
- [10] Garity W.M.E., Hawkins J.N.A. Fantasound // Journal of the Society of Motion Picture Engineers. V. 37. – 1941, № 8.

СОВЕТСКИЙ МАРШ В ЭПОХУ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ (1941–1945 ГОДЫ)

Исследование посвящено символу музыкальной жизни эпохи Великой Отечественной войны – советскому маршу для духового оркестра. Автор выявляет общие закономерности маршевой музыки 1941–1945 годов в творчестве ведущих военных авторов – С. Чернецкого и Н. Иванова-Радкевича, а также корифеев советского музыкального искусства Н. Мяскового, А. Хачатуряна, Д. Шостаковича, С. Прокофьева. Раскрываются характерные черты жанра, относящиеся к форме, тональному плану, особенностям музыкального языка (мелодия, гармония, ритм и пр.). Актуальность работы и ее научная новизна характеризуются тем, что исследователем предпринята попытка рассмотреть маршевый репертуар отечественных военных оркестров через призму исторических военных событий. Подчеркивается значение марша как основного жанра советской музыки в военный период; определяется роль марша как важнейшего инструмента политического и идеологического влияния на массовое сознание; характеризуется и обобщается тематическое многообразие маршей военных лет. Цель исследования – выявление на примере анализа отдельных образцов жанра музыкально-выразительных средств, художественно-эстетических установок в маршевом творчестве военного периода; обозначение различных путей развития маршевой музыки: от использования марша, как основы служебно-строевого репертуара до создания концертных образцов жанра; обобщение представления об эволюции марша в истории отечественной музыкальной культуры советского военного периода.

Ключевые слова:

Великая Отечественная война, военно-духовой оркестр, жанр, Н. Иванов-Радкевич, маршевое творчество, музыка, советский марш.

Схаплок Г.А. Советский марш в эпоху Великой Отечественной войны (1941–1945 годы) // Общество. Среда. Развитие. – 2022, № 1. – С. 43–50. – DOI 10.53115/19975996_2022_01_043-050.

© Схаплок Галина Андреевна – кандидат искусствоведения, доцент, Военный университет Министерства обороны Российской Федерации, Москва; e-mail: galundik@yandex.ru

Период Великой Отечественной войны представляет собой интереснейший этап в развитии советского марша для военно-духового оркестра. Значение массовых жанров в эту историческую эпоху трудно переоценить. Марш как жанр обобщающего характера и песни, сопровождая людей во всех трудностях боевых событий и разделяя напряженный ритм жизни советского государства, становятся своего рода символами музыкальной жизни военного времени¹.

Весьма значительной в распространении маршевой музыки оказалась роль как образцовых военных оркестров, так и быстро возникающих новых оркестров различных войсковых частей при штабах фронтов. В тяжелейших военных услови-

ях, в непосредственной близости от фашистов, музыкальные коллективы продолжали свою творческую работу и давали тысячи концертов для солдат, поддерживая их моральное состояние и боевой дух.

Военно-духовые оркестры принимали активное участие и в работе радио. Радиовещание в годы Великой Отечественной войны, как известно, было одним из мощнейших идеологических средств, влияющих на массовое сознание. Основной репертуар оркестров включал и народную музыку, и сочинения русских композиторов, но главным жанром оставался преимущественно советский марш; маршевые произведения отечественных авторов занимали едва ли не лидирующее место по частоте транслирования.

Перед музыкальным искусством периода войны стояли определенные задачи; в первую очередь – содействие объединению сил для героической борьбы советского народа с фашистскими захватчиками и достижению долгожданной победы. Темы героизма, мужественного подвига выдвигались на передний план. Воинам требовалась новая музыка, способная укрепить патриотические чувства, морально-боевые качества и дисциплину. С такой идейно-политической задачей лучше всего должен был справиться именно марш. Возможности жанра полностью отвечали «боевым» установкам: ритмическая организованность, собранность, фоническая звучность, динамичность формы, ясный, простой и доходчивый мелодический и гармонический материал. Таким образом, роль этого жанра уже на начальном этапе войны моментально возросла.

Необычайно многообразной была тематика маршей военных лет. Это связывалось отчасти с тем, что внушительное количество сочинений посвящалось конкретным видам вооруженных сил и родам войск, а также воинским профессиям (танкистам, артиллеристам, десантникам, морякам и пр.). На это в первую очередь указывало название марша. И хотя оно было условным и не могло в полной мере отразить программу и сюжет, но, все же, вызывало определенный ассоциативный ряд. Подобных сочинений было создано подавляющее большинство: к примеру, известностью пользовались «Марш летчиков» Н. Ракова, «Марш танкистов» и «8-й стрелковой дивизии имени Панфилова» С. Чернецкого, «Черноморский марш» Ю. Хайта, «Фронтовик» К. Москаленко и другие.

Большую популярность приобретает знаменитый марш Н. Иванова-Радкевича «Варяг», восхваляющий подвиг советских моряков в годы войны с немецкими захватчиками. Композитор использует здесь народную песню на слова Р. Рейнеца «Памяти Варяга», посвященную легендарному сражению бронепалубного крейсера «Варяг» в русско-японской войне 1904–1905 гг. Н. Иванов-Радкевич подвергает заимствованный песенный материал фактурному и темброво-регистровому изменению, активно использует разнообразные динамические оттенки и артикуляционные приемы. Впервые тема появляется во вступлении, выступая своеобразным эпиграфом к маршу; мелодия проходит у медных и деревянных духовых инструментов в аккордовом изложении, что придает звучанию торжественности и монументальности. Последую-

щие проведения темы даются в различных тембровых и динамических сочетаниях в соответствии с замыслом и драматургией всего произведения: от безмятежного просветленного состояния в начале – до напряженного и драматичного финала.

Образованию советской гвардии адресована целая серия маршевых произведений. Так, блестящим мастером служебно-строевой разновидности жанра похваливает себя В. Рунов. Его гвардейские марши в основном предназначены для выполнения уставных задач и не отличаются особой музыкальной выразительностью. Темы сочинений В. Рунова преимущественно строятся на мелодике трезвучий и гамм, а в основе развития материала лежат секвентные принципы. Среди прочих особую популярность приобретает строевой «Марш гвардейцев-минометчиков» С. Чернецкого, посвященный советским артиллеристам, вооруженным реактивными минометами БМ-8 и БМ-13 («Катюша»). Неслучайно композитор применяет в качестве контрапункта к первой теме марша всеми любимую песню М. Блантера «Катюша».

Творческая деятельность Семёна Александровича Чернецкого стала, без сомнения, самой продуктивной в эпоху Великой Отечественной войны. Выдающийся русский военный композитор с 1941 по 1945 годы создал десятки маршей. Именно генерал-майор С. Чернецкий руководил сводным военным оркестром на историческом Параде Победы 24 июня 1945 года.

С. Чернецкий пишет большое число строевых маршей, посвященных отличившимся в боях воинским частям: несколько сочинений предназначается для гвардейского кавалерийского корпуса, а также для мотострелковой и стрелковой дивизий. Интересны такие посвящения, как «Марш военных топографов» или «Марш бомбардировочной авиации».

Ярким сочинением С. Чернецкого является «Марш танкистов», главную тему которого, лишенную певучести, можно назвать образцовой по строгости и отчетливости ритмического рисунка. При повторном проведении основная диатоническая тема марша искусно обогащается нисходящим хроматическим голосом теноров и баритонов в противосложении.

Тот же принцип контрастного сопоставления двух мелодий задействован и в трио марша. Все три части композиции отличаются сосредоточенным, сдержанным, чеканным характером музыки.

Лучшие произведения композитора, среди которых «Герои Сталинграда»,

Пример 1. С. Чернецкий «Марш танкистов», повторное проведение основной темы в первой части

«Слава Родине», «Торжественный марш», «Встречный марш танкистов», «Победа за нами», «Салют Москвы», «Юбилейный встречный марш Красной Армии» и многие другие являются репертуарными в современных военно-музыкальных коллективах и часто исполняются на торжественных парадах, смотрах войск и различных церемониях.

Даже те авторы, которые прежде не уделяли маршу особенного внимания и не писавшие их вообще, смогли создать наиболее яркие и вдохновенные образцы жанра в военные годы. Всего за период Великой Отечественной войны было написано более 250 маршей. Впервые к жанру обратились композиторы М. Старокадомский («Победа за нами», «Боевые друзья», «Враг будет разбит») и В. Мурадели («Наступление», «Черноморцы»).

Активизируется творческая деятельность З. Компанейца («Страна Советов», «Море зовет»), Д. Салиман-Владимирова («Колонный марш», «Торжественный марш»), М. Мильмана («Панфиловцы», «Русский марш»), Л. Шварца («Салют»), А. Дзегеленка («Конногвардейский марш»), В. Кручинина («Марш советской конницы»), К. Караева («Азербайджанский марш»). Ряд произведений на военную тему принадле-

жит Н. Ракову; среди них «Танкист», «Доблесть», «Героический марш», «За Родину». Форма этих сочинений отличается камерностью и филигранностью склада, а гармония – остротой и утонченностью.

В области строевого марша результативной оказывается работа Ю. Хайта. Наиболее репертуарные его произведения – марши «Слава героям», «Морская гвардия», «Встречный» – не выделяются оригинальностью тематического материала, зато отличаются подвижностью и доходчивостью, эффектной, блестящей звучностью, яркой качественной инструментовкой.

На фронтовые годы пришелся расцвет творческой активности классика отечественного военного марша Н. Иванова-Радкевича. За четыре выдающихся сочинения, написанных в первый же год войны (героические марши «Капитан Гастелло» и «Народные мстители», марш на русские народные темы «Родная Москва» и праздничный «Победный марш») Н. Иванов-Радкевич в 1943 году был удостоен высочайшей государственной награды – Сталинской премии. Это явилось свидетельством не только профессионализма и мастерства композитора, но и почетной, возвышенной роли и особой миссии жанра марша в военную эпоху.

Пример 2. С. Прокофьев *Марш В-dur*, начало

Крупнейшие русские композиторы, среди которых Р. Глиэр, С. Прокофьев, Д. Шостакович, А. Хачатурян, В. Шебалин тоже не остались в стороне и проявили большой интерес к жанру военного марша в годы Великой Отечественной войны. Это оказало огромное влияние на развитие маршевой музыки.

В 1941 году Н. Мясковский создает «Героический марш». Признанный мастер в области симфонических произведений, композитор и в жанр марша «привносит черты симфонизма, сказывающиеся в динамичной экспрессии образов, в напряженном тематическом развитии, в полифонизации оркестровой фактуры» [3].

Широкое распространение в репертуаре военных коллективов получает марш А. Хачатуряна «Героям Отечественной войны». В основу сочинения ложится восточный национальный материал, что особенно проявляется в мягкой, звучной теме трио, написанной в гармоническом мажоре. Главная же тема марша по характеру темпераментна и решительна, чему способствует четкий ритмический рисунок с элементами пунктира, подчеркивающего строевой шаг.

Своеобразен в музыкальном отношении марш В-dur С. Прокофьева, созданный в 1943 году². Это сочинение, написанное по канонам жанра в плане формы, обнаруживает вместе с тем оригинальные черты прокофьевского стиля: энергичную напористую первую тему марша скерцозного

типа, оригинальные тональные смещения на полутон и неожиданные возвращения в основную тональность, широкие скачки в напевной мелодии трио, эффектные созвучия гармонической вертикали. Этот опус композитора является весьма необычным претворением жанра концертного марша.

Произведения эпохи Великой Отечественной войны живо откликались на боевые эпизоды и переломные события военной истории. В этом плане маршевое творчество мы могли бы рассматривать как летопись Великой Отечественной войны. Так, марш Н. Иванова-Радкевича «Родная Москва» был написан в честь крупной победы Красной Армии над фашистскими войсками под столицей в 1941 году. «Марш Ленинградских гвардейских стрелковых дивизий» С. Чернецкого сочинялся в связи с прорывом блокады Ленинграда. «Черноморцы» В. Мурадели стал посвящением участникам героической обороны Севастополя и Одессы. Марши С. Чернецкого «Вступление Красной Армии в Будапешт» и «Вступление Красной Армии в Бухарест» запечатлели освободительные действия советских войск в европейских государствах. В этих произведениях композитор использовал подлинные венгерские и румынские народные песни.

Велико желание авторов правдиво отобразить в маршевой музыке героизм и подвиги советских воинов, их чувства и мысли, веру и стремление к победе. Один из лучших своих маршей Н. Иванов-Радке-

Пример 3. Н. Иванов-Радкевич. Марш «Капитан Гастелло», начало

вич посвящает герою войны летчику Николаю Гастелло. Композитор обращается к традиционной сложной трехчастной форме с трио. Первую часть марша (простую трехчастную с серединой развивающего типа) предваряет вступление из четырех тактов. Уже во вступлении воплощается действенный целеустремленный образ героя, благодаря использованию усложненной диссонирующей гармонии (DD, D с секстой, D7 с секстой) и туттийной фактуры. Драматичная трезвучно-фанфарная основная тема марша, содержащая устремленные «пронизывающие пространство» мелодические интонации и обогащенная хроматизмами в сочетании с напряженной сложной гармонией, придает сочинению экспрессивный, романтико-патетический характер, подчеркивает легендарный облик героя-летчика. Трио марша написано в простой трехчастной форме с динамической репризой, оно имеет более просветленный, песенный характер. Начальные такты темы содержат фанфарные элементы и интонационно схожи с французской «Марсельезой».

Летом и осенью 1941 года Красная армия терпела сокрушительные поражения в борьбе с немецко-фашистскими войсками, была вынуждена отступать и оставлять врагу ряд городов и областей. Эта печальная страница истории Великой Отечественной войны не могла не отразиться на характере первых военных маршей. Музыка этих сочинений отличалась сдержанным, суровым тоном высказывания.

К драматическому типу марша можно отнести упомянутый выше «Капитан Га-

стелло» Н. Иванова-Радкевича и его же марш «Народные мстители», воссоздающий образ советских героев-партизан. Композиция имеет стандартную сложную трехчастную форму. Главная тема марша «Народные мстители» практически лишена традиционного аккомпанемента; она излагается унисонным жестким звучанием, содержит крутые изломы мелодии, скачки, необычные гармонические повороты. Наиболее выразительная часть марша – трио; в ней автор применяет оригинальные композиционные приемы. Широкая главная мелодическая линия, выдержанная в народно-русском духе, поручена здесь не баритонам, а низким басам, что усиливает художественную образность произведения. При повторении же трио композитор вместо динамизированного проведения темы, как это принято, использует приглушенное звучание на пианиссимо. В целом музыке марша свойственен суровый, аскетичный, даже мрачный колорит, вызванный самим сюжетом мщения партизан.

Сдержанным и строгим в эмоциональном плане является концертный марш Н. Чемберджи «Слава гвардейцам». По определению В.А. Цуккермана, это «один из лучших героических маршей. Главная тема его сурова, очень значительна и мужественна; в ней, быть может, мало осязательного пафоса, но есть в ней отвага и решимость, она звучит как «тема подвига» или «тема клятвы»» [9, с. 52].

Конечно, симфонические масштабы и глубины не свойственны жанру марша; он лишен возможности широкомасштабно-

Сурово. $\text{♩} = 104$

Пример 4. Н. Иванов-Радкевич. Марш «Народные мстители», начало

го развития, его драматургическое пространство весьма ограничено. Поэтому маршей героико-драматического направления в военные годы создается не много. К тому же «в условиях насаждавшейся с довоенных лет установки на парадность в сфере военной музыки обращение к трагическим аспектам жизни могло быть расценено (и расценивалось!) как проявление пораженческих настроений» [3].

Напротив, накаленная обстановка в стране диктовала иные условия. Требовались броские, лаконичные сочинения, мотивирующие общественную мысль и энергию в целях борьбы и достижения победы над врагом. Показательным стало в этом отношении то, что многие произведения имели призывные, категоричные названия-девизы, задававшие верный тон музыке. В качестве примеров – марши «За Родину» и «В атаку» Н. Ракова, «Враг будет разбит» М. Старокадомского, «В боевой поход» Н. Иванова-Радкевича.

Коренной перелом в ходе Великой Отечественной войны, начавшийся с первого крупного поражения немецких войск под столицей в 1941 году и перехода Красной

Армии в контр наступление под Сталинградом в 1942 году вносит иной характер и в маршевую музыку. Как отмечает В. Турунов, сочинения «появившиеся на втором и третьем этапах войны, чаще всего отличаются светлые, радостные чувства, в них отражается торжество победы» [8, с. 373]. Оптимистичное светлое настроение присуще маршу «Салют Москвы» С. Чернецкого, созданному на завершающем этапе войны. Чувство предвкушения радостного праздника, ощущаемого в музыке, композитор достигает оригинальным способом, – включив известную цитату из «Песни о Родине» И. Дунаевского, используемую как позывные Всесоюзного радио, во вступление и первую часть сочинения.

Широко представлена в маршах Великой Отечественной войны тема победного торжества. Среди произведений такой направленности выделяются компактные по форме, но мелодически яркие и величественные по характеру марши С. Чернецкого – «Юбилейный марш Красной Армии», а также «Встречный марш» и «Рокоссовский» (Торжественный марш), написанные без трио.

Пример 5. Н. Иванов-Радкевич Марш «Родная Москва». Трансформация заимствованного материала

Праздничная стихия пронизывает большинство произведений последнего года войны, маршам «Парад Победы» и «Знамя Победы» Н. Иванова-Радкевича, «Праздник Победы» и «Торжество Победы» С. Чернецкого свойственны эмоциональная приподнятость и торжественность, величие и сила, позволяющие ощутить радостные переживания окончания войны в полной мере.

Лирические и душевные настроения также можно обнаружить в ряде маршей военной поры. Хотя сам жанр мало приспособлен к выражению сердечных переживаний, этот пласт все же раскрывается через проникновение в марш русской песенности. Однако следует заметить, что использование в маршевом творчестве именно русского песенного фольклора было скорее исключением, чем правилом. Такой марш – редкое явление в довоенное время и в период Великой Отечественной войны он также представлен единичными случаями. Один из лучших в этом жанре – «Родная Москва» Н. Иванова-Радкевича. Композитор органично выстраивает главную тему первой части марша на начальной фразе русской народной песни «Вдоль по Питерской»³. При этом автор трансформирует характер широкой мягкой музыки первоисточника путем преобразования ее ритмической и интонационной структуры. В результате народная мелодия превращается в энергично-упругую тему со звонким металлическим оттенком и чеканным ритмом.

Гораздо глубже продвинулся марш, основанный на песенном творчестве различных национальностей СССР. Такой тип марша был широко представлен еще в довоенный период. Слияние двух стихий отразилось на мелодической выразительности, органичности, оригинальности сочинений и позволило создать высокохудожественные образцы жанра. Строевые марши, испытавшие влияние песни, становились менее сухими, приобретали пе-

вучесть, эмоциональную наполненность. Кантиленные напевные темы, прежде всего, занимали место в трио произведений. В попытке объединить моторно-маршевое и вокальное начала композиторы даже пришли к идее песенно-хорового трио. Как пример – марш В. Мурадели «Наступление», где трио представляло собой массовую песню для хора с оркестром.

Среди маршей на национальной народно-песенной основе – «Родной Донбасс» С. Чернецкого, «Русский марш» В. Шебалина, «Киргизский марш» («Панфиловцы») М. Мильмана, «Узбекистан» Л. Шварца, «Первый конный корпус» В. Кручинина. К маршам национального характера относятся сочинения Д. Салиман-Владимирова «Украинский марш», «Марш уральских патриотов», «Марш 3-й гвардейской Уральской дивизии». Песенный фольклор претворяется в национальном марше «Советская Башкирия» Н. Чемберджи: композитор создает мелодически «свежие», выразительные темы, выдерживая в них народную пентатонную основу. Обращение к музыкально-тематическому материалу многонациональной Родины проявляется также в произведениях А. Сатяна, М. Штейнберга, Ш. Тактакишвили, К. Караева и многих других композиторов.

В целом за период войны жанр марша заметно эволюционирует и в качественном и еще больше в количественном отношении. Служебно-строевой марш обнаруживает художественную простоту, ясность, доступность музыки, что отражается на «приказном» характере мелодий, на строгой ритмической дисциплине маршевых сочинений. Немногочисленные, но яркие образцы создаются в области концертного марша. Эта категория произведений демонстрирует широчайший диапазон типов: от героического до скерцозного.

Обновления музыкального языка маршей проявились на всех уровнях: и в мелодии, и в гармонии, и в форме, и в фактуре, и в инструментровке. Заметно возросла

степень композиторской техники в этом жанре. Вместе с тем, авторы использовали различные «сложности» в меру, не перегружая содержательность произведений. Здесь учитывался тот факт, что марш военных лет, прежде всего, был адресован миллионной аудитории – радиослушателям, а также непосредственно обычным солдатам Красной Армии.

Интерес к жанру и мастерство авторов, обратившихся к маршу в военную пору, привели к исключительному результату. Тяжелейшие условия существования, царившие в стране с 1941–1945 годов, пробудили небывалый патриотический подъем в душах людей. Жанр военного марша эпохи Великой Отечественной войны поднялся на недостижимую высоту: самые ис-

кренние чувства любви к отечеству были вдохновенно претворены художниками в удивительно красивой музыке маршей.

До сей поры марши военных лет считаются непревзойденными образцами жанра, а сама эпоха, длившаяся четыре года (что несопоставимо по продолжительности с довоенным советским периодом) не только не уступает предшествующей, но во многом превосходит ее и справедливо может трактоваться как отдельная глава в истории советского марша. В этой связи одной из главных задач на современном этапе развития отечественной военно-музыкальной культуры видится сохранение и передача будущим поколениям выдающегося культурно-исторического наследия в области военно-духовой музыки.

Список литературы:

- [1] Аксенов Е.С. Новое в инструментовке советского военного марша // Труды факультета. Вып.10. – М.: ВДФ, 1970. – 132 с.
- [2] Военная музыка России: история и современность / Е.С. Аксенов и др. – М.: Военное изд-во, 2007. – 247 с.
- [3] История современной отечественной музыки. Выпуск 1. Массовые музыкальные жанры. – Интернет-ресурс. Режим доступа: https://ale07.ru/music/notes/song/songbook/isom/isom2_2_3.htm (12.02.2021)
- [4] Малютин А.С. Формирование служебно-строевого репертуара отечественных военных оркестров (1918–1980-е годы) / Дисс. ... канд. иск. наук. – Ростов-на-Дону, 2019. – 273 с.
- [5] Матвеев В.В. Русский военный оркестр: хрестоматия по истории отечественной военной музыки. Ч. I. – М.: Музыка, 1981. – 389 с.
- [6] Никитина Л.Д. Советская музыка. История и современность. – М.: Музыка, 1991. – 278 с.
- [7] Петропавловский А.В. Заимствованный материал в отечественном марше для военно-духового оркестра: оркестровые средства воплощения и особенности восприятия / Дисс. ... канд. иск. наук. – Саратов, 2015. – 211 с.
- [8] Тутунов В.И. История военной музыки России / Под общ. ред. Е.С. Аксенова. – М.: Музыка, 2005. – 496 с.
- [9] Цуккерман В.А. Произведения для духового оркестра // Хрестоматия по отечественной военной музыки. Часть II. Советская военная музыка. – М.: ВДФ, 1988. – С. 21–93.
- [10] Черток М.Д. Военные марши России. К 200-летию Отечественной войны 1812 года. – М.: Канон+, 2013. – 368 с.

¹ Не случайно и самая популярная песня военных лет «Священная война» А.В. Александрова, написанная в трехдольном размере, исполнялась армейскими и флотскими духовыми оркестрами в качестве марша.

² Этот марш Прокофьев затем использовал для создания музыкального образа летчика Алексея Мересьева – главного персонажа оперы «Повесть о настоящем человеке» (по произведению Бориса Полевого).

³ Композитор обратился к мелодии, начальные слова которой указывали на известную улицу Москвы (Тверская-Ямская улица называлась ранее Питерской, потому что на площади Тверской заставы путешественники занимали ямщиков для поездки в столицу в Санкт-Петербург). Песня была широко известна и любима среди народа и выражала преданное отношение к столице, где в период Великой Отечественной войны велись бои за ее освобождение.

СЦЕНИЧЕСКОЕ СОБЫТИЕ КАК ЕДИНИЦА ДЕЙСТВИЯ В ДРАМАТИЧЕСКОМ СПЕКТАКЛЕ

В структуре сценической жизни, которую режиссёр организует в соответствии с основополагающими принципами учения К.С. Станиславского, важное место принадлежит событию. К профессиональному термину «событие» неизбежно обращаются и режиссёры, и актёры в процессе действенного анализа пьесы и роли. Вместе с тем единого понимания и единой трактовки понятия «событие» применительно к сценическому искусству нет. Те немногие его определения и толкования, которые имеются, нередко противоречат друг другу. Неопределённость и путанность в этом вопросе объясняются неоднозначностью и сложностью предмета. Кроме того, в терминологическом аппарате современной сценической педагогики, во многом стихийной, словом «событие» обозначаются разные по смыслу понятия и явления – «сценическое событие», «актёрское событие», «режиссёрское событие», «исходное событие», «центральное событие», «главное событие». Условимся, что в нижеследующем тексте понятия «сценическое событие» и «событие» равнозначны. Цель данной статьи – выделить специфику события применительно к актёрскому действию; отделить событие от действенного факта; дать более полное определение термину «сценическое событие».

Ключевые слова:

действенный факт, оценка, перемена цели, событие, событие как процесс, сценическое событие.

Максимов А.Н. Сценическое событие как единица действия в драматическом спектакле // Общество. Среда. Развитие. – 2022, № 1. – С. 51–54. – DOI 10.53115/19975996_2022_01_051-054.

© Максимов Андрей Николаевич – профессор, Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена, Санкт-Петербург; e-mail: tat18898985@yandex.ru

Вопрос о событии в драме впервые поставил, а точнее сказать – обозначил, К.С. Станиславский. Это случилось в поздние годы его жизни, когда размышления и находки великого педагога записывали, присутствуя на его репетициях, ученики и последователи, и если говорить о необходимости полагаться на материал в строгой авторской редакции, то его попросту нет. Сегодня можно утверждать лишь одно: развивая своё учение о законах органического существования актёра в образе, нащупывая и обозначая элементы сценического действия, Станиславский открыл явление, которое в сегодняшней режиссуре называется сценическим событием.

Спустя годы ученица Станиславского и выдающийся театральный педагог Мария Кнебель в своей книге «О действенном анализе пьесы и роли» посвятит теме событий отдельную главу и в ней напишет: «В пьесе события, или, как называл их Станиславский, действенные факты, составляют ту основу, на которой и построена автором пьеса. Актёр должен глубоко изучить всю цепь действенных фактов пьесы». [1, с. 44]

Итак, по Станиславскому, событие – то же самое, что действенный факт, при этом действенный факт – это поворот, перелом,

словом всё то, что, соотносясь со словом «вдруг», меняет действие. Эти формулировки и поныне остаются в рабочем арсенале отдельных театральных школ России, в первую очередь московских.

А вот театральная педагогика Петербурга, опирающаяся на режиссёрскую школу Георгия Товстоногова, предлагает другое определение: событие – это сумма предлагаемых обстоятельств малого круга с одним действием. Действие же, по Товстоногову, – это единый психофизический процесс достижения цели в борьбе с предлагаемыми обстоятельствами малого круга, каким-либо образом выраженный во времени и пространстве [2, с. 9]. То есть событие – это процесс. Процесс с присущей ему длительностью во времени. Тогда как действенный факт – одномоментное, мгновенное «вдруг». Поворот, пусть и меняющий действие, – это всего лишь факт, не процесс!

Таким образом, обнаружившиеся расхождения имеют принципиальное значение: действенный факт, он же событие в московской парадигме – это факт, тогда как в представлении петербургской школы **событие – это процесс.**

Факт невозможно ни прожить, ни сыграть, на него можно среагировать, оце-

нить. То самое «вдруг» может задеть душу и породить отношение к нему, и лишь после этого рождается новое действие. Действенный факт – «пусковой крючок» к событию, он принадлежит к термину «оценка», о котором речь пойдет ниже, и собственно событием не является. **Нельзя ставить знак равенства между действенным фактом и событием.**

Следует, однако, заметить, что Станиславский, нащупав и открыв сценическое событие, был близок к тому, чтобы ухватить его суть. «Не сами факты, а отношения к ним действующих лиц становится главным центром, сущностью, за которой сбиением сердца следит зритель» [3, с. 247]. Разве не о психофизическом процессе идёт здесь речь, поскольку это то единственное, что вызывает живой отклик в зрителе и ради чего существует театр?

Спустя десятилетия Товстоногов сумел сформулировать то, что для Станиславского было хоть и угаданным, но еще неизъяснимым, трудно выразимым. Трудность объяснялась в первую очередь тем, что при жизни Станиславского у термина «событие» было однозначное словарное толкование: событие – **то, что случилось**; значительное **явление, факт** общественной или личной жизни. То есть событие понималось исключительно как нечто одномоментное, то есть как препятствие, которое меняет поведение персонажа и уже не принадлежит настоящему, остается в прошлом.

Современные достижения философии и лингвистики перечеркнули отношение к событию исключительно как к факту из прошлого. Так, по мнению Зены Вендлера, термин «событие» охватывает такие понятия, как **процесс, действие**. А вот чем, по мнению Н.Д. Арутюновой, разнятся «факт» и «событие»: «факт ориентирован на логическое пространство, организованное координатами истины и лжи, а **событие ориентировано на поток происходящего в реальном пространстве и времени**» [4, с. 167–168].

Исходя из вышеизложенного, становится очевидным, что определяющий признак сценического события – его длительность во времени и пространстве. **Сценическое событие никогда не отвечает на вопрос «что случилось?», оно отвечает исключительно на вопрос «что происходит?» и непосредственно относится к действию, которое представляет собой сложный многомерный процесс, протекающий в психофизическом континууме актёра.**

Зато вопрос «что случилось?» соотносится исключительно с действенным фактом, и Станиславский называл его событием.

Представьте, что вы пришли домой с премьеры и вас попросили пересказать спектакль по событиям. «В спектакле, – рассказываете вы, – Ваня и Маша только что сыграли свадьбу, и вдруг война, и Ваню забирают на фронт, а Машу фашисты угоняют в плен, и ...»

Обратите внимание, что все события в пересказе отвечают на вопрос «что случилось?». То есть вы пересказали спектакль по событиям-действенным фактам, и в этом случае факт – **это осмысление события через рассказ, это отражение в нашем сознании событий, которые происходят в реальности.**

Мы всегда пересказываем спектакль по событиям, которые, если строго придерживаться смысла, корректнее называть фактами. События, по которым пересказывается сюжет, – это не сценические события, это действительные факты. При этом пересказать сюжет по действенным фактам можно, а по событиям – крайне трудно, причём для этого нужно быть режиссёром, который объясняет актёрам все подробности сценического процесса. Процесс, протекающий в психофизиологическом континууме актёра, бытовому пересказу не подлежит.

Запомним: живой процесс события, подразумевающий «жизнь человеческого духа», соотносится исключительно с вопросом «что происходит?». Вопрос же «что случилось?», сопутствующий действенному факту, принадлежит умершему мигу.

Так что же, обнаруженный Станиславским действенный факт, ошибочно приравненный им к событию, – для сценического воплощения ничего не значит? Значит, и очень много.

На первом этапе, когда идёт разбор пьесы, достаточно разбить её на фрагменты и изучить происходящие в ней события как повороты, изменения сюжета, то есть как действительные факты.

А вот когда после разбора пьесы наступает этап её сценического воплощения, обнаруживается необходимость в понимании события как процесса.

Определение сценических событий в пьесе – процесс сложный, интеллектуально трудоёмкий, канительный, запутанный. Применительно к театру событие событию рознь, тут важно избежать путаницы понятий. Имеются события, касающиеся фабулы пьесы, некая череда причин и

следствий, следить за которыми предлагает драматург, это такие вешки, поворотные пункты, опираясь на которые можно пересказать содержание пьесы или спектакля. Есть события режиссёрские: исходное, центральное, финальное, главное – их тоже можно пересказать посредством действенных фактов. **А есть события сценические, они принципиально иные и касаются живого, непосредственного процесса проживания актером «жизни человеческого духа» и затрагивают обстоятельства только малого круга.**

В комплексе режиссёрских задач это, пожалуй, главная задача – определить в спектакле цепь сценических событий и затем внутри каждого события выстроить актёрское действие. Ленинградский театральный педагог Аркадий Кацман учил: «При анализе отрывка или пьесы нужно обязательно ставить вопрос: сколько здесь событий?» [5, с. 1].

Но как осуществить задачу, как найти в пьесе события? Сначала – определить цепь важных фактов, дающих действию поворот, то есть установить действенные факты. Затем обозначить события, порождённые действенными фактами. И далее внутри каждого обозначенного события выстроить актёрское действие.

В жизни нас окружают разные обстоятельства, на которые мы вынуждены обращать внимание, но не всякое обстоятельство становится тем препятствием, которое меняет нашу цель и заставляет изменить поведение.

Обратимся к примеру. Некто Иванов идёт в магазин за квасом, и его цель – отметить победу над коронавирусом. И вдруг... Пожар! Гараж какой-то горит. Тут возможны два варианта развития ситуации.

Иванов говорит себе: «Какое мне дело, горит чей-то гараж, я не буду отклоняться от маршрута за квасом». Горящий гараж не стал для Иванова событием, остался просто неожиданно возникшим обстоятельством. Новое действие не началось, поскольку Иванов не начал звонить пожарным, не кинулся тушить огонь. Иванов продолжил выполнять свою задачу, его цель не изменилась. Так иногда поступают автомобилисты, трусливо покидая место аварии: они не хотят, чтобы это стало событием. И действительно, **если ты не принимаешь в чём-то участия, то событие это не становится.**

Но, допустим, Иванов видит огонь и понимает, что горит его собственный гараж. Караул! Что делать? Срочно позво-

нить пожарным. Но пожарная часть отсюда далеко и наверняка пожарные приедут без воды и поедут к озеру заправляться. Может, сам потушу? Надо кликнуть соседей на помощь. Люди добрые, помогите потушить пожар!

То есть неожиданно возникшие обстоятельства отменяют прежнюю задачу – в магазин за квасом – и выдвигают новую цель: потушить пожар. Определены новые цели, поставлены новые задачи – и Иванов попадает в другое событие. Он и забыл, что шел за квасом, теперь он стал пожарным. Начинается новое событие.

Структура сценического события всегда триединая: цель – действие – приспособление. На примере с пожаром цель – потушить пожар; действие – принимается тушить пожар, приспособление – как тушит: звонит пожарным, зовёт соседей, заливает водой.

Итак, событие назревает тогда, когда появляется новое предлагаемое обстоятельство (действенный факт!). Но утверждать, что событие всегда располагается между двумя неожиданно возникшими обстоятельствами, между двумя соседними «вдруг», неверно, не всякое «вдруг» выстреливает событием. Необходимо ещё нечто, чтобы событие состоялось, необходимо, чтобы сработал некий рычаг, который переключает ход сценического существования с одного события на другое. Имя этому рычагу – **оценка**.

«Процесс перехода из одного события в другое называется оценкой; в оценке умирает предыдущее событие и рождается новое; смена событий происходит через оценку» – такое понимание связи события и оценки даёт режиссерская школа Товстоногова [2, с. 10].

Оценка начинается с появления первого её признака – первой реакции на неожиданный поворот. В примере Иванов видит пожар издали и испытывает характерную для любого человека встревоженность. А дальше Иванов соображает, что пожар-то где-то рядом с его гаражом! «Не мой ли гараж горит?» – ёкает сердце у Иванова. А вот Иванов окончательно соображает: «Батюшки, да это же горит мой гараж!».

Такое расширение впечатлений и накопление реакций от нейтральных до острых называется собиранием признаков оценки, от низшего признака к высшему (по Товстоногову).

В момент появления высшего признака – «Да это же мой гараж горит!» – рождается новая цель: бежать тушить пожар.

В высшем признаке оценки рождается новая цель, следовательно, в высшем признаке начинается новое событие. (К пониманию слова «признак»: одно из его словарных определений – «впечатление, оставляемое в сознании человека чем-то или кем-то»).

Спектакль – не что иное, как цепь событий, перемежающихся оценками. Событие – оценка, следующее событие – оценка, следующее событие – оценка... Таким образом, можно дать определение: **событие – это фрагмент сценической жизни, ограниченный двумя оценками, меняющими цель, и проживаемый во времени как процесс, включающий в себя все элементы актёрского действия.**

Выводы

На начальном этапе, когда идёт разбор пьесы, достаточно разбить её на фрагменты и изучить происходящие в ней события как факты, то есть как повороты, изменения сюжета. Однако дальше, на этапе сценического воплощения, без определения событий, их содержания и границ обойтись невозможно.

Когда режиссёр осуществляет действенный анализ пьесы, в первую очередь он должен отделить события от действенных фактов. Определяющим признаком события является его процессуальность, то есть длительность во времени и пространстве. Событие всегда соотносится с потоком происходящего в реальном времени и пространстве и

отвечает исключительно на вопрос «что происходит?». Определяющий признак действенного факта – его принадлежность прошлому, умершему мигу. Действенный факт, в отличие от события, не является и ни при каких обстоятельствах не может быть процессом, он отвечает исключительно на вопрос «что случилось?». К действенным фактам, помимо предлагаемых обстоятельств, следует отнести устоявшиеся в режиссуре термины «исходное событие», «центральное событие», «финальное событие», «главное событие».

В комплексе режиссёрских задач это, пожалуй, главная – определить в спектакле цепь сценических событий и затем внутри каждого события выстроить актёрское действие.

Событие – это фрагмент сценической жизни, ограниченный двумя оценками, меняющими цель, и проживаемый во времени как процесс, включающий в себя все элементы актёрского действия.

Событие – по сути, матрица сценической «жизни человеческого духа», и найти, определить, обрисовать такую матрицу – значит создать для актёра необходимые и единственно верные условия органического существования в противоестественных условиях сценической коробки.

Действие и событие совпадают содержанием, поскольку и то и другое – психофизический процесс достижения цели в борьбе с предлагаемыми обстоятельствами малого круга.

Список литературы:

- [1] Кнебель М.О. О действенном анализе пьесы и роли. – М: Российский университет театрального искусства – ГИТИС, 2014. – 214 с.
- [2] Малочевская И.Б. Режиссёрская школа Товстоногова. – Интернет-ресурс. Режим доступа: <http://www/theatre-library.ru/authors/m/malochevskaya>
- [3] Станиславский К.С. Собрание сочинений в восьми томах. Т. 4. – М: Искусство, 1957. – 547 с.
- [4] Арутюнова Н.Д. Типы языковых значений. – М.: Наука, 1988. – 341 с.
- [5] Фильштинский В.М. На уроках А.И. Кацмана // Открытая педагогика. Электронная библиотека. – Интернет-ресурс. Режим доступа: <https://litresp.ru/chitat/ru/%D0%A4/filjshtinskij-veniamin-mihajlovich/otkritaya-pedagogika/21>

УДК 94(47).084.8 : 351.751.6

ББК 63.3(2)622

В.М. Котков, Н.Б. Ачкасов, И.А. Сорокотяга, О.С. Спирина

ВОЕННАЯ ПЕРИОДИЧЕСКАЯ ПЕЧАТЬ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ В ЗАПОЛЯРЬЕ

Авторы показывают важность и значение периодической и особенно военной печати в годы Великой Отечественной войны в Заполярье, а также какие задачи стояли перед ними, как коллективного агитатора, пропагандиста и организатора. Рассказывается о газете «Краснофлотец» – одной из старейших в Мурманской области, первый номер которой вышел 18 июня 1937 г. Рассказано, как журналисты и военкоры газеты обобщали опыт военнослужащих 14-й армии и Северного флота.

Ключевые слова:

агитатор, Великая Отечественная война, военкор, военно-периодическая печать, газеты, журналисты, ответственный редактор, писатель, поэт, редакция.

Котков В.М., Ачкасов Н.Б., Сорокотяга И.А., Спирина О.С. Военная периодическая печать в годы Великой Отечественной войны в Заполярье // Общество. Среда. Развитие. – 2022, № 1. – С. 55–60. – DOI 10.53115/19975996_2022_01_055-060.

© Котков Вячеслав Михайлович – доктор педагогических наук, профессор, Военная академия связи имени Маршала Советского Союза С.М. Буденного, Санкт–Петербург; e-mail: k.julia@mail.ru

© Ачкасов Николай Борисович – доктор военных наук, профессор, Военная академия связи имени Маршала Советского Союза С.М. Буденного, Санкт–Петербург; e-mail: k.julia@mail.ru

© Сорокотяга Игорь Алексеевич – кандидат военных наук, полковник запаса, Военная академия связи имени Маршала Советского Союза С.М. Буденного, Санкт–Петербург; e-mail: k.julia@mail.ru

© Спирина Ольга Сергеевна – старший преподаватель, Военная академия связи имени Маршала Советского Союза С.М. Буденного, Санкт–Петербург; e-mail: k.julia@mail.ru

История Российской Армии хранит немало ярких свидетельств широкого использования военной периодической печати в ратных буднях. Это обусловлено тем, что печать выполняет активную роль в воспитательном процессе воинов: формирует их идейную убежденность, непримиримость к врагу, помогает им глубоко осознать патриотический характер своего долга. С первого дня Великой Отечественной войны печатное слово находилось на передовой линии борьбы с гитлеровскими войсками. Оно пламенно и страстно звало воинов Красной Армии, ВМФ к стойкости, упорству, беззаветной храбрости, смелости и решительности в бою. Оно призывало миллионы тружеников в тылу – на заводах, фабриках, транспорте, в колхозной деревне – к еще более самоотверженному труду, к непрерывному увеличению выпуска продукции для Красной Армии, к дальнейшему усилению военной мощи советской страны.

В дни войны роль печати как коллективного агитатора, пропагандиста и орга-

низатора, значительно возрастает. Понимая это, многие выдающиеся полководцы активно применяли ее в боевой обстановке.

Война – суровое испытание. Она требует величайшего напряжения всех наших сил, полного использования всех наших возможностей. Гражданская печать подтягивала отстающих, передавала им опыт передовиков, вскрывала недостатки, самым решительным образом бичевала расхлябанность, разгильдяйство, безответственность, недисциплинированность. И, конечно, такой момент – не время для чрезмерного расточения похвал.

Ни одно ценное предложение, ни один пример, достойный подражания, не проходили мимо газет. Они стремились из «искры раздуть пламя», частное достижение сделать массовым, всенародным. Новаторы, стахановцы, герои трудового фронта – это золотой актив газет, опираясь на который они очень многое могут сделать для дальнейших успехов на всех участках народного хозяйства.

5 мая 1943 г. газета «Правда» писала: «Печать сильна своей связью с массами. Чем теснее эта связь, тем лучше газеты знают запросы своих читателей, тем скорее и внимательнее они откликаются на них, тем выше их авторитет. Многие могут они сделать и для улучшения материально-бытовых условий трудящихся, наведения чистоты и порядка в городах, рабочих поселках, общежитиях, в расширении производства товаров широкого потребления, в улучшении работы торговой сети, столовых, больниц, почты» [4].

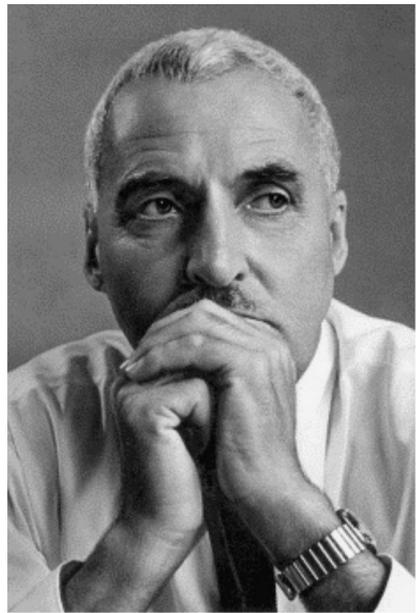
Особое значение имеет деятельность военной периодической печати. Без газеты командиру трудно растить, просвещать и воодушевлять войска. Без нее политорганам трудно доводить до красноармейских масс идеи и призывы партии, боевые задачи и приказы командования. Во время войны командиры дивизий, начальники политотделов, особенно тщательно рассматривали, дополняли и корректировали планы работы редакций газет. Так было на Карельском фронте, Северном флоте, где командование 14-й, 19-й армии, флота считали своим долгом лично следить за работой фронтовой, флотской, армейских и дивизионных газет.

Безусловно, боевая активность, творческая энергия и инициатива редакций, военных журналистов помогали воспитанию и обучению личного состава войск фронта и Северного флота, обобщали этот опыт деятельности и опыт агитационной и пропагандистской работы.

Так, газета Северного Флота «Краснофлотец» 19 августа 1941 г. подчеркивала, что «политруки подразделений героического отряда североморцев хорошо организовали политическую агитацию, направленную на дальнейшее повышение боеспособности отряда, на четкое и быстрое выполнение боевых заданий.

Главной формой агитационной работы является индивидуальная беседа. Политбоец коротко передает своим товарищам последнее сообщение Советского Информбюро, рассказывает о поражениях, нанесенных врагу Северным флотом, авиацией, кораблем или отдельным подразделением. Большое место в агитации отводится популяризации бесстрашия, мужества и отваги таких славных воинов-североморцев, как тт. Кисляков, Лобышев и многие другие. Каждый бой рождает новых героев, и каждый подвиг, совершенный во славу родины, агитаторы делают достоянием всего личного состава.

Беседы агитаторов разоблачают сказку о «непобедимости» фашистской армии,

К. Симонов

поднимают бодрость бойцов, крепят их уверенность в несокрушимости Красной Армии и Красного Флота, разжигают в них непреодолимое стремление следовать примеру лучших, овеянных славой товарищей.

И в бою, и на походе политбойцы личным примером воодушевляли североморцев на преодоление трудностей, поддерживают в каждом воине бодрое настроение. Недавно отряд с полной выкладкой, при сильной жаре совершил 25-километровый горный переход. Коммунист т. Калинин, будучи контуженным в ногу, шел наравне со всеми. Коммунист т. Иванов несмотря на сильную боль от растяжения связок в ноге, не показал даже и вида, что ему трудно идти. Комсомолец врач тов. Лобышев, неся сумку с медикаментами, весившую вдвое больше выкладки любого бойца, шутками, смехом ободрял товарищей» [6].

О том, как и в каких условиях работали военкоры в Заполярье мы можем судить по рассказу К. Симонова о поэте Рыбачьего полуострова сержанте Н. Букине. Он писал: «Вскоре после ухода Данилова к Еремину, тоже с рапортом, явился сержант Букин, «поэт Рыбачьего полуострова», как отрекомендовал мне его Еремин. Это был бойкий паренек, видимо кончивший десятилетку, много читавший. Он держался с подчеркнутой строевой подтянутостью и даже некоторой щеголеватостью, отличающей людей, которым строевая подготовка еще не вошла в плоть и кровь и которые все время помнят о том, что они должны вести себя по-строеному.

Мы поговорили с ним, потом Букин о чем-то пошептался в углу с Ереминым и ушел. А Еремин после его ухода стал жаловаться мне, что Шабунин хочет забрать у него Букина.

А Букин наш, – говорил он, – зачем его отдавать?

Из дальнейшего разговора выяснилось, что артиллерийский полк был, если можно так выразиться, старожилом этих мест. У него было все свое. Своя типография, своя газета, свой поэт, свой фотограф, свой клуб и даже свое подсобное хозяйство – коровы и поросята. Теперь на полуострове шла тактическая борьба: Еремин делал отчаянные попытки удержать все полковое имущество в своих полковых руках, а Шабунин стремился к тому, чтобы кое-что из артиллерийских богатств перешло в общее владение.

С этой точки зрения, в частности, рассматривался и Букин. Еремин говорил о нем, что это “наш, артиллерийский поэт”, а Шабунин хотел дать ему звание политрука и забрать к себе в политотдел.

А шептался Букин с Ереминым, оказывается, потому что у них возникла идея собраться с моим участием в редакции полковой газеты и побеседовать с начинающим поэтом Рыбачьего и Среднего полуостровов, на которых Букин был уже самым маститым. Я, конечно, согласился, и Еремин немедленно посадил телефониста вызывать с разных точек обоих полуостровов артиллеристов, причастных к поэзии» [7, с. 375].

Следует заметить, что газета «Краснофлотец» является одним из старейших периодических изданий Мурманской области. 18 июня 1937 г. вышел в свет первый номер. Ее журналисты и военкоры рассказывают о боевой учебе и опыте военных моряков-североморцев.

Редакция в те годы располагалась в небольшом деревянном здании на скале, вблизи бухты Полярного. Недалеко находились здания штаба флота и политуправления, а с другой стороны – Дом красной Армии и Флота – центр культурной жизни тех лет. Из окон будущей редакции хорошо просматривался рейд, можно было видеть движение боевых кораблей.

Заместителем редактора стал старший политрук М. Савенко, приехавший из Москвы, где он редактировал газету академии. Обязанности ответственного секретаря газеты в ту пору выполнял ленинградский журналист А. Лебедев. Ему пришлось немало потрудиться над литературной обработкой материалов.

В обращении редакции к читателям говорилось: «Сегодня выходит первый номер

газеты Северного военного флота «Краснофлотец». Её задача – помочь читателям-краснофлотцам в выполнении... ответственных и почётных обязанностей по защите северных рубежей социалистической Родины...».

Ядро журналистского коллектива составили военнослужащие кораблей и воинских частей. Это старшина А. Брагин, старший краснофлотец Н. Хохольков, краснофлотцы А. Петров, Л. Кулавский, К. Пухлов и другие.

923-й номер «Краснофлотца» открыл летопись героической обороны Заполярья. С началом Великой Отечественной войны сотрудники редакции перешли на казарменное положение. В те трудные годы газета жила, сражалась, став поистине свежим глотком воздуха. Подводники и лётчики, катерники и артиллеристы, морские пехотинцы, зенитчики и разведчики, словом, все на флоте – от рядового матроса до командующего – каждое утро ждали очередной номер флотской газеты. Она успешно находила верный путь к душе, мыслям и чаяниям североморцев, несла веское слово суровой правды, вдохновляла воинов на новые подвиги в борьбе с фашистской Германией.

В 989-м номере «Краснофлотца» (19 августа 1941 г.) авторы Ив. Андреев, С. Севастьянов, К.И. Любимов, А. Сизов, П. Молокоедов рассказывали о жизни краснофлотцев, морских летчиков, а в целом выпуск номера включал следующие материалы:

Полоса 1

Драться до последней капли крови От Советского Информбюро

Утреннее сообщение 17 августа

Вечернее сообщение 17 августа

Полоса 3

С донесением

Их было трое: Красильников, Химченко и Ткаченко. Они шли с донесением в штаб действующей части, по направлению к сопке «Н».

Красильников поднялся на небольшую возвышенность и осмотрелся. Слева были горы, справа раскинулась долина.

– По ней нам нужно идти – решил краснофлотец.

Три товарища, нагнувшись, спустились в лощину. Пройдено почти полкилометра. До штаба части оставалось небольшое расстояние. Вдруг неожиданно застрочил автомат. Моряки спрятались за камни. Стрельба не прекращалась. Пули чертили гранит, срезали верхушки кустов.

– Заметили, сволочи, – сказал Красильников. – Нужно переползти в другое место... – За мной! – тихо скомандовал Ткаченко.

Завязалась неравная дуэль. Умело маскируясь в скалах, меняя места, Кисляков вышел в ней победителем и меткими пулями уничтожил угрожавших ему врагов. Задача, поставленная ему командиром, была выполнена с честью.

Следуя примеру героя, политбойцы отряда, коммунисты и комсомольцы проявляют в боях с врагами выдержку, мужество и находчивость. Подобно Кислякову, они презирают смерть и твердо знают, что самые опасные «переплеты», в том числе окружение противником, могут и должны быть использованы для того, чтобы самого врага поставить в безвыходное положение и уничтожить его.

Краснофлотец-пулеметчик Дмитрий Сергеев в самом начале боя попал под бомбежку около десяти самолетов, минометный и артиллерийский огонь. Вместе со вторым номером пулеметного расчета он хорошо укрылся и остался невредимым. Когда противник открыл пулеметный огонь и стал наступать, заговорил и пулемет Сергеева. Многие фашистов он уничтожил!

Но вот ранен второй номер. Сергеев приказал ему отправиться на перевязочный пункт, а сам, оставшись один, продолжал вести огонь. Он заметил, что его окружают, кончились патроны. Но только выпустив весь боезапас – около 750 патронов – Сергеев решил отойти. Окружение было почти полным, но отважный пулеметчик, взвалив пулемет и умело маскируясь, вырвался из него.

Комсомолец Миронов, действовавший в отрыве от главных сил, также попал в окружение противника. Своими меткими выстрелами он заставил основательно поредеть ряды фашистов. Наконец, истратив последний патрон. Тогда смельчак гранатами пробил брешь в кольце врагов и присоединился к своим.

Храбро бился комсомолец-пулеметчик Ушницкий. Его пулемет не давал пощады. Фашисты решили окружить и уничтожить смельчака. Но пока у него были патроны, он оставался на позиции и вел огонь. Когда стало нечем стрелять, Ушницкий забрал пулемет и, пустив в дело гранаты, вышел из окружения.

Коммунист старшина Зайцев не раз под обстрелом доставлял боезапас на огневые точки. Его контузило взрывом мины, но скоро товарищи снова увидели старшину на передовых позициях. Недавно Зайцев с группой бойцов пробрался в тыл противника и, выполнив задание командования, побился обратно.

Пример доблести и мужества коммуниста Героя Советского Союза старшего

сержанта Кислякова вдохновляет бойцов и младших командиров на новые подвиги во славу родины.

К.И. Любимов [2].

Конец воздушного пирата

– Все было тихо и спокойно, – рассказывает т. Перепичко.

– Самолеты, как всегда, наготове, летчики тоже. И вот сигнал:

– Идти в воздух.

Группу скоростных истребителей повел тов. Зайцев. Наши летчики сразу же навалились на фашистов, поливая их смертоносным свинцом. Тов. Зайцев зашел в хвост «стодесятому». Стариков – ударил по «стодесятому». Второй «стодесятый» подвергся атаке летчика-орденоносца Пискарева.

Бой был отчаянный и жестокий. Увлекаемые примером отважного командира, мастерски дрались летчики Миронов, Семенов, Звягин. Зайцев, как наел на стервятника, так и не выпускал его из-под огня, посылая ему в хвост очередь за очередью. Зайцеву помогали Семенов и Миронов. Так уже воспитаны советские летчики: в воздушном бою они всегда стремятся помочь друг другу.

Уже после первых очередей Зайцева и его товарищей «стодесятый» стал отходить, пошел с большим креном и врезался в землю. Огнем Старикова и других летчиков был сбит «стодевятый».

– Мы пошли в атаку как только заметили приближение противника, – делился своими впечатлениями Миронов. – Вижу, прет «стодесятый» на объект. Нет, думаю, это не пройдет. Дал очередь, отвалил, пошел вверх. На высоте разгорелся бой. Пришлось вертеться волчком: дашь очередь, отвалишь и – по другому. Атакуя хищников, я все время прикрывал Звягина.

Как всегда, прекрасно вел себя в бою Семенов. Фашисты не выдержали его смелых, молниеносных атак.

Бой длился более 30 минут. Он закончился разгромом и бегством фашистских стервятников. Две вражеские машины были сбиты. Очевидцы и участники боя утверждают, что недалеко от объекта свалились еще 2 фашистских самолета. Остальные сбежали, изрешеченные пулеметными очередями Зайцева и его боевых друзей.

В числе сбитых фашистских летчиков оказался крупный, остервенелый хищник, обладатель трех железных крестов.

П. МОЛОКОЕДОВ.

Действующая армия [3].

Во имя победы. П. Одинокое.

Полоса 4

В фонд обороны. Удар по врагу. Младший политрук П. Кузьменко.

В Наркоминделе

Патриотический подъем. Старший сержант И. Жеребцов.

Сбережения и облигации – государству. Младший сержант Игнатов.

Чешский народ в борьбе за свою свободу.

К налетам английской и советской авиации на Берлин.

Авиационный обозреватель агентства Рейтер о налетах английской авиации на Германию.

Заявление Нокса.

Ответственный редактор Д. Коган.

В редакции в эти годы трудился боевой сплочённый коллектив, не щадивший себя в работе, как бы трудна она ни была, – журналисты, фамилии которых светят золотом с постаревших полос: А. Петров, И. Сахновский, А. Ананьин, А. Брагин, А. Коломейцев, П. Григорьев, Е. Саблин, И. Свистунов.

В двухэтажном бревенчатом здании редакции жизнь не затихала ни днём, ни ночью. За плотно затемнёнными окнами горел свет, и в любое время суток здесь можно было увидеть корреспондентов, только что вернувшихся с очередного задания. Флотские журналисты ходили в боевые походы, участвовали в рейдах разведчиков и морских десантах, бывали в окопах переднего края и на огневых позициях береговой артиллерии. Самая тесная, живая, повседневная связь с матросами и офицерами флота стала непреложным законом в работе редакции.

С первых дней войны в Заполярье в ряды флота прибыл большой коллектив известных в стране поэтов, писателей, журналистов. Они оказали большую помощь газете. Рассказы и повести Н. Панова, Ю. Германа, Б. Яглинга, А. Марьямова с большим интересом читались военными моряками. Стихотворения Н. Флёрова и песни, написанные на его тексты композиторами Е. Жарковским и Б. Терентьевым, живут и в наши дни. А песня поэта Н. Букина и

композитора Н. Жарковского «Прощайте, скалистые горы», опубликованная газетой, облетела всю страну и стала неофициальным гимном Северного флота. В Заполярье работали и публиковались во флотской газете В. Лебедев-Кумач, А. Жаров, Савва Морозов, А. Марьямов, Б. Яглинг, М. Зингер, другие литераторы и журналисты.

Газета взволнованно и ярко рассказывала о мастерах воздушного боя Б. Сафонове, П. Сгибневе, о метких торпедных ударах подводников В. Старикова, И. Фисановича, Н. Лунина, катерниках А. Шабалина, морских пехотинцах В. Кислякове, В. Леонове, А. Торцеве, И. Сивко, громивших врага на суше, обо всех тех, кто защищал Заполярье от фашистов.

Редакторы Д. Коган, А. Плеско, А. Дивавин, последовательно сменившие друг друга на этом ответственном посту, сплотили вокруг себя и воспитали блестящую плеяду фронтовых журналистов и полиграфистов. Но многие из того поколения военных журналистов в редакцию не вернулись. На боевом посту ушёл из жизни Н. Вахрушин, отдал жизнь за Родину Я. Родионов, Б. Яглинг и другие.

Поэт Николай Флёров, сотрудничавший в 1943 году с «Краснофлотцем», считает дни работы в редакции самыми памятными для себя. Это по его предложению во флотской газете еженедельно проводились редакционные «среды». Военные корреспонденты встречались с участниками боевых походов, писателями, композиторами, художниками.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что военная периодическая печать занимала в годы Великой Отечественной войны важное место. Она пламенно и страстно звала воинов армии и флота к стойкости, упорству, беззаветной храбрости, смелости и решительности в бою. Она призывала миллионы тружеников в тылу – на заводах, фабриках, транспорте, в колхозной деревне – к еще более самоотверженному труду, к непрерывному увеличению выпуска продукции для Красной Армии, к дальнейшему усилению военной мощи советской страны.

Список литературы:

- [1] Андреев Ив. С донесением // Краснофлотец. – 1941, 19 августа, № 203 (989). – С. 3.
- [2] Любимов К.И. По примеру героя // Краснофлотец. – 1941, 19 августа, № 203 (989). – С. 3.
- [3] Молокозедов П. Конец воздушного пирата // Краснофлотец. – 1941, 19 августа, № 203 (989). – С. 3.
- [4] Правда. – 1943, 5 мая, № 115 (9251).
- [5] Севастьянов С. Обороняя высоту // Краснофлотец. – 1941, 19 августа, № 203 (989). – С. 3.
- [6] Сизов А. Политическая агитация на фронте // Краснофлотец. – 1941, 19 августа, № 203 (989). – С. 3.
- [7] Симонов К. Собрание сочинений: в 10-ти томах / К. Симонов. – Т. 9: Разные дни войны. – М.: Художественная литература, 1983. – 688 с.

КУЛЬМСКАЯ БИТВА В ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ

Кульмское сражение – один из ключевых эпизодов истории воинской славы России. Его итоги предопределили дальнейшие события: победы в Заграничных походах 1813–1814 годов и полный разгром армии Наполеона Бонапарта. В настоящее время важным вопросом для историков является исследование образа победы при Кульме в исторической памяти нашего государства. На определенных этапах в течение длительного времени элементами коммеморации выступали различные исторические символы и мероприятия. В настоящей статье раскрыты особенности мемориализации событий при Кульме в августе 1813 года как за рубежом, так и в нашей стране. Рассмотрены основные направления мемориализации Кульмской битвы, а также основные инструменты формирования в исторической памяти народа героического образа русской гвардии в тех событиях.

Ключевые слова:

Богемия, Заграничные походы 1813–1814 годов, историческая память, Кульм, мемориализация, Отечественная война 1812 года, памятники истории, Рудные горы, русская гвардия, сражение при Кульме.

Матросов А.Е. Кульмская битва в исторической памяти // Общество. Среда. Развитие. – 2022, № 1. – С. 61–65. – DOI 10.53115/19975996_2022_01_061-065.

© Матросов Александр Евгеньевич – независимый исследователь, член ассоциации «Союз коллекционеров России», Санкт-Петербург; e-mail: matrosov2904@yandex.ru

В истории каждого народа и государства существуют определенные образы событий, героев и их подвигов, которые навсегда должны оставаться в памяти потомков. Актуальными задачами для нашего государства и современного общества являются воспитание патриотизма и гражданское становление молодого поколения. В данном случае действенными способами служат сохранение и распространение существующих сведений о прошлом, проще говоря, – сохранение исторической памяти.

Сражение при Кульме в августе 1813 года – одно из героических событий в истории России. В 2023 году исполнится 210 лет с того момента, когда русская гвардия, одержав в ней грандиозную победу, взяла в плен французского генерала Вандамма [12, с. 122].

После неудачного штурма Дрездена 14–15 августа 1813 года союзные войска России, Пруссии, Австрии начали отвод своих войск в Богемию [9, с. 335–336]. Путь к отступлению пролегал по узким горным дорогам, что затрудняло выполнение маневра. По приказу Наполеона Бонапарта 35-тысячный корпус генерала Вандамма пересек Эльбу с целью закрепиться в Теплице и не допустить прорыва Богемской армии через Рудные горы [8, с. 28]. Измотанные тяжелым маршем и потерями в Дрезденском сражении союзные войска оказались в проигрышной ситуации и могли быть разбитыми. Положение осложня-

лось еще и тем, что в составе штаба находились три императора союзных держав, пленения которых нельзя было допустить.

На пути превосходящего в живой силе французского корпуса встал отряд генерал-лейтенанта А.И. Остермана-Толстого, в состав которого вошли 1-я гвардейская дивизия генерала А.П. Ермолова и сводного отряда принца Е. Вюртембергского. Перед арьергардом была поставлена задача – связать боем французские войска и удерживать их до подхода основных сил, обеспечить вывод Богемской армии из-под удара французской армии и занять стратегическую позицию на выходе из Рудных гор [3, с. 220–221].

Путь к славе русского оружия пролегал через поселения Цегиста, Гисгюбель, Петерсвальдс и Ноллендорф. На некоторых участках французским войскам все же удалось перекрыть его. С боями русские войска вышли к Кульму, где и состоялась кровопролитная битва, в которой корпус Вандамма был повержен.

Победа при Кульме не осталась без внимания. Стойкость и мужество русской гвардии были отмечены наградами трех союзных держав.

Император Александр I издал высочайший приказ от 26 августа 1813 года, в котором Преображенскому и Семёновскому полкам, Гвардейскому Морскому Экипажу были пожалованы Георгиевские знамена с надписями «За оказанные подвиги в сражении 17-го августа 1813 г. при Кульме»

[7, с. 45], Измайловскому, Егерскому и Тартарскому уланскому полкам были дарованы серебряные трубы с гравировкой «За отличие против неприятеля в сражении у Кульма 18-го Августа 1813 года» [8, с. 33].

Не оставил без внимания русские подвиги и прусский король Фридрих Вильгельм III. На встрече с Александром I им были запрошены списки русских частей, отличившихся в сражении у Кульма. Составление данных списков было поручено графу А.А. Аракчееву, который передал их 2 сентября прусскому королю в городе Теплице [11, с. 85]. Для награждения 12 066 солдат и офицеров русской гвардии по указу Фридриха Вильгельма III, за доблесть в боях 17–18 августа 1813 года была учреждена особая награда – знак отличия Железного креста, известный под названием Кульмский крест [11, с. 85]. Награды были вручены 25 апреля 1816 года 7 131 гвардейцу [11, с. 90], уцелевшему после окончания Заграничных походов.

Сегодня Кульмские кресты русской гвардии хранятся в фондах Государственного Эрмитажа, Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи, Государственного исторического музея, мемориального музея А.В. Суворова, а также музея-панорамы «Бородинская битва». Все реже встречаются эти награды в частных коллекциях.

Стоит отметить, что за последующее столетие победы в Заграничных походах идеализировались и сохраняли свою значимость в исторической памяти русского народа. В отечественной историографии XIX века и до 1917 года издавалось значительное количество статей и монографий, посвященных тем событиям, в частности Кульмской битве [4; 6; 9; 10]. Среди них особо хочется отметить юбилейные издания, посвященные истории полков: история Лейб-гвардии Егерского полка 1796–1896, памятка Семёновца, памятка Гвардейского экипажа.

Огромную значимость для сохранения истории подвигов русских воинов имело и строительство памятников, монументов и храмов, воздвигнутых в ознаменование событий при Кульме на территории Богемии. Начало мемориализации Кульмской битвы было положено российским императором в 1815 году в Праге, где по велению Александра I был воздвигнут монумент в память о раненых русских офицерах в Дрезденском и Кульмском боях. Здесь после ожесточенной схватки они проходили лечение, но спасти удалось не всех. Изначально захоронение павших было

проведено на военном кладбище в Карлине, однако позже, в 1906 году, монумент и останки героев перенесли на Ольшанское кладбище [13, с. 33]. Символично, что сегодня герои битвы при Кульме покоятся рядом с могилами советских героев-освободителей Праги в 1945 году.

Австрийский император Франц I повелел создать мемориал, посвященный битве. 17 августа 1835 года была произведена торжественная закладка памятника на поле Кульмского сражения. На церемонии присутствовали правители трех союзных держав. В ходе освящения памятника Российский император Николай I повелел Лейб-гвардии Егерскому полку отмечать свой полковой праздник 17 августа в день Великомученика Мирона.

Место для памятника было выбрано неслучайно. Фундамент расположили у села Пристен на месте последней позиции отечественных героев-гвардейцев. В тот же день австрийский император учредил специальную награду для участников этого события. На австрийском монетном дворе отчеканили мемориальную медаль с надписью на аверсе: «Мужеству Русской Гвардии при Кульме»; на реверсе – «Фердинанд Император Австрийский, по предначертанию блаженной памяти Августейшего Родителя своего Франца, – повелено воздвигнуть памятник 1835». В 1982 году в процессе реставрации памятника в основании фундамента нашли закладной футляр с памятными медалями и монетами. В 2013 году в честь 200-летия Кульмского сражения эти находки впервые представили широкой публике в музее города Усти-на-Лабе.

Поблизости от места сражения установили несколько обелисков, посвященных битве при Кульме. Некоторые из них не сохранились до наших дней. В 1913 году к 100-летию сражения в селении Ноллендорф была возведена каменная обзорная башня, которую называли «Башня кайзера» – в честь Австрийского императора Франца Иосифа I. В 1944 году башня была разрушена мощной снежной бурей. Рядом с местом, где стояла башня, установили памятник прусским войскам генерала Клейста, прибывшим на помощь русской гвардии 18 августа 1813 года. У подножия горы Доубравки в городе Теплице на средства, выделенные супругой Николая II Александрой Фёдоровной, установили обелиск – обычный плоский, неотесанный камень высотой в человеческий рост с надписью: «В память столетней годовщины битвы под Хлумцем 30 августа 1913 года».

У селения Абрезау, неподалеку от здания почтовой станции, находятся еще два монумента: австрийский и прусский. Первый открыт еще в 1825 году и посвящен командующему австрийскими войсками в сражении при Абрезау 17 сентября 1813 года Иерониму Коллоредо–Мансфельду. Эта битва состоялась спустя месяц, что закрепило успех Кульмского сражения. Второй монумент – это чугунный обелиск, на вершине которого установлен Железный крест – один из первых памятников на Кульмском поле. Всего было отлито 8 подобных пирамид, их устанавливали на местах сражений прусских войск – от Кацбаха до Ватерлоо. Надпись на памятнике гласит: «Павших героев чтут благодарный король и отечество. Они упокоились в мире».

В свете тех событий особого внимания заслуживает памятный знак на месте пленения генерала Вацдамма близ селения Шанда. В исторической памяти этот мемориал имеет значимую роль, так как есаул Р.А. Бирюков и хорунжий И.С. Александров из казачьего полка под командованием В.Д. Иловайского 12-го пленили французского генерала [1, с. 47–48].

В Российской империи также уделялось особое место победе русского оружия в битве при Кульме. Значительную роль в сохранении исторической памяти о былой славе русской гвардии играют произведения изобразительного искусства. Первым художественным памятником стало изображение на холсте поля битвы при Кульме 18 августа 1813 года. Автором картины стал офицер лейб-гвардии гусарского полка А.И. Дмитриев–Мамонов. При Кульме он служил адъютантом А.П. Ермолова. Позднее, в 1822 году, был художником Военно-топографического депо. Картина была литографирована С.П. Шифляром. В дальнейшем русские и зарубежные авторы создали немало предметов живописи, посвященных Кульмскому сражению. Это работы В.С. и А.С. Норовых, А.Е. Коцебу, Л. Рихтера, Н. Самошкина, В. Ульриха, В.Ф. Тимма и многих других.

Военная галерея Зимнего дворца также хранит историческую память о победе в Отечественной войне 1812 года, Заграничных походах в 1813–1814 годах и, конечно, о Кульмском сражении. Среди портретов героев Отечественной войны на полотнах галереи изображены 33 генерала, чьи мундиры украшает Знак отличия Железного креста.

Не только награды прославляют победу в этой битве. Уже в 1814 году, отдавая

дань памяти этой знаменательной битве, в Николаеве был спущен на воду линейный 74-х пушечный корабль «Кульм», который с честью нес свое имя на службе Отечества. Спустя 30 лет память о сражении воспета в Кваркенском районе Оренбургской области, где появился первый и единственный топонимический памятник – село Кульма.

25 декабря 1812 года, после изгнания французских войск из России, императором Александром I был подписан Высочайший манифест о строительстве в Москве храма во имя Христа Спасителя [15, с. 46]. Строительство храма началось в 1837 году при императоре Николае I и длилось 44 года. Торжественное освящение состоялось в 1883 году. Исторический храм украшают горельефы и тондо со скульптурными изображениями. На одном из медальонов – образ Святого мученика Лавра, посвященный памяти сражения при Кульме. Кроме того, на одной из стен храма нанесена запись о павших войнах при Кульме.

В 1830 году художник Ф.П. Толстой в дань памяти героям Отечественной войны 1812 года создал серию из 21 барельефа. Изделия с аллегорическими сценами на тему войны и заграничных походов русской армии выполнены в стиле классицизм. Сюжеты барельефов использовались для украшения дворцовых залов и декоративно-прикладного искусства. Спустя столетие серию Ф.П. Толстого изобразили на медалях из бронзы, отчеканенных Санкт-Петербургским Монетным двором.

Повсеместно создавались полковые музеи и храмы, которые чтити и сохраняли историческую память о Заграничных походах русской армии и славных победах русского оружия. Фамилии павших при Кульме офицеров начертаны на мемориальных досках церквей и соборов: церкви лейб-гвардии Егерского полка во имя святого Мученика Мирона, Троице-Измайловского собора (Троицкий собор), Спасо-Преображенского собора.

Николай I свято чтит победу в Отечественной войне 1812 года и Заграничных походах 1813–1814 годов. По его приказу на Дворцовой площади установили Александровскую колонну. Памятник, воздвигнутый в 1834 году, олицетворяет величие русского народа в борьбе против Наполеона. Пьедестал колонны с четырех сторон украшен бронзовыми барельефами. На южной его стороне изображены «Победа и Слава», записывающие даты памятных битв на щите, среди которых год сражения при Кульме.

На стенах Нарвских триумфальных ворот, установленных в Санкт-Петербурге, на фасаде золотом отлиты названия побед русской армии в войне против Наполеона. Там же среди всех выдающихся побед русского оружия в Заграничных походах сохраняется память о Кульме.

В начале XX века указом императора в России вводятся полковые знаки как символы боевого братства, чести и славы полка. Отдавая дань великим победам и славе русской гвардии, несколько подразделений в основу своих полковых знаков ввели Кульмский крест. Среди них Лейб-гвардии Конно-гренадерский полк, Лейб-гвардии Егерский полк, Гвардейский Экипаж, лейб-гвардии Санкт-Петербургский полк, Лейб-гвардии Уланский Его императорского Величества полк и Лейб-гвардии Уланского ея императорского Величества полк [8, с. 80].

Значительную роль в сохранении исторической памяти побед русского оружия играли празднования годовщин побед и полковых юбилеев. День полка являлся одним из самых важных праздников в воинских частях русской армии. Он имел не только религиозное значение, но и играл важную роль в сплочении подразделения. Полковые казармы украшались гирляндами и флагами, на церемонии прибывали офицеры и ветераны полка, не исключалось прибытие и знатных особ. День своего рождения полки начинали с Божественной литургии и молебна, затем шло торжественное прохождение, музыкальная программа и праздничный стол. Как правило, подобные мероприятия освещались в периодических изданиях.

В период становления советской власти отношение к Отечественной войне 1812 года и Заграничным походам 1813–1814 годов кардинально поменялось. Государство монополизировало право оценки тех событий и подвергло их жесткой цензуре. В 1920–1930-е годы многие памятники культуры, храмы были уничтожены и утрачены. На основе коллекций множества музеев воинской славы России в Ленинграде циркулярно создан Военно-историко-бытовой музей. Длительное время в его фондах хранились, но не экспонировались предметы, книги, произведения искусства из собраний полковых музеев, военно-учебных заведений, музея Великого князя Михаила Николаевича, Суворовского музея, Артиллерийского исторического музея и других. Подвиги русской гвардии по известным причинам не популяризировались.

В 1960-е годы историческая память о Заграничных походах 1813–1814 годов начала оживать в отечественной историографии [2; 14]. Постепенно возрождались утраченные мемориалы и храмы, а в 1962 году в честь 150-летней годовщины победы в Отечественной войне 1812 года ряд улиц нашей столицы получают свои названия в память о героях тех событий. В их числе обретает свое имя улица в честь генерала Ермолова (при Кульме возглавлял 1-ю гвардейскую дивизию).

В современной России на фоне текущих темпов социальных изменений, преобразования общественного мнения, влияния западной политики на значение русских побед и славы меняется и значение исторической памяти о событиях при Кульме. А ведь именно сегодня она приобретает особое, стратегическое значения для нашей страны. Формы мемориализации могут быть различны. Это и пересмотр официальных версий истории тех событий, и бурный интерес к всевозможным изысканиям, и нескончаемое число мемориальных мероприятий, и появление разнообразных музеев, и повышенный интерес к архивам, и возобновившаяся привязанность к наследию. К примеру, в ознаменование 200-летия победы в Отечественной войне в 2012 году в стране входит в оборот серия пятирублевых монет, среди которых «Заграничные походы русской армии 1813–1814 годов. Сражение у Кульма». В тот же год выпускается подарочный комплект из 21 медали посвященный событиям 1812, 1813, 1814 годов на тех же штампах, которыми чеканили комплекты бронзовых медалей по рельефам Ф.П. Толстого.

Уже в следующем году в Военно-историческом музее артиллерии, инженерных войск и войск связи была открыта выставка, посвященная тем событиям, – «Кульм. Символ мужества российского воинства». Позже в музее-панораме «Бородинская битва» 205-летний юбилей был ознаменован открытием выставки «Капкан для Бонапарта». Не забывают об этом сражении и чешские власти. Каждые пять лет при финансовой поддержке правительства Чешской Республики всевозможные общественные организации и клубы проводят театрализованную реконструкцию одной из батальных сцен Кульмского сражения. В постановке принимают участие сотни человек. Реконструкторы облачаются в военную форму эпохи Наполеоновских войн. Повсюду раздаются выстрелы, раздаются пушечный гром, разрушаются укрепления, отряды сходятся в рукопаш-

ной схватке. Незабываемое зрелище для каждого. Каждый зритель перемещается во времени в август 1813 года.

Сохранение истории – это сохранение будущего. Знание не только исторических фактов, но и причин и последствий тех или иных событий, влияние на историю всей страны является отличительным признаком образованного и культурного человека в обществе. Поэтому сохранение памяти о великих и не самых известных

исторических событиях, обучение граждан (и не только школьников) пониманию уроков истории является одной из приоритетных задач государства по воспитанию гармоничной, интеллектуально развитой личности и гражданина. События 17 и 18 августа 1813 года – это, несомненно, повод для национальной гордости. Сохранение исторической памяти об этом сражении является долгом перед нашими предками.

Список литературы:

- [1] Асфатуллин С.Г. Освобождение Европы в 1813–1814 годах. – М.: Издательские решения, 2020. – 194 с.
- [2] Бескровный Л.Г. Очерки военной историографии России. – М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1962. – 318 с.
- [3] Богданович М. И. История войны 1813 года за независимость Германии: в 2 т. Т. 2.– СПб., 1863.
- [4] Богданович М.И. История войны 1813 года. Борьба за освобождение Европы от ига Наполеона. – СПб., 1913. – 56 с.
- [5] Веселаго Ф.Ф. Список русских военных судов с 1668 по 1860 годы. – СПб.: Типография морского министерства, 1872. – 798 с.
- [6] Зайончковский А.М. 1813 год. Кульм. Памятка Лейб-Егеря. – СПб.: тип. Р. Голике и А. Вильборг, 1913. – 68 с.
- [7] Звездинцев В.В. Знамена и штандарты Русской Армии (XVI в. – 1914 г.) и морские флаги. – М.: Тип. Р. Голике и А. Вильборг Русский путь, 2008. – 320 с.
- [8] Кульм. Символ мужества российского воинства. – СПб.: ВИМАИВ и ВС, 2013. – 128 с.
- [9] Михайловский-Данилевский А.И. Описание войны 1813 года, по высочайшему повелению сочиненное генерал-лейтенантом Михайловским-Данилевским: ч. 1–2. Т. 2. – СПб.: Воен. тип., 1840.
- [10] Михайловский-Данилевский А.И. Записки о походе 1813 года. – СПб.: Тип. Деп. внеш. торг. акад., 1834. – 556 с.
- [11] Ниммергут Й. Железный крест 1813–1870–1914–1939–1957. – М.: Любимая книга, 2011. – 304 с.
- [12] Пущин П.С. Дневник Павла Пущина, 1812–1814 / Подгот. В.Г. Бортневский. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1987. – 222 с.
- [13] Скибина Л.В. Русские под Крушногорьем. – Усти-на-Лабе: Изд-во Я.Е. Пуркине, 2011. – 51 с.
- [14] Тарле Е.В. Об изучении внешнеполитический отношений России и деятельности русской дипломатии XVIII–XX веках. Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1947. – 676 с.
- [15] Храм Христа Спасителя: сборник / Сост. Л.Д. Полиновская. – М.: Московский рабочий, 1996. – 256 с.

ЦЕННОСТНЫЙ ОПЫТ

УДК 17.02

ББК 87.7

А.Е. Зимбули

УЧИТЕЛЬ: ПРАВСТВЕННО-ЦЕННОСТНЫЕ РАКУРСЫ. ПАМЯТИ ВЛАДИМИРА ГЕОРГИЕВИЧА ИВАНОВА (1922–2009) ПОСВЯЩАЕТСЯ

Человечество живёт и развивается не в последнюю очередь благодаря тому, что существуют люди, основной миссией которых является обобщение и трансляция культурного опыта. Можно называть их по-разному: преподаватели, тренеры, опекуны, наставники, режиссёры, менторы, учителя, учителя, пророки. В каких бы сферах их деятельность ни осуществлялась, они неизменно проявляют по отношению к своим подопечным нравственно-значимые качества: бескорыстие / прагматизм, гуманность / жестокость, заботливость / равнодушие, креативность / зависимость от чужих идей, миролюбие / неуживчивость, необидчивость / мстительность, ответственность / безответственность, отзывчивость / равнодушие, даже злорадность, последовательность / взбалмошность, принципиальность / беспринципность, справедливость / предвзятость, требовательность / попустительство, честность / лживость, щедрость / жадность. Представляется полезным самым внимательным образом всмотреться в это интереснейшее для этики смысловое поле, где взаимодействуют учитель, ученики и многие другие заинтересованные окружающие. Для этического анализа автор предлагает рассмотреть обобщённую ситуацию: Кто, Где, Кого, Чему обучает, Зачем, Как это делается, каков получается Результат, и, наконец, каково Отношение к этому результату прежде всего у учителя. Для нравственно значимых ракурсов каждого из перечисленных компонентов даются краткие характеристики, чем подтверждается и иллюстрируется разновекторность, разномудрость учителей. В итоге проделанного анализа автор приходит к обнадёживающим выводам, которые подкрепляются тем фактом, что в России педагогическое образование имеет давние традиции, а значит – и в будущем эти традиции могут обогащаться, совершенствоваться, чтобы помочь новым и новым поколениям жить по уму и по совести.

Ключевые слова:

культурный опыт, личность учителя, нравственно-значимые взаимоотношения, цели и результат учительства, этика.

Зимбули А.Е. Учитель: нравственно-ценностные ракурсы. Памяти Владимира Георгиевича Иванова (1922–2009) посвящается // Общество. Среда. Развитие. – 2022, № 1. – С. 66–75. – DOI 10.53115/19975996_2022_01_066-075.

© Зимбули Андрей Евгеньевич – доктор философских наук, профессор, Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена, Санкт-Петербург; e-mail: zimbuli@yandex.ru

*У хорошего учителя и старая книга
новой кажется.*

Абхазская пословица

Учитель! перед именем твоим

Позволь смиренно преклонить колени!

Н.А. Некрасов

Надо признать, умные люди попадались порой и среди взрослых, даже между учителями.

Г. Гессе

Не странное ли дело – в двух основных отечественных справочно-философских

изданиях по этике – «Словарь по этике» [30] и «Этика: Энциклопедический словарь» [37] – среди ключевых отсутствует понятие «учитель». В первой из названных книг на букву «У» даются пояснения по темам: *Убеждение, Убеждённость, Уважение, Универсальная этика, Утилитаризм* – всего три странички [30, с. 361–363]. Вторая книга и размером больше, и на букву «У» больше страниц в ней отводится, а статьи там помещены вот какие: *Удовольствие, Умеренность, Уныние, «Условия абсолютного добра», Утилитаризм, «Утилитаризм»*

(о соответствующем произведении Дж.С. Милля) [37, с. 501–509]. Не буду особо отвлекаться на логику составителей, которые во втором случае добавили, как видно, интересные-важные понятия *Удовольствие, Умеренность, Умыние*, но убрали объяснения по темам *Убеждение, Убежденность, Уважение*. Ограничусь тем, что признаю: по мне – вряд ли подобная не очень продуманная издательская политика может способствовать росту авторитета этики в глазах общественности, не углублённой в гуманитарные тонкости. Общественности, состоящей из тех, кто, входя в жизнь, никак не мог пройти мимо слов «школа», «учёба», «ученик», «учитель».

И вдобавок ни для кого из русскоговорящих не является тайной за семью печатями смысловое отличие между словами «учителя» и «учители». Отличие между преподавателем и пророком. Итак, заглядываю в обычные толковые словари. В.И. Даль раскрывает значение слова «учитель»: так: «наставник, преподаватель; профессор; обучатель» [9, с. 528]. В Малом академическом словаре русского языка даны такие истолкования: «1. (мн. у ч и т е л я). Тот, кто преподаёт какой-либо учебный предмет в школе; преподаватель [...] || Тот, кто наставляет, поучает. [...] 2. (обычно мн. у ч и т е л и). Человек, являющийся высоким авторитетом для кого-л., в какой-л. области, имеющий последователей» [31, с. 543]. Те же два основных значения слова «учитель» отмечены в «Толковом Словаре Русского Языка» [33]. Представляется очевидным, что и то, и другое значение сопряжены с небольшим количеством нравственно-значимых смыслов. Это же подтверждают многочисленные примеры народной мудрости, пословицы, а также тексты Библии. Сперва сошлюсь на Библию. В ней щедро рассыпаны слова «учитель», «учителя», «учители», «учителей», «учителем», «учителями». Приведу хотя бы по одному примеру на каждое из названных слов.

«Учитель! я пойду за Тобою» [Мф. 8: 19] (очень важный момент: тут слышатся и уважение, и доверие, и желание оказать сильную помощь).

«Ученик не выше учителя» [Мф. 10: 24] (здесь рискну, и позволю себе краткую реплику. Разве человеческая культура бы развивалась, если б все ученики были «не выше» своих учителей?).

«Ибо будет время, когда здравого учения принимать не будут, но по своим прихотям будут избирать себе учителей, которые льстили бы слуху» [2 Тим. 4: 3] (ре-

альный риск усиливается, когда не только происходит свободный выбор учителя, но и отрабатываются технологии навязывания авторитетов).

«Вы называете меня Учителем» [Иоан. 13: 13] (согласитесь: существенно, чтобы обучаемые осознавали и принимали статус учителя. Одно дело, когда кто-то называет другого своим учеником – и совсем другое, когда сам ученик делает соответствующее признание).

«[...] И учителя твои уже не будут скрываться» [Ис. 30: 20] (не только рядовым учителям приходится сталкиваться с жизненными невзгодами – но даже и учителя человечества редко когда вели сладкую жизнь).

«[...] Не многие делайтесь учителями» [Иак. 3: 1] (судя по всему, профотбор – необходимость универсальная, и во врачи, и в воины, и в политики нужно идти далеко не всем).

Кстати, понимайте как хотите, но принимайте факт: слово «учитель» [1 Пар. 15: 15] появляется в Библии раньше слова «ученик» [1 Пар. 25: 8].

А вот – подборка пословиц про учителей, учительство.

Бойкая мать ленивых детей растит (финская) (очевидно, это наблюдение вполне себе переносимо и на взаимоотношения между учителем и учениками).

Больше того, что в мешке было, из него не достанешь (английская) (пусть это и может показаться излишне прагматичным, но истолкую эту пословицу так: что у каждого учителя имеется свой ресурс энергии, знаний, умений, душевных сил).

В воду не войдёшь – плавать не научишься (армянская) (именно от учителя зависит, насколько естественным-безопасным-полезным будет вхождение учащихся в предмет).

Вор и сына воровству учит (абхазская) (другое дело, что с определённого момента учащийся волен выбирать себе и учителей, и направление образования).

Где любовь не сеял, там её и не пожнёшь (сербская) (именно так дело обстоит в общении учителя и учеников).

Голодный думает о хлебе, сытый – об учении (уйгурская) (а ведь далеко не всё так просто. Для положительной мотивации к учёбе у ученика и к обучению у учителя требуется некая разумная мера: не отупляющий-обессиливающий голод, не расслабляющая-развращающая сытость. Люди, живущие в эпоху перемен, имеют шанс ощутить эти тонкие перемены состояний).

Если ты мудр, не противоречь богачу, правителю, ребёнку, старику, аскету, мудрецу, женщине, дураку и учителю (индийская) (совет, можно полагать, довольно дельный. Но – где ж изначально напались мудрости, если ты не понабивал шишек в спорах со стариком, дураком, женщиной, учителем?!.. Кроме того, я стараюсь различать дерзость и дерзновение. Вспомним слова Павла Афанасьевича Фамусова: «Извольте посмотреть на нашу молодежь, / На юношей – сынков и внúчат, / Жури́м мы их, а если разберешь, – / В пятнадцать лет учителей научат! [8]).

И в сорок лет становятся грамотеями (корейская) (более того – существуют специальные организации, которые объединяют людей, никогда ранее не бывших учителями, но на склоне лет надумавших поделиться своим опытом).

И мудрец из тысячи раз один раз да ошибётся (японская) (к вопросу об учительских оговорках, описках. Которых трудно избежать – но которые нужно минимизировать, и честно исправлять).

Ленивого пастуха волк любит (абхазская) (нетрудно догадаться, кто любит ленивого учителя).

Лучше день обдумывать, чем неделю неправильно делать (финская) (эх, кабы реформы в отечественном образовании как следуют обдумывались, да осторожно-постепенно вводились – соседям бы нашим только оставалось ахать да завидовать!).

На одном дереве плоды бывают и кислые, и сладкие; у одной матери дети вырастают и глупые, и умные (китайская) (и уж тем более – у одного и того же учителя разные ученики научиваются разному).

Нужда учит (немецкая) (да, помимо старательного учителя для успеха в деле обучения, конечно же, нужна мотивация ученика).

Осёл может научить ослёнка только оловству (уйгурская) (а ведь на худой конец и это не совсем плохо. Неспроста осла держат для хозяйственных нужд).

От денег некоторые умнеют, а некоторые глупеют (греческая) (я поместил эту половицу в данную подборку, поскольку истолковал её так: «от денег, затрачиваемых на образование» и далее по тексту).

Плохой учитель – плохие и ученики (монгольская) (увы, по большей части так оно и есть. Хотя есть и варианты: «У Тимирязева вы научитесь, как надо говорить, а у профессора Н. – как говорить не надо» [12, С. 313]).

Поправился или нет, а за лекарство плати (корейская) (аналогично можно говорить и про платное обучение).

Родители создают тело, учителя создают душу (монгольская) (насколько здесь показано глубинное, высокое, достойное понимание труда учителя. Никаких вам «образовательных услуг»!).

Сначала сам уразумей, потом учи других (сербская) (а тут не всё так просто. Если чересчур буквально понимать эту установку, есть риск угодить в дурную бесконечность. Тогда как известно, что Сократ, заявлявший: «Я знаю, что ничего не знаю», очень даже честно и результативно способствовал познанию мира соотечественниками и потомками).

Совет дорог вовремя (афганская) (+ есть народная истина: «Учиться никогда не поздно». Видимо, истина и там, и там).

Спрашивай – не бойся (курдская) (полезная-верная поговорка о вопросах и учителя к ученику, и ученика к учителю).

Спрашивай и старого, и малого (афганская) (иногда Сократу приписывают высказывание: «Никто тебе не друг, никто тебе не враг, но всякий человек тебе учитель». Что касается друга и врага – категорически не соглашусь. Но за последние слова – готов голосовать двумя руками. Счастлив человек, который может учиться у кого угодно, в том числе – от противного: как не надо действовать).

Те, у кого в проводниках навозный жук, ходят по дерьму (сомалийская) (хлётко, но точно – о важности выбора учителя-авторитета).

Трудолюбиво учатся три года, лени – три дня (китайская) (нет сомнений, что эта истина известна каждому учителю).

Учёный голодным не останется (армянская) (увы, мудрая мысль в последние десятилетия многожды подвергалась серьёзным испытаниям и в Армении, и в соседствующих странах, где и учёные, и учителя власть имущими бывали по сути брошены на произвол судьбы).

Учи других – и сам поймёшь (немецкая) (во время моего школьного детства вполне распространённой была практика, когда за успешными учениками «закреплялись» отстающие – и это нередко помогало в учёбе тем и другим).

Учитель лучше десяти брахманов, отец – десяти учителей, мать – десяти отцов и всего, что есть на земле (индийская) (мне эта поговорка нравится и тем, что призывает уважать учителя, и тем, что пусть очень отдалённо, сравнивает его труд с материнской миссией на Земле).

Хорошая мать лучше тысячи учителей (курдская) (всё, конечно, так. Хорошая мать поможет ребёнку и хороших учителей отыскать. Но сколько учителей нужно собрать, чтобы компенсировать вред от дурной матери?).

Хороший пример – наилучшая проповедь (английская) (трудно спорить с этой мыслью, применительно к кому-чему бы её ни рассматривать – к подтянутому-элегантному физруку, красноречивой преподавательнице русского языка или к организованному, требовательному, заботливому директору).

Чужим хлебом, да чужим умом недолго проживёшь (греческая) (пожалуй, эта половица касается и учащихся, и учащихся).

Ну и хоть несколько пословиц русских, пусть даже практически без комментариев.

Быть учителем, перестав быть учеником, невозможно.

Век живи, век учись (и насколько догадываюсь, дело тут, конечно, не в требованиях начальства, неустанно совершенствующего процедуры планирования-отчётности и время от времени посылающего преподавателя на переподготовку).

Верная указка – не кулак, а ласка.

Воспитать ребёнка – не выпустить цыпленка.

Всяк мастер на выучку берет, да не всякий доучивает.

Высоко дело учительства, но и трудно оно.

Гни дерево, пока гнется, учи дитя, пока слушается.

Дерево и учитель познаются по плоду.

Детей учи без людей.

Детей учить – не лясы точить.

Добрый дядька придаст ума дитятке.

Если учитель ест стоя, то ученики едят на ходу.

Знание – сила.

И гряда книг не заменит хорошего учителя (для наших дней добавлю: никакие интернет-ресурсы не заменят живого общения с преподавателем и соучениками).

И медведя плясать учат.

Идти в науку – терпеть муку. Без муки нет и науки.

К чему ребёнка приучишь, то от него и получишь.

Каждый великий учитель близок врачеванию и искусству.

Каждый учитель учит по-своему.

Кто детям потакает, тот потом слезу проливает.

Кто собою не управит, тот и другого на разум не наставит.

Не учили, покуда поперёк лавки укладывался; а во всю вытянулся – не научишь.

Новому путь – дальше старого, ученику – дальше учителя.

От учителя наука.

По ученику и об учителе судят.

Почитай учителя как родителя.

Родители создают тело, учителя создают душу.

Строгость учителя лучше ласки отца.

Умный любит учиться, а дурак учить (учить – это ещё полбеда. Куда хуже, если не очень умный принимается критиковать, оценивать или организовывать обучение).

Учение – путь к умению.

Ученику – удача, учителю – радость.

Ученье лучше богатства.

Учёного учить – только портить.

Учёный без дела, как туча без дождя.

Учи народ, учись у народа.

Учитель лишь открывает дверь, вы входите самостоятельно.

Учитель не осрамит учителя.

Учитель не тот, кто учит, а тот, кто учится вместе с детьми.

Учитель один не считает годин.

Учить – ум точить.

Хорошо того учить, кто слушает.

Что посеешь, то и пожнешь.

Чтоб других учить, надо свой разум наточить.

В целом, как видно, вырисовывается интереснейшее для этики смысловое поле, в котором очень разнообразно взаимодействуют учитель, ученики и многие другие заинтересованные окружающие. Так что представляется полезным обозначить эту ситуацию обобщённо: *Кто, Где, Кого, Чему обучает, Зачем, Как это делается, каков получается Результат, и, наконец, каково Отношение к этому результату прежде всего у учителя*. Попробуем хотя бы вкратце охарактеризовать нравственно значимые курсы перечисленных компонентов.

Кто. Для начала – сошлюсь на замечательную книгу Марка Аврелия «Размышления», которая как раз начинается с обстоятельного перечисления – кому какими конкретными положительными качествами считает себя обязанным античный автор: деду, отцу, матери, брату, поименованным окружающим и даже богам [1, с. 7–20]. В этом перечислении подкупает искренняя благодарность и продуманность. У каждого ли из нас хватит точности в оценках собственных достоинств и в понимании того, чему именно в какой степени кто нас научил? Между прочим – здесь уместно сослаться на мысль, высказан-

ную как-то отечественным публицистом Симоном Львовичем Соловейчиком. Он рассказывал, что у одного из его знакомых отец постоянно был в разъездах. А когда изредка появлялся дома, то по ночам работал в кабинете, при свете настольной лампы. Сын среди ночи мог видеть щёлочку под дверью в кабинет папы. «Вот, – заявлял выросший сын, – эта щёлочка меня и воспитала». Можно порадоваться за такого сына, но, видимо, строго говоря, не сама по себе освещённая щёлочка стала учителем. Она удачно оказалась символом трудолюбия уважаемого семьёй папы. То есть – субъекта, обладающего нравственно-значимым положительным качеством. Причём – характерно, что положительное качество можно перенимать и у того, кто сам по себе не располагает к симпатии-уважению. «Учиться дозволено и у врага» (Овидий) [26, с. 464]. Несколько лет назад, в ноябре 2012 года на Днях Петербургской философии с интересным докладом выступал Михаил Антонович Гусаковский. В его рассуждениях учитель представлял как авторитет, как эксперт, медиатор, консультант, медиум. Я задал докладчику вопрос, где навскидку добавил, что учитель также инспектор, режиссёр, ментор, командир, садовник, друг, собрат по несчастью, психотерапевт. Плюс, не исключено, продавец или официант. И сейчас считаю, что учитель также: дирижёр, тренер, опекун, куратор, надсмотрщик, надзиратель, наставник. Не исключено, что когда-нибудь будет создана матрица типов учителей – предусматривающая возможные и желательные, допустимые и неприемлемые для разных обстоятельств качества: бекорытие / прагматизм, гуманность / жестокость, заботливость / равнодушие, креативность / зависимость от чужих идей, миролюбие / неуживчивость, необидчивость / мстительность, ответственность / безответственность, отзывчивость / равнодушие, даже злорадство, последовательность / взбалмошность, принципиальность / беспринципность, справедливость / предвзятость, требовательность / попустительство, честность / лживость, щедрость / жадность. Правда, могу сознаться: лично я бы не хотел, чтобы какие-то чиновники меня-живого замеряли по высочайше утверждённым лекалам... Жизнь важнее-ценнее-интереснее самых разумных схем. Но так или иначе – отдавать себе отчёт в конкретном наборе положительных и отрицательных нравственно-значимых характеристик должен всякий учитель. И наиболее значимыми характеристиками

здесь выступают *Свобода, Разумность, Ответственность*.

Где. Как-то по радио («Маяк») звучал интересный рассказ про то, что, бывает, опытная пчела летит к месту сбора нектара – в сопровождении двух молодых «пчёл-стажёров» (это, конкретно, рассказывалось перед часом дня 3 июля 2021 года). Стало быть, не только утят взрослые утки приучивают «держаться строй», не только мама-кошка показывает, как нужно охотиться за мышками. Не только, как описывает Фарли Моуэт, волк-дальний родственник оберегает недавно разрешившуюся от бремени волчицу и принимает на себя игривое настроение волчат, возит с ними, до полного их изнеможения [23, с. 54–55]. Когда волчата чуть подрастут – их, совершенно неумелых и бесполезных, берут на охоту [23, с. 107]. В любом пространстве, где общаются субъекты – тем более люди – появляется необходимость помочь неопытным новичкам вписаться в это пространство. У людей для этого есть ясли, детские садики, школа, вуз, с магистратурой-аспирантурой-докторантурой, армия – с курсом молодого бойца, общественные организации, опекающие пенсионеров и помогающие им освоить компьютерную технику. Не знаю, существует ли что-то подобное в Государственной думе, но по логике вещей «курсы молодого депутата» очень даже возможны и полезны. Могу признаться, мне не так часто, но доводилось общаться с опытными и заботливыми редакторами, которые меня, начинающего автора, просвещали-поправляли. За что я им невыразимо благодарен. В целом – о сфере учительства следовало бы, по-видимому, констатировать, что она должна быть *Жизненно-Значимой*, а установка субъекта на общение с подопечными должна основываться на *Компетентности* и *Открытости*.

Кого. Многообразны не только сферы, в которых имеет место учительство, очевидно и многообразие учеников. Понятно, в разворачиваемом рассуждении интерес представляют прежде всего не пчёлки-утята-волчата, а люди. Малыши, делающие первые шаги или неумело копающиеся в песочнице, карапузы, впервые берущие в руки зубную щётку или авторучку, детишки, садящиеся на велосипед или встающие на коньки. Новобранцы в армии, студенты-первокурсники на семинарском занятии. Практиканты где бы то ни было. Вдруг вспомнил грустную историю, виденную много лет назад в Петропавловской крепости. Молодой экскурсовод, уже со-

брав группу около большого щита со схемой местности, не начал рассказ, а словно язык проглотил. И особа, проверяющая-принимаящая-инспектирующая проходящее, тут же взяла инициативу в свои руки, повела рассказ и увлекла за собой пришедших. Куда делся несостоявшийся экскурсовод – не знаю и сейчас. Но спустя годы вдруг задумываюсь: а нельзя ли было инспектору действовать чуть иначе, не столь прямолинейно? Допустим, как-то переключить внимание участников на своеобразии ситуации, подчеркнуть: экскурсия ведётся в первый раз. Может, задать практиканту наводящий вопрос. Повторю: я не утверждаю и не советую, а только задумываюсь. Ведь я не профессиональный экскурсовод, и не обладающий опытом куратор экскурсоводов. Мне только, если честно, боязно, что умный, старательный человек не состоится профессионально, «сломается» от первой неудачи, в которой его можно было бы как-то поддержать. Особо следует отметить вот какое обстоятельство. Водитель трамвая, проводник в скором поезде, экскурсовод – не выбирают своих подопечных. Преподаватель входит в аудиторию, где приступает к изложению нового курса, и общается с теми слушателям, кого ему подарила судьба. Аналогично – и экскурсанты не выбирают экскурсовода, пассажиры – не выбирают кондуктора, проводника, машиниста. Даже в вузах, когда по расписанию идут так называемые «курсы по выбору», очень часто выбор за студентов делает администрация, исходя из набора требуемых компетенций и наличия штатных преподавателей. В этих условиях сугубо важны не симпатии-антипатии учителя, по отношению к новичкам-подопечным им должна проявляться продуманная *Забота*. От подопечных же по ситуации требуются, по меньшей мере, *Доверие* и *Уважительность*. А хорошо бы ещё и *Вдумчивость*, *Старательность*.

Чему обучает. Помню, как я был поражён, когда узнал, что маленький Пушкин сперва научился читать-писать по-французски, и уже потом по-русски. Впрочем, это явление вовсе не было новым. Мишель Монтень, например, делился в своих знаменитых «Опытах», что для него, недавно родившегося, специально наняли знатока латыни, и что старшие старались при ребёнке изъясняться именно по латыни, то есть фактически родным языком для маленького Мишеля стала латынь. Его даже прозвали «учителем Жаном» [22, т. 2, с. 341]. Между прочим, Пушкина в лицее звали «Французом», и нетрудно догадаться,

как это звучало в свете недавней победы российского оружия над наполеоновскими полчищами. И ещё позволил привести одно языковое наблюдение – уже совсем из наших дней. Довелось видеть в интернете на фото откуда-то из Московской области – дорожный указатель: «ж.к. “Шервуд” / ж.к. “Риверсайд” / ж.к. “Гринфилд” /

ж.к. “Монтевилль”». То есть, я не исключаю, что у кого-то из наших малолетних современников-соотечественников родным языком станвится язык англо-американский. Причём далеко не факт, что из так обучаемых россиян вырастут новые Пушкины или Монтени. И чтобы не замыкать предмет обучения только на языке – сошлюсь на два примера из моей жизни. Когда я писал первую курсовую работу и защищал её на кафедре этики и эстетики ЛГУ, то услышал от заведующего кафедрой, профессора В.Г. Иванова суровый выговор за искажённую цитату. Оценка за курсовую была снижена, а я получил куда как полезный урок внимательности к используемым источникам и к собственному тексту. И ещё очень полезной для меня стала деловая переписка с Феохарием Харлампиевичем Кессиди. Он в середине девяностых уехал в Грецию, а в петербургском издательстве «Алетейя» выпускались несколько его книг, и мне посчастливилось по поручению автора следить за качеством публикуемых текстов (в выходных данных книг «От мифа к логосу» [14], «Гераклит» [13] – я назван ответственным редактором, в книге про Фукидида [15] – указан как редактор). Феохарий Харлампиевич, можно сказать, преподавал мне уроки редактирования, всемерно помогал относиться к тексту вдумчиво, заинтересованно, совместливо. Уже переходя к непосредственным учебным занятиям, подчеркну: когда студент просто пересказывает материал – разве это может по-настоящему радовать преподавателя? Для подобного воспроизведения уже давно придуман так называемый «хомячок-повторюшка». Стараюсь настроить студентов на такое чтение и такое обсуждение, когда мы совместно в каждом предусмотренном программой тексте первоисточника ищем интересное-полезное-спорное-наводящее на дальнейшие размышления. Если предельно обобщить нравственно-значимые характеристики указанного компонента, то чему бы обучение не посвящалось – математике, истории, химии, биологии, НВП, пользованию компьютером и так далее – можно сказать, что в оптимальных случаях обучение ведётся *Душеполезному* и *Культуросообразному*.

Зачем. Пожалуй, тут будет уместен короткий рассказ вот о каком конкретном эпизоде из моей жизни. Вернувшись после армейской службы в родной Ленинград, я несколько месяцев ходил на подготовительные курсы в Военно-механический институт. По инерции в том направлении, какое образование было мной получено перед армией в техникуме (специальность звучала так: «приборы управления беспилотными летательными аппаратами»). Но постепенно и неуклонно стало приходить понимание: это направление не моё. Хочу быть как можно дальше от войны, и где бы можно было понять то, как устроен мир.

Ответы на возникавшие вопросы появилась надежда получить на философском факультете ЛГУ. Пошёл я в университет, на день открытых дверей, и решение поступать туда ещё более упрочилось. А когда после массового мероприятия посетителям было предложено оставшиеся вопросы обсудить уже в индивидуальном порядке с консультантами, я подсел к сотруднику университета. И поведал ему о своей растерянности. Меня – поочерёдно октябрёнка, пионера, комсомольца – наставляли, что о себе нужно думать в последнюю очередь. А теперь вот получается, что я хочу получить высшее образование, чтобы устроить лучше собственную жизнь! Кто именно оказался в тот момент моим собеседником, я не спросил, но его ответ помню по сей час: «Ничего страшного. Наоборот. Ты станешь умнее, и сможешь больше пользы приносить окружающим». Спасибо! Эта мысль мне представляется куда умнее недавно внедрявшегося истолкования образовательной системы как сферы услуг. Ну – или понимания образования как способа зарабатывания денег. Вряд ли надо кого-то убеждать, что есть принципиальная разница между извлечением экономической выгоды и выстраиванием этически выверенных взаимоотношений с миром. Именно в последнем случае преодолеваются как узкая одномерность эгоизма, так и жертвенная крайность альтруизма, утверждается Эгалитаризм – равноуважительное отношение к себе и к окружающим. Этические поиски Аристотеля – Канта – Швейцера указывают именно это направление. Собственно говоря, и в основных религиозных конфессиях речь идёт об этом – если вынести Бога за скобки или понимать Его как Высшие Силы Природы. Везде говорится о *Требовательности человека к себе и об Уважительности к окружающим, о неустанном Самосовершенствовании и о Посильном Улучшении Мира.*

Как это делается. Многообразие-разновекторность, присущие вышеназванным компонентам ситуации учительства, имеют место и здесь. Ведь учитель может заниматься своим делом бескорыстно / исключительно по расчёту, близоруко / стратегично, высокомерно / заискивающе, задорно / уныло, инерционно / творчески, легко / натужно, ответственно / безответственно, охотно / из-под палки, самоотверженно / через пень-колоду, старательно / лениво, честно / кривя душой, щедро / скупно. С благодарностью вспоминаю многих своих учителей. В том числе – школьного учителя физики, Алексея Евлампиевича Чемодина. Он первый стал называть нас на «Вы». Это выглядело необычно, никто из его коллег так не действовал. Да и в теперешнюю пору – недавно читал про народного артиста Владимира Владимировича Бортко, что он в пору депутатства вносил законопроект, где предлагалось школьным учителям обращаться на «Вы» даже к первоклашкам [10]. Надо ли говорить, что воз и ныне там. С другой стороны – как-то слышал по радио, в рассуждениях кандидата биологических или психологических наук Веры Владимировны Толченниковой, что существует установка «Я учитель – ты дурак». Мне в жизни повезло гораздо больше, и среди моих школьных, техникумовских, университетских преподавателей никто ничего близкого с этой установкой не исповедовал. Более того, многие, не ссылаясь на А. Дистервега, действовали, исходя из понимания: «Плохой учитель преподносит истину, хороший учит её находить» [26, с. 462]. Мне, кстати, повезло ещё и в том отношении, что во время моей учёбы в школе-техникуме-вузе авторитет педагога в целом был куда выше, нежели это стало к годам 90-м, и ко времени создания сериала «Школа». По поводу этого сериала сообщу вот что. Моя школьная учительница, преподаватель русского языка и литературы, Жанна Петровна, живёт, здравствует, мы с ней в хороших отношениях. И вот как-то она звонит, спрашивает: «Андрей, как ты относишься к сериалу “Школа”?». «Никак, не до сериалов. Много работы, вечерники». Но постарался в ближайшие дни, улучил время, включил первый канал. Хватило меня только на полторы серии. Омерзительное зрелище! Такое «помоечное» мировосприятие лечить надо! Сообщил о своём выводе учительнице, и на несколько лет перестал смотреть первый канал. Разве что делал исключение на репортажи о матчах наших сборных по футболу и хоккею. Воз-

вращаясь к обсуждению компонента «Как это делается», нужно подчеркнуть, что речь здесь должна вестись об установках учителя по отношению к делу, к подопечным, плюс ещё и к окружающим. Да оно и понятно: если условно представить себе, что педагог везёт учеников к истине, то автобус, бензин, дорогу ему обеспечивают другие люди! Кстати, и не мешало бы в данных рассуждениях дополнить установку А. Дистервега принципом, который был сформулирован нашим выдающимся соотечественником, А.С. Макаренко: «Как можно больше требований к человеку и как можно больше уважения к нему» [Макаренко]. К указанному компоненту «как» напрямую относятся такие нравственные характеристики-ценности: *Трудолюбие, Достоинство, Взаимоуважительность, Принципиальность, Ответственность*.

Результат деятельности учителя – особая тема. И дело тут не в нарастающей сложности диагностики или умноживающихся нормотворческих документах. Кто как, а лично я о своём отношении к многочисленным учителям стал задумываться уже через много лет после учёбы в школе-техникуме-университете. Молодому было не до того. А вот уже когда сам оказался на работе в вузе, да ещё вузе педагогическом – тут естественным образом и в прошлое стал смотреть внимательнее. Если бы данный текст носил характер не аналитический, а автобиографический, и если бы объёмы не сковывали, – то можно бы было наподобие Марка Аврелия поимённо поназывать самых интересных и важных в моей жизни людей. Я поступаю иначе. Выскажу вот какую мысль. Биографы разных выдающихся деятелей культуры – гениев в области искусства, науки, замечательных конструкторов, изобретателей, знатных рабочих, героев войны – могли бы объединить усилия, и системно представить факторы, которые позволили выдающимся людям состояться. Описать, типизировать персонифицированные и объективные испытания, а также искушения, через которые пришлось пройти гениям. Обозначить ключевые свойства характера, без которых человек мельчает и «сходит с дистанции». Объяснить, как это может получиться, что уже упоминавшийся Мишель Монтень, очень критично к своим учителям относившийся, да и открытым текстом заявлявший, что сам не хотел бы стать учителем – объективно попал в разряд Учителей человечества? Вот, например, он пишет: «Наши учителя [...] среди всех прочих людей – те,

которые обещают быть всех полезнее человечеству, на деле же, среди всех прочих людей – единственные, которые не только не совершенствуют отданной им в обработку вещи, как делают, например, каменщик или плотник, а, напротив, портят ее, и притом требуют, чтобы им заплатили за то, что они привели ее в еще худшее состояние» [22, т. 1, с. 151–152]. Или ещё: «я [...] скорее готов стусеваться в споре, чем выступать в скучной роли учителя и наставника» [22, т. 3, с. 182–183]. Спасибо автору за откровенность, но хотелось бы по аналогии с классической констатацией «Мамы разные нужны, / Мамы всякие важны» [20, с. 8] сказать то же про учителей. Кто-то вживую общается с «неинтересными» малышами-новичками, кто-то со второгодниками, или с теми, кого сейчас называют «людьми с особенностями развития». А кто-то читает лекции аспирантам или налаживает работу в институте усовершенствования учителей. Всё это нужно! И выскажу «крамольную» мысль. Склонен полагать, что куда важнее для оценки работы учителя не его благополучные отчёты перед вышестоящими инстанциями, не заполненные бланки, соотнесённые с перечнем высочайше утверждённых компетенций – но живые чему-то конкретно полезному научившиеся *Люди*, которые, возможно, только спустя немалое время будут способны благодарно оценить старания своих теперешних учителей.

Отношение. Напомню: основная линия развёртываемых в предлагаемом тексте рассуждений связана не с учениками, не с их родителями, не с организаторами образования и не с заказчиками выпускников, но прежде всего с учителями. Стало быть, речь в данный момент должна пойти не о прозвищах, которые дают учителям ученики, не о претензиях к школе, высказываемых на родительском собрании, а об отношении самих учителей к процессу и результату учительства. Так, на защите диплома или кандидатской – как может себя чувствовать научный руководитель? Наподобие родителя, приглашённого на новогоднее представление в детский садик, как полноправный автор только что созданного архитектурного шедевра – или как тренер слабой команды? Палитра вариантов тут весьма широкая, например – *благоговение, благодарность, вдохновение, вина, волнение, воодушевление, высокомерие, гнев, гордость, горечь, доброжелательность, доверие, досада, жалость, забота, зависть, злоба, злость, ирония, любовь, негодование, нежность, неловкость, неприязнь,*

74 | неуважение, обида, обречённость, озлобленность, ответственность, отчуждение, печаль о поправной справедливости, презрение, преклонение, признательность, равнодушие, раздражение, ревность, самокритика, симпатия, скорбь, смущение, снисхождение, соперничество, сорадость, сострадание, стыд, счастье, томление, тоска, уважение, угрызения совести, унижение, уныние, уязвлённость, чувство исполненной мести, чувство собственного достоинства, энтузиазм, ярость... Вероятно, что-то ещё упущено – но согласимся: вариантов куда как много. И, разумеется, желательнее, чтобы они оказались Позитивными-Жизнеутверждающими, основанными на Объективной Нравственной Самооценке. Объективность же оценки не сводится к количественной стороне. «О достоинствах учителя нельзя судить по размерам толпы, следующей за ним» – справедливо подмечал Ричард Бах [4, с. 35]. С другой стороны – приходится согласиться с довольно грустной и парадоксальной констатацией русской половицы: «Больше одна мать заботится о семерых детях, чем семь детей об одной матери». А также нужно принять во внимание нынешнюю социокультурную ситуацию. Помню, как однажды в интернете наткнулся на фрагмент телепередачи – пронзительный по цинизму. Молодого паренька-преподавателя окружающие дружно укоряли, услышав, что его зарплата всего 11 тысяч рублей. Дескать, «ты сам во всём виноват, поскольку ты знал, на что идёшь. И государство тебя кормить не обязано. Крутись, зарабатывай». По этой логике – и какой-нибудь грабитель мог бы заявить прохожему: «Ты сам виноват, что шёл по переулку без телохранителя». Я обо всём этом говорю, чтобы подчеркнуть: в отношении к происходящему *Учителю* нужно быть *Трезвым, Не Впадать Ни В «Розовое» Мечтательство, Ни В Мрачную Безыс-*

ходность. Ни от родной бухгалтерии, ни от своих подопечных не стоит ждать сказочной доброты-восхищения.

Краткие итоги. Учителя трудятся в самых разных сферах культуры, и бывают ну очень разными – *разновекторными, разноуровневыми, разноумельми. Разноуважаемыми / презираемыми, разновознаграждаемыми / наказываемыми, разногуманными / жестокими, разнозаботливыми / равнодушными, разнокреативными / отстойными, разнолегальными / нелегальными, разноответственными / безответственными, разноотзывчивыми / злорадными, разнопонимаемыми / непонимаемыми, разнопридирчивыми / покладистыми, разносправедливыми / несправедливыми, разностарательными / нерадивыми, разнотребовательными / либеральными, разноулыбчивыми / неулыбчивыми.* Но все они в целом заняты в чрезвычайно важной сфере. Неспроста в самом начале знаменитой Клятвы Гиппократы приводятся слова: «считать научившего меня врачебному искусству наравне с моими родителями» [16]. Ведь это только в природе, среди растений и простейших организмов естественный отбор происходит стихийно. На уровне человеческого сообщества кто-то должен брать на себя ответственность за выбор направлений развития, за подготовку молодёжи к жизни, за профессиональный отбор и отсев. Сенека когда-то писал в «Нравственных письмах к Луцилию»: «Век живи – век учишься тому, как следует жить» [28, с. 240]. Очевидно, учиться нужно и ученикам, и учителям. Нет неинтересных предметов. Есть неумелые учителя и ленивые учащиеся. Надежду вселяет тот факт, что в России педагогическое образование имеет давние традиции, а значит – и в будущем эти традиции могут обогащаться, совершенствоваться, чтобы помогать новым и новым поколениям жить по уму и по совести.

Список литературы:

- [1] Аврелий, Марк. Размышления. – Магнитогорск: Амрита-Урал, 1994. – 293 с.
- [2] Армянский фольклор. – М.: Наука, 1979. – 375 с.
- [3] Афганские народные пословицы и поговорки. – М.: Изд-во иностранной литературы, 1961. – 66 с.
- [4] Высказывания знаменитых людей. – М.: КРОН-ПРЕСС, 2000. – 470 с.
- [5] Гварджаладзе И.С., Мchedlishvili Д.И. Английские пословицы и поговорки. – М.: Высшая школа, 1971. – 77 с.
- [6] Гессе Г. Детство волшебника // Космос детства. Антология. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2009. – 367 с.
- [7] Граф А.Е. Словарь немецких и русских пословиц. – СПб.: Лань, 1997. – 287 с.
- [8] Грибоедов А.С. Горе от ума. – Интернет-ресурс. Режим доступа: <https://ilibrary.ru/text/5/p.1/index.html> (06.01.22)
- [9] Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. В 4-х томах. Т.4. – М.: Гос. издательство иностранных и национальных словарей, 1956. – 683 с.
- [10] Данилович Е. Не уважаем сами себя? // «АиФ». – 2021, № 37.
- [11] Древнеиндийские афоризмы. – М.: Наука, 1966. – 96 с.

- [12] Знаменитые шутят. – М.: Республика, 1994. – 415 с.
- [13] Кессиди Ф.Х. Гераклит. – СПб.: Алетейя, 2004. – 217 с.
- [14] Кессиди Ф.Х. От мифа к логосу: Становление греческой философии. – СПб.: Алетейя, 2003. – 360 с.
- [15] Кессиди Ф.Х. Философия истории Фукидида. – СПб.: Алетейя, 2008. – 267 с.
- [16] Клятва Гиппократа. – Интернет-ресурс. Режим доступа: https://www.bsmu.by/downloads/kafedri/k_obsch_zdovov/v1.pdf (06.01.2022)
- [17] Корейские народные изречения. На корейском и русском языках. – М.: Главная редакция восточной литературы, 1982. – 359 с.
- [18] Курдские пословицы и поговорки. – М.: Главная редакция восточной литературы, 1972. – 456 с.
- [19] Макаренко Антон Семёнович. – Интернет-ресурс. Режим доступа: http://www.hrono.ru/biograf/bio_m/makarenko_as.php (06.01.22)
- [20] Михалков С.В. Весёлый день. – М.: Детская литература, 1984. – 287 с.
- [21] Монгольские народные пословицы и поговорки. – М.: Изд-во иностранной литературы, 1962. – 86 с.
- [22] Монтень М. Опыты: В трёх книгах. – М.: Голос, 1992.
- [23] Моуэт Ф. Не кричи: «Волки!» // Моуэт, Фарли. Не кричи: «Волки!». Ван Лавик-Гуделл, Джейн и Гуго. Невинные убийцы. Лоренц, Конрад. Человек находит друга. – М.: Мир, 1982. – С. 11–120.
- [24] Некрасов Н.А. Сцены из лирической комедии «Медвежья охота». – Интернет-ресурс. Режим доступа: <http://nekrasov-lit.ru/nekrasov/stihi/303.htm> (06.01.2022)
- [25] Пословицы абхазского народа. – Сухуми: АГУ, 1994. – 74 с.
- [26] Разум сердца: Мир нравственности в высказываниях и афоризмах. – М.: Изд-во политической литературы, 1989. – 605 с.
- [27] Сад камней: Мудрость Китая и Японии. – СПб.: Паритет, 2005. – 318 с.
- [28] Сенка Л.А. Нравственные письма к Луцилию. – М.: АСТ, 2020. – 639 с.
- [29] Сказки, пословицы и песни лужицких сербов. – М.: Изд-во иностранной литературы, 1962. – 159 с.
- [30] Словарь по этике / 6-е изд. – М.: Изд-во политической литературы, 1989. – 448 с.
- [31] Словарь русского языка: В четырёх томах. Т.4. – М.: Русский язык, 1984. – 792 с.
- [32] Сомалийские пословицы и поговорки. – М.: Наука, 1983. – 284 с.
- [33] Толковый Словарь Русского Языка. – Интернет-ресурс. Режим доступа: <https://www.vedu.ru/expdic/37152/> (06.01.2022)
- [34] Уйгурские пословицы и поговорки. – М.: Наука, 1981. – 182 с.
- [35] Финские народные пословицы и поговорки. – М.: Изд-во иностранной литературы, 1962. – 58 с.
- [36] Чакалов И.В. Пословицы и поговорки цалкинских (триалетских) греков. – Салоники: Эродиос, 1997. – 216 с.
- [37] Этика: Энциклопедический словарь. – М.: Гардарики, 2001. – 669 с.
- [38] Японские народные пословицы и поговорки. – М.: Изд-во иностранной литературы, 1959. – 95 с.

ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ: КАК ОНА ОЦЕНИВАЕТСЯ В ХОЗЯЙСТВЕННОЙ КУЛЬТУРЕ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

К середине XIX – началу XX веков в российской социологии и социальной философии сложился комплекс модельных представлений о невысоком уровне культурной легитимации предпринимательской деятельности в России. В статье высказывается предположение, что за годы, прошедшие со времени формирования таких теоретических представлений, практики капиталистического хозяйства могли оказать влияние на изменение ценностно-мотивационной структуры россиян. В первую очередь, изменения могли произойти в ее периферических слоях, непосредственно связанных с экономическими интересами хозяйственных агентов. В то же время ценностное ядро хозяйственной культуры остается относительно неизменным. Результаты проведенного эмпирического исследования отчасти подтверждают обоснованность этого предположения. Они показывают, что в настоящее время ценность предпринимательской деятельности, вероятно, имеет разное значение в различных слоях ценностно-мотивационных структур экономических агентов России.

Ключевые слова:

мотивы, предпринимательская деятельность, хозяйственная культура, хозяйственный агент, ценности, экономические интересы.

Давыдов С.А. Предпринимательская деятельность: как она оценивается в хозяйственной культуре современной России // Общество. Среда. Развитие. – 2022, № 1. – С. 76–80. – DOI 10.53115/19975996_2022_01_076–080.

© Давыдов Сергей Александрович – доктор социологических наук, профессор кафедры социологии и управления персоналом Санкт-Петербургского государственного экономического университета. E-mail: licurg@inbox.ru

Сегодня немногие позволяют себе усомниться в том значении, которое имеет предпринимательская деятельность в развитии экономической системы нашей страны. Важным фактором оживления хозяйственной активности является осознание предпринимателем того обстоятельства, что его деятельность является не только законной, но и легитимной – что она востребована обществом, признается и поддерживается большинством населения, обладает высоким общественным престижем. А такие проявления легитимации предпринимательской деятельности становятся возможным лишь при том условии, если ей будут благоприятствовать императивы сложившейся хозяйственной культуры.

В середине XIX – начале XX веков в отечественной социологии и социальной философии стала преобладать точка зрения, согласно которой предпринимательская деятельность в России слабо укоренена в социальных практиках в силу того, что не имеет выраженной культурной легитимации. В качестве основного аргумента в ее пользу обычно принималось утверждение об особом историческом пути, по которому прошла хозяйственная система России в своем развитии, и придавшем ей черты «раздаточной экономики», не поощряю-

щей предпринимательскую деятельность. По словам О. Бессоновой, в таком хозяйстве «сам труд – производственный, управленческий, ратный, – приобрел характер служебного труда... В ходе исторического развития эта идея настолько прочно увязалась со всей экономической структурой общества, что в XX веке уже практически невозможно было отличить идеологию от экономики» [1, с. 43–44]. Сложно ожидать, что в таких условиях свободная предпринимательская деятельность могла бы занять центральное место в системе экономических действий, а установки на нее были бы востребованы и оправданы императивами хозяйственной культуры.

По мнению исследователей, вытеснение предпринимательской мотивации на периферию ценностно-мотивационной структуры хозяйственных агентов России следует рассматривать как явление, complementary особенностям российской хозяйственной культуры. К числу таких особенностей принято относить: приоритет «сверхличных» целей [6, с. 142] над соображениями «повседневности» [5, с. 62] и «мирских забот» [3, с. 80]; «презрение к мещанству, к буржуазной сосредоточенности на собственности, на земных благах» [4, с. 49]; не безусловность признания прав частной собственности [7, с. 532]; отсут-

стве оправдания установок на «максимизацию прибыли... (при стремлении – С.Д.) сбалансировать производство и потребление, по возможности равномерно распределить нагрузки и доходы в течение года» [6, с. 24]; отказ в признании самоценности эффективного производительного труда [Мф. 20:16], который сам по себе «суетен и не вменяется ни во что» [6, с. 275], слабо выраженное одобрение стремления преобразовать, «улучшить или обновить» [1, с. 9] условия существования, низкая моральная оценка денег и богатства [Мк. 10: 23–25].

Принимая во внимание аргументы и выводы классиков отечественной социально-экономической науки о невысоком уровне культурной легитимации предпринимательской деятельности в России и ее слабой реализации в хозяйственных практиках нашего общества двухсотлетней давности, можно было бы предположить, что за годы, прошедшие со времени формирования таких теоретических представлений, реальные практики капиталистического хозяйства могли оказать влияние на изменение ценностно-мотивационной структуры россиян, во всяком случае, в части изменения ее периферических слоев, непосредственно связанных с экономическими интересами хозяйственных агентов.

Проверка этого предположения на практике означала бы оценку адекватности модельных представлений российской социологии середины XIX – начала XX веков о невысоком уровне культурной легитимации предпринимательской деятельности сложившимся социальными-экономическим реалиям современной России. Еще точнее, она могла бы сводиться к соотношению признаков, характеризующих модельные представления об особенностях русской хозяйственной культуры позапрошлого века, с эмпирическими признаками, репрезентирующими ее фактическое состояние по этим признакам сегодня.

Данные, позволяющие произвести такую оценку, были получены с помощью анкетного опроса (n = 1247), проведенного в 2017–2021 годах в 22 регионах Российской Федерации Центрального, Северо-Западного, Южного, Приволжского, Уральского, Северо-Кавказского федеральных округов. Формирование выборки осуществлялось с учетом соблюдения соответствия ее структуры структуре экономически активного населения России по таким признакам как пол, возраст, место рождения. Опросный лист включал в себя 39 закрытых вопро-

сов. Некоторые из вопросов были открытыми, что давало респондентам возможность сформулировать собственный ответ. Большинство вопросов были закрытыми. Каждый из них представлял собой суждение, с которым респондент должен был согласиться в той или иной степени. Ответом на такой вопрос становилась степень согласия респондента с суждением.

В ходе исследования были найдены аргументы в пользу того, что глубинные слои ценностно-мотивационной структуры хозяйственных агентов России не сильно расходятся с модельными представлениями, сформированными в рамках российской социально-экономической науки. Выяснилось, что в большей степени императивы традиционно приписываемые хозяйственной культуре России проявляют себя в оценках, которыми респонденты характеризуют свои представления о смысловой ценности хозяйственной деятельности.

Прежде всего, в своем явном большинстве они полагают, что труд должен служить источником радости человеку и его близким – в противном случае трудовая деятельность теряет смысл (рис. 1).

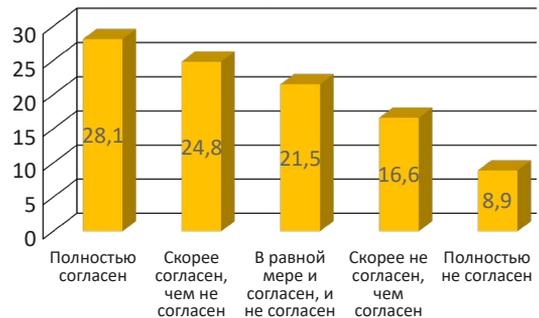

Рис. 1. Распределение ответов на вопрос: «Труд, если он не приносит радости тебе и близким, бессмысленен»

При этом опрошенные, похоже, имплицитно рассматривают трудовую деятельность как процесс, который действительно способен приносить удовлетворение вне связи с приносимым им доходом, и не рассматривают труд исключительно в качестве источника заработка. В пользу такого предположения говорит как то, что большинство опрошенных не изъявили желания уклониться от трудовой деятельности, если представится такая возможность (рис. 2), так и то, что лишь незначительное их большинство считают трудовую деятельность вынужденной мерой, на которую человек идет ради поддержания приемлемого уровня благополучия (рис. 3).

Рис. 2. Распределение ответов на вопрос: «Если имеется возможность хорошо жить не работая, то лучше воспользоваться ею»

Рис. 3. Распределение ответов на вопрос: «Труд – вынужденная мера, на которую человек идет ради поддержания приемлемого уровня благополучия»

Интересным может показаться и то, что респонденты в основной своей массе не рассматривают индивидуальный труд в отрыве от его общественного характера.

Так, большинство опрошенных убеждены, что не материальное вознаграждение, а польза труда определяет его общественную значимость (рис. 4), а также считают достижение общих целей одним из самых значимых мотиваторов трудовой деятельности (рис. 5).

Несложно понять, что с имманентно присущие предпринимательской деятельности установки на индивидуальный труд

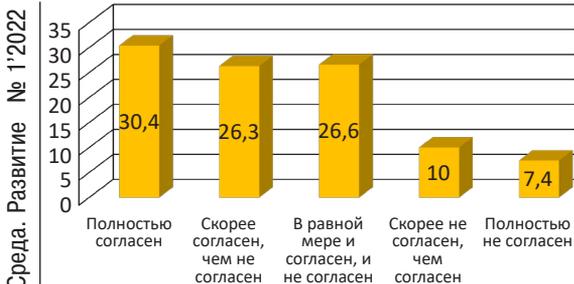

Рис. 4. Распределение ответов на вопрос: «Общественное значение труда определяется не размером вознаграждения, а пользой, которую он приносит людям»

Рис. 5. Распределение ответов на вопрос: «Часто достижение общей цели побуждает к труду лучше других стимулов»

с целью получения максимального дохода не занимают комплементарного положения в ценностном ядре хозяйственной культуры современной России.

Впрочем, отмечая наличие эмпирических признаков, характеризующих относительную стабильность ценностного ядра русской хозяйственной культуры в том виде, как она была описана классиками социально-экономической науки, обратим внимание на полученные в ходе исследования свидетельства в пользу того, что в своих периферических слоях она обнаруживает существенные изменения.

Так, в явном большинстве респонденты считают материальное вознаграждение более важным критерием оценки работы, чем ее общественный престиж (рис. 6).

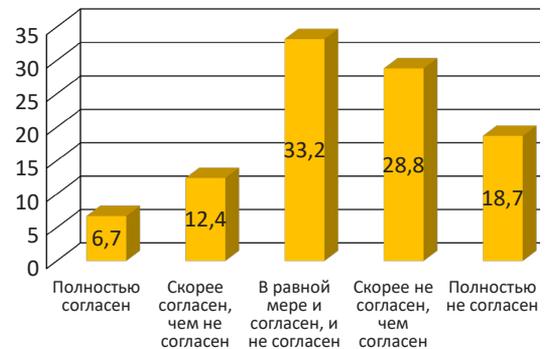

Рис. 6. Распределение ответов на вопрос: «В работе престиж важнее материального вознаграждения»

Такие оценки хорошо соотносятся с их ответами на вопрос о том, является ли зазорной сосредоточенность человека на материальных благах. По мнению значимого большинства опрошенных, в современных условиях такая установка не заслуживает осуждения (рис. 7).

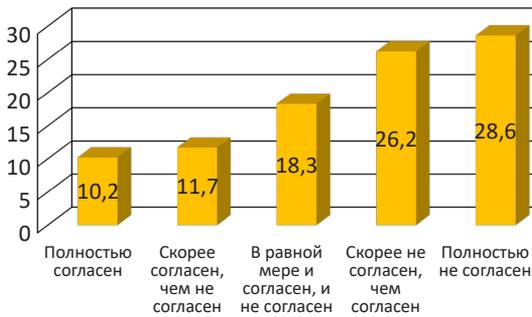

Рис. 7. Распределение ответов на вопрос: «Людам, которые сосредоточены лишь на собственном материальном благополучии, должно быть стыдно»

И, наконец, очень показательными являются ответы опрошенных на прямой вопрос, предпочитают ли они работать по найму или заниматься предпринимательской деятельностью. Полученные данные никоим образом не подтверждают долгое время бытовавшее в российской науке мнение об отрицательном отношении россиян к предпринимательской деятельности: большинство опрошенных дают ей скорее нейтральные и положительные оценки (рис. 8).

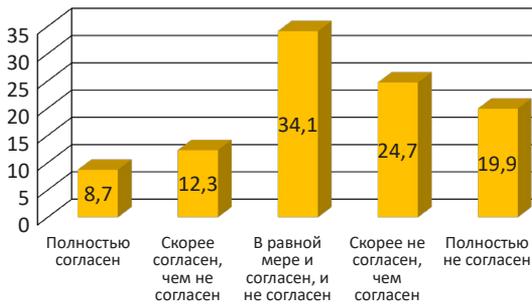

Рис. 8. Распределение ответов на вопрос: «Лучше работать по найму, чем заниматься предпринимательством»

Полученные результаты показывают, что периферические слои большинства-мотивационных структур большинства россиян неплохо согласованы с установками на предпринимательскую деятельность. Впрочем, у нас не имеется достаточных оснований утверждать, что процесс такого их согласования завершен, и периферические слои хозяйственной культуры в полной мере адаптированы к экономическим интересам хозяйственных агентов.

Так, выбирая между нацеленностями на поддержание приемлемого уровня жизни и получение максимального дохода, респонденты не отдали явного предпочтения ни той, ни другой стратегии (рис. 9).

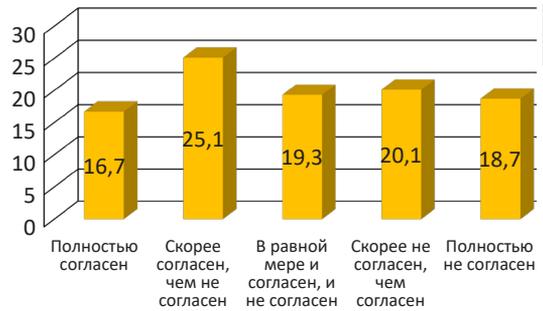

Рис. 9. Распределение ответов на вопрос: «Я не ставлю себе целью получить максимальный доход: мне удобнее ритмично трудиться, чтобы поддерживать приемлемый образ жизни»

Похожие результаты были получены в результате анализа ответов респондентов, поставленных перед выбором между поврежденной и сдельной заработной платой. Число лиц, ориентированных на получение гарантированной и стабильной зарплаты оказалось лишь немногим выше, чем число лиц, предпочитающих оплату по результатам работы (рис. 10).

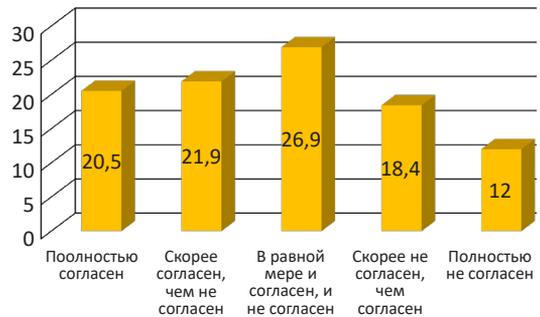

Рис. 10. Распределение ответов на вопрос: «Стабильная зарплата лучше, чем оплата по результату»

И, наконец, в условиях рассогласованности культурных императивов и экономических интересов в своих оценках целей трудовой деятельности в оппозиции

Рис. 11. Распределение ответов на вопрос: «Если уж трудиться, то ради цели более высокой, чем деньги»

«прагматизм-альтруизм», респонденты поделились практически пополам, впрочем, склоняясь в этом скорее к прагматизму (рис. 11).

В целом полученные результаты исследования дают основания полагать, что установки на предпринимательскую деятельность пока еще плохо согласуются с ценностным ядром хозяйственной культуры современной России. А оно, похоже, до сих пор пребывает в состоянии, описанном классиками русской социологии и социальной философии. В большей степени императивы, традиционно приписываемые хозяйственной культуре России, проявляют себя в оценках, с помощью которых экономические агенты выражают свои представления о смыслах хозяйственной деятельности. Они высоко оценивают значение труда как источника удовлетворения, признают важность коллективных целей трудовой деятельности, в основной своей массе склонны оценивать индивидуальный труд в связи с его общественной значимостью.

В то же время в ходе исследования были получены свидетельства в пользу того, что в своих периферических слоях ценностно-мотивационные структуры россиян обнаруживают изменения, благоприятствующие развитию установок на предпринимательскую деятельность. Так, в явном большинстве респонденты считают материальное вознаграждение более важным критерием оценки работы,

чем ее общественный престиж, не считают зазорной сосредоточенность человека на материальных благах, демонстрируют заметно выраженное положительное отношение к предпринимательской деятельности.

Такое рассогласование между глубинными и периферическими слоями ценностно-мотивационной структуры может быть объяснено незавершенностью процесса адаптации хозяйственной культуры современной России к реалиям капиталистического хозяйства. В ходе этого процесса наиболее лабильными оказались ценности, непосредственно связанные с вновь сформировавшимися структурами потребностных диспозиций агентов капиталистической экономики, которые сложились в условиях действующих экономических институтов.

Таким образом, можно констатировать, что в настоящее время российская хозяйственная культура пребывает в состоянии известной дисконформности. В этих условиях ценность предпринимательской деятельности может иметь совершенно разное значение в различных слоях ценностно-мотивационных структур экономических агентов России. И хотя на сегодня фигура предпринимателя на первый взгляд освобождена от сомнительного флера, пока еще рано говорить о том, что в рамках российской хозяйственной культуры она получила безоговорочную легитимацию.

Список литературы:

- [1] Бакштановский В.И. Социология морали: нормативно-ценностные системы // Социологические исследования. – 2003, № 5. – С. 8–12.
- [2] Бессонова О. Раздаточная экономика как российская традиция // Общество и современность. – 1994, № 3. – С. 40–47.
- [3] Булгаков С.Н. Христианский социализм. – Новосибирск: Наука, 1991. – 80 с.
- [4] Лосский. Свободолюбие // Слово. – 1990, № 3. – С. 42–59.
- [5] Панарин А. Западники и евразийцы // Общественные науки и современность. – 1993, № 6. – С. 58–67.
- [6] Преподобного отца нашего аввы Дорофея душеполезные поучения и послания / 3-е издание. – М.: Козельская Введенская Оптина пустынь, 1866.
- [7] Чайнов А.В. Очерки по теории трудового хозяйства. Вып. I. – М., 1912.
- [8] Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. Россия. – СПб: Брокгауз и Ефрон, 1898.

ЭПИСТЕМОЛОГИЯ ПОСТМАТЕРИАЛИЗМА В СВЕТЕ ЭКОНОМИКИ ЗНАНИЙ: ЦЕННОСТИ И МИРОВОЗЗРЕНИЕ

Анализируются эпистемологические основания концепции постматериализма американского политолога Р. Инглхарта в контексте экономики знаний, формирующейся в позднеиндустриальном обществе. Анализ глубинных социальных трансформаций, захватывающих все сферы современного общества: не только экономическую, но и образовательную, политическую, ценностную представлен в контексте соотношения формальных и неформальных аксиологических конструктов, в сравнении отношений ценностей и отношений власти. Показано, что существенные трансформации, связанные с глубинными изменениями ценностной сферы жизни человека в «обществе знаний», интенсифицируют процесс движения к новому технико-экономическому укладу жизни. При этом постматериальные ценности, идея которых была предложена Р. Инглхартом, рассматриваются в работе как имагинативный капитал развития человека и общества, направленный в будущее и позволяющий «снять» некоторых из сложностей, связанных с заявленным движением к новому типу общества. Именно устремленность в будущее, желание максимальной самоактуализации в XXI столетии начинает определять ценностный выбор, который может стать автономным и подлинно свободным. От решения именно этого вопроса зависит конституирование ценностного измерения отношений в новых структурах сетевого порядка. При этом современность информационно или даже сверхинформационной (постинформационной) цивилизации актуализирует вопрос о своевременности, условиях и возможностях эпистемологической программы экспертократии: власти экспертов, лидеров мнений, инфлюенсеров и т.д., а также о самих основаниях их деятельности в свете экономики знаний.

Ключевые слова:

знания, имагинативный капитал, когнитивный капитализм, неклассическая эпистемология, постматериализм, постматериальное, ценности, экономика знаний, эпистема.

Воскресенский А.А., Султанов К.В., Сунягина А.Г. Эпистемология постматериализма в свете экономики знаний: ценности и мировоззрение // Общество. Среда. Развитие. – 2022, № 1. – С. 81–85. – DOI 10.53115/19975996_2022_01_081-085

© Воскресенский Алексей Александрович – кандидат философских наук, доцент, и.о. зав. кафедрой философской антропологии и истории философии, Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена, Санкт–Петербург; e-mail: voscres@gmail.com

© Султанов Константин Викторович – заслуженный деятель науки РФ, доктор философских наук, профессор, Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена, Санкт–Петербург; e-mail: child2000@bk.ru

© Сунягина Анна Германовна – старший преподаватель, Санкт–Петербургская государственная художественно–промышленная академия имени А.Л. Штиглица, Санкт–Петербург; e-mail: anasun@yandex.u

Первые два десятилетия двадцать первого века воспринимались человеческим сознанием как нечто эпохальное, особенное, едва ли не как переломный момент и формирование цивилизации совершенного типа, с принципиально инновационными экономическими, культурными и ценностными кодами. Эта же тенденция в полной мере относится и к представлениям о развитии науки, а также к исследовательским программам. Появилось осознание того, что история идей имеет ключевое значение не только для философии, но также обладает колоссальной значимостью и эвристической силой для объяснения происходящих на наших глазах социальных, экономических и образовательных трансформаций. Активно развивавшаяся профессором Мичиганского университета Р. Инглхартом с 1970-х гг. идея «экономического бума», технологий,

приведших к появлению так называемой экономики знаний и влияние последней на смену мировоззренческих ориентаций современного человека (от ценностей материальных к ценностям постматериальным) начинает приобретать социально-эпистемологическое измерение.

Постановка проблемы

В современных исследованиях эпистемологических оснований постматериализма, концепция которого оказалась чрезвычайно актуальной в условиях общества, движущегося к экономике знаний, ставится вопрос о попытках постижения нынешней социокультурной реальности в предельно крупных «цивилизационных линиях» – как принципиально нового этапа развития общества и формирования концепций «нового человека», «трансгуманизма», «новой этики» и т.д. В этом от-

ношении эпистемологическая программа постматериализма пытается утвердить и отрефлексировать «новое начало» осмысления цивилизационного масштаба трансформации ценностных установок личности в мире «после» истории. Прежде всего здесь необходимо отметить, что постматериализм – это отнюдь не сформированная и застывшая как вулканическая магма концепция, которую можно описывать языком учебника и антологии. Это живая концепция, находящаяся в процессе активного становления, дополняясь и корректируясь, вызывая к жизни смежные исследовательские эпистемологические программы. При этом нерешенными остаются проблемы, связанные со значительными расхождениями, существующими между психолого-педагогическими, философско-антропологическими, социально-философскими, а также социальной и образовательной практиками. Эти попытки часто в современной науке называются «концептуальным конструированием» (Б.И. Пружинин) – построением изящных теоретических моделей, объяснительная сила которых применительно к практике стремится к нулю. В этом смысле, заявленная проблема настоящего исследования связи постматериализма, экономики знаний и ценностного мира современного человека предполагает постановку и последовательное решение следующих вопросов:

– Как проходит личностная и профессиональная идентификация и самоидентификация представителей «цифрового поколения» с учетом все более выраженно-го влияния эпистемологической программы постматериальных ценностей?

– Особенности формирования и трансформации системы ценностей, личностных предпочтений и стратегий жизненного выбора тех людей, которые принадлежат к различным поколениям и субкультурам, учитывая при этом характерные для этих поколений и субкультур формы активности, виды и особенности коммуникации, опасности манипулятивного воздействия и т.п. Данный вопрос является критически важным, учитывая, что концепции постматериализма, «постматериального», постматериальных ценностей описывают как раз явления, процессы и изменения, которые делаются возможными исключительно в экономике знаний.

– Как влияет идея постматериализма на образовательные практики в экономике и обществе, основанных на знаниях.

– Выявление образовательных условий и возможностей наиболее успешного и эффективного включения молодежи в полилогичную коммуникацию с другими поколениями.

– Новые модели и трансформации прежних образа и профессиональных функций преподавателя (тьютор, коуч, фасилитатор, наставник, партнер и т.п.), ведущего учащегося к его собственным целям, о чем, в частности, шла речь в предыдущих исследованиях [2, с. 87].

Методологические подходы к решению проблемы

Вместе с тем, при более пристальном рассмотрении вопрос об эпистеме постматериального, оказывается выходящим далеко за рамки своей первоначальной идеи о генезисе постматериальных ценностей, «теории поколений», различных эпистемологических программах постмодерна (смерть автора, конец истории, деконструкция субъекта, дискурс знания-власти и т.д.), что позволяет некоторым исследователям (Р. Инглахрт, В. Иноземцев, В. Мартьянов и др.) говорить о рождении нового цивилизационного уклада и эпистемологической программы – «постматериализма».

Как отмечает В.С. Мартьянов, «...длящийся более 30 лет “Всемирный мониторинг ценностей” (World Values Survey, WVS) на межстрановом уровне демонстрирует значимую статистическую зависимость: повышение уровня жизни людей приводит к росту постматериальных ценностей самореализации, доверия, ответственности, заботы о людях и природе, а также ценностей открытости изменениям. В то же время низкий уровень жизни населения коррелирует с сохранением доминирующей роли носителей консервативных материальных ценностей выживания, сохранения и самоутверждения. На фоне уже решенных материальных проблем индивидов в постиндустриальных обществах приоритетными для них становятся ценности самореализации и саморазвития, формирующие контуры новой политической этики и часто интерпретируемые как постмодерные. Эти ценности проявляются в растущем моральном неприятии такого социально-политического статус-кво, в котором господствующей ценностной стратегией граждан является демонстрация социально одобряемого поведения и выживание как пассивная адаптация к наличным и считающимся неизменными общественным нормам

и практикам» [6]. В этом отношении, как отмечает другой исследователь Дж. Хикс, по мере накопления благосостояния оно все более утрачивает свою значимость для человека, на первый план выходят новые, более субъективистские критерии (например, индекс оценки «качества жизни») – такие, как свобода, безопасность, доверительность, справедливость [11].

В этой связи необходимо вспомнить связь мышления К. Маркса с поздними произведениями Ф. Ницше, особенно с «Волей к власти», что в современной российской философии подчас остается в тени. Ценностная установка мышления Ф. Ницше представляет собой, по сути, идеал развития силы ради силы, – реализации власти как самоцели, – ради самой власти. При этом нужно особо подчеркнуть, что сам термин «постматериальное», «постматериализм», «постматериальные ценности» и т.д., представляясь весьма эвристичными в конце XX века, тем не менее, на сегодняшний день не являются чем-то инновационным, по своей сути. Так, основная идея самого цитируемого в последние годы представителя *social studies* Рональда Франклина Инглхарта, автора термина «постматериализм», заключается в том, что в достаточно богатых экономически развитых западных странах после всех революций, войн и катаклизмов XX века начинает формироваться новая ценностная парадигма, не связанная напрямую с обеспечением безопасности человека, но движимая в будущее – «постматериальными ценностями». И действительно, приведенная ранее статистика подтверждает эту выкладку американского исследователя. Однако, все ли так просто и безоблачно? Согласно концепции Рональда Инглхарта [4, с. 25–75], именно ценностные установки, в основном, молодых людей, на долю которых не выпало переживание катаклизмов XX столетия, выступают основой и базисом экономических и социальных моделей позднего постиндустриального общества, основой развития новейшей социальной философии и философии образования. В рамках данной теории на пути к обществу, основанному на знаниях, «традиционные» материалистические ценности, обеспечивающие выживание и адаптацию к экономической, социальной, политической и духовной сферам общества уступают свое место ценностям постматериальным, ведущим к максимальному самовыражению и раскрытию творческого потенциала личности (стремление к независимости, свобода выбора, ориентация на

максимальную плюральность, качественное образование, саморазвитие, мгновенный доступ к информации из любой точки мира, при этом информация должна быть без каких-либо ограничений и т.д.), что коррелирует с изменениями в экономическом укладе западных обществ, традиционно обозначаемых в науке как движение к «экономике знаний».

Р. Инглхарт, в частности, отмечает, что произошедшая в сознании человека XX века ценностная революция сделала акцент на том, что ценности, мотивация, выбор жизненной программы, да и просто поведение человека зависят прежде всего от того, насколько безопасно он себя ощущает в мире, что задает биологические рамки детерминации социального процесса в работах американского исследователя. Далее Р. Инглхарт указывает, что именно процессы, связанные с выживанием личности в жестоком мире капитализма находились в опасности на протяжении большей части человеческой истории, это делало сильный акцент на групповой солидарности, неприятии чужаков и повиновении сильным лидерам. И наоборот, возникающий в постиндустриальном обществе «после истории», идеологической борьбы, революций и мировых войн высокий уровень экзистенциальной безопасности способствует открытости к изменениям, разнообразию и новым идеям. Модернизация и стремительное экономическое развитие создали определенную «социальную подушку» безопасности во многих странах после Второй мировой войны, где люди воспринимали выживание как само собой разумеющееся. Процветание и экзистенциальная безопасность послевоенной эпохи привели к культурным изменениям, движению за защиту окружающей среды и распространению демократии, снижению авторитаризма и роста роли и значения постматериальных ценностей: эгалитарных норм, секуляризации, терпимости, гендерного равенства, доверия, терпимости к разводам и т.д. Свобода выбора в «постматериальных обществах» приводит к «увеличению счастья». В настоящее время Р. Инглхарт видит негативную реакцию в усилении авторитаризма, политического популизма и разрушения подлинной демократии растущим экономическим неравенством.

Согласно эпистемологической программе Р. Инглхарта, у предыдущих поколений образование являлось базой, на основе которой они потом годами, постепенно выстраивали свою карьеру в одном

направлении. Так, «Иксам» была важна стабильность в работе, а карьерный рост отходил на второй план; на долю «игреков» же выпали колоссальные скачки в техническом прогрессе, поэтому позволить себе быть специалистами узкой направленности они не могли – отсюда максимальная социальная и сетевая интеграция – выраженная ориентация на саморазвитие, подтвержденная дипломами, сертификатами и т.д. Именно поэтому «Игрекам» нужно было постоянно самосовершенствоваться, чтобы сохранять свои конкурентные преимущества, хотя и это отнюдь не гарантировало им стабильность в работе. Следствием этой позиции стал тот факт, что среди представителей этого поколения часто встречаются инженеры, занявшиеся, например, продажами, и физики, ушедшие в ИТ, психологи и педагоги, ушедшие в коучинг и «лайф-стайл тренинги». Люди подстраивались под потребности рынка труда и образование, а точнее сказать, самообразование было единственным ключом к конкурентоспособности и выживанию.

Статистика профессионализации «зумеров», которые в большинстве своем являются носителями эпистемологической программы постматериализма, пока еще недостаточна для того, чтобы можно было сказать что-либо об их профессиональных особенностях, но вот тенденции в образовании и дальнейших перспективах его использования уже видны. У «зумеров» появляются ФГОСы и ЕГЭ, поэтому образование для них является чем-то обязательным и непонятным в применении. Многие «зумеры»-школьники уже осознали свои возможности в самообразовании и развитии, а для самых смелых и сообразительных школа и вовсе перестает быть чем-то полезным, ведь всю интересную и важную информацию можно почерпнуть из интернета бесплатно при помощи одного голосового запроса, используя смартфон. Причины таких тенденций смены эпистемологических программ многообразны и очень различны, в рамках данной работы невозможно их перечислить. Однако, можно выделить главную – это смена целеполагания науки и того, что мы считаем знанием: и то, и другое все больше становятся деятельностью, целью которой выступает решение конкретной задачи. Отсюда в сознании молодежи меняются сами представления о знаниях, формируя новую эпистемологическую программу их понимания, ранжирования и ценности:

– знание непонятно, следовательно, не принимается;

– знание непонятно, но и не «конфликтно» по отношению к другим представлениям, поэтому принимается;

– знание понятно, но не «конкурентоспособно» по отношению к уже имеющимся знаниям;

– знание понятно настолько, что способно изменить ранее сформировавшиеся представления.

Следствием такой свободы и максимальной широкой сетевой социальной, образовательной и профессиональной интеграции становится феномен «мировоззренческий запутанности»: молодежь слышит про свободу выбора индивидуальных образовательных маршрутов, но при этом их жестким ограничителем в смене интересов является ЕГЭ; им твердят про важность разностороннего мышления и ограничивают шаблонными и субъективными экзаменами. Отсюда берутся пренебрежительное отношение к учебе и образованию в целом; частые переходы студентов из одного ВУЗа в другой и смена специальности; выпускники, «взявшие паузу» на несколько лет после школы для самоопределения. «Зеты» осознают свободу своих возможностей, но зачастую не понимают как ее использовать и к чему применять.

Выводы

Подводя итоги, необходимо ответить на вопрос о том, какую же роль играет концепт «постматериального», особенно постматериальных знаний в контексте информационного общества?

– Во-первых, Знания, начиная со второй половины XX века, становятся непосредственной производительной силой, выступая условием воспроизводства многих социальных систем с технико-экономической точки зрения. В этом отношении они являются условием современного производства в значительно большей степени, нежели когда-либо прежде.

– Во-вторых, императив на постоянное обновление, актуализацию и воспроизводство знаний стал условием материального, и, шире – социального воспроизводства, формирования совокупного общественного продукта и социального капитала в современном обществе. При этом потребительскую стоимость сами знания даже сегодня, когда их роль как никогда высока, не создают. Для функционирования системы знаний и экономики, на знаниях

построенной, по-прежнему необходимы конкретные материальные носители – продукты современного материального производства.

– И, в-третьих, характерной чертой современности становится наличие знания буквально в каждом продукте, товаре или услуге – или в интеллектуальной, «интеллектуальной», или в опредмеченной форме. То есть, в этом смысле, с точки зрения социально-экономической, объективно-истинные научные знания, точно отражающие действительность и позволяющие прогнозировать будущее, являются важнейшим ресурсом власти и источником социального и экономического неравенства.

Данные изменения трансформируют субъектность личности, за изменениями в которой следует появление инновационных образовательных парадигм, которые были бы направлены на формирование у молодежи экспертности в таких областях, как:

– Креативность и инновационность – идеология стартапов, мультидисциплинарность, неожиданные точки пересечения интересов – образование и бизнес, общественная работа и сфера IT, инфор-

мационные технологии и гуманитарная безопасность, и т.д.

– Чрезвычайно высокая скорость отбора, пересмотра, внедрения в свою жизненную и профессиональную практику новых моделей, быстрое получение обратной связи, непрерывная актуализация прошлого опыта с точки зрения запросов настоящего, постоянная рефлексия.

– Формирование компетенции инновационного потенциала – человеческий, социальный, культурный капитал.

В этом смысле эпистемологическая программа постматериализма актуализирует критическую ревизию как традиционной научно-рациональной картины мира, которая лежит в основе адаптационных и преобразовательных стратегий общества, так и самой образовательной деятельности, призванной готовить людей, обеспечивающих реализацию данных стратегий в новой экономике, в которой знания начинают играть все большую роль. В силу этого в последнее время активно развиваются новые направления, подходы и программы, которые в своих аналитических сводках отталкиваются от глобального анализа современности и формирующейся новой парадигмы новой картины мира.

Список литературы:

- [1] Визгин В.П. Эпистемология Гастона Башляра и история науки. – М.: ИФРАН, 1996. – 263 с.
- [2] Воскресенский А.А., Рабош В.А., Суныгина А.Г. Постматериальные ценности поколения Z на пути к обществу знаний – к постановке проблемы // Общество. Среда. Развитие. – 2018, № 1. – С. 84–87.
- [3] Ингхарт Р., Вецель В. Модернизация, культурные изменения и демократия: Последовательность человеческого развития. – М.: Новое издательство, 2011. – 464 с.
- [4] Иноземцев В.А. Современное постиндустриальное общество: природа, противоречия, перспективы. – М.: Логос. 2000. – 323 с.
- [5] Касавин И.Т. Знание и реальность в исторической эпистемологии // Эпистемология и философия науки. Т. 57. – 2020, № 2. – С. 6–19.
- [6] Мартынов В.С. Глобальный модерн, постматериальные ценности и перефирийный капитализм в России // Полис. – 2014, № 1. – С. 83–98. – DOI: <https://doi.org/10.17976/jpps/2014.01.06>
- [7] Порус В.Н. Эпистемология: некоторые тенденции // Вопросы философии. – 1997, № 2. – С. 93–111.
- [8] Пую Ю.В., Романенко И.Б., Султанов К.В. Манипулятивные воздействия и образовательные технологии: формирование дискуссионно-диалоговой культуры // Общество. Среда. Развитие. – 2015, № 4. – С. 132–137.
- [9] Романенко И.Б., Соломин В.П., Султанов К.В. Социальный и человеческий капитал: дифференциация подходов // Общество. Среда. Развитие. – 2015, № 3. – С. 102–106.
- [10] Социальная эпистемология. Идеи, методы, перспективы / Под ред. И.Т. Касавина. – М.: Канон+, 2010. – 712 с.
- [11] Хикс Дж., Аллен Р. Пересмотр теории ценности // Вехи экономической мысли. Том 1. Теория потребления и спроса / Под ред. В.М. Гальперина. – СПб.: Экономическая школа, 2000. – С. 117–141.
- [12] Prensky M. On the Horizon // MCB University Press. Vol. 9. – 2001, № 5.

ПСИХОСЕМИОТИКА ДЕСТРУКТИВНОГО ПОВЕДЕНИЯ: ОТ УБИЙСТВА СИМВОЛИЧЕСКОГО К УБИЙСТВУ РЕАЛЬНОМУ

Актуальность работы определяется высокой научной и общественной значимостью понимания причин как отдельных трагических событий, таких как убийства в Керчи и Казани, так и массовых разрушительных процессов психологического и социально-психологического характера. Предлагается анализ и выяснение деструктивных процессов в подростково-молодежной среде современной России. Применение метода системного анализа позволило воспроизвести психосемиотику деструктивного поведения подростково-молодежной среде. Авторы утверждают, что в вакууме смысла и при отсутствии созидательной идеологии, подростки на уровне коллективного бессознательного захватываются хаотическими, деструктивными процессами и соответствующими архетипами, проявляющимися, в том числе, при крайне распространенной сегодня в России «игре» в одушение («Усыпление»). Такого рода одержимость напрямую связана с формированием негативной идентичности и «культом антигероя», зачастую псевдосакрального характера («Я – бог!»). На «организационном» же уровне эта одержимость связана с манипуляциями сознанием в тех или иных интересах. Начиная с символического убийства, деструкция затем может принять форму убийства реального, как на групповом, так и на индивидуальном уровнях. Выдвигается тезис о существовании процессов противоположного характера: современные российские подростки находятся в состоянии незнания духовного поиска и бессознательно стремятся к отождествлению с образом созидающего Героя. Они остро нуждаются в духовной и психологической поддержке со стороны представителей тех общественных институтов, которые должны транслировать подрастающим поколениям созидательные и, в том числе, сакральные смыслы. Подростковая молодежь нуждается в духовно-психологической парадигме, которая позволила бы удовлетворить потребность в высшем смысле и в созидательной идеологии. Необходима активная работа общественных институтов, которые должны транслировать подрастающим поколениям созидательные и, в том числе, сакральные смыслы. Также необходимо усилить службу практической психологии в системе образования и максимально активно содействовать воспитательной деятельности традиционных в России конфессий. Кроме того, следует поддерживать соответствующие программы воспитательной деятельности, психологической поддержки, культурного и духовного развития.

Ключевые слова:

смысл, идеология, сознание, бессознательное, деструкция, идентичность, подростки, молодежь, архетип, субкультура.

Воронцов А.В., Прилуцкий А.М., Богачев А.М., Теплых Г.И. Психосемиотика деструктивного поведения: от убийства символического к убийству реальному // Общество. Среда. Развитие. – 2022, № 1. – С. 86–96. – DOI 10.53115/19975996_2022_01_086-096

- © Воронцов Алексей Васильевич – доктор философских наук, профессор, президент Института истории и социальных наук, Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена, Санкт-Петербург; e-mail: vorontsov@herzen.spb.ru
- © Прилуцкий Александр Михайлович – доктор философских наук, профессор, старший научный сотрудник, Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена, Санкт-Петербург; e-mail: alpril@mail.ru
- © Богачев Алексей Михайлович – научный сотрудник, Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена, Санкт-Петербург; e-mail: amb1976@mail.ru
- © Теплых Галина Ивановна – кандидат экономических наук, научный сотрудник, Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена, Санкт-Петербург; e-mail: er232629@mail.ru.

Актуальность работы определяется высокой научной и общественной значимостью понимания причин как отдельных трагических событий, таких как убийства в Керчи и Казани, так и массовых разрушительных процессов психологического и социально-психологического характера.

В 2019 году была опубликована статья «Трагедия в Керчи: попытка социально-психологического анализа», авторы которой сделали, в частности, следующий вывод: «На наш взгляд, такие случаи, как трагедия в Керчи, являются „вершиной

айсберга“ деструктивных социально-психологических процессов и, одновременно, сигналом коллективного бессознательного социума к общественному сознанию, который можно расшифровать так: мы не хотим жить в обществе „потребительской идеологии“, „мультикультурализма“ и разнообразных „обманок“, но не видим ему альтернативы, не видим здоровых возможностей для инициации-индивидуации (которая осуществлялась и в царской России, и, при всех издержках в СССР (в виде пионерии и комсомола)), а, значит,

идем искаженным, омраченным „путем Героя“, путем разрушения и ненависти, и это – диагноз нам всем» [4]. В истекшие два года ситуация, по сути дела, если и изменилась, то к худшему. Как известно, 11 мая 2021 года в казанской гимназии № 175 Ильназ Галявиев устроил массовое убийство своих сверстников и учителей.

Кроме того, с незавидной регулярностью в СМИ публикуются сообщения о том, что правоохранительные органы в очередной раз предотвратили новый «колумбайн» в российской школе. Очень хорошо, что, как правило, спецслужбы успевают сработать на опережение, что, однако, не отменяет факта, что им приходится, что называется, «бить по хвостам».

И здесь возникает вопрос: а по каким именно «хвостам» они бьют? На наш взгляд, речь идет о таком опасных и негативных явлениях, как хаотические и притом архаичные деструкция и аутодеструкция с подростково-молодежной среде, а также формирование в России (да и в мире тоже) «культов антигероя». Данный феномен основывается на вполне определённых массовидных процессах, коренящихся глубоко в коллективном бессознательном российского социума.

В упомянутой выше статье с анализом трагедии в Керчи был процитирован пост телеграм-канала «Майор и генерал». Приведем его снова: «Когда миром правит культ развлечений и удовольствия, в нем неизбежно появляются свои „проповедники зла“, „мученики сатаны“, типа ИГИЛ (запрещённой в РФ террористической организации) или нынешнего керченского убийцы. Это неизбежно. И это придется учитывать. И противостоять этому могут только готовые на самопожертвование люди, стоящие на стороне добра. Такие, как летчик Филипов – „Это вам за пацанов“. Как полицейский Нурбагандов – „Работайте, братья“. Как студенты, закидывающие камнями того, кто стрелял в керчинском колледже, чтобы дать возможность убежать девчонкам. <...> Надо помнить и чтить истинных героев, чтобы их место в общественном сознании не замещали ложные. В противном случае наше общество обречено»¹.

Напомним, что любому подростку, да и молодому человеку (границы подросткового возраста и молодости в наше время и в нашем обществе весьма размыты [8]), требуется отождествиться с образом Героя и пережить чувство подлинной сопричастности, чтобы обрести здоровую личностную идентичность. Иначе, как писал

Э. Эриксон, возникает ситуация, при которой «Молодые люди предпочитают быть абсолютно никем, нежели представлять собой пучок абсолютно противоположных фрагментов идентичности» [20].

«Бытие никем» вполне закономерно начинает приобретать черты «ложной сакральности», то есть негативной, «теневой» трансценденции. Данный процесс, составляющий своеобразный «фундамент» деструктивных процессов в подростково-молодежной среде России наиболее ярко, на наш взгляд, выражается в распространённой среди подростков, но все еще малоизвестной для взрослых игре «Усыпление».

Предлагается гипотеза трех уровней деструктивных процессов:

1) массовые процессы, связанные с глубинными пластами коллективного бессознательного российского общества и проявляющиеся, в том числе, в чрезвычайно распространенной среди подростков игре «Усыпление»;

2) процессы, протекающие в рамках различных подростково-молодежных субкультур;

3) процессы, относящиеся к личностям конкретных индивидуумов, совершающих деструктивные действия.

Материалы и методы

В рамках исследования использованы, в том числе, материалы, полученные авторами в ходе социально-психологического исследования в Санкт-Петербургских ОУ с использованием методов опроса, включенного наблюдения, беседы. Включенное наблюдение и беседы позволили нам определить, что степень вовлеченности подростков и молодежи в игру «Усыпление» значительно превышает даже те тревожные данные, которые приводятся в известным нам источниках. Также нами были проанализированы научные и учебно-методические публикации по данной проблеме, применялся дедуктивный и индуктивный методы, а так же метод научного и системного анализа на основе глубинной психологии и семиотики. Применение метода системного анализа позволило воспроизвести психосемиотику деструктивного поведения подростково-молодежной среде на различных ее «уровнях».

Результаты и обсуждение

Психологический анализ деструктивной подростковой игры «Усыпление» как симптома деструктивных процессов в подростково-молодежной среде российского социума. Псевдосакральное

«бытие» проявляется, в частности, в игре «Усыпление»², которую активно практикуют современные российские подростки и которая представляет собой удушение одного подростка другим «почти до смерти». Рассмотрим ее подробнее. Вначале отметим, что данная игра весьма популярна в России, еще со времен СССР на протяжении многих десятилетий. О ней пишут федеральные СМИ, причем как 10 лет назад [11], так и совсем недавно [1]. О ее опасности предупреждают даже на сайтах ОУ³. Согласно проведенному одним из авторов данной работы в 2010 году исследованию, в котором приняли участие более 100 старшеклассников одного из ОУ Санкт-Петербурга, в эту «игру» хотя бы один раз в жизни «сыграли» до 70% российских подростков. Тем не менее, в мире «взрослых» о данной игре либо не знают, либо узнают впервые⁴. В опубликованной в 2016 год статье «Опасные игры подростков и студенческой молодежи» А.В. Урвин пишет: «В сети Интернет появились сотни сайтов, на которых подробно описывается технология удушения с целью вызвать кратковременный обморок и состояние эйфории. <...> На вопрос “а вы знаете, что такое «собачий» кайф?” – в 68% саранских школьники ответили положительно. <...> На вопрос “как вы относитесь к игре “собачий кайф?””: 42% респондентов затруднились ответить (т.к. “не играли”), 30% – “не играли”, но планируют это сделать, 17% учащихся «играли» и считают ту “игру” лучшим способом “покайфовать”, 11% – “играли”, но им не понравилось» [18]. При этом О.Г. Иванов отмечает: «Первое официальное сообщение об асфиктических играх детей появилось в медицинской литературе в 2000 г., хотя история их существования насчитывает многие десятилетия» [7]. Заметим, что «игра» в удушение («choking game») среди подростков и молодежи наблюдается не только в России и в русскоязычном пространстве, но и весьма распространена на Западе [21; 22].

Опишем игру подробнее. Она состоит в том, что один из «игроков» пережимает другому горло (в районе сонной артерии) примерно на 7 секунд⁵. Затем усыпляемый теряет сознание и впадает в состояние, близкое к коме или к клинической смерти. Отметим, что усыпляемый сначала садится на корточки, глубоко и часто дышит, что является фактическим повторением описанного С. Гроффом холотропного дыхания [5]. Спустя определенное время он приходит в сознание. После возвращения в сознание усыпленные делятся с усыпля-

ющим и, как правило, с другими присутствующими, пережитым. Время от времени они рассказывают о ярких видениях, иногда же ничего не помнят⁶.

Все это обращает нас тому факту, что холотропное дыхание представляет собой, по сути дела, воспроизведение древних шаманских практик «выхода за пределы себя» [6]. При этом сравнительная краткосрочность гипервентиляции лёгких перенасыщения крови кислородом «компенсируется» удушением, то есть выходом на «границу между жизнью смертью», что также свойственно «шаманским трансам» [17]. Однако в данном случае, выход за эту границу является своего рода «теневым», «зловещим», что обращает к некоторым психическим фактам, описанным в психоанализе. Обратимся к ним, после чего вернемся к области трансперсонального и псевдосакрального.

Развитие сознания и самосознания в мире, где царит культ потребностей, и где отсутствует внятная созидательная идеология, для подростка, ум которого по природе является «умом идеологическим», зачастую означает восприятие жизни в качестве бессмысленного процесса, в котором на первый план выходят переплетенные между собой влечение к смерти и эротическое влечение (которые, как раз, и являются предметом исследования как в классическом психоанализе, так и в его дериватах). Как поет рок-группа «Агата Кристи», «От секса до смерти и наоборот». В коматозном состоянии исполняется, *кажется*, все страстно желаемое: «Фрейд сравнил потерю сознания при физической травме с мгновенной потерей сознания на пике оргазма» [19].

В случае игры в «усыпление» между усыпляющим и усыпляемым может осуществляться «игра идентификаций», связанная с «теневыми» желаниями и страхом перед ними (на язык психоанализа – «страхом кастрации»). Усыпляющий как бы «кастрирует» другого (речь идет и о мужских, и о женских фигурах), нарушая тем самым «табу» и выражая свои злокачественные желания. При этом усыпляющий действует по просьбе усыпляемого (по крайней мере, так предполагается), снимая с себя ответственность и действуя, так сказать, в архаической структуре активности, где, в том числе, проявляются побуждения к садомазохизму (в качестве болезненной формы контакта, взаимодействия) и осуществляется попытка «пройти сквозь смерть», «умереть и воскреснуть». В крайних формах такого рода поведение де-

монстрировал маньяк А. Сливко, который, как известно, сначала вешал своих жертв «на время», и, затем, «оживлял» их, хотя затем процесс стал неконтролируемым [2]. Отметим, что действия усыпляющего вполне могут быть своеобразным выражением детской «фантазии всемогущества» и «бытия богом», а усыпленного – в качестве жертвы, которая, тем не менее, тоже обладает «всемогуществом», ибо «воскресает».

Можно, конечно, задать вопрос: а может быть, игра «Усыпление» – это просто проявление физиологического желания «удовольствия» у подростков, тем более, что сама игра зачастую называется «собачим кайфом»? На это следует ответить, что, во-первых, многие «усыпляемые» погружаются в сферу архетипических образов, а, во-вторых, речь идет именно об игре со смертью и балансировании на грани жизни и смерти, что, как минимум, и бессознательном уровне обращает к шаманским практикам и экзистенциальным данностям.

Интерпретируя роли «душителя» и «удушаемого», уместно вспомнить слова Меннингера о том, что в каждом самоубийстве есть убийство, собственно самоубийство и месть [14]. Усыпляемый как бы наказывает себя, получая «кару Эдипа», «слепоту», за свои собственные подавленные желания. Отметим, забегая вперед, что в данном контексте мы можем рассматривать игру «Усыпление» в качестве определенного ритуала, соответствующего искаженной и одновременно инфантильной религиозности. Так или иначе, отыгрывание (а не проработка) описанных в психоанализе теневых бессознательных побуждений в случае игры «Усыпление» явно сопровождается опасностями нарушения соответствующих техник безопасности и усиления этих побуждений, что с большой степенью вероятности влечет за собой различные психологические и духовные осложнения.

Фигуры «отца» и «матери», равно как и «инстинктов», «я» и «закона» переносятся на подростков, занимающих позиции «душителя» и «душимого». С позиции психоанализа осуществляется актуализация конфликта между «СверхЯ» и «Оно» (в обоих случаях «сжатыми» с «Я»), и идентификацией с обоими структурами, осуществляемой как «душителем», так и «душимым». Происходит (в массовом порядке!) попытка проработки «фантазийных страхов», связанных со «страхом кастрации» и в «режиме эдиповой ситуации», и регрессии к доэдиповым стадиям развития, т.е. кон-

фликтам неразделимой диады «мать–ребенок». Можно предположить, что «душитель» в рамках игры «Усыпление» использует защитный механизм «идентификации с агрессором», как бы отождествляясь с ролью «убийцы» и получая символическую «защиту» в контексте собственных страхов перед смертью и (или) нападением. Здесь, на наш взгляд, помимо индивидуальной психики в дело вступают и архетипы коллективного бессознательного, причем архетипы зловещего характера (так сказать, архетипы деструкции, разрушения, «черной сакральности»).

Обратимся к религиозному (и трансперсональному) измерению проблемы. Степень распространённости игры «Усыпление» показывает, что, по сути дела, архетипический путь психического развития в контексте формирования идентичности современных российских юношей и девушек включает в себя этап исполнения роли жертвы (и палача), падающей у ног Царицы плодородия (или кровожадного хтонического царька, убивающего и убиваемого у тех же ног).

Далее, конечно, следует подчеркнуть, что подростки, играя, встречаются с негативным аспектом Великой Матери – Ужасной Матерью, которая так и притягивает их, проявляясь и визуально, и тактильно/кинестетически. Первообраз Черной Анимы присутствует, вероятно во всех культурах, отображаясь в виде Дракона, гиблого болота, бабы-яги или Гекаты. Мать, лишаящая жизни, отнимающая дыхание, кровь, персонифицируется, например, индийской богиней Кали. Этой богине, как известно, в XIX служила мощная секта душителей – «тхагов», ритуально убивающих во имя ее славы и убивших, по некоторым данным порядка миллиона человек [13].

Подростки проходят через похожие процессы, совершая *безумные* поступки, такие как взаимное удушение. Таким образом, они встречаются с темной стороной самого себя и с чуждыми себе, но мощными побуждениями. Сообщается, что в Индии секта душителей продолжает действовать до сих пор [13]. В каком-то смысле, отметим мы, и современные российские подростки находятся под воздействием «архетипа Кали».

Как мы уже отмечали, «Усыпление» практиковалось (нередко) среди подростков прежних десятилетий. Это показывает, что, говоря о бессознательных обуславливающих, мы можем ориентироваться на долговременный временной отрезок, а это означает укорененность в психиче-

ской ткани русско-советского сообщества соответствующих детерминант. При этом важно отметить, что опрошенные нами взрослые редко вспоминают об игре «Усыпление», отрицают как ее существование, так и собственное участие в ней. Можно предположить, что это обусловлено механизмом вытеснения, аналогичный инфантильной амнезии. Во всяком случае, один из авторов этой статьи, услышав от друга, что **он сам**, оказывается, подвергался в детстве подобной процедуре, *решительно отверг* подобную возможность и до сих пор не может припомнить такого эпизода. Травматичность, связанная с глубинным Ужасом, наверняка заставляет многих взрослых стремиться к вытеснению соответствующих мыслей.

О чем же могут говорить подростковые игры в плане современной массовой психологии?

Чтобы ответить на этот вопрос, нужно бросить взгляд на общую ситуацию в поле русскоязычной культуры.

Потеря после распада СССР невидимых поддерживающих структур массовой психики привела к тому, что современные российские подростки живут, так сказать, в психическом пространстве противоречия между закладываемыми в русской культуре ценностями сопричастности, трансценденции, веры в высшее начало, и культом потребностей, материализма, эгоизма.

Они находятся в тупике, когда с одной стороны – тревога ложного слияния и воображаемая структура иллюзорного присутствия Другого, подкрепленная искаженной символикой через отрицание, непереживание реальности (чувств), а с «другой» стороны – хаос чувств, которых «некому» переживать, логика которого ведет к пустоте, «концентрирующейся» в эго.

В результате спонтанным образом проявляются теневые процессы, выражаемые в ложной и, одновременно, омраченной сакральности, когда насыщенные символами разрушения и саморазрушения шаманские (и не только, как показывает пример с «архетипом богини Кали») ритуалы древности спонтанно и массово воспроизводятся в реальности (включая психическую) современных российских подростков. И это, так сказать, основание айсберга, верхушкой которого являются отдельные деструктивные действия, наподобие преступлений в Казани и Керчи.

Можно констатировать, что в вакууме смысла, отсутствии подлинной сакральности и подлинного ощущения земной

телесности в истинных интеракциях с Другими российские подростки позволяют соблазнам самоубийства, убийства и оргиастичности как на уровне «личного», так и «коллективного» бессознательного прорваться наружу и подавлять их волю.

Можно предположить, что игра «Усыпление» является своего рода ложной инициацией, во время которой для обретения новой идентичности (и ассимиляции архетипических переживаний) производится жертва, символическое обрезание. Происходит разрушение и кажущееся утверждение эго (в борьбе с предвечным ужасом), в борьбе бытия со смертью.

В целом массовую игру «Усыпление» имеет смысл рассмотреть в качестве отражения процессов саморазрушения российского общества, лишившегося на данный момент подлинных целей, да и временных иллюзорных прикрытий, до поры до времени позволявших избегать истинных переживаний (с позиции психоанализа речь идет о потере адаптивных каналов выражения деструктивности и об апатии общей сверхтревоги, «соскальзывающей» с депрессивной доминанты на тревогу преследования).

Также она отражают некую психическую реальность, когда традиционные «мировые» отцовские каноны рушатся и «бессознательное требует осознания» новых содержаний новой реальности новых символов. В результате, как мы уже отмечали, в массовой психике подростков происходит спонтанное и долговременное воспроизведение древних ритуалов, связанных с выходом в пространство сакральности и трансценденции, но в искаженном, ложном, теневом вариантах такого выхода. А ведь следует повторить, что в случае как религиозных ритуалов, так и собственно холотропного дыхания, проводимых без учета требований психологической и духовной экологии, очень велика опасность психических и духовных осложнений, связанных с деструктивной агрессией и аутоагрессией. Еще раз отметим, что такие осложнения с высокой степенью вероятности возникают у многих подростков, хотя бы один раз сыгравших в игру «Усыпление».

Семиотический анализ деструктивной подростковой игры «Усыпление». Известно, что семиотика смерти лежит в основе различных обрядов инициации, в результате которых посвящаемый через символическое умирание, смерть и возрождение обретает новый статус. Семиотизация в данном случае выступает в

качестве механизма адаптации, позволяющего преодолеть гнетущее воздействие моральных страхов [16], включая как собственно смерть и умирание, так и убийство.

Победа над символической смертью становится основанием для надежды на победу над смертью реальной, а статус «символического убийцы» позволяет получить иллюзорную защиту. При этом для «жертвы» пространство моральной семиосферы достаточно широко: оно может включать в себя семиотически значимые элементы, категориальное значение которых связано как непосредственно с умиранием, так и подготовкой к нему (подготовка к смерти занимает важное место в культуре различных народов, в христианской традиции сюда можно отнести, например, т.н. соборование, исповедь и причащение умирающих и т.д.), обрядами погребального цикла, событиями посмертными, включая посмертный суд и др.

Ламинарный характер моральной семиотики во многом обусловлен тем, что смерть во многих культурах, включая христианскую духовную культуру, представляется, прежде всего, как точка онтологического перехода, четко делящая жизнь на периоды «до» и «после». Моральные страхи с этой точки зрения выступают скорее как страх неизвестного, а не страх перед небытием, онтологическим уничтожением, как это свойственно для мировоззрений секулярного и атеистического. Для архаического мировоззрения смерть как переход к иному онтологическому статусу не несет в себе угрозу бытия отдельно взятого человека, но сам по себе переход к существованию в новом качестве таит в себе различные угрозы. Семиотика смерти позволяет защитить и от них, но для этого требуется, чтобы она была наполнена особыми сакральными силами и смыслами. Почеркнем, что при игре «Усыпление» «власть над смертью» и, одновременно, «подчинение» ей (и для душащего, и для удушаемого – с непредсказуемыми для психологического здоровья последствиями) в данном контексте может являться главным «призом».

В этом отношении семиотика шаманского камлания может рассматриваться в качестве хорошего примера. Символические действия шамана формируют особый дискурс, причем присутствующие при камлании наблюдатели, не обладающие способностью и возможностью участвовать в его продуцировании, оказываются, тем не менее, в него погруженными. Наблюда-

тель символического действия становится его участником. Вопрос о том, насколько шаманский опыт отвечает критерию нунозного согласно пониманию Р. Отто – в данном случае не ставится, апофатизм невидимого мира преодолевается мощной перлокуцией камлания, подчиняющей и увлекающей наблюдателей. Победа, которую одерживает шаман над враждебными духами, осуществляется именно в дискурсивном пространстве семиосферы камлания, но ее символизм обладает исключительно мощной иллюкутивной силой.

Соответственно, символика мистерии в широком смысле становится инструментом преодоления моральных страхов, подобно тому, как осмеяние источника страха, его пародийное травестирование становится инструментом мощной психологической защиты.

Однако семиотизация может осуществляться по различным паттернам. Если семиотизация в качестве компонента ритуально-обрядового символического дискурса в качестве образа «высокой семиотики» в значительной степени сохраняет священный трепет перед объектом символизации, подчеркивая и заостряя его сакральный статус, то семиотизация по паттерну иронического травестирования этот статус разрушает: смерть в образе уставшей больной старухи, совершающей глупости, которую можно легко обмануть не внушает сакрального страха. Осмеяние смерти, ее карнавальное травестирование, способствует не только символической победе над ее могуществом, но и десакрализации, причем второе является инструментом первого. Такая пародийная семиотика смерти, направленная на разрушение моральных страхов, способна отчасти лишить смерть ареола пугающей таинственности, но она не в состоянии сделать моральную семиотику привлекательной и притягательной. Апелляция к эстетическим категориям смешного в данном случае, разумеется, не привносит в процесс умирание элемента «веселости», но служит десакрализации предмета моральных страхов, интерпретации его при помощи герменевтических средств, соотносимых с низкими регистрами эстетики.

Семиотизация смерти и убийства как «служения смерти» по паттерну игры занимает, как нам представляется, промежуточное значение. С одной стороны, игра не отрицает семантики и семиотики сакрального. С другой – в силу интертекстуальности игровое воспринимается как «несерьезное», а, соответственно и неопасное.

Не случайно игровой компонент присутствует, хотя часто и в завуалированном виде, во многих литургических традициях, в том числе и в христианской богослужебной культуре. Не случайно богослужение часто сравнивается с игрой детей перед лицом их Отца, под которым, естественно, понимается Бог. Причем последнее вовсе не свидетельствует о легкомысленном отношении – то, что Бог может воспринимать в виде детской игры для людей, в нее вовлеченных – является делом серьезным.

Одновременно с этим дискурсы игры в силу интертекстуальности обладают априорной виртуальностью, то, что происходит в игре, априорно признается вторичным по отношению к реальности. На этом основано противопоставление «игровой реальности» – «реальной реальности», игровое может обозначать несерьезное, именно потому, что предмет игры, а, возможно и субъекты игрового действия обладают заниженным онтологическим статусом. Требования «прекратить игру», «перестать играть» и т.д. представляют собой призывы к серьезному и ответственному поведению.

Если не брать в расчет спортивные, деловые, артистические и некоторые другие «серьезные» игры, онтологический статус игрока на гиперкатегориальном уровне семиотики – это статус «ребенка». Ребенку много прощается, поскольку взрослые не относятся к его игровому поведению как к чему-то в полном смысле онтологичному. Ребенок и не несет ответственности за последствия своих поступков, поскольку не достиг возраста совершеннолетия.

Семиотизация смерти и убийства по паттерну игры несет в себе известную опасность именно потому, что предмет семиотизации сохраняет отчасти свой изначальный сакральный статус, что делает его привлекательным, но при этом включенный в пространство игровой реальности он перестает интерпретироваться в качестве рубежа, прохождение которого не предполагает возможность возвращения в изначальное состояние. Лишенные ареола смертных страхов, смерть и направленные на разрушение действия, семиотизированные по паттерну игры, становятся притягательной, как явление, соотносящееся с иной, сакральной реальностью, и при этом перестают быть пугающими, поскольку смертные страхи и «работа суперэго» снимаются установками на виртуальность игрового пространства.

Таким образом, игра «Усыпление», как мы понимаем, как бы убирает для ее

участников (да и наблюдателей) границу между символическим и реальным характером убийства и смерти. Похожее воздействие, как мы полагаем, оказывают и иные «игры», например, компьютерные «стрелялки». В результате создается почва для массовидных процессов, проявляющихся в рамках деструктивных субкультур и отдельных случаев, таких, например, как ужасающие преступления Рослякова (Керчь) и Галявиева (Казань).

Образ антигероя и деструктивные субкультуры. Рассмотрим сущность образа «антигероя» и его проявления в современной российской действительности, не столь радикальные, как действия «керчского» и «казанского» стрелков Рослякова и Галявиева, но, на поверку, представляющие собой гораздо большую опасность.

По сути дела, образ «антигероя» предлагают подросткам такие субкультуры, как запрещенные в России «М.К.У.» («Маньяки. Культ убийства») [12], «АУЕ», а также такие организации, как запрещенная в России «ИГИЛ», или политические движения экстремистского характера (типа определённого типа анархистов), или подзабытые уже «Группы смерти», которые, тем не менее, существуют до сих пор. Отметим, что та же «М.К.У.» представляет собой организацию, члены которой напрямую придерживаются культа убийства и «очищения человечества». По сути дела, как и в случае в сектой душителей-«тхагов» речь идет о поколению архетипу разрушения («богине Кали»), при том, что соответствующие процессы могут использоваться и используются в своих целях манипуляторами сознанием. «Группы же смерти» – как известно, пропагандируют «культ самоубийства» и представляют собой, если описывать их в контексте игры «Усыпление» позицию «жертвы». Отметим так же, что и в случаях «идентификации с агрессором» (случай «М.К.У.»), и в случаях «идентификации с жертвой» («Группы смерти») процесс начинается с «символической» фазы, когда семиотизация происходящего снимает первые психологические барьеры, после чего действие переходит в область реального.

Суть образа «антигероя», на наш взгляд, состоит в противопоставлении его образу героя созидающего, но, при этом, в отзеркаливании этого образа. Например, члены «Арестантско-уголовного единства» (АУЕ) следуют определённым правилам, подчиняются определённой иерархии, отождествляются со своими лидерами-«героями», но эти герои характеризуются жестокостью, ориентацией на эксплуатацию

слабых, нарушение закона и т.д. То же самое, но в еще большей степени относится к исповедующим культ убийства и (или) самоубийства подросткам. Деструктивные движения предлагают своим adeptам определенную идеологию, которой подростки и молодые люди лишены в деидеологизированном российском обществе. А «свято место», как известно, пустым не бывает. По мнению ряда экспертов число деструктивных подростковых группировок в современной России в последние годы активно растет [15].

Представим себе следующую картину: находящиеся вне традиционных религиозных конфессий, позволяющих созидательно развиваться в духовном плане, но бессознательно стремящиеся к духовному поиску российские подростки погружаются в спонтанно возникшие и опасные для психики древние трансовые состояния с «теневым» – деструктивным и аутодеструктивным содержанием. Это – массовидное и массовое явление.

А затем эта «бесформенная» разрушительная и связанная с деструктивными побуждениями энергия находит себе выход в «теневых» подростково-молодёжных субкультурах (или) экстремистских организациях с разрушительной идеологией (скажем, в запрещённом в РФ ИГИЛ искажаются понятия справедливости и духовности, однако это искажение также «подается» в форме некоей идеологии, что на фоне полного отсутствия цельной духовной основы для развития притягивает ряд подростков).

В индивидуальных же случаях, соответствующая энергия и побуждения «заражают» склонных к подобной одержимости конкретных подростков, в результате чего появляются «росляковы» и «галявиевы», большую часть которых успевают перехватить правоохранительные органы. Однако, за каждым, как говорится, не уследишь.

Характеристики личности массовых убийц – Рослякова и Галявиева. Попробуем описать «керченского» и «казанского стрелков» с психолого-семиотической точки зрения. Очевидно, и у того, и у другого можно усмотреть депривирование потребности в сопричастности и самоуважении, хотя у нас и нет достаточно полной информации об их семейной жизни. Однако при допросе после задержания «казанский стрелок» И. Галявиев кричал: «Осознал, что я бог, месяца два назад. Во мне начал пробуждаться монстр. Я начал всех ненавидеть. Я всегда всех ненавидел, а сейчас

стал больше ненавидеть. Я сказал об этом матери. Не приписывай мне свои психологические и экстрасенсорные фигови» [9].

При этом знакомые характеризуют И. Галявиева как достаточно тихого, скромного ребенка и подростка. Как известно, фантазии всемогущества (в частности, представление себя «богом») возникают как противовес чувству собственной ничтожности при дефицитности «я». В этих случаях особенно возможна одержимость «архетипом зла» («темного бога», «богиней Кали» и т.д.)

Очевидно, что такая дефицитность была и у В. Рослякова⁷, который, как и Галявиев проявлял обострённый и болезненный интерес к сфере сакрального, в частности, предав огню Библию незадолго до своего преступления [10].

Таким образом, можно сделать вывод, что и тот, и другой являлись подходящими фигурами для воплощения в себе «теневого архетипа» и для выражения деструктивных и аутодеструктивных импульсов, репрезентирующих себя в образе «антигероя».

Что же это за образ? По сути дела, как и в случае игры «Усыпление», он воплощает в себе стремление к убийству, самоубийству и мести одновременно, и выражает негативную идентичность, а также зачастую обладает элементами «перевернутой сакральности», что, как мы отмечали выше, тоже проявляется в «Усыплении».

Сформулируем тезис: *если в случае игры «Усыпление» убийства являются в подавляющем числе случаев (и по замыслу) символическими, то в случае скажем, групп смерти и, тем более, таких трагедий, как в Керчи и Казани, они становятся реальными.*

Другое дело, что для приведения в действия этих разрушительных сил потребовались определенные социальные условия: в том же СССР при всех социальных-психологических особенностях советского общества «колумбайнов» не было, хотя в послевоенные годы в стране было огромное количество трофейного оружия.

Можно сказать, что Галявиев и Росляков являлись подходящими «сосудами» для одержимости патогенными психическими комплексами, однако эту одержимость питают глубинные процессы коллективной психики, выражаемые, еще раз отметим, в игре «Усыпление» и деструктивных субкультурах и организациях.

Рассматриваемая нами одержимость представляет собой и контаминированность образом «антигероя», «черного героя», условием которой являются как

личностная предрасположенность, далеко не исчерпывающая психической травматизацией (даже пролонгированной), так и глубинные социально-психологические предпосылки.

Отметим, что игра «Усыпление» не является чисто российским «изобретением».

В этой ситуации появление новых «антигероев», вбирающих себя хаотическую деструктивную энергию и соответствующие «теневые смыслы» (как индивидуального, так и псевдосакрального планов) – лишь вопрос времени.

Но существует ли альтернативное «энергетически-смысловое поле», позволяющее надеяться на лучшее?

Образ создающего героя: новая надежда. На наш взгляд, в бессознательной психической реальности российских подростков идут и процессы, характеризующиеся стремлением к интеграции и созиданию, ведь «современная российская молодежь, будучи на уровне сознания и подсознания сравнительно индифферентной к религиозным темам, на глубинном уровне ведет духовно-религиозный поиск, ассоциируемый с этическими, а не формально религиозными ценностями» [3]. В негативном плане такой поиск ведет к участию в играх типа «Усыпление», вовлечению в деструктивные субкультуры и организации, одержимости «теневыми» комплексами, а в позитивном – обращению к созидательным подростково-молодежным субкультурам.

Так, например, противоресом «культуры антигероя», с нашей точки зрения, является не просто зримое повышение интереса к творчеству «созидательного героя» – В. Цоя (такой интерес в молодежной среде всегда сохранялся), но и возрождение субкультуры «киноманов», о котором говорят беседы с подростками, проведенные авторами настоящей статьи. Эта субкультура на уровне массовидных процессов как бы защищает психику молодого человека от воздействия культуры разрушения, культура «антигероя», предлагая естественный для подросткового возраста образ Героя. Напомним, что тексты и образ В. Цоя (группа «Кино») в своей основе «заряжены» идеей преодоления свойственного подросткам депрессивного состояния с помощью активного, «героического» начала, причем во имя некоей высшей цели, а не жизни в состоянии «биоробота» (адепта культа потребления). При этом песни В. Цоя обращают нас и к таким образам сакрального характера, которые являются скорее жизнеутверждающими и релевантными основами русской религиозной культуры.

В этом, кстати, усматривается и отличие российского сценария распространения игры «Усыпление» от западного. В странах современной западной цивилизации, на наш взгляд, не хватает архетипического образа надежды, а это не позволяет возникнуть естественным механизмам сопротивления разрушительным тенденциям.

Отметим, что после, казалось бы, полной победы в среде российских подростков музыкальной субкультуры рэпа (исток которой в оргиастической языческой афроамериканской культуре) над субкультурой «рока» (истоки которой в классической русской литературе и, соответственно, в христианской русской культуре), в последние годы мы фиксируем как ренессанс рока, так и наполнение «рэперских» песен свойственными «рок-музыке» экзистенциальными смыслами.

Безусловно, в этом же ряду стоят и акция «Бессмертный полк», особенно в первые годы ее проведения, и разнообразные волонтерские движения, в которых охотно принимают участие многие подростки и молодые люди.

Выводы

1. В области деструкции и псевдосакральности в молодежной среде современной России мы выделяем три уровня проявления соответствующих явлений:

а) Массовидные хаотические спонтанные процессы, затрагивающие большинство современных подростков, проявляющиеся в таких «играх», как «Усыпление» и имеющие под собой коллективную бессознательную основу, а также изначально здоровую и искаженную затем потребность в переживаниях трансцендентного характера;

б) Формирование деструктивных субкультур и (или) организаций типа, запрещенных в РФ «АУЕ», «ИГИЛ», «Группы смерти», «М.К.У.» и т.д.;

в) Действия конкретных личностей-одиночек, предрасположенных к «вбиранию» в себя и выражению «теневых» архетипов.

Первому пункту при этом соответствуют убийства символического, а двум другим – реального характера;

2. Преодоление соответствующих явлений возможно за счет идентификации подростков и молодежи с образами созидательных героев;

3. Российское общество и, особенно, подростково-молодежный его сегмент, остро нуждается в такой духовно-психологической парадигме, которая позволила бы удовлетворить потребность в высшем смысле и в созидательной идеологии.

Заключение

Итак, в обстановке как духовно-нравственного, так и идеологического «вакуума» в среде современных российских подростков происходит борьба двух массовых тенденций: 1) деструктивной/аутодеструктивной, которая характеризуется также «теневого», ложной сакральностью и 2) обращением к созидательному (условно созидательному) образу «Героя», что может стать предпосылкой для обращения к подлинной сакральности, традиции которой хранят традиционные для России конфессии. Вышеописанные тенденции в своих истоках имеют, прежде всего, бессознательный характер и характеризуются усилением с течением времени. Скажем, после трагедии в Керчи в СМИ стали все чаще появляться сообщения о предотвращённых актах массового насилия в образовательных учреждениях, о быстром развитии деструктивных субкультур и организаций, включая «М.К.У.» с лидерами-антигероями и все новых случаях игры «Усыпление». Начинаясь с символического убийства («игрового» удушения), в котором, как мы уже отмечали, принимают участие большинство российских подростков, деструктивные процессы, принятые как нечто «нормальное» через механизмы семиотизации, могут принять форму убийства реального, как на групповом, так и на индивидуальном уровнях. Защитные же механизмы «идентификации с агрессором» и «идентификации с жертвой» превращаются здесь в одержимость «архетипами зла».

С другой стороны, как мы констатировали выше, в подростково-молодежной среде России на фоне неосознаваемого духовного поиска идет и процесс обращения к образам созидательных Героев, выражением которого является возрождение субкультуры «киноманов» и не просто сохранение, и повышение популярности В. Цоя.

Конечно, и те, и другие тенденции указывают, на наш взгляд, на недостаточную активную работу тех общественных институтов, которые должны транслировать подрастающим поколениям созидательные и, в том числе, сакральные смыслы. В деидеологизированном обществе, где господствует культ потребления, и которое, вместе с тем, на уровне этнокультурных констант укоренено в психологии нестяжательства, неиз-

бежны сильнейшие внутренние противоречия, проявляющиеся как в массовидных деструктивных процессах типа игры «Усыпление», так и в единичных «вспышках», подобных трагедии в Казани, когда психологическая дефицитарность «я» сочетается с одержимостью и псевдосакральными действиями («Я – Бог!» или «Я сжигаю Библию, я – антибог!»). И если ситуация не изменится, то число «сосудов для одержимости», к несчастью, будет только возрастать.

Необходимо отменить запрет на государственную идеологию, но при этом избежать ее принудительного внедрения. Для этого следует сделать акцент на традиционных для российского общества ценностях, прежде всего, ценностях этических.

В этом случае государство может непрямым образом поддерживать соответствующие программы воспитательной деятельности, психологической поддержки, культурного и духовного развития и т.д. Крайне важно многократно усилить службу практической психологии, особенно в системе образования. Наконец, следует максимально активно содействовать воспитательной деятельности традиционных в России конфессий. В связи с этим, победа созидания над деструкцией и порядка над хаосом станет значительно более реальной.

Таким образом, выход России на траекторию устойчивого развития возможен лишь в случае познания теневых сторон коллективной психики российского общества, проявляющихся, в том числе, в переходе от символического «игрового» убийства к убийству реальному, и утверждения традиционных созидательных ценностей отечественной культуры.

Перспективы. В дальнейшем авторский коллектив предполагает чрезвычайно актуальным углубленное исследование динамики подростковых субкультур в современной России в контексте рисков деструктивного, включая экстремистское, поведения. Также предполагается важным провести, применяя как метод отдельных случаев, так и методы статистического характера, исследование связи деструктивного/аутодеструктивного поведения и игры «Усыпление» в контексте формирования и функционирования деструктивных субкультур и организаций.

Список литературы:

- [1] Апарина Э. Уфимский врач рассказал о страшных последствиях игры «собачий кайф», во время которой погибла 8-летняя девочка // Комсомольская правда. – 2020, 25 августа. – Интернет-ресурс. Режим доступа: <https://www.ufa.kp.ru/online/news/3990256/>
- [2] Балагурова Н. Анатолий Сливко: биография, личная жизнь, преступления, жертвы, приговор и казнь. – Интернет-ресурс. Режим доступа: <https://www.syl.ru/article/418497/anatoliy-slivko-biografiya>

- lichnaya-jizn-prestupleniya-jertvyi-prigovor-i-kazn <https://www.syl.ru/article/418497/anatoliy-slivko-biografiya-lichnaya-jizn-prestupleniya-jertvyi-prigovor-i-kazn>
- [3] Богачев А.М., Блинкова А.О., Прилуцкий А.М., Шурухт С.М., Гайдуков А.В. Религиозные, этические и бытовые категории в бессознательной области психической реальности современной российской молодежи: попытка сравнительного анализа // *Философия и культура*. – 2020, № 8. – С. 53–67. – DOI: 10.7256/2454-0757.2020.8.33359
- [4] Воронцов А.В., Прилуцкий А.М., Богачев А.М. Трагедия в Керчи: опыт социально-психологического анализа предпосылок // *Психопедагогика в правоохранительных органах*. Т. 24. – 2019., № 2 (77). – С. 138–144. – DOI: 10.24411/1999-6241-2019-12001
- [5] Гроф С. Практика холотропного дыхания // *Методические рекомендации для слушателей курса «Трансперсональная психотерапия»*. – М.: ПИК ВИНТИ, 2000. – С. 5–84.
- [6] Гроф С. Холотропное сознание: Три уровня человеческого сознания и как они формируют нашу жизнь. – М.: Изд-во Трансперсон. ин-та, 1996. – 245 с.
- [7] Иванько О.Г. Асфиктические игры детей // *Новости медицины и фармации*. – 2014, № 4(488). – С. 10–11.
- [8] Кемалова А.И. К вопросу о границах молодости // *Инновационная наука*. – 2017, № 2–2. – С. 284–287.
- [9] Крупский В. От «замкнутого мальчика» до психопата с автоматом: как Ильназ Галявиев превратился в убийцу детей // *Комсомольская правда*. – 2021, 13 мая. – Интернет-ресурс. Режим доступа: <https://www.kp.ru/daily/24490.5/645732/> <https://www.kazan.kp.ru/daily/27277/4412386/>
- [10] Курдюкова А. Керченский стрелок перед бойней сжег Библию // *Комсомольская правда*. – 2018, 18 октября. – Интернет-ресурс. Режим доступа: <https://www.crimea.kp.ru/daily/26893/3941516/>
- [11] Кухарцева А. Подростки душат друг друга? Да это они так играют! // *Комсомольская правда*. – 2010, 17 мая. – Интернет-ресурс. Режим доступа: <https://www.kp.ru/daily/24490.5/645732/>
- [12] «Маньяки. Культ убийц»: как украинская радикальная группировка вербует сторонников в РФ // *НТВ*. – Интернет-ресурс. Режим доступа: <https://www.ntv.ru/novosti/2560241/>
- [13] Матвейчев О. Сыны Смерти, слуги Кали: тайная секта тугов-душителей. – Интернет-ресурс. Режим доступа: <https://matveychev-oleg.livejournal.com/6109219.html>
- [14] Меннингер К. Война с самим собой / Пер. с англ. Ю. Бондарева. – М.: ЭКСМО-Пресс, 2000. – 477, [2] с.
- [15] Прибыловский М. Второе пришествие: в России вновь активизировались молодёжные группировки // *New.ru*. – Интернет-ресурс. Режим доступа: https://yandex.eu/turbo/news.ru/s/society/vtoe-prishestvie-v-rossii-vnov-aktivizirovalis-molodezhnye-gruppirovki/?turbo_feed_type=full
- [16] Резник О. Н., Прилуцкий А. М., Лебедев В. Ю., Михель Д. В. Неприятие обществом проблемы посмертного донорства органов: причины и структура смертельных страхов // *Вестник трансплантологии и искусственных органов*. Т. 21. – 2019, № 1. – С. 169–179.
- [17] Торчинов Е. А. Религии мира: Опыт запредельного: Психотехника и трансперсональные состояния. – СПб.: Центр «Петербургское Востоковедение», 1998. – 384 с.
- [18] Урвин А.В. Опасные игры подростков и студенческой молодежи. // *Вестник научных конференций*. – 2016, № 11–5 (15). – С. 168–169.
- [19] Фенихель О. Психоаналитическая теория неврозов/ Пер. с англ., вступ. ст. А.Б. Хавина. – М.: Академический проект, 2004. – 848 с.
- [20] Эриксон Э. Идентичность: юность и кризис / Пер. с англ.; общ. ред. и предисл. А.В. Толстых. – М.: Прогресс, 1996. – 344 с.
- [21] Andrew T.A., Fallon K.K. Asphyxial games in children and adolescents // *Am. J. Forensic. Med. Pathol.* – 2007, № 28(4). – P. 303–307.
- [22] Katz K.A., Toblin R.L. Language matters: unintentional strangulation, strangulation activity, and the «choking game» // *Arch Pediatr Adolesc Med.* – 2009, № 163. – P. 93–4. – DOI: 10.1001/archpediatrics.2008.517

¹ Пост анонимного telegram-канала «Майор и генерал». [Размещен 19 октября 2018] // *Telegtam*: [кроссплатформенная система мгновенного обмена]. – Интернет-ресурс. Режим доступа: <https://t.me/mig41/2270>

² Название – наше. Также она называется «собачим кайфом», «удушением» и т.д.

³ Внимание, родители! : [Объявление] // Сайт ОУ № 13 г. Жуковский Московской области, 5 мая 2016 года. – Интернет-ресурс. Режим доступа: <https://zhuksch13.edumsko.ru/about/news/400278>

⁴ Так, например, популярный telegram-канал «ОПЕРслил» пишет 14 июня 2021 года: «!Новые жестокие игры подростков. На смену “синим китам” пришла игра с асфикцией, так называемый “собачий кайф”. Подписчики сообщают, что происходящее на видео снято в лагере “Строитель”, что в пригороде Пензы. Родителям рекомендуется провести беседы с детьми на предмет опасности подобных затей, ведь грань между жизнью и смертью, как мы видим, очень тонкая. А силовикам провести мероприятия по установлению обстоятельств произошедшего, в том числе проведения процессуальной проверки на предмет оказания услуг не отвечающих требованиям безопасности» // *Telegtam*: [кроссплатформенная система мгновенного обмена]. – Интернет-ресурс. Режим доступа: <https://t.me/SILOVVIKI/34910>

⁵ В некоторых случаях удушение происходит помощью надавливания на грудь, а иногда посредством полотенца или давления пальцами и сонные артерии (чаще всего).

⁶ Все это практически повторяет по своей структуре сеанс холотропного дыхания в «сжатом виде».

⁷ Владислав Росляков – биография «Керченского стрелка» // *Крамлоа.инфо*. – Интернет-ресурс. Режим доступа: <https://www.kramola.info/vesti/novosti/vladislav-roslyakov-biografiya-kerchenskogo-strelka-foto-mamy>

УДК 373.2.016
ББК 74.100.544

Е.В. Пономарева, О.И. Иванова

ДИАГНОСТИКА СОЦИАЛЬНЫХ ЭМОЦИЙ ДОШКОЛЬНИКОВ В УСЛОВИЯХ МУЗЫКАЛЬНЫХ ЗАНЯТИЙ: МАТЕРИАЛЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Значение музыкального воспитания в социализации дошкольников сложно переоценить, поскольку социальные эмоции в дошкольном детстве неразрывно связаны с развитием эмоциональной сферы ребенка. Тем не менее, именно в области музыкальной педагогики исследований в области социализации детей в условиях музыкальных занятий практически нет. В отдельных программах музыка используется как дополнение к предлагаемому комплексу средств и методов социального воспитания детей. В статье представлен материал диагностического исследования социальных эмоций детей дошкольного возраста в ситуации восприятия музыкальных произведений различного эмоционального содержания. Специально подобранный репертуар и методы исследования позволяют проследить динамику развития социальных эмоций от первоначального эмоционального отклика до осознания детьми своих эмоциональных состояний, их вербализации.

Ключевые слова:

диагностика социальных эмоций, музыкальные занятия с дошкольниками, осознание детьми своих эмоциональных состояний, развитие социальных эмоций, эмоциональный отклик.

Пономарева Е.В., Иванова О.И. Диагностика социальных эмоций дошкольников в условиях музыкальных занятий: материалы исследования // Общество. Среда. Развитие. – 2022, № 1. – С. 97–102. – DOI 10.53115/19975996_2022_01_097-102

© Пономарева Елена Владимировна – кандидат педагогических наук, доцент, Российский государственный педагогический университет имени А.И. Герцена, Санкт-Петербург; e-mail: evrgpru@gmail.com

© Иванова Ольга Игоревна – музыкальный руководитель, Государственное бюджетное образовательное учреждение Детский сад № 14, Санкт-Петербург; e-mail: evrgpru@gmail.com

Педагог, занимающийся социальным воспитанием детей, неизбежно сталкивается с проблемой диагностики социальных эмоций. Сложность в определении методов диагностики заключается в том, что у психологов нет единого мнения в толковании понятия «социальные эмоции», различаются и подходы к их развитию у детей. Установлено, что социальные эмоции характеризуют личность, возникают в процессе вхождения ребенка в социум, делают человека способным к сотрудничеству, сочувствию другому человеку. В качестве основной функции социальных эмоций выделяют функцию регулятора поведения.

В психологических исследованиях для диагностики социальных эмоций используются такие методы, как: тестирование, беседа, в качестве стимульного материала – пиктограммы, фотографии лиц людей (детей), отображающие эмоции,

карточки с изображениями ситуаций различного эмоционального значения, репродукции. В некоторых программах социального развития дошкольников предусмотрена диагностика социальных эмоций [6, с. 128–151]. Используются метод наблюдений, проективные тесты (ребенку предлагается ответить на вопросы: «Что тебе нравится?», «Что тебе не нравится?», «Когда тебе бывает радостно?», «Когда – грустно?» и др.), метод пиктограмм.

К сожалению, программ и методик социального развития дошкольников в условиях музыкальных занятий практически нет. И это удивительно, поскольку психологи едины во мнении, что социальное воспитание ребенка следует начинать с развития эмоциональной сферы. Сложно переоценить значение музыки в развитии эмоциональной отзывчивости, чувствительности. А.В. Торопова отме-

чает: «Богатство осваиваемых в процессе музыкального образования музыкально-художественных образов, осознание их через пластически-музыкальные виды деятельности и через речь дают ребенку возможность более тонко распознавать собственные эмоциональные состояния, настроения и т.д., „слышать” чувства и переживания других людей, то есть развивать эмоциональный слух и эмоциональный интеллект» [7, с. 242]. Новое понятие в психологии – эмоциональный интеллект – трактуется В.П. Морозовым как «способность к оценке эмоционального состояния другого по разным признакам невербального поведения, в том числе и по звуку голоса» [7, с. 241].

В отдельных программах социально-го развития дошкольников слушание музыкальных произведений используется в качестве вспомогательного средства, когда после обсуждения какой-либо проблемы или жизненной ситуации детям предлагают послушать музыкальное произведение соответствующего характера. В единственной опубликованной технологии социального развития дошкольников средствами музыки [4] уровень социально-эмоционального развития дошкольников выявляется с помощью наблюдения за изменением характера взаимодействия детей в процессе подвижной музыкальной игры «Жуки». В игре дети изображают жуков – жуки летают, с изменением музыки ложатся на спинку, барахтаются, снова летят. Детей знакомят с игрой, затем неоднократно повторяют ее в течение года, наблюдая за изменениями в поведении детей (особенности взаимодействия друг с другом, проявление внимания, участия). Результаты фиксируются и анализируются.

Полагаем, что для определения методов диагностики социальных эмоций значимыми являются следующие положения психологической науки:

- социальные эмоции развиваются в процессе общения ребенка со взрослыми и сверстниками, в коллективной деятельности (прежде всего в семье);

- процесс развития социальных эмоций движется от умения ребенка осознавать свои эмоции – к распознаванию эмоций, чувств, настроений других людей; большое значение имеет вербализация детьми своих эмоциональных состояний;

- для социального развития ребенка важно не столько знание норм и правил, принятых в обществе, сколько формирование у детей положительного эмоциональ-

ного отношения к ним (Л.С. Выготский, А.Н. Леонтьев, А.В. Запорожец и др.);

- процесс развития социальных эмоций можно представить в виде цепочки: сопереживание – сочувствие – импульс к содействию – реальное действие;

- поскольку процесс социального развития ребенка значительно более сложный, чем процесс усвоения знаний, темпы социализации детей могут различаться в значительной степени.

На основе анализа психолого-педагогической литературы нами были выделены те способности и личностные качества, изучение которых в естественных условиях учебно-воспитательного процесса позволило бы составить представление об уровне развития социальных эмоций дошкольников:

- эмоциональный отклик, эмоциональная отзывчивость на музыку;

- способность распознавать эмоциональные программы музыкальных произведений (музыкальные образы);

- способность осознавать свои эмоциональные состояния, испытываемые в ситуации восприятия музыки, вербализовать их или выразить посредством (жеста, мимики, другого художественного ряда – в пластическом движении, цвете, сюжетном рисунке);

- наличие мотива к социально-ориентированному действию (ориентация на другого) – выражается в сопереживании, сочувствии, в стремлении к содействию другому.

В октябре 2021 года мы провели пробное диагностическое исследование уровня развития социальных эмоций у детей дошкольного возраста на базе ГБДОУ № 14 Московского района г. Санкт-Петербурга. Предлагаем фрагменты дневника наблюдений, в котором фиксировались эмоциональные проявления, суждения детей в процессе слушания и обсуждения музыкальных произведений. Музыкальные занятия вела музыкальный руководитель детского сада Иванова Ольга Игоревна.

Младшая группа (дети от 3 до 4 лет). 14 детей. Трое из них ранее посещали ясельную группу и уже имеют некоторый опыт слушания музыки, один ребенок двуязычный, один – с нарушениями в поведении. Остальные дети проходят период адаптации к детскому саду, не имеют опыта слушания музыкальных произведений.

Музыкальный репертуар: «Петушок» В. Витлина. (заранее приготовлена иллюстрация с изображением петушка).

Первое занятие. Предлагаю детям послушать песню про петушка и сказать, что с петушком случилось. Слушают внимательно. После слушания песни только двое детей ответили, что петушок заболел, остальные молчали. Дети удивлены грустным содержанием песни, эти эмоции им не знакомы. На предложение помочь петушку и кричать за него «Ку-ка-ре-ку» откликнулось восемь детей.

Второе занятие. Показ картинки с петушком. Предлагаю вспомнить, что случилось с петушком. Уже шестеро детей ответили, что петушок заболел. Исполнение песни. Дети с удовольствием помогают петушку и кричат «Ку-ка-ре-ку». В беседу включилась практически вся группа (кроме двух детей: один ребенок двуязычный, второй – с нарушениями в поведении). Дети сказали, что им жалко петушка и поэтому они ему помогают. Было заметно, что дети переживают за петушка.

Третье занятие. Перед слушанием вспоминаем, что случилось с петушком в песне. Дети сразу начинают взволнованно рассказывать, что петушок заболел, им жалко петушка и они хотят ему помочь (фразы односложные, но дети увлечены обсуждением, пытаются высказаться). Исполняем песню, дети «помогают петушку».

Четвертое занятие. Показ иллюстрации. Больше половины детей группы (8) сразу начинают рассказывать о петушке. Исполняем песню, помогаем петушку. В заключении говорю, что петушок поправился и говорит всем ребятам «спасибо». Играю веселую музыку, все хлопают в ладоши. Дети рады и испытывают удовольствие от того, что все хорошо закончилось и они смогли помочь петушку.

Результат: в процессе слушания нового произведения дети испытали новые эмоциональные состояния – грусти, жалости, сопереживали «больному» петушку. Возникновению эмоционального отклика, сопереживания помогло содержание песни и характер музыки (минорная тональность), у малышей появилось желание высказать свое отношение к содержанию песни. Дети не сразу восприняли характер музыки, но постепенно, с пониманием содержания эмоциональный отклик стал более выраженным, а затем и ярко выраженным, все включились и активно помогали петушку.

Средняя группа (дети от 4 до 5 лет). 23 ребенка. Трое детей – новенькие, остальные посещали сад в младшей группе и уже имеют опыт слушания музыкальных произведений.

Музыкальный репертуар: «Нехочуха» М. Челнокова, «Всем советуем дружить» В. Герчик (заранее приготовлены две иллюстрации: упрямый ребенок и дружные, улыбающиеся дети).

Первое занятие. Предлагаю детям послушать песню и рассказать – о ком в ней поется. Исполняется песня «Нехочуха». Дети ошеломлены резким звучанием музыки и содержанием песни. Какое-то время молчат, затем начинают высказывать свои впечатления (трое детей). Предлагаю детям выбрать из двух иллюстраций ту, которая подходит к содержанию песни. Желающие дети (двое) выбирают иллюстрацию с изображением упрямого ребенка. В беседу включаются уже шестеро детей, они говорят что музыка «злая», «громкая». Рассматриваем иллюстрации и выясняем – с какими детьми они хотели бы дружить, а с какими – нет.

Второе занятие. В процессе слушания песни дети хмурятся. Половина группы (десять детей) отвечает, что песня про «нехочуху». Задаю вопрос: Почему с «нехочухой» никто не хочет играть? – Потому что он упрямый, сердитый, ни с кем не хочет разговаривать. Расширяем словарный запас, добавляем слово: «резко» звучащая музыка. Половина группы включается в обсуждение песни. Дети говорят, что они не такие, «нехочух» среди них нет. Ответы немногословные, но дети стараются высказать свое отношение к негативным чертам характера героя песни.

Третье занятие. Дети сразу узнают песню, называют – про кого она, высказывают суждения о содержании. Вспоминают новое слово, характеризующее музыкальный образ – «резкая музыка». Ответы уже более развернутые. В процессе беседы высказываются о том, что не хотели бы дружить с «нехочухой», и что их группа – дружная.

Четвертое занятие. Называют песню, говорят что у них в группе нет «нехочух», и что они – дружные. Поэтому предлагаю послушать песню про дружных ребят «Всем советуем дружить». Дети сразу, эмоционально, с радостью откликаются на песню. После слушания двое детей сказали, что эта песня веселая, «мы не соримся».

Результат: в процессе знакомства с песней «Нехочуха», дети получили опыт слушания негативной по эмоциональному содержанию музыки. Музыка помогла детям посмотреть на себя со стороны, на поведение детей в группе, испытать чувство единения с коллективом. Обогатился «словарь эстетических эмоций».

Старшая группа (дети от 5 до 6 лет). 25 детей. Все дети ранее посещала детский сад и имеют опыт слушания музыкальных произведений.

Музыкальный репертуар: «Болельница куклы», «Новая кукла» П.И. Чайковского (заранее подготовлены иллюстрации к песням).

Первое занятие. Вспоминаем знакомые песни из «Детского альбома» П.И. Чайковского («Марш деревянных солдатиков», «Итальянская песенка», «Вальс»). Предлагаю послушать еще одно произведение, не называя его, и подумать о том – какой характер музыки и о чем она может рассказать. Пьесу слушают внимательно. Сразу девять детей поднимают руки и говорят о том, что музыка грустная, печальная, один ребенок сказал – «как будто кто-то грустит». Помогаю, подсказывая, что, действительно, грустит девочка. А почему она может грустить? Предположения детей: «потому что у нее сломалась игрушка», девочки подсказывают, что «может быть, сломалась кукла». Рассматриваем иллюстрации – действительно, сломалась кукла, или, может быть, «заболела».

Читаю стихотворение:

Тише, тише, тишина.

Кукла бедная больна.

Кукла бедная больна,

Хочет музыки она.

Дайте, что ей нравится.

И она поправится. (В. Берестов)

Второе занятие. Дети сразу узнают музыкальную пьесу, называют ее, называют композитора. В беседу о музыке, ее содержании включается более половины группы (14 детей). Говорят, что им жаль девочку и куклу.

Третье занятие. В беседу включается практически вся группа (кроме троих детей). Говорю, что родители пожалели дочку и подарили ей новую куклу. Предлагаю послушать, как радуется девочка новой кукле. Исполняю пьесу. Затем рассматриваем иллюстрации к пьесе. Дети высказывают суждения о характере музыки: «девочка прыгает с куклой», «скачет с ноги на ногу», «музыка веселая, радостная». Предлагаю новое определение характера музыки: музыка «стремительная». Одна девочка сказала, что, когда ей подарили куклу, она тоже прыгала и обнимала ее.

Четвертое занятие. Вспоминаем музыкальные пьесы. Предлагаю детям сравнить характер музыкальных пьес, изобразить жестом или с помощью выражения лица (мимики) эмоциональное содержание каждой пьесы. Дети с удовольствием

включаются в игру. Изображают печаль – выражение лиц, действительно, становятся грустными, помогают себе жестами. Справляется практически вся группа (21 ребенок, кроме четверых детей). Активной – девочки. Изображают радость, улыбаются, используют жесты.

Результат: в процессе знакомства с новыми, разнохарактерными произведениями из «Детского альбома» Чайковского дети испытали эмоции противоположного характера: печаль, грусть, сожаление, сопереживали девочке, у которой «заболела» (сломалась) кукла и, наоборот – радость, удовлетворение от того, что девочке купили новую куклу. Подавляющее большинство детей (21 ребенок) смогли выразить эмоции с помощью жестов и мимики, в словесной форме. Порадовало, что на историю с куклой эмоционально откликнулись не только девочки (им эта игрушка ближе), но и мальчики.

Подготовительная к школе группа (дети от 6 до 7 лет). 27 детей. Все дети группы посещали детский сад, имеют опыт слушания вокальной и инструментальной музыки.

Музыкальный репертуар: «Три подружки» Д.Б. Кабалевского (заранее подготовлены три иллюстрации, изображающие плаксу, злюку и веселую девочку).

Первое занятие. Говорю детям, что к нам в гости пришли подружки, но не простые, а музыкальные. У каждой подружки – своя музыка. Слушаем музыку. Выражение лиц детей в процессе слушания пьес меняется. Сначала недоумение («Плакса»), затем появляются улыбки («Резвушка»), сдвигают брови («Злюка»). Дети с интересом слушают и эмоционально откликаются на музыку. После слушания беседую с детьми, задаю вопросы: Сколько подружек? (ответили сразу 12 детей, трое промолчали). Какие они по характеру? Какая музыка первой подружки? – «медленная, грустная, долгая». Предлагаю детям еще одно определение – «нудная». Соглашаются. На что похожа музыка? Один ребенок ответил, что «кто-то плачет». – Верно! Первую подружку зовут Плакса (показываю иллюстрацию «Плакса»). Дети с удивлением рассматривают картинку. А какая музыка второй подружки? – Все дети (на занятии присутствовали 15 детей) ответили, что музыка «веселая», «быстрая», «звонкая». Как вы думаете, музыка может подсказать нам – что делает веселая подружка? Ответы детей: «бегает», «прыгает». – Да, вы внимательно слушали, вторую подружку зовут Резвушка (показываю иллюстрацию

«Веселая девочка»). Беседуем о третьей подружке. Определение характера вызвало затруднение. Только после демонстрации иллюстрации с изображением злой девочки определили, что третью подружку зовут Злюка.

Второе занятие. Слушаем музыкальные пьесы. Беседа. Дети хорошо запомнили, как зовут подружек. Активно высказываются о характере музыки. Рассказываю детям о композиторе Д.Б. Кабалевском, вспоминаем, какие произведения композитора мы знаем («Клоуны», «Наш край», «Кавалерийская»).

Третье занятие. Узнавание музыкальных пьес. Рассматривание иллюстраций. В процессе беседы задаю вопросы: с какой из подружек вы бы хотели дружить? Почему? – Дети отвечают, что хотели бы дружить с Резвухой, потому, что она веселая и добрая. А с Плаксой и Злюкой дружить не хочется. Четверо детей из группы остались безучастными к обсуждению, отвлеклись, но слушать музыку другим детям не мешали.

Четвертое занятие. Предлагаю детям изобразить с помощью жестов и мимики, как выглядит каждая из трех подружек. В процессе слушания музыки дети «изображают» трех подружек. Практически всем удалось отразить в мимике и жестах характер каждой из героинь пьес. В процессе беседы еще раз возвращаемся к теме характера подружек, говорим о том – каким нужно быть, чтобы у тебя было много хороших друзей.

Результат: дети получили опыт слушания различной по эмоциональному содержанию инструментальной музыки. Обогатился опыт в высказывании суждений, выражении предпочтений, отношения к характеру героинь пьес.

Предварительные выводы

Малышам нужно время чтобы почувствовать, осознать свои эмоциональные состояния. Когда содержание песенки понято, прочувствовано, дети активно проявляют себя – сопереживают, «помогают».

Дети среднего дошкольного возраста эмоционально откликаются на музыку, способны выразить свое отношение к музыкальному образу (в данном случае – неприятие), сопоставить черты характера героя песни с поведением сверстников в группе, сделать элементарные выводы. Резкое отличие эмоциональных проявлений и суждений детей 4–5-ти лет от эмоционального отклика младшей объясняется тем, что именно в среднем до-

школьном возрасте происходит резкий скачок в музыкальном развитии ребенка, в том числе, в развитии музыкального восприятия – способности к сопереживанию и пониманию эмоционального содержания музыки.

Старшие дошкольники быстро схватывают различия в музыкальных образах, сочувствуют, сопереживают героям пьес. Способны выразить свои эмоциональные состояния с помощью жеста, мимики, в словесной форме.

У детей подготовительной к школе группы уже есть достаточный опыт восприятия музыкальных произведений. Яркое выраженный эмоциональный отклик в процессе слушания музыки свидетельствует об их отрицательном эмоциональном отношении к таким проявлениям в поведении сверстников, как капризность, злость. Эмоционально привлекательным для детей оказался образ девочки-резвухи – веселой, позитивной, активной. Применительно к возрасту детей можно говорить о достаточном уровне развития социальных эмоций у половины детей подготовительной к школе группы.

В процессе наблюдений за детьми среднего и старшего дошкольного возраста ясно видны индивидуальные различия – некоторые дети сразу, эмоционально откликаются на музыку, готовы обсуждать свои впечатления. Другим нужно время для проживания эмоционального резонанса, помощь педагога в обозначении своих эмоциональных состояний.

Исследование показало возможность органичного включения специально подобранного репертуара в содержание музыкальных занятий с дошкольниками. Социальный контекст, заложенный в музыкальных образах, вызывает у детей эмоциональный отклик, следовательно – откладывается в памяти, запоминается, побуждает к размышлениям, выводам.

Как правило, музыкальная диагностика (игровые тесты, задания и др.) имеет обучающий характер и осуществляется в привычной для детей атмосфере музыкальных занятий. Не является исключением и предложенный вариант диагностики социальных эмоций, который позволяет: осуществлять наблюдение за эмоциональными проявлениями детей в естественных условиях музыкальных занятий, проследить динамику развития социальных эмоций, способствует развитию у детей способности осознавать свои эмоциональные состояния, выражать отношение к характеристикам музыкаль-

ных образов, связывать их с жизненными явлениями.

Полагаем, что музыкальные занятия в плане развития «эмоционального слуха»

и «эмоционального интеллекта» должны стать необходимой составляющей социально-воспитательной работы с детьми дошкольного возраста.

Список литературы:

- [1] Винокурова О.В. Социо-эмоциональное развитие старших дошкольников. – Борисоглебск: БГПИ, 2007. – 156 с.
- [2] Игра как средство социально-эмоционального развития детей 3–5 лет / Сост. Р.А. Жукова. – Волгоград: Корифей, 2006. – 112 с.
- [3] Карелина И.О. Психолого-педагогические условия развития у детей восприятия, понимания и вербализации эмоциональных состояний: учебное пособие. – Ярославль: Изд-во ЯГПУ, 2008. – 55 с.
- [4] Крашенинникова Н.Б., Макарова И.А. Педагогическая технология социально-эмоционального развития дошкольников средствами музыки: учебное пособие / 2-е изд. – Нижний Новгород: Белый цвет, 2014. – 202 с.
- [5] Пономарева Е.В., Иванова О.И. Репертуар социальной направленности на музыкальных занятиях в детском саду // Современная наука: тенденции развития: Сб. научных трудов XVII Международной научно-практической конференции (28 февраля 2017 г.). – Краснодар: Изд. центр «Априори», 2017. – С 114–118.
- [6] Социально-эмоциональное развитие дошкольников / Под ред. Н.В. Микляевой. – М.: Сфера, 2013. – 160 с.
- [7] Торопова А.В. НОМО-MUSICUS в зеркале музыкально-психологической и музыкально-педагогической антропологии. Монография. – М.: Граф-Пресс, 2008. – 288 с.
- [8] Торопова А.В. Музыкальная психология и психология музыкального образования: учебное пособие. – М.: Граф-Пресс, 2008. – 200 с.
- [9] Я – Ты – Мы. Программа социально-эмоционального развития дошкольников / Сост. О.А. Князева. – М.: Мозаика-Синтез, 2003. – 168 с.

ОСОБЕННОСТИ ПЕДАГОГИЧЕСКИХ МЕТОДОВ Ю.И. ПЛАХТА И ИХ ВЛИЯНИЕ НА ПОДГОТОВКУ АРТИСТОВ БАЛЕТА

Статья посвящена истории преподавания и особенностям педагогики уникального педагога классического и дуэтно-классического танца Пермского государственного ордена «Знак Почета» хореографического училища – Юлия Иосифовича Плахта, воспитавшего множество звезд балета советского периода и по праву завоевавшего репутацию одного из ведущих и авторитетнейших педагогов мужского классического танца второй половины XX века. Цель исследования – описать педагогические методы и приемы знаменитого педагога классического танца Юлия Иосифовича Плахта, которыми он руководствовался в своей педагогической деятельности. Методологическую основу составили исторический, комплексный, аналитический, эмпирические методы познания, а также целевой подход к исследуемой теме. Юлий Иосифович Плахт в своей педагогической деятельности проявил себя не только как ученик, сторонник и ярый последователь первого профессора хореографии А.Я. Вагановой, но и как педагог, сумевший отыскать свой собственный путь в рамках единой общепринятой методики, приведший его к успеху и определивший неповторимый стиль и манеру преподавания классического и дуэтно-классического танцев.

Ключевые слова:

Плахт, балет, хореография, классический танец, дуэтно-классический танец, педагог.

Старовойтова Е.С. Особенности педагогических методов Ю. И. Плахта и их влияние на подготовку артистов балета // Общество. Среда. Развитие. – 2022. № 1. – С. 103–110. – DOI 10.53115/19975996_2022_01_103-110

© Старовойтова Елена Сергеевна – студентка, Академия Русского балета имени А.Я. Вагановой, Санкт–Петербург; e-mail: polar_lights@list.ru

Имя Юлия Иосифовича Плахта – блестящего педагога классического и дуэтно-классического танца – широко известно в балетном мире. Этот мастер был учеником и последователем выдающихся артистов балета и педагогов Н.И. Тарасова, В.И. Пономарева и А.Я. Вагановой. Большую часть своей художественно-педагогической деятельности он посвятил Пермскому государственному ордена «Знак Почета» хореографическому училищу, где проработал с 1952 по 1973 гг., воспитав целую плеяду выдающихся артистов и солистов балета. Некоторые из них продолжили дело своего учителя и также стали преподавателями классического и дуэтно-классического танца.

Новизна данного исследования в том, что педагогические методы и уроки этого мастера до сих пор вызывают интерес и являются предметом дискуссий. Но, к сожалению, художественно-педагогическая деятельность этого преподавателя не изучена в полной мере. До сих пор не существует ни одной крупной работы, не проводилась ни одна научная конференция, посвященной этому выдающемуся человеку. Его методы и приемы обучения живут лишь в устных воспоминаниях и отдельных заметках, которые оставили ученики, коллеги, а также люди, которые так или иначе встречались с Ю.И. Плахтом.

Единственная машинописная рукопись под названием «Советы педагога» подарен-

на Юлием Иосифовичем своему ученику и педагогу Марсу Михайловичу Миргарипову. Впервые с редакционными правками она была издана в рубрике «Педагогические чтения» в журнале «Советский балет» (1984 г., № 5, с. 45) под названием «Чтобы урок всегда был плодотворным...».

По мнению автора статьи, существует необходимость в изучении бесценного педагогического опыта Ю.И. Плахта на основе сохранившихся сведений для его практического использования в преподавании специальных хореографических дисциплин. Это говорит об актуальности данной темы.

При написании данной статьи были использованы материалы из архива Пермского Государственного Хореографического колледжа, а также воспоминания учеников Ю.И. Плахта, взятые из мемуаров, личных бесед, статей периодических изданий. Благодаря развитию технологий современного мира, появилось множество социальных сетей. Так, в одной из популярных социальных сетей www.vk.com создана группа «Уникальный педагог Юлий Плахт», где бывшие ученики делятся своими самыми теплыми воспоминаниями о любимом учителе.

Методологическую основу данной статьи составили: исторический, комплексный, аналитический методы, целевой подход к исследуемой теме. В работе использовались также эмпирические методы познания: исследование научных пособий, печатных

изданий и других средств массовой информации; изучены и проанализированы печатные издания, монографии и статьи, посвященные в целом истории балетной педагогики, а также касающиеся непосредственности личности Ю.И. Плахта.

Методы и приемы обучения классическому танцу Ю.И. Плахта

Перед учителем всегда стоит задача перевести ученика из состояния «незнания» в состояние «знания», из состояния «непонимания» в состояние «понимания», из состояния «беспомощности» в состояние «самостоятельности и уверенности». Перед педагогом балета ставятся те же задачи, но и еще одна: перевести ученика из состояния «неумения» в состояние «умения» и «владения» тем или иным исполнительским навыком.

В своей работе Юлий Иосифович Плахт пользовался общепринятыми, выработанными на протяжении нескольких веков выдающимися педагогами хореографии методами обучения классического танца: объяснение, показ, практические задания (учебные комбинации), контроль исполнения.

При объяснении нового движения Юлий Иосифович всегда точно объяснял характер движения, очень скрупулезно с анатомической точностью объяснял каждую деталь методического исполнения от самого простого варианта до наиболее сложного, а также сразу же пытался предостеречь учеников от возможных и наиболее вероятных ошибок. Кроме того, нередко прибегал к приему ассоциации, чтобы ученики могли более точно понять и «поймать» нужное ощущение, положение, взгляд и т.д.

В молодые годы Юлий Иосифович обычно сначала очень четко демонстрировал лично новое *pas* в полную ногу, в более зрелые – уже не имел возможности показывать в полную силу, сказывалась травма коленного сустава, поэтому он редко поднимался с места, часто имитируя движения ног руками. Его показ всегда был очень точен координационно, понятен музыкальный расклад движения и счет исполнения. Нередко показ также сопровождался объяснением и комментариями что делают руки во время движения ног, как голова сопровождает руки и корпус, как должен работать корпус, чтобы удерживать равновесие, какой при этом должен быть внутренний посыл и настроение, куда направлен взгляд и подборонок, и многие другие нюансы.

После этого педагог давал ученикам задание исполнить движение в «чистом виде», либо даже разделял новое движение на составляющие элементы и проучивал отдельно каждый элемент. Например, из

воспоминаний одного из выдающихся учеников Ю.И. Плахта, народного артиста РФ Ю.Н. Петухова, при изучении *jeté entrelacé* («перекидное *jeté*»), Юлий Иосифович давал задание ученикам из положения *I arabesque* на полу в точку 2, сделать *pas chassé*, затем бросить *grand battement* вперед с руками в III позиции в точку 6 и замереть в положении работающей ноги вперед на 90°. Этим заданием проучивался правильный ход ноги для последующего прыжка и предотвращалась частая ошибка, когда ученики бросают ногу не вперед, а в сторону и затем ноги неизбежно меняются в воздухе не через I позицию, а «по кругу». После всех этих манипуляций новое *pas* прорабатывалось сначала в «чистом виде» по прямой и по диагонали, а затем уже комбинировалось с ранее пройденными движениями.

Только что выполненное учениками задание разбиралось со всей скрупулезностью. Замечания и оценки Ю.И. Плахта были необыкновенно четкими, меткими, обладающими яркостью и образностью сравнений.

Юлий Иосифович «...редко хвалил учеников и частенько язвил, награждал остроумными прозвищами, но ученики не обижались, знали, что педагог незлобив и просто хочет добиться от учеников высоких результатов» [2, с. 25]. Характеристики давал крайне резкие и, казалось даже, недоброжелательные и уничижающие. Но юмор и тон голоса, с которыми эти характеристики давались, убирала оттенок «мрачного приговора». Слова «талант» и «мастер» почти не присутствовали в его лексиконе. Складывалось впечатление, что он постоянно чем-то и кем-то недоволен. Однако в то же самое время, когда блестящий педагог шутил и язвил, его глаза продолжали быть всевидящими и внимательными, стараясь уловить малейший недочет в исполнении.

Тем не менее, Юлий Иосифович пользовался огромной симпатией со стороны учеников. Его замечания терпеливо и внимательно выслушивали, потому что его воспитанники по собственному опыту знали и понимали, что их педагог принципиален, справедлив, одинаково требователен и суров и к себе, и к коллегам-педагогам, и к ученикам, и к уже состоявшимся артистам.

Требовать правильного и точного исполнения Ю.И. Плахт начинал с первого же занятия, не допуская никаких поблажек. Он ставил перед собой задачу – научить осмысленному танцу. Юлий Иосифович выработал такую систему обучения, которой было чуждо механическое заучивание, т.к. ребенка нужно научить не просто красиво и правильно повторять заученные классические *pas*, его нужно научить «жить» и

«говорить» танцем. «В основе его метода лежит не только стремление помочь будущему танцовщику безукоризненно усвоить язык классического танца, но сделать его хореографическую «эрудицию» средством художественной выразительности» [9].

С недостатками и ошибками учащихся прославленный учитель боролся весело и азартно, темпераментно и бескомпромиссно. Он, в некотором роде, соотносил деятельность педагога с работой врача, от которого зависит своевременная и правильная постановка диагноза и назначение лечения. Так, педагог должен вовремя точно определить причину допускаемой учеником ошибки и не успокаиваться, пока и причина этой ошибки, и сама ошибка не будут полностью устранены, в противном случае «...маленькие недостатки вырастают в большие и разрушают, точат, как ракушки, весь «корабль техники» [7, с. 45].

О своей работе Юлий Иосифович говорил скупой и нехотя. Когда ему задавали вопрос: что самое трудное в работе педагога, он, не задумываясь, отвечал: «Привить любовь к поту, ибо без труда в балете ничего не добиться. Разбежка для взлета очень маленькая. В семнадцать лет мальчик кончает училище, а к двадцати пяти годам надо уметь танцевать все» [7, с. 45]. Именно эту любовь к каждодневному труду старался привить Юлий Иосифович своим ученикам.

Для профессионального педагога, каким был Юлий Иосифович, очень важно уметь работать с учебным материалом и уметь правильно, а главное, доступно истолковывать и доносить учебный материал. В практической деятельности это находит свое выражение в умении педагогом среди огромного количества новых движений, которые в рамках учебного года должны освоить учащиеся, самостоятельно определить порядок изучения этих движений и количество времени, которое необходимо затратить для изучения и тренажа конкретного элемента. Все это невозможно сделать без учета возможностей учащихся и предвидения их типичных затруднений.

Уроки и учебные комбинации Ю.И. Плахта

Линия каждого урока Ю.И. Плахта была выстроена разнообразно. Уроки всегда состояли из четко продуманных и заранее выверенных комбинаций, которые являли собой небольшой танец с определенной задачей: «...к уроку я всегда готовился тщательно, продумывая, определяя для себя, что сегодня нужно сделать в классе, на чем заострить внимание моих подопечных» [6, с. 391–392]. В этом Юлий Иосифович видел залог того,

что урок пройдет с пользой, не подвергаясь возможным случайностям. Это, конечно, не исключает и импровизации при показе комбинаций. Тем более, что Юлий Иосифович обладал крайне незаурядной фантазией при составлении учебных комбинаций.

Великий мастер считал, что у педагога просто не должно и не может быть любимых и нелюбимых движений. Все комбинации должны точно соотноситься с программой класса, т.к. учебная программа – это, своего рода, закон для педагога. Беспольных комбинаций и, тем более, уроков он не допускал.

Юлия Иосифовича как педагога отличали поразительное чувство меры и безукоризненный вкус. Его комбинации были насыщены и сложны, но никогда не создавалось впечатление, что это просто набор случайных сложных движений. Всегда было ясно какую цель преследовал мастер, задавая ту или иную комбинацию движений. Переходы от одного движения к другому были логичными и координационно удобными, помогали исполнению более сложных рас. Несмотря на то, что его комбинации были танцевальными и выразительными, педагог строго контролировал чистоту позиций рук и ног, ракурсы, позы и положения, не оставляя без внимания даже проходящие и вспомогательные движения.

В уроках Юлий Иосифовича просто не было мелочей. Для него было важно все, в том числе, какая музыка была выбрана концертмейстером для сопровождения урока. Плахт был необычайно музыкальным педагогом. По его мнению, музыкальное сопровождение должно быть четким, ритмичным и, вместе с тем, достаточно эмоциональным.

Он подчеркивал, что комбинации или элементы комбинаций нужно постоянно варьировать вместе с музыкальным сопровождением. Ни в коем случае нельзя предлагать ученикам изо дня в день одни и те же комбинации под одну и ту же музыку, т.к. мышечный аппарат и слух привыкают к одинаковым заданиям, что препятствует развитию будущих танцовщиков, сковывает их творческую фантазию и инициативу, а это обязательно отразится на работе в театре. При этом, при работе над совершенствованием формы исполнения как отдельного рас, так и танцевальной комбинации в целом, он часто прорабатывал один и тот же урок или какую-то его часть на протяжении нескольких дней, но даже в этом случае всегда старался развивать артистизм и музыкальность своих учеников.

Великий педагог понимал, что плодотворная работа возможна только, если педагог сам находится в хорошей физической форме и каждый урок или репетицию

проводит добросовестно с полной отдачей своих сил и знаний.

Задавая комбинацию на уроке, или разучивая партию с учеником на репетиции, Юлий Иосифович придирчиво выверял каждое раc, каждую позу и каждый взгляд, не допуская никаких изменений в хореографии. При этом, он не настаивал на том, чтобы ученики «копировали» его манеру исполнения, а хотел и добивался развития индивидуальности и артистизма у учеников. Если же прославленный педагог готовил ученика к целому спектаклю, то позволял ученику импровизацию в игровых сценах, чтобы тот мог самостоятельно выстроить линию поведения своего героя.

При всем этом Юлий Иосифович учитывал индивидуальные способности и эстетические достоинства учеников и старался показать лучшее, чем они обладают и скрыть их недостатки. Но это отнюдь не означало, что он делал какие-то снисхождение и «закрывал глаза» на недостатки.

Методика проведения уроков иногда поражала современников. Юлий Иосифович как будто не считался с природными данными учащихся, он будто не замечал отсутствие или недостатков данных у того или иного ученика. Его мнение на этот счет было такое: «Не каждый, закончивший школу, обязательно талантлив. Но тем ответственней у нас, педагогов, задача – сделать так, чтобы, по крайней мере, каждый был профессионален, хореографически образован» [9, с. 123].

Из воспоминаний видного деятеля балета республики Киргизия Роберта Хасановича Уразгильдеева: «Ю.И. Плахт был, я бы сказал, разумно требователен к своим ученикам, прекрасно понимая, что все мы, дети войны, не обладаем богатырским здоровьем» [3].

Здесь нельзя не заметить некоего противоречия: с одной стороны, Юлий Иосифович вроде бы не принимал во внимание никаких обстоятельств и физических возможностей учащихся и был очень требователен, несмотря ни на что; с другой же стороны, воспоминания Р.Х. Уразгильдеева говорят о том, что Юлий Иосифович Плахт все-таки не требовал от учеников совершенно невозможного. Этому можно дать два объяснения: либо в начале своего педагогического пути Юлий Иосифович был более мягок и «разумно» требователен, о чем свидетельствует Р.Х. Уразгильдеев, который был одним из его первых выпускников (выпуск 1955 г.); либо гениальность Ю.И. Плахта как педагога заключалась в том, что он всегда был крайне требователен, скрупулезен и дотошен, но его

харизма и педагогическое обаяние делали эту чрезвычайную требовательность просто незаметной для его воспитанников.

Само слово «талант» Ю.И. Плахта определял как «...одаренность плюс умение трудиться, высокая требовательность к себе и ответственность перед своей профессией...» [5, с. 9], но кроме этого, в смысл слова «талант» Юлий Иосифович еще вкладывал умение воспринимать, усваивать предложенное, быстро запоминать, учитывать и исправлять все замечания.

Малейшая неточность или небрежность при исполнении очень сердили педагога. Ю.И. Плахт любил чистую академическую форму исполнения и очень четко следил за этим на уроке. Юлий Иосифович мог покрикивать на учеников, но они всегда знали, что он прав. Ведь они видят себя только в большом зеркале, а он видит даже «насквозь». Знаменитый педагог трудится изо дня в день ради того, чтобы привычное «одно и то же» с каждым днем становилось все лучше и лучше, обретало новое качество и силу. «Он видит в еще угловатом подростке скрытую пружину и помогает ей высвободиться, вырваться наружу» [10, с. 56].

Советы Ю. И. Плахта педагогам

Класс Юлий Иосифович вел эксцентрично, с «шутливой свирепостью». Он обладал харизмой и педагогической «артистичностью». Каждый урок Ю. И. Плахт ставил перед собой и своими воспитанниками все новые и новые цели. В связи с этим он сформулировал перед собой, в первую очередь, и перед педагогом классического танца вообще такие задачи, которые являлись бесценными советами по сей день:

- когда вы занимаетесь с учеником, забудьте, что он не имеет тех или иных профессиональных данных, считайте его совершенным материалом и требуйте от него той сложной техники и формы, которых требует готовящийся номер или набор движений урока;

- будьте беспощадны к ошибкам, небрежности и лени своих воспитанников, работайте над недостатками каждый урок, то, что тщательно и правильно выучено в школе, остается на всю жизнь;

- ежедневно сами будьте в хорошей профессиональной форме и урок или репетицию проводите с полной отдачей;

- развивайте музыкальность, артистизм своих учеников и добивайтесь от них совершенной формы исполнения как отдельных движений, так и рас, и, в конце концов, номера [10, с. 57];

- педагог классического танца обязан быть крупным эрудитом в вопросах искус-

ства и постоянно развивать свой кругозор, обогащать запас знаний, чтобы быть наставником для своих учеников и в вопросах общей культуры и в проблемах идейно-гражданского воспитания [4, с. 13].

Главными качествами педагога, по мнению Юлия Иосифовича, должны быть терпение, упорство и, в некоторых случаях, даже «настырность», ибо «...научить идеально с профессиональной точки зрения выполнять любую «мелочь» – удел немногих воспитателей» [7, с. 45]. В этом примере ему всегда служила профессор А. Я. Ваганова.

Юлий Иосифович считал крайне важным создать «атмосферу урока». Она должна быть напряженно-рабочей, но и, в то же время, дружеской. В классе должна быть тишина, сосредоточенность и внимание – все это способствует точному и быстрому восприятию и усвоению учебного материала, и его «заучиванию». Главенствующим для него был принцип: ничего не следует откладывать на завтра, если этого можно добиться сегодня.

Плахт был очень ироничным человеком. В классе он поддерживал дух здорового и честного соперничества, что играло положительную роль в учебном процессе: слабые ученики тянулись за более сильными. Сам великий мастер говорил так: «Чтобы класс был выучен и хорошо смотрелся, надо приложить максимум сил и педагогического умения: слабых учеников «дотягивать» до средних, а средних – до хороших» [7, с. 45]. Конечно, у него были любимые, более способные и одаренные ученики, но он давал в классе равный шанс творческого роста всем без исключения. Юлий Иосифович следовал железному правилу: охватывать своим вниманием всех занимающихся в зале, «заброшенных» в классе быть не должно. Единственное, чего он патологически не переносил, это ленивых учеников. Таких он мог запросто выгнать вон из класса.

Мотивация учеников

Как опытный педагог Юлий Иосифович Плахт хорошо понимал, что мотивация – это ведущий фактор активности человека, его поведения и действий. Для педагога мотивация учеников представляет большой интерес, т.к. невозможно наладить продуктивный и эффективный педагогический процесс без учета особенностей мотивации учащихся. Ведь источники, побудившие разных учеников, и мотивация к одному и тому же действию могут быть абсолютно разными.

Часто бывает так, что «сильные» и «слабые» ученики отличаются друг от друга отнюдь не уровнем физических и интеллектуальных способностей, а именно си-

лой внутренней мотивации. «Сильные» ученики обладают потребностью освоить будущую профессию на высоком уровне, они ориентируются на получение прочных профессиональных знаний и практических умений. Но, как бы там ни было, каким бы способным и эрудированным ни был ученик, без желания и посылки к учебе со стороны педагога успеха он не добьется.

Перед тем, как формировать учебную мотивацию своих учеников, педагог сам должен ее познать и прояснить для себя реальность, с которой ему придется столкнуться в учебном процессе. В многолетней педагогической практике в сфере обучения хореографии это утверждение находит подтверждение.

Часто будущими солистами становятся не столько самые одаренные физически дети, сколько трудолюбивые и старательные, т.е. движимые внутренним желанием и мотивацией стать высокопрофессиональными артистами балета. Из этого, однако, не следует, что природные физические способности не являются значимым фактором учебного процесса.

Юлий Иосифович Плахт всеми силами старался постоянно мотивировать и вдохновлять учащихся. Как чуткий и мыслящий человек он понимал, что самой блестящей техники мало для серьезных достижений в области балетного искусства. Он часто приглашал в гости воспитанников, рассказывал истории о жизни и творческой судьбе известных артистов балета, посещал вместе с ними театральные спектакли, музеи, выставки, чтобы обогатить их творческое мышление, развить интеллект и кругозор. Ведь глубокое знакомство с живописью, музыкальным и драматическим театром, искусством кинематографии, литературой – все это необходимые составляющие мастерства артиста балета. А интерес ко всему этому рождается только под влиянием педагога.

Кроме того, мастер своего дела и гениальный педагог Ю.И. Плахт старался донести до юных сердец, что прекрасные физические данные – это еще далеко не все. А вот прекрасная выучка и трудолюбие с лихвой восполняют недостаточные природные возможности. В подтверждение этого факта он приводил множество примеров, когда из одаренного ребенка, который ленился и надеялся, что «природа» и без школы «вывезет», ничего не получалось, а из ребенка, имеющего гораздо меньшие физические данные, но обладающего упорством и трудолюбием, получался солист.

Интерес и мотивация к учебе у учеников зависят не столько от трудностей, с которыми они сталкиваются в учебном

процессе, сколько от особенностей общения учителя с учениками. Позитивное и доброжелательное отношение к ученикам, создание благоприятного психологического климата в классе, установление определенных межличностных отношений, а также система поощрений – важная часть педагогического общения. Очень важно, чтобы поощрения были справедливыми, за конкретное действие, соразмерными заслугам ученика и его стараниям.

Очень важную роль в процессе обучения такому нелегкому делу, как классический танец, играет педагогическое общение учителя и учеников. Педагогическое общение – это очень тонкий инструмент воздействия на своих подопечных, который при его правильном использовании может привести к поразительным результатам.

Педагогическое общение

Общение Ю.И. Плахта как учителя и наставника в самом высоком смысле этого слова строилось на полном уважении к личности ученика, к его мнению и чувствам. Юлий Иосифович всегда старался понять мотив поведения человека, поставить себя на его место. Он умело выстраивал межличностные связи и быстро завоевывал полное доверие со стороны своих питомцев. Юлий Иосифович, как человек, много повидавший в жизни, знал цену человеческим отношениям, которые строятся на уважении, доверии, понимании и дружбе. Ведь быть хорошим артистом дано не всем, но быть хорошим человеком, достойным гражданином своей страны должен каждый. И в этом Юлий Иосифович видел свое предназначение: воспитывать не просто первоклассных артистов балета, а воспитывать подлинных патриотов и подлинную гражданственность их искусства. А это возможно только при условии, что педагог сам таков.

Его высокая гражданственность и активная жизненная позиция проявлялась незаметно даже для него самого в любом замечании ученикам на уроке, в любой оценке жизненных событий. Ведь личность педагога оказывает влияние на характер и даже будущую судьбу человека, т.к. она является примером для подражания. Только таким путем, по мнению Юлия Иосифовича, можно воспитать настоящих артистов.

Юлий Иосифович никогда не лукавил ни перед начальством, ни перед коллегами, ни перед учениками: просто не умел быть дипломатичным и осмотрительным. Он открыто и смело высказывал свое мнение по тем или иным жизненным вопросам. Иногда был даже резок, прям и ка-

тегоричен в выражении своих симпатий и антипатий, разговаривать с ним порой было непросто. Поведение педагога, естественно, оказывало формирующее воздействие на юные незрелые души.

Его любили, ему были преданы, с ним часто советовались, а, получив негативную оценку своему поступку, не обижались, т.к. настоящие и бывшие ученики знали и понимали, что педагог всегда откровенен и справедлив.

Юлий Иосифович Плахт никогда не был просто учителем. Все, кто прошли через его руки, всегда чувствовали неусыпное внимание к себе. У него не проходили незамеченными, свойственные юному подростковому возрасту лень, некоторая развязность в поведении, плохие отметки по предметам общеобразовательного цикла, к которым он, казалось бы, не имел никакого отношения.

Опытный педагог прекрасно отдавал себе отчет в том, что, чем выше профессиональное мастерство учителя, тем выше его авторитет в глазах учащихся, а это, в свою очередь, открывает большие возможности глубокого воздействия на разум и душу своих подопечных.

Его авторитет был настолько высок, что на протяжении времени работы в Пермском хореографическом училище, не только педагоги специальных дисциплин, но и учителя общеобразовательных предметов нередко приходили за советом и помощью к Юлию Иосифовичу.

Юлий Иосифович Плахт всеми доступными средствами старался «заразить» учеников своей безграничной любовью и преданностью балетному искусству. Ведь без этой самоотверженной любви к танцу невозможно ничего добиться даже при самых феноменальных физических возможностях.

Педагог классического танца, как ни один другой учитель, встречается с учениками ежедневно. И именно он отвечает за будущую культуру своего класса, а не только за его профессиональную подготовку. Это вполне естественно для учебных заведений хореографического образования, где «самым главным» для будущих танцовщиков является педагог по классическому танцу. Ведь именно он дает «путевку в жизнь».

Юлий Иосифович старался как можно больше рассказывать ученикам о великих советских и зарубежных артистах, демонстрировал фотографии со спектаклей, рекомендовал к прочтению статьи из периодических изданий или же книги и другую литературу, посвященную балету, посещал вместе с учениками балетные спектакли, а затем интересовался их мнением по пово-

ду исполнительского мастерства солистов и высказывал свое, анализируя и обращая внимание будущих артистов на причины успешного или неуспешного исполнения. Благодаря всему этому он не просто учил их «жить» профессией и любить балет так, как он сам любил его, но и воспитывал у учащихся безукоризненный вкус, учил думать и осмысливать танец, закладывал и развивал в них аналитические способности. Кроме того, Юлий Иосифович добивался того, что, поступая на работу в театр оперы и балеты, его ученики хорошо знали спектакли классического наследия, т.к. они были «на глазах», а также свободно ориентировались в сложных хореографических комбинациях незнакомых спектаклей и в музыке.

Заработанные средства Юлий Иосифович часто тратил на поездки в разные театры и балетные школы СССР, интересовался творческой жизнью известных артистов, новинками балетного репертуара, состоянием дел в хореографических училищах. Он старался быть в курсе всех событий, происходящих в отечественном балете, т.к. просто не мыслил свою жизнь без балета и вне балета. Это наилучшим образом свидетельствует о безудержной энергии и преданности любимому искусству.

Педагогические принципы Ю.И. Плахта

По мере того, как педагог, получая новый класс, знакомится со своими учениками, он восполняет дефицит информации о них, тем самым избегая возможности поддаться стереотипным оценочным суждениям, которые в будущем могут сыграть злую шутку не только в предстоящем учебном процессе, но и в судьбе учеников. Оценка каждого из учеников становится все более индивидуальной при взаимодействии учителя с ними в урочное и внеурочное время, в процессе наблюдения за их поведением в различных ситуациях.

Так как Юлий Иосифович занимался преподаванием классического танца в старших мужских классах, то юноши попадали к нему после другого педагога в возрасте 14–15 лет. Он старался о каждом ученике создать свое собственное мнение и суждение, а не пользоваться теми «клише», которые уже были поставлены на ребенка другими учителями.

Кроме того, вопросы педагогической этики для мастера также не оставались в стороне. Он считал, что, получая новый класс, ни в коем случае нельзя ругать предыдущего педагога мысленно, а тем более вслух. То, что не удалось предшественнику, нужно стараться всеми силами наверстать самому, т.к. ссылка на плохую работу

другого педагога не является оправданием и не снимает личной ответственности за творческую судьбу вверенных учеников.

Юлий Иосифович Плахт старался никогда не определять амплуа будущего танцовщика еще в училище. Он придерживался мнения, что настоящий артист в своем творчестве должен уметь сочетать как лирическое, так и героическое начало, быть одинаково убедительным как в образе галантного аристократа принца Дезире, так и в образе народного античного героя Спартака. Только при этом условии артист может отвечать самым строгим требованиям и претендовать на главные партии в балетном спектакле, то есть, «вести» балетный репертуар. И, как показала практика, такой подход был успешным, т.к. многие ученики Ю.И. Плахта занимали ведущее положение в театрах бывшего СССР. При всем различии их творческих индивидуальностей всех их объединял «плахтовский почерк» – высокий профессионализм и академическая законченность формы.

Ю.И. Плахт был против выборочного показа выпускников в программном материале на выпускных экзаменах и концертах, т.к. был убежден, что такой подход не дает возможности оценить полную картину профессиональной подготовки будущих танцовщиков и, кроме того, это может свидетельствовать и о подобной избирательности в их хореографическом образовании.

Мастер балетной педагогики также отмечал, что, естественно, в школе невозможно идеально раз и навсегда выучить ребенка. На каком бы высоком уровне не велись уроки классического танца в хореографическом училище, они дают будущему артисту только самые необходимые умения. Но учиться ему предстоит на протяжении всей своей творческой деятельности во время работы в театре, где происходит артистическое формирование личности и ее творческое развитие, совершенствуется форма исполнения, одним словом, набирается мастерство. Однако правильная постановка корпуса, рук, позиций ног, манера исполнения и художественный вкус должны воспитываться именно в школе. И на выпускных экзаменах и концертах, учащиеся должны демонстрировать эту «школу».

Юлий Иосифович делал акцент именно на том, что все-таки прочный фундамент, основа должны быть крепко заложены в школе, а в театре происходит только совершенствование, т.к. «... в театральном классе занимаются одновременно 30–40 человек, и даже квалифицированный педагог не в состоянии увидеть все недостатки, ошибки, просчеты учеников, ибо театральная

класс – это всего 60 минут и «остановить» его нет возможности» [4, с. 13].

«Так как природа классического танца и его техника познаются через исполнительство, профессиональный опыт и талант педагога, исключительно важны в работе, но осмыслить специальность педагога классического танца и овладеть ее подлинным мастерством без методического самоанализа невозможно» [8, с. 3].

Для того, чтобы уменьшить количество недочетов в своей работе и избежать трудностей при освоении нового материала, Юлий Иосифович постоянно анализировал свою профессиональную деятельность и деятельность других педагогов: «Длительная педагогическая работа позволяет мне наблюдать творческий рост не только собственных подопечных, но и воспитанников других педагогов и делать кое-какие выводы...» [7, с. 45].

На основании результатов постоянного анализа он старался преобразовывать, по мере необходимости, свои методы и приемы обучения классическому танцу. Такое умение говорит о компетентности педагога и о его профессионализме. Чем выше уровень компетентности учителя, тем выше его профессионализм.

Юлий Иосифович сформировала для себя такой девиз артистической и педагогической карьеры, который стал одним из любимых его выражений: «Профессионализм – это результат». Вот так коротко, ясно и безапелляционно великий мастер выразил то, к чему должен стремиться каждый педагог классического танца и каждый ученик на протяжении всей своей творческой жизни. А «...результативность педагогической деятельности зависит именно от глубин изучения педагогом личности ученика, от адекватности и полноты знания...» [1, с. 119].

Ю.И. Плахт в своей педагогической деятельности обобщил исполнительский опыт, полученный им от Н.И. Тарасова, у которого он учился в Москве, и В.И. Пономарева, по классу которого выпускался в Ленинграде. Но тонкости методики преподавания классического танца признанный педагог получил из рук самой А.Я. Вагановой во время обучения на педагогических курсах при Ленинградской Консерватории имени Н.А. Римского-Корсакова.

Педагогический метод Юлия Иосифовича Плахта соединил в себе лучшие традиции «вагановской» школы хореографии, которая по сей день является нашим национальным культурным достоянием. Эту школу всегда отличали благородство и простота манеры, строгость и четкость линий, широта и выразительность поз. В тоже время методы и приемы Плахта представляют собой новую, скрупулезно разработанную, структуру формирования классического танцовщика, в основе которой лежало стремление показать разносторонний характер мужского танца от лирического до героического, а не выявлять лишь какую-то одну его сторону.

Многолетний успешный труд Юлия Иосифовича Плахта, подтвержденный целой плеядой его выдающихся учеников, практически доказал, что мастер балетной педагогики, в совершенстве владевший методикой преподавания классического танца по системе А.Я. Вагановой, блестяще справился с нелегкой задачей: беспрекословно следовать методике А.Я. Вагановой и в то же время находить в ней огромное пространство для творчества и для проявления себя лично как педагога, который предлагает свои педагогические методы и приемы обучения, формируя, таким образом, свой «почерк» и свою творческую индивидуальность.

Список литературы:

- [1] Бордовская Н.В., Реан А.А. Педагогика: учебник для вузов. – СПб.: Питер, 2000. – 304 с.
- [2] Вспоминая Ю.И. Плахта // Пресс-бюллетень V открытого конкурса артистов балета России «Арабеск-98». – Пермь, 1998, № 3. – С. 25.
- [3] Левченко И.Е., Уразгильдеев Р. У истоков национального балета: сборник статей. – Алматы: Unique service, 2009. – Интернет-ресурс. Режим доступа: <http://www.literature.kg> (05.02.2022)
- [4] Педагог Юлий Плахт (1918–1988) / Сост. М.И. Серов, Е.П. Субботин. – Пермь: Арабеск, 2001. – 40 с.
- [5] Плахт Ю.И. Талант балерины // Газета «Звезда». – 1967, 17 сентября. – С. 9.
- [6] Плахт Ю.И. Чтобы урок всегда был плодотворным... // Балет, XX век : [страницы истории хореографического искусства России XX века : по материалам журнала «Балет» : сборник статей / Общ. ред. В.И. Уральская]. – М.: Редакция журнала «Балет», 2011. – 439 с.: ил., портр.
- [7] Плахт Ю.И. Чтобы урок всегда был плодотворным... // Советский балет. – 1984, № 5. – С. 45.
- [8] Прибылов Г. Методическое пособие по классическому танцу для педагогов-хореографов младших и средних классов. – М.: Галерея, 1999. – 64 с.
- [9] Тюрин Ю. Призвание педагога // Театр. – 1973, № 7. – С. 123–124.
- [10] Чернова Т. Рождение лебедя. – Пермь: Пермское книжное издательство, 2001. – 216 с.

ОПЫТ ВОСПИТАНИЯ ПАТРИОТИЗМА КАК ВЫСШЕГО СОЦИАЛЬНОГО ЧУВСТВА: ПРИМЕР ОДНОГО СТУДЕНЧЕСКОГО НАУЧНОГО ТУРА

Рассматривается опыт студенческого научного туризма в контексте педагогики воспитания патриотизма как социального чувства. Полевой материал был собран авторами в процессе интервью со студентами РГПУ им. А.И. Герцена, принявшими участие в научном студенческом туре в Тарногский район Вологодской области осенью 2021 года. В результате исследования было выявлено, что из пяти функций педагогики патриотического воспитания молодёжи – коммуникативной, интегративной, исследовательской, диагностической и социальной – наибольшее воспитательное воздействие на студентов оказала социальная.

Ключевые слова:

Волода, научный туризм, патриотическое воспитание, Тарногский район, студенты, полевые исследования, студенческий научный туризм, экспедиция.

Окладникова Е.А., Липатова А.А. Опыт воспитания патриотизма как высшего социального чувства: пример одного студенческого научного тура // Общество. Среда. Развитие. – 2022, № 1. – С. 111–120. – DOI 10.53115/19975996_2022_01_111-120

© Окладникова Елена Алексеевна – доктор исторических наук, профессор, Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена, Санкт–Петербург; e–mail: okladnikova-ee@yandex.ru

© Липатова Анастасия Алексеевна – студентка, Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена, Санкт–Петербург; e–mail: a.lipatova@fcdigital.ru

Цель настоящей статьи – анализ результатов опыта воспитания патриотизма как высшего социального чувства у современной студенческой молодежи в процессе образовательной поездки – научного студенческого тура в Тарногский район Вологодской области осенью 2021 года. В исследовании приняли участие студенты Института истории и социальных наук РГПУ им. А.И. Герцена (N = 9), а также представители сельского сообщества Тарногского района Вологодской области (N = 2).

В качестве методического инструментария полевого исследования нами была избрана одна из качественных социологических методик работы с респондентами, а именно: глубинное интервью. Обработка результатов исследования была проведена по методике, уточненной специалистом по качественным социологическим исследованиям Г.Г. Татаровой [16].

Студенческий научный туризм – инструмент воспитания патриотизма как высшего социального чувства

Студенческий научный туризм – важный и перспективный для работы в области патриотического воспитания современной студенческой молодежи в России компонент инновационной педагогической технологии, известной под названием «путешествие/экспедиция» [1; 10].

Феномен патриотизма определяется представителями разных направлений

гуманитарного знания по-разному: в философии – это моральная категория, ассоциируемая с любовью к Родине [21], в политологии патриотизм рассматривается как интегратор национального единства [13], а в социологии – как высшее социальное чувство. Социологические исследования, которые проводились в вузах РФ в период 1994–2016 гг. показали, что снижение патриотизма как социального чувства наблюдалось и у старших школьников, и у студентов по всей России [15]. Социологическое понимание патриотизма нашло отражение в государственной программе «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации на 2016–2020 годы». Работа по этой программе ведется в школах и вузах РФ последние годы в обязательном порядке [18]. Это программы Волгоградского государственного университета «Сила поколения. Страна молодых»; Гражданско-патриотического воспитания студентов Нижегородского государственного технического университета им. Р.Е. Алексеева; Гражданско-патриотического воспитания в Уральском государственном педагогическом университете; Программы гражданско-патриотического воспитания студентов Тюменского государственного нефтегазового университета, филиала федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Московский государственный индустриаль-

ный университет»; федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Кемеровский государственный сельскохозяйственный институт» и др. [8; 12].

Осмысление опыта этой работы позволило определить, что патриотическое воспитание студентов вуза будет успешным, если оно будет осуществляться на основе инновационных педагогических подходов: **системно-деятельностного, средового, творческого и аксиологического**, т.е. подходов, создающих условия для перехода системы образования из «поддерживающего» состояния к «инновационному». Напомним, что инновациями в образовании являются новшества специально спроектированные, реализованные на уровне технологического описания образовательного проекта, подготовленные к внедрению. Инновации осуществляются не руководителями образовательных учреждений, а работниками системы образования и учащимися. Одной из технологий реализации в педагогической практике перечисленных выше подходов является педагогическая технология «экспедиция/путешествие».

Основными педагогическими технологиями, которые формировали модель советской системы образования были традиционные, предметные. В 2003 году эту модель образования сменила Болонская система образования с её установкой на образование как «магазин знаний» и сопутствующий ей компетентностный подход. В последние десятилетия в среднем и высшем образовании всё большую роль стали играть инновационные педагогические технологии (проектный подход, «диалог культур», коллективная мыследеятельность, «мастерская знаний», опытно-экспериментальный подход, «образование как путешествие/экспедиция»), которые изменили саму образовательную модель. Эти технологии превратили образование в творческий процесс, сделав его более эффективным.

У читателя может возникнуть вопрос: что инновационного в известной ещё средневековым арабам образовательной методике «путешествие»? Ведь всем известны афоризмы о путешествиях *«кто путешествует, тот познаёт мир»* (арабск.), *«тем, кто познаёт, путешествовать необходимо»* (Марк Твен)... Разумеется, эта педагогическая технология существует в рамках широко распространённых педагогических теорий, носит частный и экспериментальный ха-

рактический, ограничена по масштабу времени действия (экспедиция/путешествие группы студентов, о котором идёт речь в настоящей статье, заняло всего 5 дней), реализовалась только в изменении отдельных частей образовательного процесса конкретных курсов (социальная антропология, этносоциология, культурология). Тем не менее, применение этой технологии позволило осуществить на практике требование, которое предъядвляется к инновационной педагогической технологии – реализовать сразу несколько потенциальных возможностей студентов, а именно: 1) **интегративные** (студенты сплотились как активная, деятельная группа); 2) **интеллектуальные** (оказались мотивированными на решение научно-исследовательских задач); 3) **коммуникативные** (проявили большой интерес в работе на научных конференциях); 4) **социальные** (задумались над вопросами патриотического воспитания: зачем им вместе жить на этой земле и зачем им вместе умирать за эту землю?).

Как организационно-методический инструмент педагогическая технология, «образование как путешествие/ экспедиция», помимо методов и приёмов обучения, включала большой воспитательный компонент, в том числе, компонент патриотического воспитания [7]. Полностью новых и оригинальных идей в области даже инновационной педагогики мало. Большинство новшеств – это расширенные, адаптированные или переформатированные элементы системно-деятельностного, средового, творческого и аксиологического педагогических подходов. Но применение этих новшеств приобретают особую актуальность и эффективно реализуются в определённой среде и в определённые периоды времени. Так, педагогическая технология «путешествия/экспедиции» хорошо зарекомендовала себя в рамках научного студенческого туризма [14]. Студенческий научный туризм – ещё недостаточно развитое направление туристической индустрии в РФ. Наш опыт применения инновационной педагогической технологии «образование как путешествие/ экспедиция» во время студенческого научного тура в Тарногский район Вологодской области в практике патриотического воспитания молодёжи, показал её успешность в силу следующих обстоятельств.

Во-первых, студенческий научный туризм выполняет следующие функции патриотического воспитания студентов: 1) **социальную** (проектирование и формирование личностных патриотических

качеств студентов); 2) **интегративную** (является системообразующей воспитательного процесса и реализуется в туристических практиках как совокупность методических приёмов); 3) **исследовательскую** (регулирует взаимосвязь учебно-познавательной, научно-исследовательской и практической деятельности студента на методологическом уровне); 4) **диагностическую** (обеспечивает студентов информацией для определения перспективы формирования чувства патриотизма); 5) **коммуникативную** (позволяет приобщиться к научным знаниям, принять участие в работе конференций, семинаров, круглых столов, открывает возможности навести мосты научных контактов с выдающимися учеными, сплачивает студентов, укрепляет дружеские отношения, развивает эмпатию).

Во-вторых, во время студенческого научного тура успешно реализуются цели универсальной учебной деятельности: 1) **когнитивной** (студенты получают ответы на вопрос: что мы исследуем? Осуществляют сбор фактического материала, совершенствуют навыки поиска информации. Выявляют и сравнивают научные точки зрения, знакомятся на научных форумах, в которых принимают участие с новыми научными достижениями и новыми теориями, совершенствуют формы представления своих идей на конференциях); 2) **регулятивной** (в экспедиционных условиях ставят цели и задачи собственных исследований, составляют программу своих исследований, учатся оценивать свои силы, организовывать контроль своей полевой научно-исследовательской деятельности); 3) **коммуникативной** (учатся работать в команде, распределять в команде обязанности по осуществлению экспедиционной работы, координировать работу всех членов исследовательского коллектива, оценивать меру вклада в работу каждого из членов команды).

Студенческий научный туризм – это одна из форм научного туризма, который в последнее время, а именно: до пандемии коронавируса, успешно развивался [6; 9]. Студенческий научный туризм [9] имеет три составляющих: 1) **когнитивную**, в процессе воплощения которой демонстрируются природные и антропогенные объекты и экскурсоводами даются им пояснения. Предметами внимания студентов могут быть: природные, историко-культурные объекты, общественный строй посещаемой страны, жизнь и традиции народов; 2) **деятельностную**, которая реали-

зуется, когда туристы принимают участие в научных и сопутствующих работах в качестве вспомогательного персонала. Например, студенты участвуют в реставрационных работах, работах в заповедниках и научных исследованиях. При этом организация маршрута происходит по «кустовому» принципу, когда рядом с основным объектом определяются дополнительные точки, представляющие интерес для исследователей, выбираются местности, обладающие уникальными ресурсами для изучения: разнообразием природных зон, этнокультурным многообразием, наличием уникальных памятников архитектуры, древних исторических комплексов и т.п.; 3) **рекреационную**, которая предполагает отдых для туристов (прогулки, купание, спорт, баня и развлечений вечерние мероприятия и блюда местной кухни).

Модель студенческого научного туризма «работает» по схеме: приглашение участников, их размещение, организация и проведение научного форума, культурная программа, а затем, публикация научных трудов участников форума. Легко заметить, что классический туризм как пассивная форма проведения досуга истончает смыслы мероприятий, которые входят в культурную программу, а организованные экскурсии по ухоженной инфраструктуре достопримечательностей воспринимаются туристами как рутинные и утомительные. В условиях студенческого тура когнитивная (исследовательская) составляющая студенческого научного туризма, т.е. запланированное организаторами поездки экспедиционное научное исследование превращается в поиск решения какой-то важной научной проблемы, открытие чего-то нового или в работу ума по дешифровке скрытых замыслов изучаемого культурного объекта или процесса. И это уже в пассивное и неинтересное потребление приготовленного вышколенным экскурсоводом скучного «интеллектуального блюда», как это принято в программах классического туризма.

В отличие от других видов туризма студенческий научный туризм в России открывает прекрасные перспективы, как для экономики туристической индустрии, так и для туристов, в силу разнообразия туристического опыта (разнообразия направлений и содержательного наполнения экскурсионных программ), которые готовы предложить отечественный туроператор. Перспективная успешность опытов студенческого научного туризма в России определяется наличием разнообразных

туристических объектов (объектов культурного наследения как материального, так и нематериального).

На сегодняшний день разработаны многие отрасли и направления научного туризма. Тем не менее, всё ещё мало разработанным остаётся направление студенческого научного туризма. В тоже время, состояние данной отрасли туризма представляет собой лишь разрозненные инициативы; наблюдается сложность организации и осуществления студенческих научных туров в силу отсутствия транспортной и гостиничной инфраструктур. Между тем, практика показывает, что сегодня наблюдается растущий запрос студенческого сообщества именно на студенческий научный туризм. Так, студенты с интересом приезжают в исторические, геологические, природные или археологические заповедники, посещают музеи или поселения коренных народов России, как с учебной целью, так и для проведения учебной практики.

Результаты исследования и их обсуждение

В октябре 2021 группа студентов РГПУ получила уникальный опыт студенческого научного туризма [1], а именно: совмещения научной туристической поездки и исследовательской практики на Вологодчине. Уникальность этого опыта заключалась в следующем: 1) поездка была организована за счет РГПУ им. А.И. Герцена* и Администрации Маркушевского поселения, а потому была бесплатной для студентов; 2) исследовательские работы студентов ИИСН РГПУ им. А.И. Герцена впервые проводились в Тарногском районе Вологодской области; 3) в научно-туристическую группу попали студенты разных учебных направлений: социологи, обществоведы, религиоведы, краеведы). С 18 октября по 22 октября по приглашению Администрации Маркушевского поселения, Тарногского района Вологодской области группа студентов ИИСН РГПУ побывала на Вологодчине. Поездка носила характер научно-исследовательского тура для студентов и проходила по программе, которая по форме и содержанию совпадает с программой научного тура. Анализ параметров инновационного подхода, воспитывающего патриотизм как высшее социальное чувство у студентов РГПУ им. А.И. Герцена, совершивших этот научный

тур в Тарногский район Вологодской области, не только успешно выполнил цели универсальной учебной деятельности (когнитивную, регулятивную и коммуникативную), но и реализовал функции патриотического воспитания, обозначенные в государственной программе «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации на 2016–2020 годы» (исследовательскую, диагностическую, социальную и коммуникативную).

Например, **коммуникативная** функция студенческого научного туризма, а именно: педагогической технологии воспитания патриотизма как высшего социального чувства реализовалась в участии студентов в работе двух международных конференций: 1) конференции Вологодского регионального отделения РГО «VI Всероссийская научно-практическая конференция «Исследования русского Севера – 2021» 2) конференции РГПУ им. А.И. Герцена «Homo Eurasicus: социальные и культурные перспективы развития сельских районов Русского Севера». На конференциях выступили студенты и руководители студенческой группы. Научные доклады участников студенческого научного тура были прочитаны Администрации Маркушевского поселения, Тарногской район, Вологодская область.

Обработка результатов глубинных интервью, проведенных с респондентами (N = 9), показала, насколько полезной, по мнению студентов, является студенческий научный туризм как форма инновационной образовательной деятельности, воспитывающая патриотическое чувство на групповом (социальном) уровне.

Так, 60% позитивных высказываний участников поездки об их работе на научных конференциях, проходивших в Администрации Маркушевского поселения, связаны с тем, что они испытали опыт общения к научно-просветительной деятельности впервые. Свою работу на этом выездном научном форуме они высоко оценили следующими высказываниями: «... Интересно и важно было для нас увидеть своими глазами, как проходят международные выездные конференции, почувствовать накал интеллектуальных дискуссий...»¹. Именно чувство сопричастности к науке, новизна услышанных научных идей вызвали у них положительные эмоции. Позитивные переживания отодвинули на второй план некоторые негативные ощущения, связан-

* Руководитель студенческого тура и студенты приносят благодарность проректору по образовательной деятельности Писаревой Светлане Анатольевне.

¹ Респондент, Ж. 20 лет // Архив автора, Е.А. Окладникова, СПб., 2021.

ные с непривычными условиями жизни столетнем доме – северном пятистенке, сон на полу, «удобствами» на открытом воздухе, отсутствием стабильной мобильной связи и интернета, осенними холодами и первым снегом: «...Иногда, конечно, оставалось ощущение некоторой неорганизованности в обустройстве нашей сельской жизни, но это такие мелочи!»².

Недоумение и удивление вызвало у 30% студентов небольшое количество слушателей из числа местных жителей в зале заседаний конференции. Студенты РГПУ им. А.И. Герцена привыкли к наполненным слушателями залам, где проходят крупные научные форумы в СПб: «...местных жителей было не больше пяти человек в маленьком актовом зале Администрации Маркушевского поселения. Это выглядело смешотворно, учитывая, что в поселении проживают более 300 человек, а выступления докладчиков, которые приехали из СПб на конференцию, были посвящены, на наш взгляд, важной для именно для местных жителей теме: развитию региона ...»³.

10% респондентов заметили, что в зале отсутствовала местная молодёжь, не было в зале и школьников: «...существенный недостаток организаторов работы конференций – это отсутствие на докладах местной молодежи. Это выглядело очень странно, в докладах было столько важного и интересного именно для подрастающего поколения на селе...»⁴. По мнению респондентов, конференции такого высокого научного уровня должны были быть сенсацией для сельских жителей Тарногского района Вологодской области. Особенно полезной для молодёжи должна была стать проблематика конференций, в которой затрагивались вопросы «проектов будущего», «проективного и когнитивного мышления», рассматривались вопросы развития туристической индустрии как «локомотива» развития сельской местности Нечерноземья.

Вторая функция студенческого научно-туризма как педагогической технологии, воспитывающей патриотическое чувство на групповом (социальном) уровне у студентов РГПУ им. А.И. Герцена – **исследовательская**, реализовалась в процессе сбора экспедиционного материала студентами по трём актуальным для современной социологической науки направлениям,

обозначенным в программе научного тура как «Работа по проектам». Эти проекты получили следующие названия: а) «Свой-чужой»; б) «Социальный ландшафт тарногского района»; в) «Традиция – модернизация – инновация; Руководителем студенческой группы и автором этой статьи перед отъездом из СПб перед студентами была поставлена исследовательская задача. Для выполнения этой задачи студенты были разделены на две группы. Первая группа получила задание работать по проекту под названием «Свой/Чужой: идентификационные культурные коды сельского населения тарногского района Вологодской области», вторая группа – задание по проекту «Традиция/модернизация/инновация: символические маркеры ценностных установок сознания сельского населения тарногского района Вологодской области». Цель работы студентов по первому проекту «Свой/чужой» заключалась в том, чтобы разобраться, каким образом сельские жители Тарногского района маркируют ментальную границу между «Своими», т.е. представителями сельского мира, и «Чужим», т.е. горожанами, гостями, приезжими, в том числе студентами из Санкт-Петербурга. Быстрое и поверхностное знакомство жизнью и картиной мира сельского населения Тарногского района Вологодской области у большинства студентов, привлечённых к работе к первому проекту, создало впечатление размытости такой границы.

У 50% наших респондентов сложилось впечатление, что сельские жители не разделяют людей на «Своих» и «Чужих»: «... Четкого разделения на «Своих» и «Чужих» в повседневном общении с местными я не заметила...»⁵. Однако 33% более наблюдательных и внимательных студентов, работавших по этому проекту, заметили, что: «... местные жители живут определённой своей спаянной узам, как кровного, так и социального родства группой и делают всех людей на «Чужих» и «Своих», ...один из местных предпринимателей сказал нам: «мы – тарногские», у нас своё понимание добра и зла, другое, чем у вас, городских...»⁶.

17% студентов отметили, что позитивной производной от такого категоричного разделения на «Своих» и «Чужих» был их гостевой (туристический) статус. Гостей в сельской среде Русского Севера издавна, по вековой традиции старались принять с радушием и сочувствием. Может именно

² Р-т. М. 18 лет // Архив автора, Е.А. Окладникова, СПб., 2021.

³ Р-т. Ж. 20 лет // Архив автора, Е.А. Окладникова, СПб., 2021.

⁴ Р-т. Ж. 19 лет // Архив автора, Е.А. Окладникова, СПб., 2021.

⁵ Р-т. Ж. 19 лет // Архив автора, Е.А. Окладникова, СПб., 2021.

⁶ Р-т. М. 19 лет // Архив автора, Е.А. Окладникова, СПб., 2021.

поэтому, у студентов сложилось такое ощущение, что: «...с деревенскими жителями, в какой-то степени, проще разговаривать, чем с городскими...»⁷.

Цель работы студентов по второму проекту «Традиция/модернизация/инновация: символические маркёры ценностных установок сознания сельского населения тарногского района Вологодской области» заключалась в выявлении и описании тех символических маркёров в повседневной жизни сельского населения Тарногского района Вологодской области, которые указывали на наличие пережитков традиции, выявляли моменты модернизации и открывали для сельского населения пространство будущего, а именно: описывали образ будущего, каким его мыслили сельские жители Тарногского района.

67% наших респондентов-студентов, включенных в работу по этому проекту, к числу маркеров традиционного мировосприятия сельского населения Тарногского района отнесли заповедную природу, бережно охраняемую северорусским крестьянским сознанием, представлением о включенности сельского человека в симбиотическое отношение «Природа–Человек–Природа». Студенты РГПУ им. А.И. Герцена – настоящие городские жители, редко выезжающие за пределы города, в этой поездке побывали на природе, ощутили масштаб простора земли Русского севера и вдохнули по-настоящему свежего воздуха северных лесов и полей, охарактеризовали этот природный символический маркёр словами: «...тишина и спокойствие, близкие небеса...»⁸. Многие маркёры пережитков традиционного сельского быта студенты зафиксировали как негативные: «...отсутствие привычного теплого «ватерклозета», наша жизнь проходила в плохо отапливаемом помещении (из-за того, что печка топилась хозяйкой только раз в день), сон на полу в просторном помещении вокруг печки, и много другое, конечно, оставили глубокий отпечаток в нашей памяти об этой поездке надолго. Но это было интересно, экстремально и поучительно...»⁹. Маркером модернизации для наблюдательных студентов стало с годами растущее число обновленных сайдингом домов в д. Заречье и в Маркушевском поселении: «...там не много разваливающихся старых, столетних северных до-

мов, сложенных из огромных брёвен, в жилых домах у многих есть бытовая техника, бойлеры..., сельские жители потихонечку модернизируют свой быт, условия своего постоянного проживания...»¹⁰.

Сложности вызвал у студентов ответ на вопрос об инновационной деятельности сельских жителей. 13% студентов, работавших над этим проектом, не смогли выявить, не только инноваций, но и вообще каких-то «образов» или «проектов» будущего, как компонентов картины мира современного сельского населения Тарногского района Вологодской области. Более того, студенты отметили полное отсутствие желания у жителей села задумываться над проектами будущего развития своего села. Стратегическое мышление, позволяющее строить «модели будущего» их родного села, оказалось чуждым сельскому менталитету сегодня. Попытка докладчиков на конференции «Homo Eurasicus: социальные и культурные перспективы развития сельских районов Русского Севера» познакомиться слушателей из числа местных жителей, хотя бы с «Форсайтом образования – 2015–2035», вызвала у них полное эмоциональное и интеллектуальное отторжение. Даже у представителей местной Администрации проявилось негативное отношение к идее доклада, в котором упоминался такой документ, как «Форсайт образования 2025–2035»: «Всё это фантастика какая-то. А нам нужно корма на зиму заготавливать...»¹¹.

Третья функция, студенческого научного туризма как педагогической технологии, воспитывающей патриотическое чувство на групповом (социальном) уровне у студентов РГПУ им. А.И. Герцена – **диагностическая**, была воплощена культурной программой, которая включала посещение краеведческих музеев Тарногского района и знакомство со строящейся туристической инфраструктурой вокруг местных достопримечательностей: родника прп. Агапита, объектов фермерской деятельности Маркушевского поселения («Рыбозаводом» и фермой по разведению маралов для нужд туристического охотхозяйства в Вологде). Важной частью этой культурной программы стала экскурсия на знаменитый «Тарногский маслозавод». На завершающем этапе культурная программа включила посещение уникального памятника архитектуры Русского Севера – Софийского собора в г. Вологда.

⁷ Р-т, Ж. 20 лет // Архив автора, Е.А. Окладникова, СПб., 2021.

⁸ Р-т, Ж. 19 лет // Архив автора, Е.А. Окладникова, СПб., 2021.

⁹ Р-т, Ж. 19 лет // Архив автора, Е.А. Окладникова, СПб., 2021.

¹⁰ Р-т, Ж. 25 лет // Архив автора, Е.А. Окладникова, СПб., 2021.

¹¹ Р-т, М. 64 года // Архив автора, Е.А. Окладникова, СПб., 2021.

Экскурсию для студентов провёл выдающийся вологодский археолог И.Ф. Никитинский. Кроме того, студенты побывали в музее-заповеднике деревянного зодчества Русского Севера под открытым небом в д. Семеново.

У 67% студентов мнение о содержании, методах реализации и организации культурной программы, организованной принимающей стороной – Администрацией Маркушевского поселения Тарногского района Вологодской области, и лично главой поселения – Виктором Александровичем Гребенщиковым, оказалось весьма позитивным: «...Культурная программа была просто великолепной! Она была вся пронизана теплыми чувствами в отношении нас, студенты из далекого Питера. Мы на своей шкуре почувствовали в этой культурной программе «работу» традиционной для сельского населения Тарногского района психологической установки на радушный приём гостей ...»¹². Студенты высоко оценили факт наличия в сельской местности нескольких районных краеведческих музеев, прекрасно укомплектованных уникальными этнографическими экспонатами. Приятно удивила студентов осведомлённость экскурсоводов – сельских жителей о функции, исторической значимости и истории приобретения музейных артефактов: «...Работники музеев хорошо знают историю сельской местности, места происхождения музейных экспонатов, имена собирателей этнографических коллекций, чувствуется, что они очень любят свою деревню...»¹³.

Сильное положительное впечатление на 27% студентов произвели глубокие знания экскурсоводов: «...наш экскурсовод в краеведческом музее Маркушевского поселения встретила нас в местной, традиционной северо-русской одежде: в традиционной «зырянке» – северо-русском сарафане покроя XVII века, на голове у неё была «борушка»^{**}, а на талии у неё была повязана знаменитая северо-русская узорная опояска, декорированная яркими орнаментами»¹⁴.

Студенты были удивлены тем, что всё, даже самые ценные экспонаты, находятся в экспозиции в открытом доступе, их можно «...потрогать руками», а в витринах отсутствует сигнализация. 9% студентов обратили внимание на то, что большинство экспонатов даже не имеют музейных номеров, что явно свидетельствовало о недостаточной изученности музейного фонда: «... экспонаты «не переписаны», не атрибутированы должным образом, не все артефакты на экспозиции оценены по своему научному значению»¹⁵.

Четвёртая важная функция студенческого научного туризма как педагогической технологии, воспитывающей патриотическое чувство на групповом (социальном) уровне у студентов РГПУ им. А.И. Герцена, совершивших научный тур в Тарногский район Вологодской – социальная, нашла воплощение в двух волонтерских проектах. Первым таким проектом стала реорганизация сада в д. Андреевская, а вторым – посадка аллеи клёнов им. РГПУ у родника прп. Агапита в Маркушевском поселении.

Наиболее ярко эта функция проявилась в волонтерской деятельности студентов во время научного тура. Волонтерская работа студентов – участников научного студенческого тура в Тарногский район Вологодской области была намерено включена в программу тура организаторами поездки ещё в Санкт-Петербурге. В итоге оказалось, что работа на пользу сельского сообщества Тарногского района Вологодской области, в контексте программы студенческого научного туризма – это мощный воспитательный фактор. Это подтвердили 64% позитивных высказываний наших респондентов относительно их волонтерской деятельности. Волонтерская работа студентов включала: помощь представителям принимающей стороны, в частности, помощь по хозяйству хозяйке дома, в котором студенты жили, разбор огромной поленницы около её дома, что облегчило и упрочило подготовку её жилища к зимнему сезону, высадка аллеи имени Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена, обустройство деревенского сада в д. Андреевская. 72% студентов отметили, что совместный труд на открытом воздухе сплотил студентов в единый, ориентированный на созидание, коллектив: «...Любая деятельность, которая осуществлялась во вре-

¹² Р-т. Ж. 25 лет // Архив автора, Е.А. Окладникова, СПб., 2021.

¹³ Р-т. М. 18 лет // Архив автора, Е.А. Окладникова, СПб., 2021.

* Зырянка – женский сарафан с простроченной кокеткой, распространённый по всему Русскому северу и Большому Поморью.

** Борушка – головной убор замужней женщины, распространённый среди крестьянского населения русского Севера вплоть до конца XIX века.

*** Ярга – свастический символ старорусского орнамента.

¹⁴ Р-т. Ж. 30 лет // Архив автора, Е.А. Окладникова, СПб., 2021.

¹⁵ Р-т. Ж. 21 год // Архив автора, Е.А. Окладникова, СПб., 2021.

118 | *мя поездки всей нашей командой, делала наш студенческий коллектив едим целым, создавала условия для совместных позитивных переживаний...»¹⁶.*

Студенты – участники научного тура до выезда из Петербурга, едва были знакомы друг с другом, т.к. учились, хотя и в одном Институте истории и социальных наук, но на разных кафедрах. Совместная волонтерская работа на благо принимающей стороны – сельских жителей способствовала раскрытию креативных способностей студентов: «...В сельской местности Тарногского района Вологодской области во время нашего студенческого научного тура каждый смог найти себе дело, но это было полезное для сообщества дело, т.е. наше общее дело!»¹⁷. Кроме того, студенты во время совместной работы в пользу сельских жителей испытали массу позитивных эмоций: «...всё, что мы делали для села, укрепляло в нас чувство своей полезности этим простым, добрым, отзывчивым и веселым людям – нашим сельским хозяевам... Нам было приятно делать добрые дела для них»¹⁸.

14% студентов выразили сожаление, что представители принимающей стороны проявляли к ним, городским, излишнее чувство жалости, старались оградить от труда по дому или от работы в дождливую, холодную погоду под первым снегом на улице: «...Мы чувствовали стремление хозяев оградить нас от работы и пожалеть, а зря! Нам так нравилось работать вместе! А главное, нравились быть полезными этим добрым людям...»¹⁹.

14% студентов высказали опасение в том, что волонтерство в том смысле, в котором население современного города понимает этот вид общественной работы, не получит распространения в сельской местности Тарногского района Вологодской области в будущем. В деревне испокон века люди исповедовали ценность «взаимопомощи». В традиционном сельском северо-русском понимании «взаимопомощь» реализовалась как обычай «помочи», т.е. совестной помощи в строительстве дома, рыбной ловле, раскорчевке земельного участка или уборке урожая. Когда всем сельским миром (миром) за неделю совместной работы возводили соседу дом или за день убирали поле, односель-

чане полагали, что: «Сегодня я тебе помогу, а завтра – ты мне»²⁰. На таком понимании строилась система взаимоотношений в деревенской общине. Понимание волонтерской деятельности среди городского населения другое, оно основано на более абстрактной идее «за всё хорошее, против всего плохого», чтобы «сделать этот мир лучше», «наладить связи для будущей карьеры» и даже «подработать» вложив в эту работу свой труд.

Заключение

Подводя итог, можно сделать следующие заключительные замечания. Согласно государственной программе «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации на 2016–2020 годы», современный образовательный стандарт высшей школы включает не только предметное обучение, но и патриотическую воспитательную работу. Как показала педагогическая практика, можно сколь угодно много рассказывать на лекциях о том, что лучше жить дружно, чем ссориться, помогать ближнему, а не конкурировать с ним, как полезно, важно и нужно изучать традиционную культуру, включая культуру русского населения Севера РФ и т.п., но это не затронет душу студента. Совершенно иные возможности открывают перед нами функции студенческого научного туризма как педагогической технологии, воспитывающей патриотическое чувство на групповом (социальном) уровне.

На **коммуникативном** уровне студенческий научный туризм открывает перед молодыми людьми возможности не только приобщаться к новым научным достижениям, но и попробовать свои интеллектуальные силы (выступить с сообщением на научном форуме, почувствовать значимость современной науки, испытать одно из важных патриотических переживаний, а именно: почувствовать гордость за научные свершения российских ученых). На **исследовательском** уровне студенческий научный туризм оказывает сильное позитивное влияние на воспитание у студентов таких патриотических чувств, как уважение к сельским жителям – носителям традиционной культуры, например, культуры Русского Севера, зарождение глубокого интереса к объектам их научного исследования: традиционным ремеслам, мифологии, обрядам и ритуальным практикам. Например, знакомство с миром мифологии, ска-

¹⁶ Р-т. Ж. 25 лет // Архив автора, Е.А. Окладникова, СПб., 2021.

¹⁷ Р-т. М. 19 лет // Архив автора, Е.А. Окладникова, СПб., 2021.

¹⁸ Р-т. Ж. 19 лет // Архив автора, Е.А. Окладникова, СПб., 2021.

¹⁹ Р-т. Ж. 19 лет // Архив автора, Е.А. Окладникова, СПб., 2021.

²⁰ Р-т. М. 50 лет // Архив автора, Е.А. Окладникова, СПб., 2021.

зочной традиции и легенд, сохранных в среде сельского населения Русского Севера, делает молодого исследователя частью этого мира. Этнографы и фольклористы знают, что исследователь, увлеченный легендой изучаемого им народа, становится со временем частью этой легенды.

На **диагностическом** уровне студенческий научный туризм является, по мнению студентов РГПУ им. А.И. Герцена, мощным источником воспитания их патриотического чувства на социальном уровне в силу того позитивного влияния, которое культурная программа тура на них оказала, а насыщенность этой культурной программы, по мнению студентов, «просто зашкаливала»²¹.

Но, пожалуй, судя по ответам наших респондентов-студентов РГПУ им. А.И. Герцена, совершивших этот студенческий научный тур в Тарногский район Вологодской области осенью 2021 года, самое серьезное влияние на них оказала **социальная** функция патриотической воспитательной деятельности, а именно: волонтерская.

Волонтерская деятельность, как может показаться на первый взгляд, никакого отношения к студенческому туризму иметь не должна. Даже в силу того, что волонтер – это человек, мотивированный на созидательную работу во имя «Других», а турист – это, согласно замечанию Марка Твена, – это человек равнодушный, не ориентированный на заинтересованное отношение к окружающей его реальности, волонтерство никоим образом не может быть включено в программы студенческого туризма. Но, как оказалось, именно в волонтерской работе студентов наиболее ярко проявился тот добавленный организаторами тура элемент новации, который делает педагогическую технологию «путешествие/ экспедиция» инновационной. Волонтерская деятельность студентов выявила важную сущность любой экспедиции – установку на сотрудничество. Труд студентов в качестве волонтеров не просто сплотил студентов, он позволил им проявить свои лучшие человеческие качества: умение поддержать другого в трудную минуту, а главное, научиться созидательной совместной работе в пользу «Других». Волонтерская работа позволила студентам почувствовать себя ответственными за благосостояние жителей села далёкого от Санкт-Петербурга региона Русского Севера, ставшего им родным за время этого

студенческого научного тура: «*Да, потаскали мы дрова под снегом и дождём, друг другу помогли, работали слаженно: девочки накладывали тяжёлые, мокрые, грубо поколотые поленья в ржавую тачку, а мальчики отвозили к поленнице, аккуратно складывали штабелями. Но сколько радости мы увидели в глазах нашей хозяйки, когда усталые зашли в избу после работы! Мы тогда почувствовали, насколько нам не хватало в городе добродушного искреннего отношения людей друг к другу. Это был не просто физический труд, мы поняли – это был труд нашей души по осознанию того, насколько мы едины, и что земля эта, на которой стоит эта столетняя изба – наша!*»²².

Как в жизнедеятельности любой группы, так и в студенческом коллективе РГПУ им. А.И. Герцена, несмотря на кратковременность экспедиции, сложились свои повседневные ритуалы, во многом детерминированные программой студенческого научного тура. Каждый вечер, после ужина члены группы и научные руководители подводили итоги дня: каждый студент высказывал свои соображения по поводу того, что ему удалось узнать нового, какой исследовательский вопрос решить, с какой проблемой столкнуться. Обмен мнениями об уважительном отношении к истории, о любви к Родине, уважении к культуре Малой Родины представителей принимающей стороны, об отношении к предкам семье в городе и в деревне, о труде и досуге в городе и на селе, о различии в отношении к природе у городского и сельского населения с каждым днём становился всё более оживленным. Внимательно слушая высказывания студентов, мы заметили, что наиболее оживленные дискуссии касались ответа на вопрос: зачем им вместе жить на этой земле и зачем им вместе на ней умирать. Обобщая мнения студентов по этому вопросу, можно уверенно сказать, что совместный волонтерский труд, участие в конференциях, научно-исследовательская работа, интеллектуальная культурная программа дали на него ответ: «*Мы поняли за эти дни, что мы – одна большая семья, узлы которой определяются даже не социальным, а родством душевным. Живём мы с нашими хозяевами – простыми сельскими тружениками, на одной прекрасной земле. Погрузившись в заповедный мир культуры северного русского села, мы получили “прививку” того чувства, для описания которого более всего подходит слово “патриотизм”*»²³.

²¹ Р-т. Ж., 19 лет // Архив автора, Е.А. Окладникова, СПб., 2021

²² Р-т. Ж., 20 лет // Архив автора, Е.А. Окладникова, СПб., 2021

²³ Р-т. Ж., 19 лет // Архив автора, Е.А. Окладникова, СПб., 2021

- [1] Батина С.И. Организация и развитие международного студенческого туризма. – Саратов, 2020. – Интернет-ресурс. Режим доступа: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_44377236_29716012.pdf (17.01.2022)
- [2] Биржаков М.Б. Введение в туризм. – СПб.: Герда, 2000. – 192 с.
- [3] Биржаков М.Б., Никифоров В.И. Индустрия туризма: перевозки. – СПб.: Герда, 2007. – 528 с.
- [4] Ванюшкина Л.М. Внеаудиторное образование путь в новое образовательное пространство. – СПб.: Астерион, 2003. – 224 с.
- [5] Величина А.В. Туризм Вологодской области: основные тенденции развития // Экономика и менеджмент инновационных технологий. – 2014, № 4. – Интернет-ресурс. Режим доступа: <https://ekonomika.snauka.ru/2014/04/4786> (10.01.2022)
- [6] Герасименко Т.И., Родоман Б.Б. Российский научный туризм: проблемы и перспективы (на примере гималайско-тибетских и алжирских исследований) // Проза.ру. – Интернет-ресурс. Режим доступа: <https://proza.ru/2019/11/03/445> (17.01.2022)
- [7] Дерижан И, Вальчев Г. Особенности методики обучения современной студенческой аудитории // Ежегодник Бургасского свободного университета. – Бургас: БРУ, 2015. – 165 с.
- [8] Ковалёва Т.М. Образовательное путешествие как педагогическая технология в работе современного учителя // Преподаватель XXI века. – 2014, № 1–4. – С. 171–179.
- [9] Квартальнов В.А. Современные особенности туризма как метода научного познания и исследований // Теория и практика физической культуры. – 2002, № 11. – С. 13–17.
- [10] Коробкова Е.Н. Путешествие как образовательный метод // Народное образование. – 2015, № 3. – С. 181–187.
- [11] Научный туризм // О туризме. инфо. – Интернет-ресурс. Режим доступа: <https://oturizme.info/nauchnyj-turizm/> (15.01.2022)
- [12] Никонова Т.В., Ключева Г.А. «Образовательное путешествие» как инновационная технология профессиональной ориентации школьников // Научно-методический электронный журнал «Концепт». – 2018, № 10. – Интернет-ресурс. Режим доступа: <http://e-koncept.ru/2018/186093.htm>
- [13] Нуссбаум М. Патриотизм и космополитизм // Логос. – 2006, № 2. – С. 110–119.
- [14] Преподавание и обучение для устойчивого будущего: применение инновационных методов // ЮНЕСКО. – 2016. – Интернет-ресурс. Режим доступа: http://www.unesco.org/education/tlsf/mods/theme_d.html (02.12.2016)
- [15] Санина А. Г. Патриотизм и патриотическое воспитание в современной России // Социологические исследования. – 2016, № 5. – С. 44–53.
- [16] Татарова Г.Г. Методология анализа данных в социологии / 2-е изд. – М.: NOTA BENE, 1999. – 180 с.
- [17] Татарова Г.Г. Методология анализа данных в социологии. – М.: Изд-во МГУ, 1999. – 240 с.
- [18] Фролова М.Е., Худова Р.В. Модель организации патриотического воспитания студентов высшего учебного заведения // Международный студенческий научный вестник. – 2016, № 5 (часть 2). – С. 248–252.
- [19] Холодилина Ю.Е. Теоретические аспекты развития научного туризма в регионе // Вестник ОГУ. – 2011, № 13 (132). – С. 115–27.
- [20] Чем дышит молодёжь: около 300 специалистов обсудили тренды. Проблемы и перспективы патриотического воспитания. – Интернет-ресурс. Режим доступа: <https://4s-info.ru/2021/11/24/chem-dyshit-molodezh-okolo-300-spetsialistov-obsudili-trendy-problemy-i-perspektivy-patrioticheskogo-vozpitanija/> (17.01.2022)
- [21] MacIntyre A. Is Patriotism a Virtue? // Patriotism / Primoratz I. (ed.). – Amherst: Humanity Books, 2002. – P. 43–58.

МУЗЫКАЛЬНО-КОМПЬЮТЕРНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ И САУНД-ДИЗАЙН: О ВОСТРЕБОВАННОСТИ СПЕЦИАЛИСТА НОВОГО ПРОФИЛЯ

Исследуется проблема востребованности в пространстве медиакультуры современного специалиста в области работы со звуком. Рассматривается само понятие «саунд-дизайнер», а звуковой дизайн – как особая творческая деятельность. Поднимается проблема формирования в вузе специалиста нового типа, владеющего компетенциями композитора, аранжировщика, музыканта-исполнителя (инструменталиста, мультиинструменталиста), артиста, диджея, звукорежиссера, саунд-дизайнера. Главной спецификой подготовки саунд-дизайнера в вузе является необходимость совмещения как творческого, так и технического начал. Описывается новая образовательная программа магистратуры «Цифровые технологии в музыке и саунд-дизайне» РГПУ им. А.И. Герцена.

Ключевые слова:

дизайнер звука, магистратура, медиакультура, музыкально-компьютерные технологии, медиахудожественное творчество, саунд-дизайнер, саунд-дизайн.

Мезенцева С.В. Музыкально-компьютерные технологии и саунд-дизайн: о востребованности специалиста нового профиля // Общество. Среда. Развитие. – 2022, № 1. – С. 121–124. – DOI 10.53115/19975996_2022_01_121-124

© Мезенцева Светлана Владимировна – кандидат искусствоведения, доцент, старший научный сотрудник, Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена, Санкт-Петербург; e-mail: mezenцева-sv@yandex.ru

Стремительное развитие музыкально-компьютерных технологий (термин, введённый в отечественную музыкальную и науку и педагогику современного российского и зарубежного музыкального образования учёными и преподавателями учебно-методической лаборатории «Музыкально-компьютерные технологии» Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена под руководством профессора И.Б. Горбуновой [2], далее – МКТ) и медиакультуры привело к востребованности и острой нехватке специалистов нового типа, владеющими знаниями, умениями и навыками в нескольких смежных областях – музыкальной композиции, аранжировке, музыкальном исполнительстве, звукорежиссуре, звуковом постпродакшне и медиахудожественном творчестве в целом.

Цель настоящей работы – осмысление проблемы формирования современного специалиста и его востребованности в области работы со звуком в пространстве медиакультуры и определение понятий, соответствующих этому новому гуманитарно-технологическому направлению.

Обзор исследований

Постепенно меняется отношение к собственно окружающему звучанию и его осмыслению. Так, например, М.В. Бысько интересно замечает, что «в области художественного творчества, связанного прежде всего с медиазвуком, необходимо

специальное направление в науке, изучающее шум как созидательную художественную категорию. Шумы стали важным феноменом медиакультуры, и после театра и концертной сцены этот «выход» шумов в искусство намного более массовый» [1]. Новое направление в науке исследователь предлагает назвать «шумология». Меняются и сами приемы звукообразования, звукоизвлечения и собственно музыкальные инструменты, музыкально-компьютерные технологии и их функции [3; 6; 9].

Однако исследователи отмечают, что «до сих пор среди специалистов-практиков и исследователей-теоретиков нет единого мнения, что же представляет собой звуковой дизайн как особая творческая деятельность, как специфический подход к созданию звуковых произведений и продуктов. Сложности вызывает и то, что звуковой дизайн используется в разных сферах, начиная с радио и кинематографа, композиторского творчества и заканчивая рекламной деятельностью (например, в сфере брэндинга и промо-акций). И в каждой области саунд-дизайн обладает своими особенностями, имеет свои специфические задачи» [7].

Определение понятий

Для этого нового специалиста пока нет единого определения: среди последних, например, «саунд-дизайнер», «дизайнер звука» (от англ. sound design), которое наиболее адекватно определяет требования к про-

фессионалу в области современного звука. И все-таки оно неполно отражает сферы возможной профессиональной деятельности. Да, кто-то будет создавать только звук к компьютерным играм, кто-то работать со звуком в кино и пр., т.е. будет более узко направлен. Здесь необходимо знание секвенсоров, процесс микширования звука, знание звуковых плагинов (VST) и т. п. Но хотелось бы отметить уникальных специалистов, которые формируются в наши по влиянием современных тенденций как *мультиспециалисты*. Например, Рома Бромич – музыкант-мультиинструменталист, артист, диджей; занимается созданием музыки и саунд-дизайна для спектаклей, ивентов и шоу¹. В частности, в постановке спектакля «Игрок» Большого драматического театра им. Г.А. Товстоногова (Санкт-Петербург) Рома Бромич участвовал как звукорежиссер, ди-джей, музыкант-исполнитель [8]. Это, действительно, пример уникального сочетания качеств, присущих артисту в широком смысле и звукорежиссеру, когда он способен и работать на месте звукорежиссера, а в нужный момент выйти на сцену и исполнить свою роль, продемонстрировать свое мастерство музыканта-исполнителя (в данном спектакле на электрогитаре), ди-джея и саунд-дизайнера.

Roma Bromich – live (cut version) из спектакля «Игрок» (Большой Драматический Театр им. Г.А. Товстоногова)

Как зрителю этой уникальной постановки, посвященной 40-летию творческой деятельности в БДТ народной артистки

¹ Высшее музыкальное образование (Нижегородская Государственная Консерватория им. Глинки (2001-2006 гг.). Работал в разных театрах и театральных проектах Санкт-Петербурга и Москвы (БДТ, Makers Lab, Cont Art, театр им. Ермоловой и др.). Выступал как артист на известных площадках Санкт-Петербурга, Москвы и других городов России (Александринский театр, БДТ и др.). Как композитор, саунд-дизайнер и звукорежиссер участвовал в создании и выпустил более 40 спектаклей, мюзиклов, шоу и театрализованных представлений. Электронный ресурс. – Режим доступа: <https://amfoundation.ru/participants/roman-bromich/>. Работает в Санкт-Петербурге и Москве.

России Светланы Крючковой, хочется отметить, что работа Ромы Бромича была встречена ничуть с не меньшим восторгом, чем работа великолепной «виновницы торжества».

Это специалист нового типа по созданию и воспроизведению звука; новый участник иммерсивного театра, создающий (зачастую в режиме реального времени, импровизационно) уникальный звук для раскрытия драматургии, режиссерского замысла произведения. Саунд-дизайн сегодня признается одним из самых гибких и перспективных художественных средств звукового решения в мультимедиа: от микширования и преобразования существующих тембров и звуков до создания новых звуков, тембров, красок, и «вплетения» их в природный акустический мир, создания нового семантического пространства музыки [5].

ROMA BROMICH – STONES (Live in Koh Phangan). This is the first video from the series “Made in Koh Phangan”

Как руководителю вузовских образовательных программ, связанных с саунд-дизайном, хочется выделить важность перестройки подготовки специалистов в современном образовательном пространстве [10]. Ввиду неустоявшихся понятий и определений, пока будем условно и в очень широком смысле называть такого специалиста *саунд-дизайнером*, имея в виду создание и воплощение художественного звукового контента. Главной спецификой подготовки саунд-дизайнера является необходимость совмещения как творческого, так и технического начал. Так, в Российском государственном педагогическом университете им. А.И. Герцена (РГПУ) в 2022 году начинается подготовка в магистратуре по профилю подготовки «*Цифровые технологии в музыке и саунд-дизайне*» в рамках направления подготовки 09.04.02 «Информационные системы и технологии». Имея огромный опыт подготовки специалистов в области МКТ, учебно-методическая лаборатория «Музыкально-компьютерные технологии» РГПУ им. А.И. Герцена (<https://www.herzen>

spb.ru/main/structure/centers/uml/) под руководством доктора педагогической наук, профессора И.Б. Горбуновой на протяжении 20 лет консолидирует ведущие разработки в этой области и готова реализовать подготовку специалистов нового типа.

Перечень основных объектов профессиональной деятельности выпускников предлагаемого профиля подготовки в РГПУ: информационные процессы, музыкально-компьютерные технологии, их инструментальное (программное, техническое, организационное) обеспечение; способы и методы проектирования, отладки и эксплуатации цифровых технологий в музыке и саунд-дизайне, в том числе:

- музыкально-компьютерное профессиональное программно-аппаратное обеспечение (общего и прикладного характера);

- проекты в области информационных технологий в музыке;

- техническая документация информационно-методического и маркетингового назначения в сфере информационных технологий в музыке и саунд-дизайне.

- методы и средства разработки интерфейсной части информационных систем в области звукотембрального программирования.

Образовательная программа новая, составлена с учетом потребностей рынка труда в квалифицированных специалистах в области цифровых технологий в музыке и саунд-дизайне. Магистр готовится к решению задач научно-исследовательской, организационно-управленческой и проектной деятельности. Содержательные части программ охватывают широкий круг современных проблем информационных технологий в музыке и саунд-дизайне, подразумевающие хорошее владение навыками в области звуковой техники и технологии. Саунд-дизайнер должен объединять в себе как творческого, так и технического работника, должен хорошо разбираться в драматургии и режиссуре аудиовизуального продукта, в актерском мастерстве и точно чувствовать взаимосвязь сценического, экранного действия и звукового сопровождения. Стандарты работы со звуком растут повсеместно. В компетенцию специалиста по звуковому дизайну также входят знание и понимание особенностей рынка аудиовизуальной индустрии, психологии восприятия экранной продукции, профессиональное чутье и коммуникабельность. Весь этот спектр включает подготовка по данному

профилю. Профессиональная деятельность саунд-дизайнера состоит из разных этапов и подразумевает тесный контакт с другими членами коллектива (например, съемочного). Он должен осваивать сценарий, режиссерский замысел, создавать и воплощать творческую концепцию звукового дизайна.

Для этого образовательной программой предусмотрено проведение большого количества практик, в том числе учебной, научно-исследовательской, проектно-технологической, преддипломной, предоставляя возможность формировать практические навыки магистрантов с ориентацией на широкий спектр профессиональной деятельности. При реализации программы обучающиеся готовятся к самостоятельному решению задач в области цифровых технологий в музыке и саунд-дизайна, к видам профессиональной деятельности, которые соответствуют потребностям рынка труда и потребностям экономики региона, способных к решению задач научно-исследовательской, организационно-управленческой и проектной деятельности, способных развивать потенциал цифровых технологии в музыке и саунд-дизайне.

Выводы

Сегодня чрезвычайно высока востребованность специалиста нового профиля, связанного с музыкально-компьютерными технологиями, саунд-дизайном в современном художественном пространстве медиакультуры. Он должен быть способен решать самые разные художественные задачи, адекватно совмещая творческое и техническое начала, интегрировать ресурсы для решения вопросов прогрессивного применения информационных технологий в музыке. В настоящее время наиболее востребованными на рынке труда являются профессионалы в области информационных технологий во всех областях, и потребность в таких кадрах постоянно растет. Учитывая постоянное развитие этой сферы, спрос на специалистов, связанных со все более развивающимися цифровыми технологиями, будет увеличиваться. Одной из задач современного образования должна стать поддержка формирования уникального специалиста владеющего современными компетенциями, способностью применения в профессиональной деятельности музыкально-компьютерных технологий в области работы со звуком, знаниями, умениями и навыками в нескольких смежных областях медиахудожественного творчества.

- [1] Бысько М.В. Шумология // Медиамузыка. 2014, № 3. – Интернет-ресурс. Режим доступа: http://mediamusical-journal.com/Issues/3_6.html
- [2] Горбунова И.Б. Музыкально-компьютерные технологии как новая обучающая и творческая среда // Современное музыкальное образование-2002: материалы Международной научно-практической конференции. Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена, Санкт-Петербургская государственная консерватория им. Н.А. Римского-Корсакова / Под общ. ред. И.Б. Горбуновой. – СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2002. – С. 161–169.
- [3] Горбунова, И.Б., Давлетова, К.Б., Мезенцева С.В. Музыкальные инструменты цифровой эпохи. – СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2021. – 216 с.
- [4] Горбунова И.Б., Мезенцева С.В. О разработке российского электронного музыкального синтезатора с тембрами традиционных музыкальных инструментов народов России и мира // Общество: философия, история, культура, – 2021, № 4. – С. 96–100.
- [5] Горбунова И.Б., Мезенцева С.В. О роли секвенсора в формировании комплексной модели семантического пространства музыки // Общество. Среда. Развитие. – 2021, № 1. – С. 51–55.
- [6] Горбунова И.Б., Мезенцева С.В. Цифровой компьютерный постфольклоризм: к проблеме характеристики явления // Медиамузыка. – 2021, № 12. – Интернет-ресурс. Режим доступа: http://mediamusical-journal.com/Issues/12_3.html
- [7] Деникин А.А. Профессия – дизайнер звука // ProSound.iXBT.com. – Интернет-ресурс. Режим доступа: <http://prosound.ixbt.com/education/sound-design.shtml>
- [8] Игрок. Сцены из романа Ф.М. Достоевского // БДТ им. Г.А. Товстоногова. – Интернет-ресурс. Режим доступа: <https://bdt.spb.ru/%D1%81%D0%BF%D0%B5%D0%BA%D1%82%D0%B0%D0%BA%D0%BB%D0%B8/%D0%B8%D0%B3%D1%80%D0%BE%D0%BA/>
- [9] Мезенцева, С.В. Музыкально-компьютерные технологии в современной культуре (к проблеме классификации) // Общество. Среда. Развитие. – 2020, № 4. – С. 26–30.
- [10] Мезенцева, С.В. Об инструментах расширения информационного пространства творческого вуза // Проблемы музыкальной науки / Music Scholarship. – 2020, № 3. – С. 182–191.
- [11] Чернышов А.В. Саунд-мастер: блокбастер // Шоу-мастер. – 2007, № 3. – С. 104–108.
- [12] Alieva I.G., Gorbunova I.B., Mezentseva S.V. Music Computer Technologies as a Worth-While Means of Folklore Studying, Preserving and Transmission // Utopia y Praxis Latinoamericana. Vol. 24. – 2019, № Extra. – P. 118–131.
- [13] Gorbunova I.B., Plotnikov K.J., Heiner H. Music Computer Technologies as an Integrative Networking Educational Environment // REVISTA PRAXIS EDUCACIONAL. Vol. 16. – 2020, № 37. – P. 483–495.
- [14] Gorbunova I.B., Zalivadny M.S., Tovpich I.O. On the Application of Models of the Semantic Space of Music in the Integrative Analysis of Musical Works and Music Education with Music Computer Technologies // APUNTES UNIVERSITARIOS. Vol. 10. – 2020, № 4. – P. 13–23.

УДК 551.89
ББК 26

О.А. Дружинина

ПАЛЕОЛИМНОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В ЮГО-ВОСТОЧНОЙ ПРИБАЛТИКЕ (КАЛИНИНГРАДСКАЯ ОБЛАСТЬ) В 2010–2020 гг.: НОВЫЕ ДАННЫЕ О ПРИРОДНОЙ СРЕДЕ ПОЗДНЕГО ПЛЕЙСТОЦЕНА И ГОЛОЦЕНА

Представлены результаты первого десятилетия (2010–2020 гг.) целенаправленных палеолимнологических работ в Калининградской области. Комплексный анализ, включающий литологический, геохронологический, палинологический, диатомовый, хиროномидный, геохимический, палеомагнитный и палеоизотопный методы, позволил получить результаты, детализирующие динамику природных условий юго-восточной Прибалтики за последние 16 тыс. лет. В ходе научных работ впервые для региона выполнены палеоклиматические реконструкции для конца плейстоцена – начала голоцена, представлена детальная картина динамики растительного покрова, получены сведения о важнейших геохимических процессах, происходивших в водоемах и на окружающих территориях в позднеледниковое и голоценовое время.

Ключевые слова:

Калининградская область, палеогеография, палеолимнология, поздний плейстоцен, голоцен, природная среда, юго-восточная Прибалтика.

Дружинина О.А. Палеолимнологические исследования в юго-восточной Прибалтике (Калининградская область) в 2010–2020 гг.: новые данные о природной среде позднего плейстоцена и голоцена // Общество. Среда. Развитие. – 2022, № 1. – С. 125–130. – DOI 10.53115/19975996_2022_01_125-130

© Дружинина Ольга Александровна – кандидат географических наук, Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена; научный сотрудник, Атлантическое отделение Института океанологии РАН, Санкт-Петербург; e-mail: olga.alex.druzhinina@gmail.com

Калининградская область занимает особое положение в истории развития отечественной палеогеографической науки. В силу различных исторических и социально-экономических причин этот регион долгое время оставался одним из самых малоизученных в палеогеографическом отношении на территории Прибалтики. В довоенный период область активно изучалась восточно-прусскими палеогеографами, в сферу интересов которых попали вопросы геологии, стратиграфии, тектоники, сейсмологии, палеогидрологии, палеоботаники [2], однако поступательный процесс изучения этой территории был прерван Второй Мировой войной. После войны не произошло полной и разноплановой преемственности в развитии палеогеографической тематики – интенсивно развивались лишь отдельные научные

направления, прежде всего необходимые для восстановления и развития народного хозяйства страны: вопросы геологии и стратиграфии [7], а также проблемы океанологии, включая палеогеографию Балтийского моря [1; 11]. В результате Калининградская область на долгое время оказалась вне фокуса палеогеографической науки, и лишь в начале XXI века вновь возник интерес к палеогеографическим проблемам данной территории и их целенаправленное изучение [3]. С этого момента начинается новый, современный этап в развитии палеогеографических исследований в регионе [4–6; 9; 10; 13–17].

Основная научная проблема, активно изучаемая в течение двух последних десятилетий, связана с эволюцией природной среды юго-восточной Прибалтики в конце плейстоцена и в голоцене [3]. Для ее

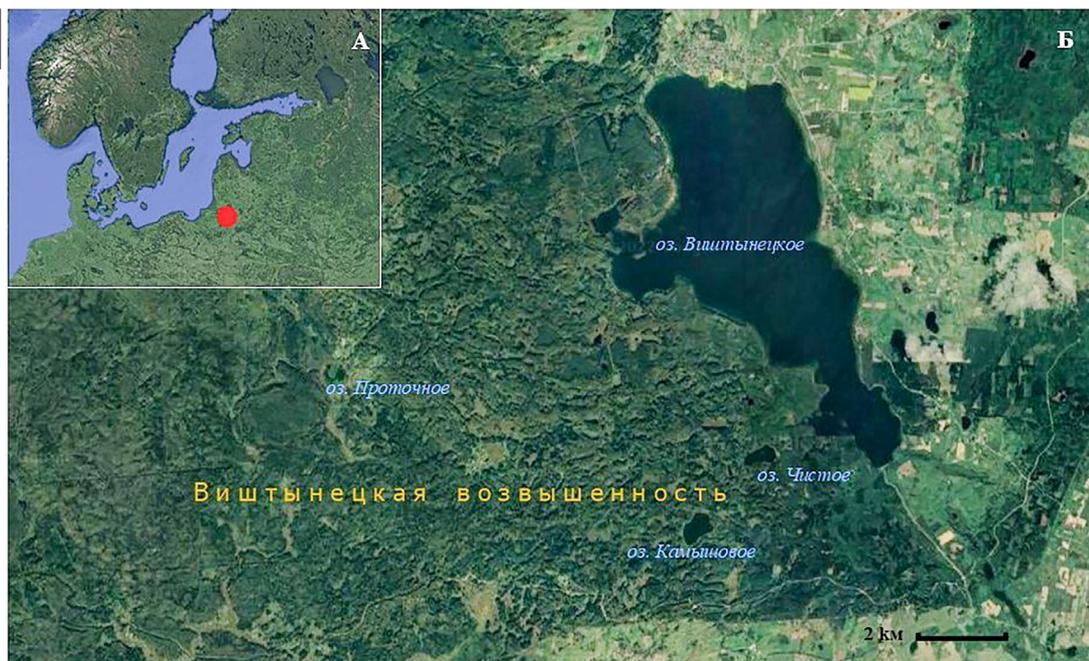

Рис. 1. А – район исследований на карте Европы. Б – объекты исследований на Виштынецкой возвышенности (Калининградская область РФ)

решения с 2009 г. на территории области проводятся экспедиционные работы, направленные на поиск и изучение объектов палеогидросети с целью реконструкции изменения природных обстановок позднего и послеледниковья [5]. Наиболее интересные – полученные и ожидаемые – результаты, касающиеся динамики природных процессов, связаны с палеолимнологическими исследованиями.

Озерные отложения представляют собой ценнейшие архивы палеогеографической и палеоэкологической информации. Благодаря длительности и непрерывности осадконакопительного процесса, а также комплексности и разноплановости информации, содержащейся в озерных осадках, исследования донных отложений озер предоставляют уникальную возможность детального описания природных процессов, происходящих в самом водоеме и в приозерных ландшафтах.

Впервые на территории Калининградской области многоплановые палеолимнологические работы были проведены в 2010 году в рамках междисциплинарного проекта «Эволюция природной среды юго-восточной Прибалтики и этапы заселения региона» (РФФИ 09–06–00150). В течение последующих нескольких лет активно велись рекогносцировочные исследования, проводился отбор проб, геохро-

нологическая привязка и аналитическая обработка обширного объема полевых данных наиболее перспективных объектов палеогидросети – озер Виштынецкой возвышенности – Камышового, Чистого, Проточного, относящихся к числу древнейших водоемов юго-восточной Прибалтики [8; 9; 17; 19].

Материалы и методы

Объекты исследований и географическая характеристика региона. Главными объектами палеолимнологических исследований на территории Калининградской области являются озера, расположенные на Виштынецкой конечно-моренной возвышенности (северной части Балтийской моренной гряды). Данная территория представляет собой самый высокий участок Калининградской области с высотами, превышающими 150–200 метров над уровнем моря, с разнообразным расчлененным рельефом и мозаичным характером распространения четвертичных отложений (глин, валунных суглинков, песков и песчано-гравийного материала). Крупные моренные холмы и массивы разделены глубокими понижениями, многие из которых заняты озерами или верховыми и низинными болотами. Под луговой, болотной и лесной растительностью (светлыми сосновыми, еловыми, широколиственными ле-

сами, а также черноольшанниками) формируются различные типы почв – от болотных низинных перегнойно-торфяных до бурых лесных. Климат возвышенности характеризуется избыточным увлажнением, мягкой зимой со средней температурой января $-4,5^{\circ}\text{C}$ и нежарким летом со средней температурой июля $+17,5^{\circ}\text{C}$.

В 2010–2015 гг. проведено бурение на озерах Камышовое (бывш. Dobauen; N $54^{\circ}22'$; E $22^{\circ}42'$; 192 м над ур.м.), Проточное (N $52^{\circ}24'$; E $22^{\circ}36'$; 154 м над ур.м.), Чистое (бывш. Billenau; N $54^{\circ}38'$; E $22^{\circ}72'$; 202 м над ур.м.). Пробоотбор проходил с плота и со льда с использованием торфяного бура (диаметр пробоотборника 5 см, длина 1 м); отобраны колонки донных осадков мощностью 9,6 м (Камышовое), 8,7 м (Проточное) и 4,1 м (Чистое).

Методы исследований. Все три озера подробно изучены в литологическом и геохронологическом отношении [9]. Палинологический анализ образцов донных осадков применялся при исследовании оз. Чистое и Камышовое [9; 15]. Для последнего комплекс аналитических методов включал также диатомовый, хирономидный, геохимический, палеомагнитный и палеоизотопный анализы [17].

Результаты и обсуждение

Совокупность данных, полученных за первое десятилетие палеолимнологических работ, позволила существенно детализировать общие существующие взгляды о позднеледниковой эпохе и голоцене в рассматриваемом регионе и наметить актуальные научные проблемы для последующего изучения.

Природно-климатические условия конца плейстоцена – начала голоцена. Прибалтика, и в частности, ее юго-восточная часть, относится к территориям, покрытым ледниковым покровом во время максимума Валдайского (Вислинского) оледенения. Вопросы дегляциации данного региона в значительной степени остаются дискуссионными из-за отсутствия целенаправленных исследований в данном направлении, однако можно утверждать, что с начала дегляциации в конце плейстоцена и в течение раннего голоцена природная среда этого региона претерпела многочисленные кардинальные изменения. По имеющимся на настоящий момент данным, картина природной динамики юго-восточной Прибалтики выглядит следующим образом [15; 17].

1. Бёллинг–аллерёд. Палеотемпературные данные, имеющиеся для региона,

свидетельствуют о быстром повышении летних температур примерно с 16,2 до 13,7 тыс.л.н., когда среднеиюльские значения составляли $+16...+17^{\circ}\text{C}$ и выше. Некоторое незначительное и, вероятно, кратковременное похолодание зафиксировано данными хирономидного анализа около 14,5 тыс.л.н., однако и в этот период реконструированная температура составляла $+16^{\circ}\text{C}$. С 13,7 по 11,9 тыс.л.н. общее направление температурного тренда изменилось на понижение. Среднеиюльские температуры в аллерёде колебались в пределах $+15...+16,5^{\circ}\text{C}$. Полученные палеоботанические данные демонстрируют достаточно высокий процент содержания пыльцы сосны (*Pinus*, до 75%) и березы (*Betula*, до 35%) в пыльцевых спектрах озер Камышовое и Чистое, что свидетельствует о распространении на рассматриваемой территории сосново-березовых лесов.

2. Поздний дриас. Полученная палеотемпературная кривая отражает начало позднедриасового похолодания более быстрым, по сравнению с предыдущим интервалом, снижением летних температур после $\sim 12,7$ тыс.л.н. Примерно за 300 лет среднеиюльская температура упала на 3°C . Переход к более холодному и континентальному климату в начале позднего дриаса сопровождался, вероятно, усилением ветров в осенне-зимний период, о чем могут свидетельствовать и повышенные значения отношения $\text{MnO}/\text{Fe}_2\text{O}_3$, отражающие высокое содержание кислорода в поверхностных слоях вод за счет интенсивного ветрового перемешивания. Данные геохимического анализа свидетельствуют также о высокой интенсивности эрозийных процессов в первую «300-летнюю» фазу позднего дриаса: этот временной интервал характеризуется повышенным содержанием таких элементов как SiO_2 , Al_2O_3 , и TiO_2 в донных осадках оз. Камышовое. В то же время, вторая половина стадияла характеризуется большей климатической нестабильностью, и, по-видимому, существованием интервалов с более мягкими и влажными зимами. Так, например, в около 12 тыс. л.н в спорово-пыльцевом спектре оз. Камышовое возрастает количество пыльцы сосны и березы и сокращается – можжевельника (*Juniperus*). Одновременно меняются кривые показателей магнитной восприимчивости и изотопов $\delta^{13}\text{C}$, указывая на некоторое смягчение климата. С 11,9 по 11,5 тыс.л.н. начинается период постепенного повышения летних температур, однако значения остаются в пределах, характер-

ных для позднего дриаса и не превышают +14,5 °С. Вероятно, главной особенностью перехода от позднего дриаса к голоцену является рост влажности и общее смягчение климатических условий за счет снижения континентальности климата в данной части Прибалтики.

Имеющиеся палеоботанические данные свидетельствуют, что позднедриасовый растительный покров также претерпел заметные изменения. Нарастание континентальности климата при переходе от аллереда к позднему дриасу отразилось в увеличении доли сосны в составе лесов. Вероятно, даже в наиболее суровую в климатическом отношении первую фазу позднего дриаса леса на рассматриваемой территории не исчезают (так, например, доля сосны в спорово-пыльцевом спектре Камышового в этот период составляет до 60%), но плотность растительного покрова сокращается, о чем свидетельствуют повышенные показатели эрозионных процессов. Наиболее холодные интервалы отмечены повышенным содержанием пыльцы можжевельника и полыней (*Artemisia*) в спорово-пыльцевом спектре, в то время как, смягчение климатических условий и рост увлажненности во второй фазе стадияла и при переходе к голоцену фиксируется по возрастающему распространению березы.

3. Ранний голоцен. По данным проведенных исследований, в эту эпоху продолжается период климатической нестабильности. Колебания температур подтверждаются и результатами геохимического анализа раннеголоценовых озерных отложений, отражающего реакцию абиотических компонентов на короткопериодные климатические осцилляции, которые зафиксированы ~11,4; 11,2; 10,7; 10,4; 9,7; 9,3 и 8,2 тыс.л.н. При этом, во время похолоданий летние температуры оставались на значениях, характерных для позднего дриаса, а потепление, сравнимое с аллередом, наступило, по-видимому, только после 9,7 тыс.л.н., когда значение среднеиюльской температуры достигло отметки +15..+15,2 °С. Относительно стабильное повышение температуры реконструировано после 9,5 тыс.л.н., однако рост летних температур происходил постепенно.

Безусловно, климатическая нестабильность нашла отражение и в раннеголоценовых спорово-пыльцевых спектрах. При незначительном изменении густоты растительного покрова доля березы и сосны в составе лесов колеблется при постепенном возрастании количества последних. При-

мерно с 11,0 тыс.л.н. в лесах юго-восточной Прибалтики появляется вяз (*Ulmus*), с 10,4 тыс.л.н. широкое распространение в составе лесов получает лещина (*Corylus*), а позднее – с 9,7 тыс.л.н. – всё большее значение приобретают широколиственные породы.

Геохимические особенности седиментационных процессов. Проведенный геохимический анализ донных отложений оз. Камышовое позволил получить предварительные результаты об основных особенностях седиментации и природных условиях позднего плейстоцена и голоцена, в которых они протекали [17, 19].

Согласно полученным данным, в бассейне оз. Камышовое с момента образования озера ~ 15,0 и до 11,4 тыс.л.н. преобладал терригенный тип осадконакопления. Под терригенными понимаются отложения, содержащие элементы (SiO_2 , Al_2O_3 , TiO_2 , K_2O , Fe_2O_3 , Zr), поступающие в водоем в результате физического выветривания при разрушении коренных пород (морены и флювиогляциальных отложений) с общим количеством органического вещества и карбонатов не более 10%. Высокое содержание терригенных элементов в нижних слоях осадочной колонки указывает на преобладающую роль эрозионных процессов в осадконакоплении с момента дегляциации рассматриваемой территории и образования озера. Вероятно, существенный вклад в увеличение минеральной фракции осадков вносили эоловый перенос и склоновые процессы, связанные с таянием мертвого льда. Локальные пики терригенных элементов (наряду с высоким содержанием органического вещества в осадках) наблюдались также в суббореальном (3,8–3,1 тыс. л.н.) и субатлантическом (1400–600 л.н.) периодах, что связано с интенсификацией эрозионных процессов, движущей силой которых могла быть деятельность человека.

В период с 11,4 до 5,2 тыс. л.н. значительную роль в осадконакоплении играли хемогенные отложения. Они содержат химические элементы, входящие в состав щелочно-карбонатной составляющей, – Na_2O , CaO и образующиеся в результате процессов химического выветривания и осаднения. Среди основных причин увеличения доли карбонатов могли быть постепенное потепление климата и повышение влажности. Хвойная растительность, по-видимому, также была одним из факторов, влияющих на содержание карбонатов в осадках. Прослеживается связь между формированием лесов с преобладанием

хвойных пород, выщелачиванием карбонатов в водосборе озера и интенсивным их осаждением: повышенная подвижность карбонатов вызвана кислой рН почвы под хвойными лесами [18]. Эта же причина предварительно рассматривается в качестве основной и в отношении пика содержания карбонатов (с 3% до 20%) в верхней части колонки, датированной 800–900 л.н.

И, наконец, третий тип осадконакопления связан с органоминеральными отложениями, содержащими элементы, входящие в состав органоминеральных комплексов и связанные с образованием органического детрита: Zn, Pb, Co, P₂O₅ и MnO. Данный тип осадков является преобладающим в осадконакоплении оз. Камышовое примерно с 10,7 тыс. л.н. Связано это, прежде всего, с постепенным смягчением климатических условий, способствовавшим увеличению общей биопродуктивности территории и водоема.

Перспективы и направления будущих палеолиминалогических исследований. Работы, проведенные в 2010–2020 гг., показали перспективность и целесообразность дальнейших комплексных исследований Виштынецкой возвышенности – природного района, ставшего ключевым для палеолиминалогических и палеоэкологических исследований поскольку именно здесь находятся древнейшие объекты палеогидросети региона, донные отложения которых представляют собой архив непрерывных данных о палеосреде за последние 16 тыс. лет. В то же время расширение ареала реконструкционных палеолиминалогических работ в Калининградской области будет способствовать дальнейшей пространственной и временной детализации данных.

Одним из направлений дальнейших палеолиминалогических исследований станет изучение индикаторов антропогенного влияния на приозерные ландшафты на ранних этапах освоения юго-восточной Прибалтики – в каменном веке и в эпохи бронзы и железа. Хозяйственное освоение приозерных территорий способно оказать глубокое влияние на экосистемы озер, изменяя гидрологию водосбора, увеличивая эрозию и нагрузку поступающих в озеро геохимических элементов. Лесные олиготрофные озера являются особо чувствительным типом водоемов к подобным изменениям [12]. Поэтому несмотря на то, что ранее антропогенное давление на окружающую среду вследствие предполагаемой невысокой плотности населения и более примитивных методов хозяйство-

вания могло быть низким, даже незначительное увеличение поступления, например, питательных веществ в олиготрофное лесное озеро, какими являлись большинство изучаемых озер Виштынецкой возвышенности, могло отразиться в геохимии озерных осадков, фиксируя влияние антропогенных процессов на окружающие ландшафты.

Заключение

За первое десятилетие палеолиминалогических работ на территории Калининградской области (2010–2020 гг.) получен обширный объем данных о динамике природной среды юго-восточной Прибалтики в конце плейстоцена и в голоцене. Результаты исследований позволяют существенно детализировать особенности эволюции природных условий данного региона: в ходе научных работ впервые для региона выполнены палеоклиматические реконструкции для конца плейстоцена – начала голоцена, представлена детальная картина динамики растительного покрова, получены сведения о важнейших геохимических процессах, происходивших в водоемах и на окружающих территориях в позднеледниковое и голоценовое время. Полученный массив данных является основой продолжающихся комплексных исследований и детальных палеогеографических реконструкций.

Благодарности

Автор выражает глубокую благодарность коллегам из РГПУ им. А.И. Герцена, БФУ им. И. Канта, СпбГУ, НИЦ «Прибалтийская археология», Вильнюсского и Потсдамского университетов, а также Nature Research Centre (Литва), принимавшим участие и поддерживающим полевые и аналитические работы на разных этапах палеолиминалогических исследований в Калининградской области. Автор благодарит сотрудников Виштынецкого эколого-исторического музея за помощь в организации экспедиций в Нестеровском районе Калининградской области. Особые слова благодарности П.М. Духанову, который с большим энтузиазмом принял приглашение присоединиться к палеогеографическим исследованиям на территории Калининградской области в 2009 году, но жизнь трагическим образом изменила эти планы.

В течение десяти лет палеолиминалогические исследования финансировались из различных источников. Работы неоднократно поддерживались РФФИ (№ 09–06–

00150, 12-05-33013, 13-05-41457 РГО-а, 15-35-50721, 18-05-80087), внутренними грантами БФУ им. Канта (Л-2012-20892; Л-2013-42416). Хириноидный анализ донных осадков оз. Камышовое (лабораторная часть) проведен при поддержке проекта РНФ (№14-37-00047); палеоклиматические реконструкции – при поддержке проекта РНФ (№18-77-10016). Аналитические геохимические исследо-

вания частично профинансированы в рамках госзадания ИО РАН (№0149-2019-0013). Часть лабораторных и аналитических работ, проведенных литовскими коллегами, финансировалась в рамках гранта S-MIP-17-133 (Research Council of Lithuania). Моделирование палеотемператур проведено при поддержке Deutsche Forschungsgemeinschaft (DFG) Project NA 760/5-1; DI 655/9-1.

Список литературы:

- [1] Блажчишин А.И. Палеогеография и эволюция позднечетвертичного осадконакопления в Балтийском море. – Калининград: Янтарный сказ, 1998. – 160 с.
- [2] Геологическая Изученность СССР. Том 6: Калининградская область РСФСР. – Вильнюс: Изд-во Ин-та геологии, 1970. – 132 с.
- [3] Дружинина О.А. Взаимодействие природы и общества в междуречье Немана и Вислы на рубеже плейстоцена и голоцена / Дисс. ... канд. геогр. наук. – Калининград, 2005. – 160 с.
- [4] Дружинина О.А. Исследование голоценовой растительности Юго-Восточной Прибалтики как показателя ландшафтно-климатических изменений окружающей среды // Вопросы современной науки и практики. Университет им. В.И. Вернадского. – 2010, № 10-12 (31). – С. 38-44.
- [5] Дружинина О.А. Применение методов палеогеографии в изучении ранних этапов освоения Калининградской области // Вестник Московского государственного областного университета. Серия «Естественные науки». – 2011, № 1. – С. 84-89.
- [6] Дружинина О.А. О перспективах применения метода фитолитного анализа в палеолимнологии // Естественные и технические науки. – 2020, № 3. – С. 139-142.
- [7] Загородных В.А., Довбня А.В., Жамойда В.А. Стратиграфия Калининградского региона. – Калининград: Изд-во Деп-та прир. рес. по Сев.-Зап. рег., 2001. – 226 с.
- [8] Кублицкий Ю.А., Субетто Д.А., Мастерова Н.Н., Дружинина О.А., Сходнов И.Н. Реконструкция природно-климатических изменений в юго-восточной части Балтийского региона в голоцене по результатам исследований донных отложений оз. Проточное (Калининградская область) // Open Scientific Bulletin. – 2014, № 2. – С. 2.
- [9] Кублицкий Ю.А. Динамика природных условий в юго-восточной части Балтийского региона в позднем неоплейстоцене и голоцене / Дисс. ... канд. геогр. наук. – СПб.: РГПУ им. Герцена, 2016. – 150 с.
- [10] Напреенко-Дорохова Т.В. Палеоэкологическая реконструкция растительного покрова юго-восточной части Балтийского региона в голоцене / Дисс. ... канд. геогр. наук. – Калининград, 2016. – 174 с.
- [11] Юпина Л.Ф. Палеогеография Балтийского моря: По данным палинологии верхнечетвертичной осадочной толщи / Дисс. ... канд. геогр. наук. – Калининград, 2001. – 136 с.
- [12] Anderson N.J., Renberg I., Segerstrom U. Diatom and lake productivity responses to agricultural development in a Northern Swedish, boreal forest catchment // Journal of Ecology. – 1995, vol. 83. – P. 809-822.
- [13] Arslanov Kh.A., Druzhinina O., Savelieva L., Subetto D., Skhodnov I., Dolukhanov P.M., Kuzmin G., Chernov S., Maksimov F., Kovalenkov S. Geochronology of vegetation of South-East Baltic coast (Kaliningrad region) during Middle and Late Holocene // Geochronometria. – 2011, vol. 38 (2). – P. 172-181.
- [14] Bitinas A., Druzhinina O., Damušytė A., Napreenko-Dorokhova T., Guobyte R., Mažeika J. The lower reaches of the Nemunas river at the end of the Last (Weichselian) Glacial and beginning of the Holocene // Geological Quarterly. – 2017, vol. 61. – P. 156-165.
- [15] Druzhinina O., Subetto D., Stančikaitė M., Vaikutienė G., Kublitsky J., Arslanov Kh. Sediment record from Kamyshovoe Lake, Kaliningrad Region: new data on history of vegetation in the late Pleistocene – early Holocene // Baltica. – 2015, vol. 28 (2). – P. 121-134.
- [16] Druzhinina O., Bitinas A., Molodkov A., Kolesnik T. Palaeoseismic deformations in the eastern Baltic region (Kaliningrad District of Russia) // Estonian Journal of Earth Sciences. – 2017, vol. 66 (3). – P. 119-129.
- [17] Druzhinina O., Kublitskiy Y., Stančikaitė M., Nazarova L., Syrykh L., Gedminienė L., Uogintas D., Skipityte R., Arslanov Kh., Kulkova M., Subetto D. The Late Pleistocene – Early Holocene Palaeoenvironmental Evolution in the SE Baltic Region, Kaliningrad District, Russia: a new approach based on chironomid, geochemical and isotopic data from Kamyshovoe Lake // Boreas. – 2020, vol. 49 (3). – P. 544-561.
- [18] Gedminienė L., Druzhinina O., Stančikaitė M. Regional variations of carbonates in postglacial sediments and response of physical sediment properties to climatic events and vegetation // Limnology and Freshwater Biology. – 2020, vol. 4. – P. 455-458.
- [19] Kublitskiy Y., Kulkova M., Druzhinina O., Subetto D., Stančikaitė M., Gedminienė L., Arslanov Kh. Geochemical Approach to the Reconstruction of Sedimentation Processes in Kamyshovoe Lake (SE Baltic, Russia) during the Late Glacial and Holocene // Minerals. – 2020, vol. 10 (764). – P. 1-17.

РАСЧЕТНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ МАКСИМАЛЬНОГО ВЕСЕННЕГО СТОКА РЕК СЕВЕРНОГО ПРИОХОТОМОРЬЯ

Цель работы: разработать методику определения максимальных расходов воды и объемов стока за период весеннего половодья на реках северного побережья Охотского моря различной обеспеченности. Исходными данными послужили многолетние наблюдения за стоком на восьми гидрологических постах. Установлено, что на максимальном весеннем стоке рек Северного Приохотоморья современное глобальное потепление не отразилось. В пространственном распределении модуля максимального расхода воды и слоя стока за период половодья закономерностей не выявлено. Выявлены связи параметров кривой распределения максимальных расходов и объемов стока с площадью водосбора. По полученным формулам можно определять максимальные расходы воды и объем стока за период весеннего половодья различной вероятности превышения. Методика расчета характеристик весеннего стока будет полезна при проектировании и эксплуатации гидротехнических сооружений, при перспективном планировании использования водных ресурсов.

Ключевые слова:

весеннее половодье, расход воды, объем стока, уравнение регрессии.

Ушаков М.В. Расчетные характеристики максимального весеннего стока рек Северного Приохотоморья // Общество. Среда. Развитие. – 2022, № 1. – С. 131–134. – DOI 10.53115/19975996_2022_01_131–134

© Ушаков Михаил Вилорьевич – кандидат географических наук, старший научный сотрудник, Северо-Восточный комплексный научно-исследовательский институт им. Н.А. Шило Дальневосточного отделения Российской академии наук, Магадан; e-mail: mvlorigich@narod.ru

Важное место в жизни рек занимает весеннее половодье, которое охватывает большие территории и зачастую наносит большой ущерб экономике и населению. Основными характеристиками максимального весеннего стока рек являются максимальный расход воды и объем стока за период весеннего половодья.

В данной работе ставится цель получить формулы для определения параметров кривой распределения максимальных расходов воды и объемов стока за период весеннего половодья на неинженерных реках северного побережья Охотского моря (Северного Приохотоморья). На основе расчетных параметров можно по кривой обеспеченности определять максимальные расходы воды и объемы стока за период половодья различной вероятности превышения. Эти характеристики необходимы при проектировании и эксплуатации защитных дамб, водохранилищ, хвостохранилищ, мостовых переходов, ЛЭП и др.

Как известно, со второй половины XX века идет процесс глобального потепления [9; 6; 13], который отражается и на некоторых элементах гидрологического режима рек [20; 18; 4; 15; 19]. Поэтому вызывает интерес вопрос, сказывается ли современное изменение климата на максимальный весенний сток.

Характеристикам речного стока рек Северного Приохотоморья посвящено ряд работ [4; 10; 15, 16]. Вопрос максимального

стока весеннего половодья для данного района углубленно еще никем не рассматривался.

Рассматриваемая территория относится к Тихоокеанской области умеренного климатического пояса. Среднегодовые температуры воздуха лежат в пределах $-3,5 \div -9,5^\circ\text{C}$ [8]. Для этой зоны свойственно избыточное увлажнение, холодное лето, снежная зима [11]. Распространение многолетнемерзлых пород, примерно до с.ш. прерывистое, а севернее – слабо прерывистое. [2; 3]. Рельеф местности горный, лишь в нижнем течении реки выходят пенеплен.

В теплую часть года (май–октябрь) протекает основная масса воды (94–98%) [10]. С ноября по апрель наблюдается зимняя межень. Весеннее половодье проходит в мае–июне, его пик проходит обычно во второй половине мая, первой декаде июня. Дождевые паводки отмечаются в июне–сентябре, реже в октябре.

Материалы и методы

Исходными данными послужили многолетние наблюдения за стоком на восьми гидрологических постах Колымского управления по гидрометеорологии и мониторингу окружающей среды (табл. 1). Пост на р. Тае расположен на западе Северного Приохотоморья, на р. Гижиге – на востоке. Остальные пункты наблюдений расположены в г. Магадане и его окрестностях.

**Статистические параметры рядов максимальных расходов
весеннего половодья рек Северного Приохотоморья**

Река – пункт	Площадь водосбора, км ²	Годы наблюдений за стоком, годы	Средний максимум Q_{max} , м ³ /с	Коэффициент вариации CV	Отношение коэффициента асимметрии к коэффициенту вариации CS/CV
Гижига – в 20 км от устья	11700,0	1961–1993	2450,00	0,36	2,0
Магаданка – г. Магадан	48,5	1972–2019	8,55	0,69	3,5
Кменушка – в 8 км от устья	40,3	1977–2019	5,48	0,68	3,5
Дукча – п. Снежная Долина	119,0	1979–2019	22,70	0,76	2,5
Дукча – устье	330,0	1961–2019	43,20	0,62	3,0
Хасын – в 80 км от устья	682,0	1962–2019	92,10	0,50	4,0
Уптар – п. Уптар	285,0	1975–2019	53,20	0,88	3,5
Тай – с. Талон	25100,0	1962–2019	2450,00	0,37	2,5

Таблица 2

**Статистические параметры рядов объема стока весеннего
половодья рек Северного Приохотоморья**

Река – пункт	Средний объем стока W , млн м ³	Коэффициент вариации CV	Отношение коэффициента асимметрии к коэффициенту вариации CS/CV
Гижига – в 20 км от устья	2590,00	0,32	0,16
Магаданка – г. Магадан	10,00	0,56	0,60
Кменушка – в 8 км от устья	7,21	0,53	0,59
Дукча – п. Снежная Долина	30,70	0,59	1,18
Дукча – устье	66,00	0,43	0,65
Хасын – в 80 км от устья	110,00	0,56	1,12
Уптар – п. Уптар	55,30	0,48	0,82
Тай – с. Талон	5250,00	0,46	0,69

Погодичные значения максимальных расходов воды и объемов стока весеннего половодья выбирались из [7] и Гидрологических ежегодников Государственного водного кадастра. Пропуски в наблюдениях восстанавливались методом гидрологической аналогии [1].

Статистические параметры рядов максимальных расходов воды и объемов стока за половодье рассчитывались методом моментов [12] (см. табл. 1, 2).

Построение графических связей и вычисление параметров уравнения регрессии производилось при помощи таблично-редактора Microsoft Excel.

Результаты и их обсуждение

По территории Северного Приохотоморья модуль среднемноголетнего максимального расхода воды лежит в пределах 0,10–0,20 м³/(с·км²), его коэффициент вариации меняется от 0,36 до 0,88 коэффициент асимметрии – от 0,72 до 3,08. Какой-либо закономерности в пространственном распределении этих параметров нет.

Согласно критерию Стьюдента и Фишера, при уровне значимости 5% ряды максимальных расходов и слоев стока половодья однородны по среднему и дисперсии, не имеют тренда, то есть глобальное потепление пока никак не сказывается на их многолетних колебаниях.

Параметры кривой трехпараметрического гамма-распределения максимальных расходов воды связаны с площадью водосбора (рис. 1):

$$Q_{max} = 0,225 \exp(2,14 \lg(A+1)), r = 0,99 \quad (1)$$

$$C_v = 1 - 0,15 \lg(A+1), r = 0,82 \quad (2)$$

$$C_s = 3,58 - 0,62 \lg(A+1), r = 0,81, \quad (3)$$

где Q_{max} – среднемноголетний максимальный расхода воды, м³/с; C_v – коэффициент вариации; C_s – коэффициент асимметрии; r – коэффициент корреляции.

При длине ряда $n = 8$ критическое значение коэффициента корреляции при уровне значимости 5% составляет $r_{5\%} = 0,76$. Коэффициенты корреляции уравнений (1), (2), (3) больше критического

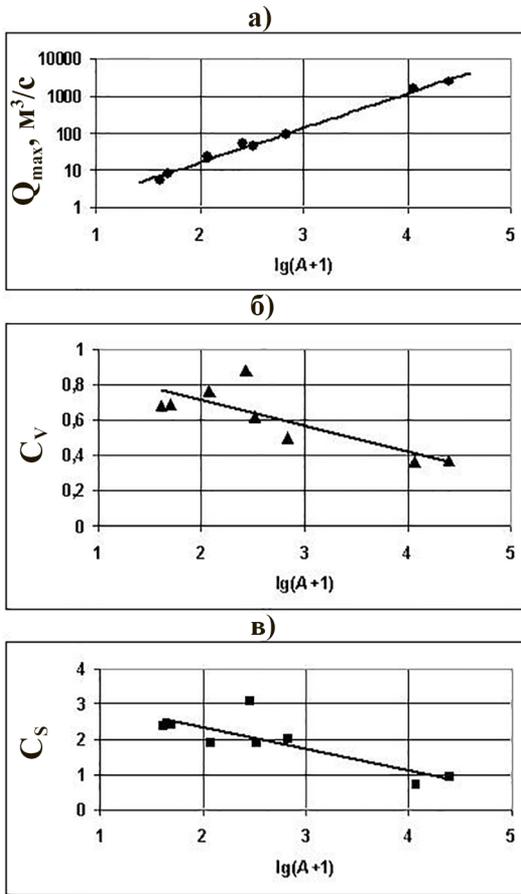

Рис. 1. Связи среднееголетнего максимального расхода воды половодья Q (а), его коэффициента вариации CV (б) и коэффициента асимметрии CS (в) с площадью водосбора A для рек Северного Приохотоморья.

значения, следовательно, корреляционные связи на рис. 1 статистически значимы.

Обратная связь коэффициентов вариации и асимметрии с площадью водосбора вполне объяснима. Чем больше величина бассейна, тем больше проявляется его роль как регулятора стока. В пределах большого бассейна разнообразнее количество и режим поступления талых вод. Увеличение типов подстилающей поверхности приводит к пространственному разнообразию режима испарения. Возрастание глубины вреза речных русел увеличивает долю подземного стока. Можно сказать, что чем больше река, тем меньше многолетняя изменчивость модуля максимального расхода воды.

Слой стока за период весеннего половодья меняется по территории от 162–228 мм и каких-либо закономерностей в распределении не обнаруживается. Статистические

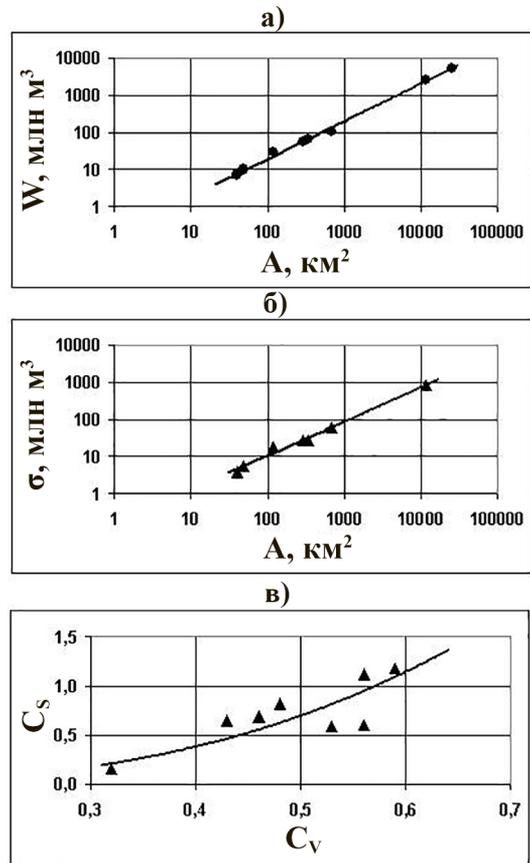

Рис. 2. Связи среднееголетнего объема стока половодья W (а), его среднеквадратичного отклонения σ (б) с площадью водосбора A и коэффициента асимметрии C_s с коэффициентом вариации C_v (в) для рек Северного Приохотоморья.

параметры объема стока весеннего половодья также хорошо связаны с размерами водосбора (рис. 2а, рис. 2б):

$$W = 0,19 \exp(A^{1,01}), r = 0,99 \quad (4)$$

$$\sigma = 0,16 \exp(A^{0,91}), r = 0,99 \quad (5)$$

где W – норма объема стока весеннего половодья, млн M^3 ; σ – среднеквадратичное отклонение, млн M^3 .

Как известно, переход от среднеквадратичного отклонения к коэффициенту вариации осуществляется по простой формуле

$$CV = \sigma/W \quad (6)$$

Коэффициент асимметрии связан с коэффициентом вариации (см. рис. 2в):

$$C_s = 4,56 C_v^{2,71}, r = 0,87 \quad (7)$$

Рассчитав параметры кривой распределения по формулам (1)–(7) для любой неиз-

134 | ученной реки Северного Приохотоморья можно определить максимальные расходы воды и объем стока весеннего половодья заданной обеспеченности.

Заключение

На основе проведенного исследования установлено, что на максимальном весеннем стоке рек Северного Приохотоморья современное глобальное потепление пока никак не сказывается.

В пространственном распределении модуля максимального расхода воды и

слоя стока за период весеннего половодья закономерностей не выявлено, то есть они не поддаются картированию.

При помощи полученных формул можно определять максимальные расходы воды и объем стока за период весеннего половодья различной вероятности превышения.

Гидрологические расчеты характеристик весеннего стока будут полезны при проектировании и эксплуатации гидротехнических сооружений, при перспективном планировании использования водных ресурсов.

Список литературы

- [1] Владимирова А.М. Гидрологические расчеты. – Л.: Гидрометеиздат, 1990. – 366 с.
- [2] Геоэкология СССР. Восточная Сибирь и Дальний Восток / Под ред. Э.Д. Ершова. – М.: Недра, 1989. – 515 с.
- [3] Глотов В.Е., Глотова А.П. Гидрогеология северной береговой зоны Охотского моря // Тихоокеанская геология. Т. 28. – 2008, № 6. – С. 12–132.
- [4] Глотов В.Е., Глотова А.П., Ушаков М.В. Влияние климата на минимальный зимний сток рек Тауйского экорегиона // Вестник СВНЦ ДВО РАН. – 2018, № 3. – С. 36–42.
- [5] Дженкинс Г., Ваттс Д. Спектральный анализ и его приложения. – М.: Мир, 1971. – 288 с.
- [6] Заявление ВМО о состоянии глобального климата в 2015 году. – ВМО-№ 1167. – Женева, Publications Board World Meteorological Organization, 2016. – 26 с.
- [7] Многолетние данные о режиме и ресурсах поверхностных вод суши. Т. 1. Вып. 17. – Л.: Гидрометеиздат, 1985. – 429 с.
- [8] Научно-прикладной справочник по климату СССР. Сер.3. Ч. 1–6. Вып. 33. – Л.: Гидрометеиздат, 1990. – 566 с.
- [9] Оценочный доклад об изменениях климата и их последствиях на территории Российской Федерации. Т. 1: Изменение климата. – М.: Росгидромет, 2008. – 277 с.
- [10] Ресурсы поверхностных вод СССР. Т. 19. Северо-Восток. – Л.: Гидрометеиздат, 1969. – 282 с.
- [11] Север Дальнего Востока / Под ред. Н.А. Шило. – М.: Наука, 1970. – 487 с.
- [12] СП 33–101–2003. Определение основных расчетных гидрологических характеристик. – М.: Госстрой России, 2004. – 74 с.
- [13] Стоцкунте Ю.В., Василевская Л.Н. Многолетние изменения температуры воздуха и почвы на Крайнем Северо-Востоке России // Географический вестник, – 2016, № 2(37). – С. 84–96.
- [14] Ушаков М.В. Пространственно-временные колебания стока весеннего половодья на реках Верхней Колымы // Геополитика и экогеодинамика регионов. Т. 5(15). – 2019, вып. 4. – С. 319–333.
- [15] Ушаков М.В. Климатический отклик минимального летне-осеннего стока рек северного Приохотоморья // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. География. Геология. Т. 5(71). 2019, № 1. – С. 238–246.
- [16] Ушаков М.В. Расчет кривых спада дождевых паводков для управления гидроэкологической ситуацией на реках Северного Приохотоморья // Географическая среда и живые системы. – 2020, № 1. – С. 126–133.
- [17] Шелутко В.А. Численные методы в гидрологии. – Л.: Гидрометеиздат, 1991. – 239 с.
- [18] Gartsman V. I., Lupakov S. Yu. Effect of Climate Changes on the Maximal Runoff in the Amur Basin: Estimation Based on Dynamic–Stochastic Simulation // Water Resources. – 2017, vol. 44(5). – P. 697–706.
- [19] Ushakov M.V., Ukhov N.V. Modern Changes in the Thermal Regime of Mountain Rivers in the Permafrost Zone (A Case Study for the Upper Kolyma) // Russian Meteorology and Hydrology. Vol. 45. – 2020, № 12. – P. 858–863.
- [20] Woo M. Consequences of Climatic Change for Hydrology in Permafrost Zones. Journal of Cold Regions Engineering. Vol. 4. – 1990, № 1. – P. 15–20.

К 85-ЛЕТИЮ АЛЕКСАНДРА ИВАНОВИЧА СУБЕТТО

© Бобков Вячеслав Николаевич – доктор экономических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, заведующий лабораторией, Институт социально-экономических проблем народонаселения, Федеральный научно-исследовательский социологический центр РАН, Москва; e-mail: Bobkov.VN@rea.ru

Александра Ивановича Субетто

85 лет – это хорошая дата для выражения восхищения подвижнической деятельности Александра Ивановича Субетто по развитию российской ноосферной науки! Сегодня трудно представить более достойного лидера, вокруг которого, с таким огромным желанием, добровольно объединились соратники потому, что знают, что лучше его прозорливых мозгов и крепких рук, знамя современной ноосферной науки в настоящее время не понесет никто другой!

А.И. Субетто – **СТРАТЕГ**, блестящий современный лидер российской ноосферной научной школы, основанной В.И. Вернадским, яркий представитель ЭПОХИ ВЕЛИКОГО ЭВОЛЮЦИОННОГО ПЕРЕЛОМА, которая определяется им как Смена Качества Жизни Человечества на Земле, как Переход к Ноосферной истории в форме управляемой социоприродной эволюции на базе общественного интеллекта и научно – образовательного общества, и, следовательно, к Ноосферной Системе Качества Жизни [1].

А.И. Субетто – **МОТОР** развития современной ноосферной российской научной школы! Библиография опубликованных работ А.И. Субетто включает в себя более 500 источников, объединенных более чем в 50 тематических библиографий, включающих Ноосферизм; Квалиметрию; Системологию, системный подход и системогенетику; Теорию циклов; Метаклассификацию; Теорию общественного интеллекта и образовательного общества; Человековедение; Образованиеведение; Креатологию, теорию творчества, креативную онтологию; Управление качеством, мониторинг качества; Социогенетику, образовательную генетику, неклассическую или ноосферную социологию; Русский космизм; Философию истории и философию истории России; Эпоху Русского Возрождения, концепции и персоналии; Ноосферное образование – концепцию становления, проблемы и перспективы; Концепцию диалектики Разума и Анти-Разума; Основы теории капиталократии и глобального империализма; Основы теории социализма XXI века как ноосферно-социализма и концепцию ноосферно-социалистической революции XXI века; Целый ряд Законов становления и развития ноосферного общества; Русский язык и русскую духовность как основания гуманизации России в XXI веке и др. характеризующие, поистине, энциклопедические, знания А.И. Субетто и подтверждающие его роль в качестве МОТОРА системы знаний о ноосферизме [2].

Субетто А.И. – **ОБЪЕДИНИТЕЛЬ** ученых, политиков и простых людей – сторонников социальной справедливости, ЧЕЛОВЕЧЕСТВА с большой буквы, *духовно-нравственного экологического ноосферного социализма*. А.И. любит говорить, что он, как бы «сам по себе», одиночка в мире борьбы идей и политик. Это, конечно же, не кокетство. Как носитель суверенных ДУХА, ЗНАНИЙ И ВОЛИ он, действительно, САМОСТЬ в этой жизни. Но так устроен мир, что только такие люди могут стать, и, будучи востребованными, становятся **ОБЪЕДИНИТЕЛЯМИ** движений общественной мысли и человеческо-

136 | го сора́тничества. Его многогранная натура вбирает и объединяет ручейки в огромную реку, в поток, в котором каждый находит место для себя, обласканный его могучим интеллектом и широкой русской душой.

С 85-летием, дорогой АЛЕКСАНДР ИВАНОВИЧ, здоровья Вам, супруге, дочери и сыну, внукам, правнукам и праправнукам, новых творческих успехов, личного и семейного СЧАСТЬЯ в кругу династии СУБЕТТО!

Список литературы:

- [1] Субетто А.И. Введение в квалиметрию высшей школы. В 4-х кн. – М.: Исследовательский центр проблем кач-ва под-ки спец-ов, 1991. – Кн. 1. – 965 с.; Кн. 2. – 122 с.; Кн. 3. – 171 с.; Кн. 4. – 163 с.
- [2] Академиятринитаризма. – Интернет-ресурс. Режим доступа: <http://m.trinitas.ru/rus/doc/avtr/00/0008–00.htm>; <http://libed.ru/knigi-nauka/507370–1–1-subetto-aleksandr-ivanovich-bibliograficheskaya-sistematika-rabot-1970–2012-biografiya-izbrannie-raboti-subett.php>

А.И. Субетто

МИЛОСЕРДИЕ (Размышление ученого-ноосферолога в начале XXI века)*

© Субетто Александр Иванович – доктор философских наук, доктор экономических наук, заслуженный деятель науки РФ, директор Центра ноосферного развития научно-исследовательской лаборатории россиеведения, евразийства и устойчивого развития, Северо-Западный институт управления РАНХиГС при Президенте РФ, Санкт-Петербург; e-mail: subal1937@yandex.ru

«...Бог обращается к бедным, страдающим, тем, кто голодает и жаждет правосудия... тем, кто хочет полегчить и возродиться, и Он видит, что они готовы войти... в царство Божие, но Он не приемлет самодовольных, богатых, тех, кто гордится своей возможностью пользоваться всеми правами. Он осуждает жестоких и проклинает их, обрекая на ад».

Э. Фромм. Догмат о Христе.
М., 1998, 416 с.; С. 43

«В XX в. мы видим новый резкий перелом в научном сознании человечества, я думаю, самый большой, который когда бы то ни было переживала человечеством на его памяти...»

В.И. Вернадский. Научная мысль как планетное явление.
М., 1991, 271 с.; С. 63

МИЛОСЕРДИЕ – это помощь одного человека другому человеку, идущая «от сердца». В нём, в этом слове, отражается христианский завет, обращенный к людям, – «любви к ближнему». «Милосердие» – момент, причем важной момент, человеколюбия.

Но в мире «господства Капитала-Власти», или господства над жизнями людей и жизнью природы капиталократии по А.И. Субетто, часто «милосердие» становит-

ся фальшивым действием по отношению к конкретному, отверженному благополучной частью общества, человеку, служащим «лицемерным прикрытием», именно со стороны какого-нибудь «олигарха», той беспощадной эксплуатации и человека, и природы, которую осуществляет этот «олигарх».

Томас Джозеф Диннинг в 1860 году дал жесткую оценку античеловеческой и анти-социальной, а сегодня мы добавим – антиэкологической и антиноосферной, сущности «власти капитала», которая стала всемирно известной, благодаря цитированию этой оценки Карлом Марксом в бессмертном произведении «Капитал»: **«Капитал боится отсутствия прибыли или слишком малой прибыли, как природа боится пустоты. Но раз имеется в наличии достаточно прибыли, капитал становится смелым. Обеспечьте 10 процентов, и капитал согласится на всякое применение, при 20 процентах он становится оживленным, при 50 процентах положительно готов сломать себе шею, при 100 процентах он попирает все человеческие законы, при 300 процентах нет такого преступления, на которое он не рискнул бы, хотя бы под страхом виселицы»** (конец цитаты, выдел. мною, С.А.).

Не ведая об этом жестком приговоре «миру Капитала» Т.Дж. Даннинга, американский профессор Айн Рэнд ковенно, своей «философией» аполотегики эгоизма и отрицания альтруизма и значит – и мило-

* Размышление автора на тему о смысле «милосердия» в XXI веке написано как ответ на просьбу профессора А.В. Кумановой (Болгария), выраженную в письме от 18 января 2022 года.

сердия, которую она распространяла через свои лекции и книги в вузах и среди элиты в США в 50–70-х годах XX века, **подтвердила этот приговор.**

Константин Клуге, коллега и последователь Пьера Тейяра де Шардена, в книге «Коммунизм Христа» (во Франции была издана в 1955 году, в России – в 1992 году) так писал об идеологической пропаганде этой дамы-профессора в университетах Америки:

«**Доктор философии Айн Рэнд известна в университетах Америки своими лекциями об ошибочности альтруизма.** Согласно её теории, только эгоистические стремления людей способны привести к полному материальному успеху. Христианский социализм ведёт к коммунизму, а тот, в свою очередь, – к коммунизму. **На платье этой дамы красуется золотая брошь, изображающая символ американского доллара – \$. Это откровенно демонстрирует её кредо: эгоизм вместо милосердия, С.А.) и любовь к наживе вместо любви к ближнему.** Её теорию можно изобразить уравнением:

эгоизм = капитализму,

альтруизм = коммунизму.

Причем Айн Рэнд подчеркнуто указывает на коммунизм Христа, а не Маркса и его последователей» (конец цитаты, выдел. мною, С.А.).

Эта философия Айн Рэнд и есть выражение самосознания всей системы мировой финансовой капиталократии, которая одновременно есть система глобального империализма, которая уже привела человечество, весь мир, на фоне скачка в энергетике воздействия на Природу Земли в XX-ом веке на семь порядков в среднем, к глобальному экологическому кризису на рубеже 1950–1960-х годов и к первой фазе Глобальной Экологической Катастрофы, в моей оценке, к концу этого века.

Стало сбываться пророчество известного французского ученого-биолога-эволюциониста Жана Батиста Ламарка, высказанное им 200 лет назад, в 1820 году: «Вследствие беззаботного отношения к будущему и равнодушию к себе подобным человек сам (я добавлю – и значит, вследствие отсутствия милосердного отношения к другим людям и к природе, к миру животных) как бы способствует уничтожению средств к самосохранению и тем самым истреблению своего вида... Можно, пожалуй, сказать, что назначение человека (я только поправлю Ламарка – назначение рыночно-капиталистического человека-эгоиста, которого возвела в свой идеал профессор Айн Рэнд, С.А.) заключается в том, чтобы уничтожить свой

род, предварительно сделав земной шар непригодным для обитания...» (конец цитаты).

«Мир Капитала» – мир глобального империализма строя мировой финансовой капиталократии предстает в начале XXI века не только как мир тотального отрицания милосердия к людям и природе, но и как система экологического самоуничтожения.

Человечество, находящееся в «плену» Глобальной Капитал-Мегамашины (понятие, введенное мною при разработке теории капиталократии в 2000 году), в «тисках» рыночно-капиталистической системы природопотребления, **столкнулось с Природой – в «лице» Биосферы и Планеты Земля,** как суперорганизмов, имеющих собственные гомеостатические механизмы (их можно назвать «иммунной системой»), – как **Субъектом.** Этот «Субъект» «заговорил» с человечеством на «языке» Большой Логики Социоприродной Эволюции. Возник императив выживания человечества как императив перехода Биосферы в единстве с Человечеством в Ноосферу, которая в соответствии с разработанным мною теоретическим комплексом – Ноосферизмом¹, может трактоваться как Управляемая Социо-Биосферная, или Социоприродная, Эволюция.

Но чтобы это произошло, должны произойти в XXI веке **Роды Действительного – Управляющего и Ноосферного – Разума²,** способного начать управлять Социо-Биосферной – Эволюцией, обеспечивая сохранность и развитие разнообразия жизни в Биосфере Земли.

Вместе с трансформацией глобально-экологического кризиса в первую фазу Глобальной Экологической Катастрофы, которая есть Экологический Приговор «иммунной системы» Биосферы всей рыночно-капиталистической системе, в том числе Рынку и Конкуренции, – и за которой стоит во стократ умноженная выше данная оценка Даннинга преступной сущности механизмов воспроизводства строя капиталовласти, **произошел «вход» истории человечества в Эпоху Великого Эволюционного Перелома.**

Эта Эпоха означает: переход от Истории Конкурентной, на базе мира войн и насилия, на базе капитализма, к Истории Кооперационной, на базе мира без войн и насилия, на базе Ноосферного Экологического и Духовного Социализма³.

Подчеркну теоретический вывод, сделанный в «Ноосферизме»⁴:

Миру доминирования Закона Конкуренции, принципа Гоббса «Человек человеку – волк» (о том, что этот принцип сохраняет актуальность в системе современного мирового капитализма, пишет в

138 | книге «Кризис мирового капитализма» (в России созданной в 1998 году) Дж. Сорос) и института частной собственности – подписала беспощадный приговор, в виде процессов первой фазы Глобальной Экологической Катастрофы, Природа Земли.

Человечество может войти в процесс необратимой экологической гибели, т.е. перейти «точку невозврата», в период с 2030 года по 2050 год.

Сама первая фаза Глобальной Экологической Катастрофы есть отражение отсутствия милосердия рыночно-капиталистического человечества к Природе, к «Матери-Земле».

Что это означает? – Это означает, что мало говорить о милосердии, как об отдельном акте во взаимодействии между людьми, нужно раскрывать перед всеми мыслящими людьми императив перехода к такой социальной – ноосферно-социалистической – организации воспроизводства жизни общества, которая бы поставила в центр духовно-нравственной жизни человека – альтруизм, любовь не только к ближнему, но и к дальнему.

Речь идет о появлении на Земле в XXI веке Ноосферного Человека, и соответственно – Ноосферного Разума, способного, на базе Ноосферных Науки, Образования и Культуры, подняться на «Высоту» Космопланетарной Ответственности за Будущее Биосферы Земли. Только такому Человеку Космос откроет свои Врата.

И тогда, получив Ноосферный Опыт сохранения многообразия Жизни на Земле и жизни в гармонии с Природой, и таким образом опыт свершения Ноосферного Милосердия, – и только тогда человек понесет в Космос свою весть Ноосферно-Космической Любви, как важного свойства становящегося в нем Ноосферно-Космического Разума!

«Милосердие» – как важный «фокус» духовно-нравственной рефлексии человеческой культуры на протяжении всей Истории Человечества – вместе с происходящей Нософерной мировоззренческой и человеческой революцией XXI века будет приобретать новое, ноосферное содержание, становясь частью Ноосферно-Космической Любви, с которой Человек продолжит свой, начавшийся в XX веке, Космический Прорыв!!!

¹ См.: Субетто А.И. Ноосферизм. – СПб., 2001. – 537 с.

² Концепции этих «Родов» я посвятил специальную монографию «Роды Действительного Разума» изданную в 2015 году

³ См.: Субетто А.И. Манифест ноосферного Социализма. – СПб., 2011. – 108 с.

⁴ Субетто А.И. Ноосферизм. – СПб., 2001. – 537 с. Понятие «ноосферизм» впервые было введено мною в научный оборот в 1997 году.

Л.В. Санжеева

ЛИЧНОСТЬ, УЧЕНЫЙ, ПЕДАГОГ. ИГОРЬ ЛЕОНТЬЕВИЧ НАБОК

К юбилею профессора РГПУ им. А.И. Герцена

© Санжеева Лариса Васильевна – доктор культурологии, профессор, проректор по научной работе, Институт дизайна, прикладного искусства и гуманитарного образования, Санкт-Петербург, e-mail: LVSngeeva@yandex.ru

Игорь Леонтьевич Набок

Универсальный тип личности ученого и педагога в современном мире воплощает идеи и ценности гуманизма и гармоничного развития человека. Игорь Леонтьевич относится к уникальному типу личности, сочетающему научную и образовательную деятельность. Механизмы творческого научного мышления Игоря Леонтьевича повлияли на создание, становление и институционализацию нового научного направления – этнокультурологии. Этнокультурология стала базой образовательной системы института народов Севера, сохраняющей и транслирующей культурное наследие коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока.

Игорь Леонтьевич создал научно-исследовательские ориентиры этнокультуроло-

гии. Результаты многолетней научно-педагогической работы наглядно демонстрируют достижения профессора. Студенты, магистранты, аспиранты, многочисленные выпускники своими трудами и профессиональной деятельностью продолжают идею этнокультурологического образования и воспитания в северных регионах в течение многих лет.

Многогранная личность Игоря Леонтьевича проявилась в творческой деятельности, и вдохновением его души стала работа с фольклорным ансамблем института народов Севера «Северное сияние». В качестве руководителя и концертмейстера ансамбля Игорь Леонтьевич активно пропагандирует искусство северных народов и достижения института на российском и международном уровне.

Особенности личности Игоря Леонтьевича проявляются в страстной увлеченности работой, в повседневном труде, постоянном решении проблем разного уровня, связан-

ных с управлением кафедрой этнокультурологии, административными обязанностями и руководством научными исследованиями студентов, магистрантов и аспирантов.

Научная и творческая работа Игоря Леонтьевича поражает глобальными объемами научных изысканий, связанных с сохранением языков, культуры и искусства коренных малочисленных народов северных регионов России. Увлеченность научным поиском открыла уникальные особенности личности профессора, ненасытный интерес к познанию, жажду дерзаний и чувство одержимости наукой, творческой созидательности совместно с учениками и продолжателями идей этнокультурологии. Подвижничество профессора вдохновляет и призывает к научной деятельности.

Ученики и коллеги от всей души поздравляют Игоря Леонтьевича с юбилеем и желают ему процветания и долгих лет научной и творческой деятельности на благо нашей Родины.

А.О. Бороноев, Е.М. Захарова

МАКСИМ МАКСИМОВИЧ КОВАЛЕВСКИЙ – ЗАЧИНАТЕЛЬ РУССКОЙ СОЦИОЛОГИЧЕСКОЙ ШКОЛЫ

**Круглый стол, посвящённый 170-летию со дня рождения М.М. Ковалевского,
Санкт-Петербург, 26 ноября 2021 г.**

© Бороноев Асалхан Ользонович – доктор философских наук, Почетный профессор, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург; e-mail: pavlovasoc@mail.ru

© Захарова Елена Михайловна – специалист, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург; e-mail: zem377@mail.ru

Круглый стол состоялся в рамках XV Ковалевских чтений – Всероссийской научной конференции «Социолог: образование и профессиональные траектории» 26 ноября 2021 года, проводимых ежегодно факультетом социологии и социологическим обществом им. М.М. Ковалевского. В его работе очно и онлайн приняли участие около 20 человек, известные специалисты, аспиранты и студенты.

Организаторы круглого стола А.О. Бороноев и М.В. Ломоносова посетили со студентами могилу Максима Максимовича Ковалевского на Никольском кладбище Александро-Невской лавры и возложили цветы.

Работу круглого стола открыла к.с.н., доцент кафедры теории и истории социологии М.В. Ломоносова, один из модераторов этого мероприятия. Она отметила чрезвычайную важность события, т.к. М.М. Ковалевский, помимо деятельности во многих направлениях наук, был одним из зачинателей институционализации отечествен-

ной социологии в начале XX века. Ею были названы основные периоды творчества Ковалевского, направления деятельности в области социологии. Она подчеркнула его роль в становлении российской традиции.

Основной доклад был представлен почетным профессором СПбГУ А.О. Бороноевым на тему: «М.М. Ковалевский и становление отечественной социологической школы». Он отметил особое место М.М. Ковалевского в российской науке и культуре. В начале XX века известный экономист М.И. Туган-Барановский писал, что М.М. Ковалевский занимал «исключительное место в русской интеллигенции, стал центральной фигурой в нашей общественной жизни». Он был выдающимся историком, создал, совместно со своими коллегами (Н.И. Кареевым, И.В. Лучицким, В.Г. Виноградовым), русскую школу истории средневековой и новой Европы. Широко известны историко-экономические исследования, например, многотомный труд «Экономический рост Европы до возникновения

капиталистического хозяйства», за который современники ставили М.М. Ковалевского в один ряд с К. Марксом, В. Зомбартом. Как выдающийся экономист, он в 1907 г. был избран президентом Вольного экономического общества. Не менее известны исследования М. Ковалевского по социальной антропологии (путешествия на Кавказ) его политическая деятельность (депутат I Думы, член Госсовета).

Особо значима деятельность М.М. Ковалевского в области социологии, которой он посвятил фактически треть своего жизненного времени. Без всякого преувеличения можно сказать, что он является создателем отечественной социологической традиции. С его именем связана профессионализация нашей науки: организация образования (подготовка кадров), её институций (РВ-ШОН, кафедра); развитие идеи журнала; письменно и устно (лекции и курсы) пропаганда социологических идей; введение в нашу социологию практики «учительства и ученичества», о чём, подчёркивая эту деятельность как величайшую его заслугу, писал Н.И. Кареев. Кроме того, М.М. Ковалевский с коллегами определили основную проблематику и теоретико-методологические основы нашей социологии.

Ученики М.М. Ковалевского (П. Сорокин, К. Тахтарев, Н. Кондратьев и др.) активно продолжали его начинания. Важным в этом процессе было создание Русского социологического общества им. М.М. Ковалевского (1916), имеющего целью развитие социологического знания, его распространение, подготовку кадров и через это формирование своего сообщества среди сообществ других наук.

Анализ деятельности М.М. Ковалевского в области социологии говорит о том, что он со своими коллегами (Н. Кареев, Е. Де-Роберти, А. Лаппо-Данилевский и др.) и учениками являлся родоначальником отечественной университетской (академической), профессиональной социологии, которая, как и другие национальные школы (французская, немецкая, английская и др.) имеет свои особенности, новации, имена.

Докладчик далее назвал основные параметры отечественной социологической традиции. К ним он отнёс: социально-политическую ориентированность, поиск справедливости и равенства; включение антропологических проблем как продолжение идей субъективно-этической школы, которая развивалась в России раньше, чем в европейской социологии (П. Сорокин); открытость и сотрудничество с европейскими социологическими школами, особенно с французской, и участие в её развитии. Одной

из черт нашей социологии является её междисциплинарность, что связано со сложившимися внутренними традициями – связи с философией, историей, правом, этнологией (М.М. Ковалевский). В начале XX века в структуре отечественной социологии были достаточно представлены все уровни (теоретическая и эмпирическая). К сожалению, многие элементы отечественной традиции социологии с XX-х годов до нового этапа возрождения (1990) были сведены на нет из-за господства одной теории и её догматизации.

С 90-х годов XX века идёт освоение того, что было. Однако активность в изучении отечественных традиций сегодня идёт на убыль. Мало исследований, возрождается и развивается у наших коллег психология ученичества. Идеи и имена российской социологии уходят из структуры образования, исследований, что делает чрезвычайно актуальным вопрос В.В. Колбановского «Кем социологи наши прирастать будут?» (Социс, 2016, № 10).

В выступлении профессора РГПУ им. А.И. Герцена М.Б. Глотова были показаны конкретные пути становления социологического образования как важнейшего фактора институционализации. Он подчеркнул, что в конце XIX века особенно чувствовалась необходимость образования, подготовки специалистов. Н.И. Кареев в книге «Введение в изучение социологии» (1897), подчёркивая это, писал: «Социология, как особый предмет, у нас нигде не преподаётся». В качестве примера распространения социологических идей в университетах, докладчик привел М. Ковалевского, который в конце 70-х годов XIX века читал курсы лекций по эволюции общественных форм в МГУ, и Н. Коркунова – он читал лекции по энциклопедии права (СПбГУ). Оба преподавателя много внимания уделяли социологическим темам и проблемам. Именно с этого, по утверждению докладчика, фактически началось включение социологии в круг предметов университетского образования. Далее Гловатов представил основные этапы профессионализации отечественной социологии и основные имена этого процесса. При этом особое внимание было уделено деятельности двух отечественных социологов – М. Ковалевского и Н. Кареева, которые определили становление русской традиции (школы) социологии.

Профессор РГГУ (Москва) М.Б. Буланова представила материалы участия М.М. Ковалевского в работе Курсов П.Ф. Лесгафта, которую возглавил после смерти последнего (1910–1913). Особое внимание она обратила на попытку Ковалевского, при поддержке

Лесгафта, включить социологию в учебный план и препятствие этому Министерства народного образования. Тем не менее, в этом учебном заведении она была представлена в различных формах. Большое место в выступлении Булановой было уделено вопросу участия Ковалевского в открытии Народного университета А. Шанявского как вольного учебного заведения, аналогичного тем, какие были в то время распространены в Европе, многие из которых превратились в классические университеты. В 1905 году А.Л. Шанявский обратился к известному экономисту-статистику А.И. Чупрову и М.М. Ковалевскому с просьбой помочь в создании университета, который должен служить делу распространения просвещения, привлечению симпатии народа к науке и знанию. М. Ковалевский рассматривался как будущий руководитель. Борьба за народный университет была сложной, она продолжалась до 1908 года. В этом процессе программно и реальными действиями большую помощь оказал Ковалевский. Он выступил с поддержкой на заседании Государственного Совета, обратив внимание на те тяготы, которые приходится преодолевать в России молодёжи, чтобы получить образование. После одобрения Государственным Советом 28 июня 1908 г. император утвердил «Положение об утверждении Народного университета». Таким образом, в выступлении М.Б. Булановой была показана важная грань деятельности М.М. Ковалевского.

Профессор РГПУ им. А.И. Герцена С.Н. Малявин сделал анализ изучения истории русской социологии отечественными и зарубежными учёными. Показал положительные моменты и недостатки. Основными проблемами он считает, во-первых, непрочитанность трудов наших предшественников, отсутствие их глубокого анализа как одной из основ развития нашей социологии; во-вторых, расширение круга наших социологов через включение в их ряды неясных социологов – философов, политиков, историков и т.д. Сегодня необходимо активизировать изучение традиций нашей социологии. Для этого необходимо переиздание их трудов.

Н.Н. Головин, проф. СПбГУ, осветил связи М.М. Ковалевского с ведущими социологами Европы, что характеризует его как известного учёного и имевшего авторитет среди участников становления национальных традиций европейской социологии. В частности, он рассмотрел его контакты с родоначальником немецкой социологии Ф. Тённисом (1855–1936). В архиве Ф. Тённиса им обнаружена визитная карточка М.М. Ковалевского, написанная от руки, где

кроме визитной информации приложено письмо профессора Томского университета В.Г. Камбурова (1874–1906) с просьбой оказать ему консультативную помощь в изучении материалов архива Т. Гоббса, хранящегося в Лондоне. Докладчик считает, что их знакомство состоялось в 1894 г. на первом конгрессе Международного института социологии (Париж). Исследование позволило установить общий интерес классиков к общинной форме социальной жизни и к методам юридических исследований. На втором Конгрессе Международного института социологии (1905) они представляли уже основные доклады, наряду с финским социологом и антропологом Э. Вестермарком, французом Г. Тардом, где Тённис выступал с докладом об антропологическом методе в криминологии, а Ковалевский – о причинах коллективных форм собственности. Об этом Ковалевский писал в письме А.И. Чупрову (1904) после первого Конгресса.

Доцент Л.М. Семашко представил доклад «М.М. Ковалевский: родоначальник плюрализма в русской социологии, научно обоснованного в сферонике». Сделав обзор его творчества, он сделал вывод о том, что М.М. Ковалевскому принадлежат три фундаментальных вклада в мировую теоретическую социологию: 1) провозглашение адекватности социологического плюрализма в противоположность социологическому монизму; 2) акцент на социальной генетике, на поиске генетических констант общества (социогенома) в его генетической социологии; 3) глобальный миротворческий характер плюралистической генетической социологии.

Проф. СПбГУ П.И. Смирнов в своём выступлении «Человек как «атом» в обществоведении» остановился на идее М. Ковалевского о том, что человек является центром социальных отношений. Он считает, что эту позицию, которая лежит в основе отечественного социального мышления, нужно соблюдать всем обществоведам, в том числе в теоретической социологии. Этот важный принцип не всегда соблюдается в современной социологии. Например, видный теоретик Н. Луман, считает, что общество следует рассматривать как систему коммуникаций, а человека, ввиду его сложности, нужно вынести в «окружающую среду». Это принципиально неверная позиция. Продуктивнее рассматривать человека по аналогии с атомом в естествознании. Одной из задач теоретической социологии является изучение видов взаимодействия между людьми. П.А. Сорокин, ученик М.М. Ковалевского, выделял три вида взаимодействия между людьми:

чувственное, интеллектуальное и волевое, полагая, что на них возникают качественно различные объединения людей. Расширяя перечень этих видов, А.О. Бороноев, Ю.М. Письмак, П.И. Смирнов выделили следующие: природное, чувственное, рече-коммуникационное, деятельностьное, правовое. На основе их внутренней корреляции возникают абстрактные объединения людей: популяция или вид, общность, сообщество, общество (в узком смысле), государство. Любое взаимодействие между людьми может быть сложным или целостным, но специфику отдельного вида определяет предмет обмена. Соответственно это: гены, чувства, значения и смыслы, продукты и услуги, решения. На

основе всех скоррелированных видов взаимодействия возникает социум (общество в широком смысле).

После обсуждения докладов и других выступлений участников с заключительным словом выступил А.О. Бороноев, который поддержал позитивные идеи докладчиков, призвал продолжать изучать историю нашей социологии, имея в виду, что это – основа развития национальной традиции и школ, основа идентичности. Участники Круглого стола рекомендовали чаще проводить подобные мероприятия по важным событиям в нашей социологии и продолжать издания «Российские социологи» и «Российская социология» (отв. ред. А.О. Бороноев).

П.И. Кутенков

РУССКИЙ ЯЗЫК: ПОКАЗАТЕЛЬ ЖИЗНЕРОДНОСТИ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА И ЕГО БЫТИЯ НА ЗЕМЛЕ

Шестая Международная межпредметная научно-практическая конференция «Знаки и знаковые системы народной культуры», Москва – С.-Петербург, 10–11 декабря 2021 года

© Кутенков Павел Иванович – кандидат культурологии, главный редактор «Вестника знаковедения», Санкт-Петербург; e-mail: yarga.spb@mail.ru

Шестая Международная межпредметная научно-практическая конференция «Знаки и знаковые системы народной культуры» проходила 10 и 11 декабря 2021 года в Москве и С.-Петербурге. Тема конференции была посвящена главному знаку народной культуры – языку: письменному, речи и азбуке. Тематика конференции нацеливала участников на исследование роли и значения языка в историко-культурном отношении, в общественном и государственном пространствах. Представленные результаты исследований затронули общие вопросы языковедения, историческое языкознание, природу происхождения языка, а также его современное состояние. Завершил конференцию Круглый стол «Основы обеспечения безопасности культуры в условиях вестийной, духовно-психологической войны»; доклады и выступления его участников дополнили и существенно расширили грани понимания ведущей войны против духовности, веры и всей культуры русского народа и народов России.

Идеи, позиции и результаты

Важнейшие общие позиции языка и культуры определены в докладах академика, почётного профессора ряда университетов А.И. Субетто, действительного члена ПАНИ,

канд. культурологии П.И. Кутенкова, доктора философ. наук Г.А. Кондратовой, главы Русского космического общества А.А. Гапонова, канд. ф.-м. наук А.В. Осипова, проф., д-ра ист. наук Р.Ф. Набиева.

Выступление А.А. Гапонова содержит ряд краеугольных оценок современного состояния русского народа, заставляющих пристальнее взгляды в события прошедшего века и творящее в современности. По мысли главы РКО ныне мы потеряли возможности мыслить по-русски, говорить по-русски. В условиях рождения действительно разума биосферы необходимо использовать целостные основы. Необходимо использовать единый язык, русский, для всех наук, чтобы учёные различных наук и направлений могли понимать друг друга, осознавать достижения своих коллег и, свои успехи устремлять во благо народа. В современном научном поле состояния потери восточными славянами полноценного воспроизводства жизнеродности получило определение понятием родозгонии. Существующая острая необходимость выживания, выхода русского народа из состояния родозгонии настоятельно требует обновления научного языка, возвращения русских понятий в смысловые поля исконных начал нашей культуры.

В докладе П.И. Кутенкова «Состояние русского языка и народа в условиях выхода из родозгонии. Характер взаимозависимости» представлены значимые результаты культуроведческого исследования. Результаты здесь оказались поразительными, неожиданными, ввиду того что подобные исследования ранее не проводились.

На протяжении более чем полутора столетий обнаруживается действие последовательного замусоривания русского языка иноземными словами. Степень засорения в каждое историческое время различное. Так с середины XIX века и до его окончания – скорость замусоривания незначительна. В это время укрепляется государственность и жизнеспособность народа славянорусов и всех народов России. С началом XX в. происходит скачкообразный рост замусоривания языка, – 2–3-х разовое увеличение. В историческом отношении это время выступлений против народной культуры, православия и государства, ведётся огневая война. Во втором и третьем десятилетиях XX в. осуществляется изменение азбуки, мероприятия по замене русской письменности на латинскую. В четвёртом десятилетии жёстко приостанавливается безудержный рост замусоренности языка, латиница изгоняется из азбук народов СССР. Во второй половине советского времени в государстве проводятся меры по укреплению русского языка в науке и образовании. Вместе с тем становится очевидно, что в России и СССР не было научно разработанных мер, отсутствовало методическое по защите государственного языка, не осуществлялись мероприятия по очистке языка науки и образования от засилья латинизмов, гречизмов и иных иноземных слов. Проводимая языковая защита от иноземного вторжения, существенно влияющая на духовное жизнеобеспечение, выполнялась без должного научного сопровождения.

Выявлено постоянное снижение уровня жизнеспособности великорусов за последние 100 лет. В 1991 году состоялся родозгонический переход: народ прекратил осуществлять расширенное воспроизводство и был введен в состояние избытка накопленной жизнеспособности, поставлен на колею проявленной родозгонии – вымирания. Это год наибольшей численности великорусов проживающих в РСФСР – 119,86 человек. Последующее время показало, что в 1991 г. было проявлено средокрестие креста родозгонии – переход русского народа на нисходящую линию инобытия.

Общий вывод исследования: характер относительного снижения воспроизводства жизнеспособности племени великорусов точно

совпадает с характером увеличения уровня замусоренности русского языка, в обратной взаимосвязи. Увеличение уровня замусоренности русского языка соответствует снижению уровня жизнеспособности народа, последнее влечёт снижение прироста его численности.

А.В. Осипов в докладе «Неопределённость в языковой среде» на примере понимания основ меры и измеренности слова, его неопределённости, – вскрыл суть слов русского языка. По его мысли, содержание слова заключает в себе дух и материю, действительность и возможность, знание человеческое и народное, божественное и непознанное. Неопределённость присуща многим словам, что восходит к совершенству божественного, недостижимому человечеству. Наука и другие пути познания предполагают бесконечность получения новых знаний, а стало быть неопределённость и неполнота человеческого знания всегда существует и всегда многие понятия будут иметь свою неопределённость.

В выступлении Р.Н. Набиева «Несколько слов «нерусского» о защите русского языка» раскрыты положения о русском языке, – главной скрепе народов России в общую культурно-историческую общность. Государственный язык выступает стержневой опорой без которой невозможно современное существование и взаимоотношения многочисленных народов России. С этих позиций русский язык требует защиты, развития и укрепления.

Доклады канд. истор. наук Ю.А. Шилова, канд. ф.-мат. наук А.Б. Коренной, канд. фил. наук Е.А. Мироновой, канд. психол. наук О.А. Москвитиной, канд. хим. наук Г.Г. Котовой, канд. философ. наук В.В. Тен, д-ра философии А.Г. Резункова, преподавателя А.В. Ванягина, аспирантки Е.Ю. Скачковой и других освещают коренные вопросы исторического развития русского языка.

По мысли канд. психол. наук О.А. Москвитиной пословицы и поговорки русского народа содержат духовно-нравственные начала совершенствования человека, его ладного отношения к родичам и окружающей среде. Пословицы раскрывают духовно-душевные стороны мировоззрения русского человека. Труд в них показывается главным условием бытия человека и народа. Представленная работа Г.Г. Котовой и Е.А. Мироновой утверждает идею принадлежности археологической винчанской культуры предкам славян Балканского полуострова.

Большой интерес вызвал доклад Е.Ю. Скачковой «Русская школа русского языка: устройство мира в возвращении восточных

славян»; изложенные примеры о происхождении слов обнаруживает, насколько современное языкознание по ряду коренных слов славяноруссов продолжает оставаться на позициях устаревших взглядов, занимая здесь, откровенно говоря, норманские позиции, нацистские по своему сокрытому содержанию. Одновременно примеры изучения слова-знака выказывают его глубокое познание с позиций знаковедения, и новой концепции знака, предлагающие его исследовать по восьми составляющим (восьмиугольнику), где собственно шесть составляющих отводятся изучению граней означаемого.

Создаваемый канд. филос. наук В.В. Тен новый Корнеслов русского языка (вышли уже две книги) рассматривает происхождение слова с учётом всех смыслов, вкладываемых в него русским народом.

Существенное место в представленных исследованиях заняли доклады по ярговедению канд. филос. наук А.В. Гайдукова, канд. искусствоведения М.М. Савенковой, исследовательницы русской народной культуры Г.Н. Филипповой.

А.В. Гайдуков в докладе «Яргические знаки-образы и их влияние на родноверов» рассмотрел историю поиска знака, олицетворяющего славянское и славянорусское новое родноверие, начиная с начала 1990-х годов. Среди ряда начертаний, появляющихся в это время у родноверов, особо выделялись ярго-спиральные, яргические. На круглых щитах восстановителей древностей изображались старинные знаки и изображения, с расходящимися из середины шестью лучами, прямыми, либо слегка скрученными. С начала 2000-х годов таким знаком утвердился в общественно-общинном сознании ярга-коловрат – восьминогий крест с загнутыми под прямым углом, с вписанными в круг заострёнными концами. По современной купизации яргических образований этот знак имеет ряд существенных отличий от четырёхногих ярги и свастики, лучи которых загнуты под прямым углом, имеют равную толщину и не всегда вписаны в круг-кольцо. Коловрат получил распространение после издания В.С. Казаковым «Именослова» (1994 г.) и «Мира славянских богов» (1997 г.), выдержавших несколько изданий. На обложке книг красный коловрат помещается на жёлтом поле. С 1999 г. московский деятель родноверия Велеслав начинает издавать книги с серебряной восьминогой яргой на чёрной обложке. Эти издания закрепили коловрат знаком и знаменем современного родноверия. Глубокая историчность знака в культуре восточных славян, других индоевропейских народов придаёт знаку родноверов устойчи-

вость воздействия на общественное сознание и своих последователей, представляя их истинными поборниками земли русской.

Результаты исследования Г.Н. Филипповой затронули смыслы сложного начертания, состоящего из соединённых вместе двух четырёхногих ярг. Исследование этого знака, исторически распространённого на Русском Севере, привело к обнаружению идентичного начертания у древних ираноариев, дошедших до современности под именем Зерван. Зерван понимался Богом, Безграничным (или Бесконечным), Время. Зерван считается двуполым. Очевиден его знак, соединяющий в себе две ярги, две свастики. Открытие самобытных яргических знаков глубокой древности на Русском Севере стало обычным явлением 20 и 21 вв., столь значимыми для науки и культуры, оказывающими действительное влияние на воззрения последующих поколений учёных.

В докладе М.М. Савенковой «Знаковедческое рассмотрение начертания буквы «азь» глаголической азбуки» важно для знаковедения и ярговедения, проявлено изображение первой буквы глаголической азбуки в виде креста с загнутыми концами. Необходимо указать на несколько ключевых идей и позиций. Учёная соотнесла явление такого изображения буквы с начертанием, идущим из глубокой древности. Второе – она отчётливо проявила начертание буквы азь в виде ярги-свастики. Идея начертания азь в виде ярги-свастики принадлежит П.Я. Черных советскому знаковеду, высказавшему её в виде вопроса в начале второй половины 20 в. Ныне она подтверждена блестящим обоснованием искусствоведа М.М. Савенковой.

З.В. Воробаева обозначила вопрос творческого развития детей. Снижение недопонимания действительности возрастающими поколениями русского народа видится по причине снижения развития образности. Одна из причин кроется в обучении чтению, когда буквы букваря становятся всего лишь звуками, лишившись своей внешней и духовной образности. Тем самым вновь остро возникает идея возвращения в обучение и письменность русского языка его исконной азбуки: аз, буки, веда, добро, мыслите. Обнаруживаются глубинные свойства образности славянорусской азбуки, ведущие к воспитанию творческого человека.

Круглый стол: Основы обеспечения безопасности культуры в условиях вестийной, духовно-психологической войны против России

Рассматривая современное состояние России А.И. Субетто к главным характе-

ристикам российской культуры отнёс следующее: средоточие устойчивости и неустойчивости в мире, своеобразная ось силы – «маятник колебаний напряженности» мировой истории и одновременно предугазатель (предвосхищающая система) всемирной истории; культура всегда «миротворческая (миросозидательная), устремлённая к миру без войн»; культура «духовного социализма», что означает историческое устремление к правде, взаимопомощи, к любви, к добротолубию, к трудовому созиданию, к заботе об ущемлённой части населения. При осуществление этих характеристик большая заслуга принадлежит русскому народу – государствообразующему народу России, носителю ценностного родопорождения, стоящего на культе Правды. Ввиду этого именно ныне в вестийно-духовной войне Запада против России главный удар наносится по русскому народу, его культуре, его языку, его духовно-нравственным опорам системе; не менее важно, сильнейшие удары силы тьмы Запада пытаются наносить по исторической, общественной, культурной памяти народа.

Выступление вице-президента ПАНИ, писателя А.А. Антонова обозначило провалы нынешнего государства по ряду позиций, связанных с духовно-нравственной защитой народов России. Против России и русского народа ведётся вестийная, духовно-психологическая война, разрушающая сознание людей и народа. Несмотря на протесты общественности современное российское государство не предпринимает требуемых мер защиты общества и народов от вредного воздействия, разрушающего личность человека и мировоззрение народа. Остро стоит вопрос об укреплении статуса семьи, отца и матери, семейного воспитания. Нравственное воспитание учащихся в учреждения образования обуславливает увеличение роли изучения русского и родного языка и литературы в школе.

Основные идеи проф., д-ра психол. наук М.К. Кабардова, высказаны с позиций сохранения и развития единства историко-культурной общности России в условиях внешнего давления, устремлённых к иным

результатам, -расчленению России. Мысли учёного нацеливают на осмысление взаимоотношений между народами внутри самой России.

Подходы и идеи проф., д-ра психол. наук А.К. Осницкого направлены на использование научных достижений в понимании слова-знака и направлении его воздействия на каждый возраст подрастающего поколения. Первый возраст до 7 лет, последующий до 14 лет, затем юношеский возраст и взрослый человек, – каждый возраст и статус человека обуславливают выработку целенаправленных подходов и способов воздействия. Это обуславливает выработку соответствующих приёмов, определяющих воспитание человека способного продолжать жизнь порождением новых поколений и быть успешным в современных жизненных условиях.

Рыбин В.В., член-корреспондент ПАНИ внёс предложения по защите русского языка. По его мнению, главную и смертельную опасность для русского языка представляет отсутствие словообразования при неограниченном врезании (насильственном словозаимствовании) иностранных слов и понятий. Язык без постоянного словообразования, как народ без деторождения, обречён на неизбежное вымирание.

Защита русского языка, по мнению действительного члена ПАНИ П.И. Кутенкова, должна осуществляться на основе исследований и широкого научного обсуждения всего круга вопросов языкознания, определяемого в позициях знаковедения и культуроведения. Использование современных достижений знаковедения позволяет избежать провальных ошибок XX в., достигать заданных целей в современной войне, ведущейся на знаково, знаково-образных и душевно-духовной уровнях.

В целом конференция проявила очертания нового научного направления – *культуроведение языкознания* (Л.М. Мосолова). Это направление выводит язык за пределы языкознания и рассматривает его всеобщим средством существования жизнородности народа. Его развитие необходимо для обеспечения безопасности возрождения народа восточных славян и государства Россия.

СОБЫТИЯ ТЕАТРАЛЬНОЙ И ВЫСТАВОЧНОЙ ЖИЗНИ ПЕТЕРБУРГА*

Январь, февраль, март 2022 года

© Дробышева Марина Николаевна – кандидат искусствоведения, доцент, Ленинградский государственный университет им. А.С. Пушкина, Санкт-Петербург; e-mail: drob.55@mail.ru

Театр юных зрителей им. А. А. Брянцева

23 февраля ТЮЗ отметил свой 100-летний юбилей спектаклем по сказке Петра Ершова «Конёк-горбунок». Перед его началом на Пинерской площади состоялась торжественная установка бронзовой скульптуры Конька-Горбунка работы Григория Потоцкого. «Прежде чем работать над скульптурой, я очень много говорил со всей труппой ТЮЗа. В этот важный для России исторический момент мне очень важно было понять, кто же такой Иванушка-дурачок. Я понял, что по своему масштабу этот образ сравним с Дон Кихотом, который борется с ветряными мельницами. Иванушка-дурачок проходит немислимые испытания, несовместимые с жизнью, но за свои идеалы доброты, за свою идентичность, за то, чтобы быть человеком, он готов отдать жизнь. Он отдаёт её и становится победителем! В этом разница ментальностей России и Запада; там борются с ветряными мельницами и подспудно говорят, мол, идеи доброты – это утопия. Для нас же идеи доброты и жиз-

ни – это всё, и за них мы готовы отдать всё и отдаем, потому и становимся победителями. Иванушка-дурачок – победитель! Это главное открытие, которое я сделал. Вроде маленький горбаченский конёк, однако это наш русский Пегас! Это наша русская слава! Да, она такая скромная и неприметная, мы же – дурачки, которые могут подковать блоху, то есть сделать что-то невероятное, и благодаря этому становимся победителями! В каждом русском человеке есть мечта, а перо жар-птицы символизирует мечту, которая ведёт нас всех в будущее», – с такой речью обратился скульптор к собравшимся. Затем гости и артисты направились в верхнее зрительское фойе, где открылась юбилейная выставка «Театр глазами детей», а в Зимнем саду в это же время состоялась таинственная закладка сейфа с посланием потомкам, адресованным в 2072 год, когда будет отмечаться 150-летие ТЮЗа. «Капсулу времени» заложила народная артистка России Ирина Соколова, исполнительница роли Конька-Горбунка 1963 года. В письме от современного поколения сотрудников театра писалось: «Дорогие наследники, мы желаем вам любить театр так же, как любим его мы. Желаем радоваться каждому дню в искусстве. Желаем жить в зрительской любви и атмосфере истинного творчества. Храните наш театр, который после вас обязательно станет настоящим домом для новых поколений на многие годы!»

Премьера спектакля «Конёк-Горбунок» состоялась 23 февраля 1922 года в здании Амфитеатра бывшего Тенишевского училища (ул. Моховая, 33–35) – так сообщалось на первой афише. Художественный руководитель ТЮЗа А. А. Брянцев вспоминал: «Мы решили для нашего первого спектакля остановиться на сказке Петра Ершова “Конёк-горбунок” – как на детской классике. Я лично любил эту сказку с детства за народное остроумие, за её героя Ивана-дурака, не побоявшегося взять перо жар-птицы, которое сулило ему много-много покоя».

Необычная форма сцены без занавеса, с полукруглой площадкой, почти вплотную подходившей к амфитеатру, окружавшему её с трёх сторон, подсказала режиссёру замы-

* Часть из иллюстраций к статье – см. 4-я страница обложки

сел будущего спектакля, основанного на лучших фольклорных традициях, где в драматическом действии активно использовались игровые и песенные хороводные формы. Красочно расписанный терем с балконом и лестницами, выполненный художником В.И. Бейером, откуда велось действие сказочником и произносила монолог Царь-девица, воссоздавал колоритную атмосферу русской народной сказки. Большая роль в спектакле отводилась музыке композитора П.А. Петрова-Бояринова.

На протяжении ста лет состоялось семь возобновлений спектакля «Конёк-Горбунук». В 1925 и 1936 годах постановки осуществлялись А.А. Брянцевым, в 1943 году спектакль был им показан в эвакуации в городе Березники Пермской области. Газета «Березниковский рабочий» от 25 октября 1943 г. сообщала: «Коллектив театра посвятил 60-летию со дня рождения художественного руководителя ТЮЗа А.А. Брянцева». В 1963-м новую редакцию подготовили режиссёр Г. Каганов, художники Г. Берман и Н. Иванова, посвятив ее памяти А.А. Брянцева и В. Бейера. В 1998-м спектакль возобновили режиссеры А. Прудин и народный артист России Н. Иванов, художники О.М. Китаев, К. Пискунов, О. Саваренская. В 2001 году спектакль возобновлён под руководством коллеги режиссеров, актеров и сотрудников театра. Работу над ним возглавил заслуженный артист России В. Тодоров. В 2013-м режиссёр В. Тодоров играл роль Сказочника, а в 1963-м был занят в спектакле в качестве актёра массовых сцен. Юбилейный спектакль 2022 года был максимально приближен к брянцевскому оригиналу и ориентировался на спектакль 2013 года. Режиссёр Владимир Тодоров, дирижёр и хормейстер Александра Чопик, балетмейстер Владимир Чернышёв и труппа театра стремились погрузить зрителей театра в атмосферу поэтической сказки, буйного веселья, народного остроумия и молодечества, стремясь уйти как можно дальше от стилизации народной стихии. Роль Конька-Горбунка исполнила Анна Слынько, Ивана – Никита Остриков, Сказочника – Алексей Титков, Царя – Валерий Дьяченко. В финальной сцене приняли участие артисты ТЮЗа прошлых лет, которые играли в четвёртом и последующих возобновлённых спектаклях: Ирина Соколова, Наталья Боровкова, Николай Иванов, Владимир Тодоров и другие.

На следующий день, 24 февраля, состоялся спектакль-концерт, посвящённый столетию театра, «Планета ТЮЗ». Эпиграфом к нему стали слова: «И дольше века длится ТЮЗ...». Режиссёром-постановщиком стал Василий Сазонов на основе документов,

дневников, воспоминаний, стенограмм, архивных фото, видео- и аудиоархивов театра. Он показал вместе с артистами в течение часа новую историю театра. В спектакле вспоминали основателей ТЮЗа – Александра Брянцева, Леонида Макарьева, Самуила Маршака, – когда театр играл свои спектакли на Моховой, 33–35. Сегодня это здание Учебного театра Санкт-Петербургского государственного института сценических искусств.

С 1962 года ТЮЗом руководил З.Я. Когородский, поставивший более ста спектаклей. Особенно полюбили юным зрителям игровые представления «Наш цирк», «Наш Чуковский», «Открытый урок». Спектакли с участием Георгия Тараторкина, Ирины Соколовой, Антонины Шурановой, Натальи Боровковой, Николая Иванова, Александра Хочинского, Юрия Каморного запомнились зрителям на долгие годы. В вечер празднования юбилея на сцене в исполнении Ирины Соколовой, Валерия Дьяченко, Натальи Боровковой, Надежды Шумиловой и Анны Мигицко были показаны фрагменты спектаклей ТЮЗа прошлых лет, в которых оживали полюбившиеся персонажи. Дневниковые записи Александра Брянцева проникновенно прочёл Александр Иванов. В массовых сценах были заняты артисты современной труппы и ветераны театра. В зрительном зале были и делегаты разных лет – друзья театра. Они вспоминали, как в школьные годы дежурили на спектаклях, рассказывали одноклассникам о понравившихся представлениях, и для многих ТЮЗ был «вторым родным домом». Каждый делегат в эти юбилейные дни получил голубую делегатскую повязку с написанными на ней словами: «И дольше века длится ТЮЗ...». Большая заслуга в процветании Театра юного зрителя директора Светланы Лаврецевой, которая руководит этим коллективом с 1994 года.

Светлана Лаврецова – деятельный, креативный, смелый руководитель. Ей удалось отстоять здание театра на Пионерской площади, произвести обновление зрительного зала, открыть две новые сцены – Малую и Камерную – и международный театральный фестиваль «Радуга», который стал одним из самых престижных форумов России. В рамках фестиваля начиная с 2000 года было показано более 300 интереснейших спектаклей театров разных стран мира. Благодаря «Радуге» выдающиеся режиссёры Александр Морфов и Феруччо Меризи познакомили зрителей с новыми оригинальными постановками.

Сразу после юбилейных торжеств ТЮЗ осуществил балканский тур по пяти городам Сербии и Черногории (с 28 февраля по

6 марта) в Белграде, Герцег-Нови, Тивате, Баре, Которе. 28 февраля на сцене Белградского драматического театра был представлен первый гастрольный показ спектакля «Бешеные деньги» режиссёра Александра Кузина. БДТ (Београдско Дрмаско Позориште) был основан в 1947 году и начал свою деятельность спектаклем «Юность отца» Бориса Горбатова, одного из создателей объединения пролетарских писателей Донбасса «Забой». Режиссёром был Пётр Петрович. По мнению Александра Кузина, сюжет пьесы А. Н. Островского «о шальных деньгах и шальной жизни актуален и сегодня». Эта постановка представляет интерес и для сербского зрителя, который хорошо знаком с классическим наследием драматурга. Психологическая глубина, сочетающаяся с развлекательностью и комедийностью спектакля, способствовали преодолению языкового барьера, хотя южным славянам русский язык всегда близок для понимания, и даже сербские субтитры, сопровождающие действие, не всегда были нужны. На открытии гастролей зрителей поприветствовали директор ТЮЗа им. А. А. Брянцева Светлана Лаврецова, продюсер Мирко Раденович и директор Белградского драматического театра Юг Радивоевич. Светлана Лаврецова сказала: «Мы долго готовились к этой поездке, и здесь нас очень ждали. Сербы очень гостеприимные, у них прекрасная национальная кухня, нас очень тепло принимают. Накануне наших гастролей мне удалось посмотреть спектакль вашего театра – одну из ранних пьес Брехта «Ваал» с Милошем Биковичем в главной роли. Этот спектакль войдёт в программу XIII Международного театрального фестиваля «Радуга», который пройдёт с 25 по 31 мая этого года и откроется премьерой Московского ТЮЗа «Отец Сергей» в постановке Камы Гинкаса. Мы договорились с белградскими коллегами о долгосрочном сотрудничестве». Милош Бикович известен в России по фильмам «Солнечный удар» Никиты Михалкова (2014), «Холоп» Клима Шипенко (2019), «Магомаев» Дмитрия Тюриня (2020). В 2018 году 4 ноября, в День народного единства, Бикович был награждён Медалью Пушкина Президентом России Владимиром Путиным за заслуги в укреплении дружбы и сотрудничества между народами, плодотворную деятельность по сближению и взаимодействию культур, наций и народностей.

1 марта коллектив ТЮЗа посетил Российский центр науки и культуры Белграда «Русский Дом», расположенный в здании неоклассического стиля архитектора Василия Баумгартена. Свою историю Русский Дом начинает с 1933 года и ранее носил имя

императора Николая II. Сегодня там находятся курсы русского языка, детская студия русского народного танца «Матрёшка», школа музыки имени Сергея Рахманинова. Там проходят выставки, демонстрируются российские фильмы и спектакли. В мае 2015 года в мультимедийном центре библиотеки Русского Дома начал работать удалённый читальный зал Санкт-Петербургской Президентской библиотеки. О деятельности РЦНК «Русский Дом» петербуржцам рассказал его директор Евгений Баранов.

В Черногории 2 марта Светлана Лаврецова и заслуженный артист России Борис Ивушин на центральном телеканале Герцег-Нови РТНН поделились впечатлениями о гастролях и рассказали о юбилейном театральном сезоне. 3 марта ТЮЗ показал спектакль «Бешеные деньги» на сцене театрального центра «Дворана Парк» в рамках фестиваля «Мимоза». Для черногорцев цветы мимозы – это то же, что для голландцев тюльпаны. «Дворана Парк» находится среди субтропических растений знаменитого Ботанического сада, где в летнее время прямо среди этой природы идут спектакли, выступают народные музыкально-танцевальные ансамбли, проходят выставки. Перед началом спектакля обратились к зрителям с приветственным словом Светлана Лаврецова, Милина Ковачевич, продюсер театральных программ Herceg fest и посол России в Черногории Владислав Масленников.

4 марта коллектив показал спектакль в Тивате, где состоялась встреча с руководством города – мэром Желько Комненовичем. Спектакль ТЮЗа получил много восторженных отзывов, зрители Черногории сопереживали героям Островского и в Баре (5 марта), и в Которе (6 марта). В прибрежных городах Адриатики сохранились уникальные памятники архитектуры эпохи Ренессанса. В Которе спектакль «Бешеные деньги» шёл на сцене Театрального культурного центра «Никола Джуркович», расположенного недалеко от южных ворот Старого Котора. Это излюбленное место досуга которян. Там проходят в последнюю неделю февраля с 2013 года возрожденные зимние карнавальные празднества XIX века.

Мариинский театр

В 239-м сезоне 5 января 2022 года на сцене Мариинского-2 была показана опера Джузеппе Верди «Трубадур». Постановка была осуществлена в 2013 году режиссёром Пьером Луиджи Пицци. В партии Леоноры перед слушателями предстала Анна Нетребко, а в партии Манрико, трубадура – Юсиф Эйвазов. В первом акте каватина Леоноры

в её исполнении прозвучала трепетно-нежно, украшенная блестящими колоратурами. В последней арии четвёртого акта Леонора предстала перед слушателями глубоко страдающей, передав трагичность со свойственным ей вокальным диапазоном. В «Трубадуре» достойно выступили и другие певцы: Алексей Марков в партии графа да Лупа, Екатерина Семенчук в партии цыганки. За дирижёрским пультом был маэстро Валерий Гергиев. Во время празднования своего юбилея Анна Нетребко блистала не только в опере, оперетте и сарсуэлу, но и исполнила хиты советской эстрады. С ней выступили басы Микаэль Фолле и Илдар Абдразаков.

В зале Прокофьева 6 марта в Мариинском-2 состоялся концерт «Артисты оркестра – композиторы». Первым на суд слушателей «Концерт для гобоя и камерного оркестра», написанный в форме традиционного трёхчастного цикла, представил Алексей Позин. По мнению автора, сочинение передаёт настроение романтическое – то порывистое, радостное, то меланхолическое и немного грустное. Гобую сопровождают струнные, ударные и челеста. Песенные интонации сменяются танцевальными ритмами. В финале тема первой части преобразуется и становится темой для вариаций в движении старинного гавота. Второе произведение – поэма «Легкокрылая ладья», созданная композитором на основе древней легенды о любви девушки к Солнцу. Когда наступает ненастье, девушка отправляет-

ся за своим возлюбленным на край земли. В концерте прозвучала третья часть цикла – «В объятиях Солнца». Алексей Позин обращается к театрализации, роль девушки исполняет высокое сопрано Екатерина Фенина. В финале она держит цветок подсолнуха, медленно опускаясь на пол сценического пространства, – увидев Солнце, умирает от счастья. Солнце в этом сочинении олицетворяет труба с её блестящим, ярким тембром, её партию исполняет Алексей Иванов. Именно Солнце превращает девушку в цветок подсолнуха, взгляд которого всегда следует за светилом. Партия фортепиано находится в постоянном диалоге с солистами, её талантливо исполнил Василий Попов.

Сочинение Алексея Крашенинникова «Nosata» в исполнении автора (скрипка) и Алексея Чекмака (фортепиано) переносит слушателей в мир детства, когда маленький музыкант шести-семи лет начинает постигать игру на скрипке – как правило обычной, дешевой. Произведение «Nosata» для детской скрипки и фортепиано должно быть совсем незначительно расстроено: всего одна нота должна быть фальшивой. Эта нота проходит как бы лейтинтонацией, вызывая и грусть, и улыбку, и успокоение звучанием колокольного звона. В этом сочинении есть мягкая ирония по отношению к традиционному жанру сонаты.

Пианист Эдуард Кипрский исполнил свою вокально-инструментальную пьесу «Утопленник» по одноименной сказке А.С. Пушкина. Сочинение пронизано фоль-

«Сказка о царе Салтане». Фото Наташи Разиной

кларновыми интонациями в современном преломлении. Баритон Александр Гонца выступает и в роли рассказчика, декламируя текст. К созданию этого сочинения Кипрского побудил «Трепак» из цикла «Песни и пляски смерти» Мусоргского. Развёрнутая партия фортепиано отличается виртуозностью. Фантастическая картинка «Заколдованное озеро» прозвучала в исполнении автора (фортепиано) и Дарьи Земской (виолончель). Эта пьеса сочинена под влиянием непревзойдённого мастера жанра сказочной миниатюры Анатолия Лядова. В заключение концерта прозвучало произведение Вартаана Гноро «Concerto duo», состоящее из трёх частей: 1. «Allegro animato», 2. «Lentamente», 3. «Allegro agitato» в исполнении Камерного оркестра Мариинского театра, дирижёр Иван Столбов. Именно восемь пьес для кларнета, альты и фортепиано Макса Бруха навесили идею создания концертного дуэта композитору. Автор использовал кларнет, который украсил звонким тембром звучание струнных и дополнил светлыми красками бархатное звучание альты. Талантливо, высокопрофессионально передали замысел Вартаана Гноро солисты Ирина Иванова (альт), Виталий Папырин (кларнет).

В Тихвине в родном городе композитора 26–27 марта Мариинский театр показал оперу Н. А. Римского-Корсакова «Сказка о царе Салтане».

Фестиваль музыки композитора стал ежегодным и проходит в тихвинском Дворце культуры имени Н. А. Римского-Корсакова. На сцене была воссоздана средствами музыки, сценографии и костюмов художника Владимира Фирера, выполненных на основе эскизов и книжной графики Ивана Билибина поэтичная, жизнерадостная, окрашенная мягким юмором сказка. В Тихвине выступили два состава исполнителей. Партию Царицы-Лебеди исполнили Альбина Шагмуратова и Антонина Весенина; Царицы Милитрисы – Ирина Чурилова и Мария Баянкина; Царевича Гвидона – Михаил Векуа и Александр Трофимов; Царя Салтана – Владимир Кравец и Андрей Серов.

Концертный зал

20 февраля Мариинский брасс представил программу из пяти сочинений Штрауса, Пуленка, Лафосса, Пярта и Мусоргского. Традиционно вёл концерт Сергей Крючков со свойственным ему профессионализмом, эмоционально, подчёркивая торжественность момента, он знакомил слушателей с 25 участниками концерта, составом брасс-ансамбля, и при этом давал исчерпывающий комментарий к каждому исполняемому

Брасс-ансамбль Мариинского театра

произведению. Фанфары для Венского филармонического оркестра Рихарда Штрауса задали высокий тон концерта. В раннем сочинении Франсиса Пуленка «Соната для валторны, трубы и тромбона» в исполнении Захара Кацмана (валторна), Алексея Иванова (труба) и Александра Горбунова (тромбон) была передана интонация «легкой музыки», напоминающая бродячие духовые ансамбли. В «Сюите-экспромте для трёх тромбонов» продемонстрировали своё мастерство Александр Горбунов, Александр Ковальчук и Филипп Павлов, передав французский стиль вальса композитора-тромбониста Андре Лафоса. В сочинении «Argos» («Дерево») эстонского композитора Арво Пярта прозвучали медные духовые и ударные инструменты, которые воссоздали многоголосную фактуру музыкальной ткани. По замыслу самого Пярта, произведение задумывалось как «пропорциональный канон на три голоса: первый изображает ствол воображаемого дерева, затем идёт второй голос, вдвое быстрее первого, затем третий, вдвое быстрее второго».

Завершилось выступление Брасс-ансамбля известным фортепианным циклом «Картинки с выставки» Модеста Мусоргского. Аранжировку осуществил Алексей Репников на основе оркестровой версии Мориса Равеля. В одной из картин «Il vecchio castello» («Старый замок») солирует труба (Михаил

Афонькин), звучит красивая мелодия, ассоциирующаяся с рыцарским благородством.

Брасс-ансамбль Мариинского театра в этом году отметил своё пятнадцатилетие, выступая в различных составах (квинтет, септет, децимет, ансамбль тромбонов, октет валторн). В планах Валерия Гергиева – осуществить постановку комической оперы Джоакино Россини «Золушка, или Торжество добродетели», либретто Якопо Феррети. В Концертном зале 22 февраля «Золушка» прозвучала в полусценическом исполнении в версии Екатерины Малой, а художником по костюмам стала Мария Черноглазова. Атмосферу XVIII века в опере передавало соло клавесина, исполненное Мариной Мишук. Партию меццо-сопрано Анжелины по прозвищу Золушка спела Анна Горячева, а тенора Рамиро, принца Салерно, – Александр Михайлов. В звучании Симфонического оркестра Мариинского театра слышалось многообразие мотивов из россиниевского шедевра «Севильский цирюльник». Эффектная виртуозность и гибкость вокальных партий солистов сочеталась с пением ансамбля Академии молодых оперных певцов Мариинского театра, дирижер Владислав Карклин, хормейстер Павел Теплов.

15 марта особое внимание слушателей привлекла опера «Джоконда» Амилькаре Понкьелли в концертном исполнении, за дирижёрским пультом был маэстро Валерий Гергиев. В основе либретто оперы была пьеса Виктора Гюго «Анджело, тиран Падуанский». Понкьелли сочинил десять опер, но только «Джоконда» (1876) принесла ему известность. В ней проявилось новое направление в оперном искусстве-веризм, суть которого в изображении беспощадной правды, а также в сочинении были черты натурализма и мелодраматизма. Партию героини Джоконды спела Ирина Чурилова, Лауру – Екатерина Семенчук, злодея Барнабу – Владимир Мороз, Энцо – Ахмет Агади. Хоровые партии исполнили солисты ансамбля Академии молодых оперных певцов Мариинского театра.

VI Международный фестиваль «Виртуозы флейты» открылся 17 марта в Концертном зале в программе прозвучали сочинения Иохима Андерсена «Allegro для двух флейт с оркестром», Александра Чайковского «Концертино для флейты со струнным оркестром», за дирижёрским пультом был Арсений Шупляков. В течение пяти дней героиней стала флейта – один из древнейших духовых деревянных инструментов, мистический и сказочный. В концертах исполнялись произведения Эдгара Вареза, Софии Губайдулиной, Мечислава Вайнберга. Александр Чайковский посвятил своё сочинение

легенде отечественной флейты Александре Вавилиной. Традицию домашнего музицирования представляли ансамбли флейты и фортепиано (при участии пианиста Пётра Лаула), исполнив пьесы Поля Таффанеля, Франсиса Пуленка. В концертах показали мастерство Денис Лупачев, Мария Федотова, Николай Моховой, Диана Черезова, а также Ольга Ивушейкова, доцент класса современной и старинной флейты Московской консерватории.

18 марта состоялся концерт «Солисты Санкт-Петербургского Дома музыки», в котором были представлены Арсения Сибилёва (скрипка) и Илья Папоян. Дом музыки в нашем городе открылся в 2006 году во дворце великого князя Алексея Александровича. Проекты его направлены на подготовку молодых российских музыкантов к участию в международных конкурсах, развитие и сохранение исполнительских традиций классического музыкального искусства. В этот вечер прозвучали концерты Иоганнеса Брамса и Сергея Рахманинова в исполнении Симфонического оркестра Мариинского театра (дирижер Игорь Манашеров). В Концерте для скрипки с оркестром ре мажор Брамса солистка Арсения Сибилёва успешно справилась со скрипичными штрихами и быстрыми виртуозными эпизодами финала. В звучании оркестра преобладали светлые, героические, праздничные краски. Пианист Илья Папоян исполнил сочинение Сергея Рахманинова, написанное композитором в семнадцатилетнем возрасте. Концерт для фортепиано с оркестром № 1 прозвучал по-рахманиновски страстно, солисту удалось передать романтическую взволнованность и задумчивость. Безукоризненно был исполнен финал сочинения, сочетающий скерционное и гимническое начало.

22 марта Валерий Гергиев представил слушателям оригинальный концерт «Фантом оперы» в исполнении Брасс-ансамбля. Программа концерта состояла из шести сочинений оперного искусства выдающихся европейских композиторов в аранжировке Вячеслава Кругликова, Джеффри Бойды, Стивена Верхарта и артистов Брасс-ансамбля. Открылся концерт увертюрой к опере Россини «Шелковая лестница».

Особенно хотелось бы выделить исполнение фантазий на тему опер Пуччини «Тоска» и «Турандот». Солоист Глеб Корчагин покорила слушателей, воссоздав тубой арию Мефистофеля из оперы Гуно «Фауст». Трогательно и эмоционально музыканты брасс-ансамбля сыграли романс Неморино («Una furtiva lagrime») из оперы Доницетти «Любовный напиток».

26 марта, накануне Дня театра в Концертном зале прозвучало сочинение Джованни Батиста Перголези “Stabat Mater” для сопрано, альты, струнных и органа. В XVIII веке это произведение обошло всю Европу, явившись подлинным образцом духовной музыки. Католические песнопения на латыни, посвящённые Деве Марии, исполнили Ольга Трифонова (сопрано) и Надежда Сердюк (меццо-сопрано), Ольга Котлярова (орган) и Струнный оркестр Мариинского театра, дирижёр Заурбек Гугкаев. В этот вечер была исполнена камерная симфония для струнного оркестра до минор Дмитрия Шостаковича – Рудольфа Баршая. Это сочинение представляет собой версию для струнного оркестра Восьмого квартета Шостаковича, выполненную альтистом и дирижёром Рудольфом Баршаем с согласия композитора. Транскрипция квартетного варианта пользуется заслуженной популярностью и вызывает интерес у слушателей.

Государственный музей «Эрмитаж»

«Поднесение к Рождеству» – так называется выставка, посвящённая творчеству французского художника-орнаменталиста Вивана Босе (1818–1886) и саксонского мастера копийной живописи на фарфоре Августа Липпольда (1823–1915), работавших на Императорском фарфоровом заводе в период царствования Александра II. Выставка организована Государственным Эрмитажем и АО «Императорский фарфоровый завод». Экспозиция состояла из парадных ваз и эскизов их орнаментального сопровождения, а также уникальных пластов с копийной росписью лучших произведений Императорского фарфорового завода. Гигантские парадные фарфоровые вазы с позолотой вместе с другими экспонатами гармонично вошли в интерьер Гербового зала архитектуры русского классицизма.

Каннелированные золоченые колонны коринского ордера и расположенные по периметру хоры с балюстрадами, бронзовые люстры, украшенные гербами российских губерний, а среди них – творения выдающихся мастеров прикладного искусства Вивана Босе и Августа Липпольда переносили посетителей в атмосферу середины XIX века. Открыл выставку генеральный директор Государственного Эрмитажа Михаил Пиотровский, сказав: «Картины на фарфоре, будь это огромные вазы или керамические пласты, – эффектная форма декоративного искусства и замечательная связка между Императорским заводом и Эрмитажем. В них есть особая прелесть и специальная документальность, которая оказалась важной и для

истории нашей картинной галереи. Хорошо, что мы вспоминаем мастеров поименно».

Выставка представляла около 40 работ Императорского фарфорового завода. Это были парные вазы с росписями: «Пейзаж с пастухами и стадом баранов», «Итальянский пейзаж с дорогой», «Жмурки» и «Блины» (младенцы в стиле путти в белых париках, выпекающие блины), расписанных по одноименным картинам французского художника Пьера Франсуа Эжена Жиро (1806–1881), а также чайный белый сервиз с монограммой «А.А.» великого князя Александра Александровича и Романовский сервиз (с надглазурной полихромной позолоченной росписью с изображением на чайнике Петра I), созданные Виваном Босе. Непревзойденный художник в разработке живописно-орнаментальных решений изданий на фарфоре, Босе был известен как иллюстратор парижских журналов и популярного издания «Три мушкетера».

На выставке можно ознакомиться с копиями росписями Августа Карла Липпольда, внёсшего значительный вклад в развитие отечественного фарфорового производства. Это пласт «Мария Магдалина» (1857), выполненный по живописному оригиналу Б. Э. Мурильо и пласт с тем же названием по другому оригиналу Пьетро Антонио Ротари (1860). Излюбленными для копирования у него были произведения Б. Э. Мурильо. Выпускник Дрезденской академии художеств выбрал своей специализацией роспись по фарфору и с 1855 года на Императорском фарфоровом заводе до 1889 года создавал свои шедевры копирования. Вызывает особый интерес у посетителей выставки портрет наследника-цесаревича, будущего императора Александра III, и его жены. Липпольд достиг высочайшего мастерства в технике работы с фарфоровыми красками и исполнял картины на фарфоре колоссальных размеров (80 x 90 см).

Выставка подготовлена Отделом истории русской культуры (заведующий – Вячеслав Фёдоров). Автор концепции – куратор выставки Екатерина Хмельницкая. К выставке был выпущен научный иллюстрированный каталог «Виван Босе и Август Липпольд: мастера живописного отделения Императорского Фарфорового завода. 1850–1870-е годы» (Издательство Государственного Эрмитажа, 2021). Автор вступительной статьи Екатерина Хмельницкая подчёркивает, что «незаслуженно обделены вниманием обстоятельства участия Липпольда и Босе в создании программных живописных произведений Фарфорового завода. На страницах искусствоведческой литературы авторские

работы Босе и Липпольда если и упоминаются, то исключительно через запятую. Должного внимания не уделяется ни истории их создания, ни анализу. Тем не менее все известные нам произведения, созданные при участии этих художников, получили самые положительные отзывы императорской семьи и находились в их личном распоряжении... К сожалению, большая часть ваз и живописных пластов, подходивших по описанию дворцового ведомства, безвозвратно исчезла после революции 1917 года. Тем ценнее для нас уникальные дошедшие до наших дней работы этих мастеров».

Среди работ современных художников особый интерес вызвала композиция Ясо Pascoies Инны Олевской (1940–2021), посвящённую неординарному джазовому музыканту, бас-гитаристу и композитору. Скульптура Олевской (заслуженного художника России, члена-корреспондента Академии художеств) войдёт в коллекцию Эрмитажа.

Хотелось бы отметить, что Екатерина Хмельницкая – доктор искусствоведения, хранитель коллекции русского фарфора и керамики XIX–XX веков и при этом дизайнер авторских украшений, участник более 40 выставочных проектов в России, Европе и Америке, провела более 20 персональных выставок, в том числе в центре Государственного Эрмитажа в Казани, в Музее Фаберже Санкт-Петербурга (2019), «Сальвадор Дали. Магическое искусство» (2020). Е. Хмельницкая, создавая современные украшения, комбинирует их с разнообразными деталями, курьезными артефактами, соединяя исторические традиции декоративного искусства и новаторские методы поиска новых материалов и нестандартных форм.

**Государственный Русский музей
«Внутренняя книга» Г. А. В. Трауготов
(книжная иллюстрация, графика,
живопись, фарфор)**

Так называлась выставка, представленная Русским музеем с 13 января по 10 февраля 2022 года в Восточном павильоне Михайловского замка, бывшем здании Кавалергардии. Выставка была организована проектом «Трауготовские чтения» (куратор – Микаел Давтян) и Отделом социокультурных коммуникаций Русского музея под руководством Ольги Гончаровой. Заведующая сектором детского творчества Мария Литвинова познакомила автора статьи с экспозицией.

Не существует ни одного ребёнка или взрослого, кто не знал бы иллюстраций художников-графиков Г. А. В. Трауготов. Благодаря их творчеству каждый из нас мог погрузиться в удивительный мир сказочных

и литературных героев. Более двухсот книг русских и зарубежных авторов оформили Трауготы. Первые книги братья Александр и Валерий создавали под руководством отца – Георгия Николаевича. Фамилия Траугот в переводе с немецкого означает «Доверяй Богу». Подпись к своим рисункам и произведениям прикладного искусства художники сохранили навсегда: «Г. А. В. Траугот». Первый инициал – Г. – стал не только данью уважения к памяти отца, но и желанием сохранить то творческое начало, которое он открыл в сыновьях.

Многогранное творчество Александра (1931) и Валерия (1936–2009) Трауготов на этой выставке вызвало особый интерес благодаря уникальным ранним иллюстрациям к книгам 1950-х – начала 1960-х годов, посвящённым цирку, которые, к сожалению, так и не вышли в свет. Перед нами оживает реальная атмосфера цирка: вот обезьянка, играющая в «четыре лапы», тут же на ковре хорошо узнаваемые клоуны – Карандаш и Олег Попов. На фоне жёлтого диска арены были представлены летающие акробаты под куполом цирка. В экспозиции есть иллюстрации к рассказу Л. Н. Толстого «Лев и собачка», к «Сказке про лунный свет» Нины Гернет, к «Оле Лукойе» Андерсена, в которых художники использовали свои излюбленные цвета: синий, красный, жёлтый, фиолетовый, оттенки серого и голубого. На одной из андерсеновских иллюстраций изображены два похожих мальчика, один из них держит в руке оловянного солдата. Они стоят на улице среди зданий, а за ними виднеется знакомый шпиль, ассоциирующийся с Петропавловкой, с Петербургом (Ленинградом), столь часто изображаемым братьями-художниками.

Концепция проекта устроителями была высказана следующим образом: «Метафорой творческого метода братьев Трауготов или, точнее, их отношения к делу всей их жизни, а также продуктов их вдохновенного труда в данном случае служит понятие “близкого чтения”, одновременно доверчивого и пристального, пылкого и сосредоточенного, благодарного и испытующего. Наш выбор определён тем, как мысль, слово и знак оживают в пластическом образе, иными словами – в Искусстве, тогда как некое загадочное и потаённое знание природы вещей, а может быть, и самой жизни, которым обладают художники, приводит в действие “мысленный образ” той самой “внутренней книги”».

На выставке были представлены рисунки и акварели к произведениям М. Метерлинка и Э. Ростана, А.С. Пушкина, А.П. Чехова, А.И. Куприна, Л.Н. Толстого, А. Волкова, Б. Сер-

154 | гуненкова. Художников отличает предельная внимательность к тексту книги, которую они иллюстрируют, будь то поэзия Евгения Лукина “Sol Orients” или автора этой статьи «Далматинско-Дубровницкое Возрождение: творчество Марина Држича» (СПб.: Издательство С.-Петербург. ун-та, 2006. 213 с.).

Нынешняя экспозиция не была столь масштабной в сравнении с выставкой «Семья Траугот» 2012 года, проходившей 10 лет назад в Мраморном дворце, на которой впервые экспонировались полотна Веры Яновой – жены и матери художников.

В июне 2021 года Александру Георгиевичу Трауготу исполнилось 90 лет. Настоящая экспозиция завершает выставочную программу юбилейного года. Основная часть работ – это книжная графика, станковая живопись, портреты, пейзажи и натюрморты, выполненные в различных техниках с начала 1970-х до конца 2021 года, а также здесь можно было увидеть декоративные произведения – роспись по фарфору. Значительная часть произведений ранее не демонстрировалась в музейном контексте.

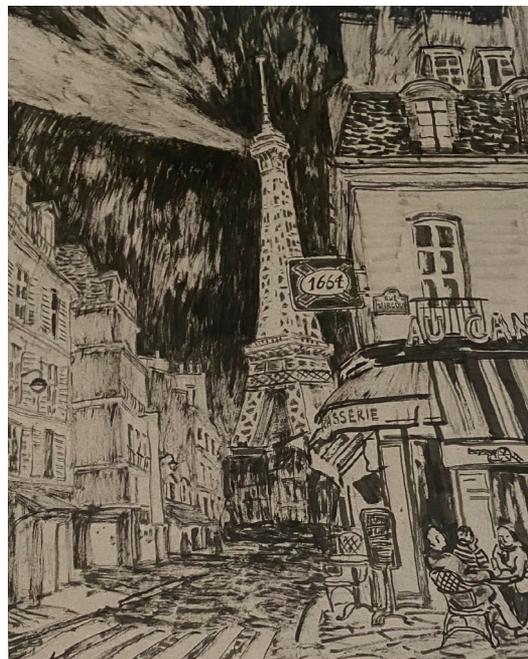
Галерея Мойка, 104

Выставочное пространство, возглавляемое генеральным директором Татьяной Ильюшкиной, стало излюбленным местом для размещения картин многих художников. I-Gallery Intelligence в содружестве с галереей Мойка 104 представили выставку графических работ современных художников «След точки». В своём творчестве художники Жан-Мари Дерош (Париж), Франк Ле Булико (Париж), Света Иванова (Петербург), Мария Трегубенко (Петербург), Елена Ремерова (Петербург), Алёна Васильева (Петербург), Наталья Колобова (Кострома), Анна Егерова (Петербург), Игорь Волков (Павловск), Залина Мукожева (Нальчик) обращаются к технике пастели, акварели, рисунка тушью и гелевой ручкой. «Графика – техника, которая способна выразить с помощью движения линий и точек самые сложные и глубокие мысли», – рассказывает арт-куратор «Мойки 104» (Санкт-Петербург) Татьяна Помазкина. Так родилось название выставки «След точки». Ольга Хлопова стала арт-куратором I-Gallery Paris.

Вот перед посетителями линии и точки переплетаются, сливаются в своём чередовании и превращаются в металлическую сетку Эйфелевой башни, рождают свет прожектора на ней в картине Алёны Васильевой, почётного члена Российской академии художеств. Художница награждена Золотой медалью Российской академии художеств за цикл произведений и выставок «Петер-

гоф – Ихэюань: летние императорские резиденции. В творческой биографии кандидата искусствоведения Алёны Васильевой есть 25 персональных выставок в музеях, галереях, выставочных залах России, Китая, Франции, Сербии. Слои масляной пастели выстраивают сказочные дома, а потом и улицы в картинах Елены Ремеровой, выпускницы Санкт-Петербургской академии художеств имени Ильи Репина. Работы Елены Ремеровой находятся в Музее Академии художеств, Музее истории города (СПб), Национальной галерее Армении, Центральном музее железнодорожного транспорта, Центре развития искусств (СПб), а также в галереях и частных собраниях за рубежом.

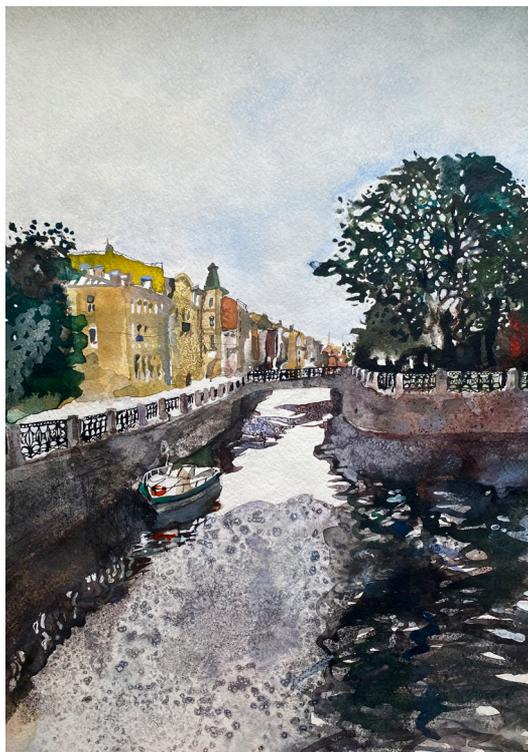
Елена Воскобоева в своих работах окружает геометрией знаковых питерских дворов. Художница – член Творческого союза художников России (ИФА) – создает графические работы в техниках акватушь и флоротипия. В мастерской Елены осуществляется новый проект – один из петербургских островов в период изоляции. В картинах Светы Ивановой – художника, иллюстратора, поэта – капли акварели текут реками и каналами Петербурга. Ее персональные выставки книжной и станковой графики многократно проходили в галереях Санкт-Петербурга, Москвы, Германии, Нидерландов, Франции. Произведения Светланы Ивановой находятся в коллекциях Музея-квартиры Ф. М. Достоевского (Санкт-Петербург), издательских до-

Алёна Васильева «В пятницу вечером», тушь

*Воскобоева Е. Мир просторен.
Смешанная техника*

Иванова С. Набережная. Акварель

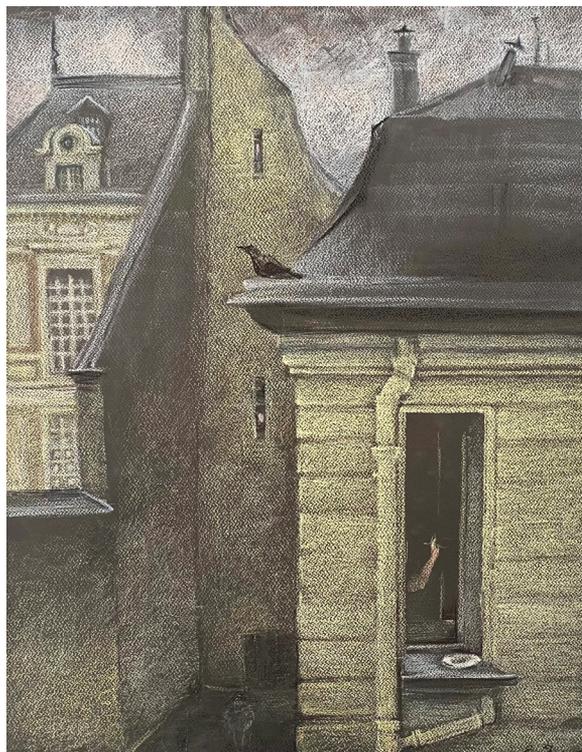
Колобова Н. В Гран-Пале. Париж. Монотипия

Франк Ле Булико. Пастель

Егерова А. Б.Н. Бумага, смешанная техника

Ремерова Е. Утро. Париж. Пастель

мов «Вита Нова», «Новое литературное обозрение». Заслуженный художник Российской Федерации Наталья Колобова с помощью сложной техники монотипии напоминает нам о простых, но важных вещах. Каждое лицо на её портретах – подаренное кем-то воспоминание, будь то улыбающийся при встрече друг или случайный прохожий. Наталья Колобова признана Французской академией изящных искусств одним из лучших художников Франции 2018 года. Произведения художницы находятся в Костромском государственном историко-архитектурном и художественном музее-заповеднике, Белгородском государственном художественном музее, Касимовском историко-художественном музее (Рязанская область), Национальном музее Чеченской Республики (Грозный), Заволжской картинной галерее (Ивановская область), в частных коллекциях России, Италии, Франции, Японии, Германии, Швейцарии. Франк Ле Булико взял самые яркие мелки пастели и осветил ими чёрный лист бумаги. Точка за точкой, след за следом художник оставил нам надежду на свет в темноте. Его манеру отличают плотность фактуры, баланс цвета и света, подчеркнутый лёгкостью мазков кисти и мастихина. Франк Ле Булико в своих картинах ориентируется

на единство формы и цвета. Произведения художника находятся в постоянной экспозиции галерей современного искусства Европы и Азии. У художника-живописца Жан-Мари Дероша основная тема творчества – красота человеческого тела в сочетании с красотой природы. Героиней выставки была линия – след движущейся точки. Начало начал в искусстве. Акт рождения и продолжения развития. С этим творческим процессом петербуржцев познакомили новые молодые авторы и известные мастера. Экспозиция галереи «Мойка 104» позволила сравнить российскую и французскую школу графики.

Фестиваль немецкоязычных стран в Санкт-Петербурге DACH_FEST 2022

Со дня своего основания Санкт-Петербург тесно связан с немецкой культурой и немецкоязычными странами, такими как Германия, Австрия, Швейцария и Лихтенштейн. 28 февраля в Центральной библиотеке им. М. Ю. Лермонтова прошло торжественное открытие фестиваля Dach_Fest 2022, на котором была представлена презентация книжной выставки «Путешествие в сказку», посвящённая изданиям двух сказок: «Карлик Нос» Гауфа и «Ашик-Кериб» Лермонтова. В 2022 году Германия отмеча-

Куршева Ю. Иллюстрация к сказке
М. Лермонтова «Ашик-Кериб»

Куршева Ю. Иллюстрация к сказке
В. Гауфа «Карлик Нос»

ет 220 лет со дня рождения Гауфа – писателя-романтика, автора исторических и сатирических романов, но прежде всего сказок «Карлик Нос», «Маленький Мук», «Холодное сердце». Творчество Михаила Юрьевича Лермонтова – вершина русской романтической литературы. Поэт так же, как и Вильгельм Гауф обращался в своём творчестве к восточному колориту. Лермонтова и Гауфа многое объединяет. Оба рано потеряли родителей, оба прожили короткую жизнь. Возможно, русский поэт читал на немецком сборник гауфовских «Сказок для сыновей и дочерей». Поэтому логично было представить сказки Гауфа и Лермонтова в изобразительном, театральном и киноискусстве.

1 марта состоялось открытие выставки художника-иллюстратора Юлии Куршевой «Рождение сказки», посвящённой графическим произведениям «Ашик-Кериб» Лермонтова и «Карлик Нос» Гауфа. Художница прочувствовала и передала глубокий смысл романтической сказки Лермонтова «Ашик-Кериб». Изображение в иллюстрациях более условно – нет привязанности к какой-либо народности. В одной из иллюстраций художница передала отчаяние Ашик-Кериба, когда он увидел блюдо, а в нём – образ влюбленной, простирающей к нему руки. Иллюстрации к «Карлику Носу» вызывают ассоциации с родным для Гауфа Штутгартом – городом на юго-западе Германии. Юлия Куршева стремится уйти от деталей предметного мира, наполнив свои работы драматизмом и экспрессией происходящего с Якобом. Юлия – член Союза художников России, сотрудничает с российскими и зарубежными издательствами, преподаёт в Санкт-Петербургской государственной художественно-промышленной академии имени

А. Л. Штигица. Театральные миниатюры по обеим сказкам были разыграны студентами мастерской А. А. Дежонина и заслуженного артиста РФ Е.А. Иванова (кафедра актёрского мастерства факультета экранных искусств СПбГИКиТ, а другая театральная постановка сказки М. Ю. Лермонтова «Ашик-Кериб» была осуществлена студентами мастерской Е. А. Слуцкой (кафедра теории и истории культуры Института философии человека РГПУ им.) А. И. Герцена). Перед просмотром фильма «Карлик Нос» режиссёра Франческо Стефани (1953) Инной Макаровой (Санкт-Петербург) была прочитана лекция «Сказочные миры Вильгельма Гауфа». В последующие дни марта в рамках проекта «Сказки: Гауф vs Лермонтов» была показана сказочная ретроспектива трёх фильмов: «Харчевня в Шпессарте», «Привидения в замке Шпессарт», «Прекрасные времена в Шпессарте». Главную роль во всех трёх кинокартинах исполнила легендарная Лизелотте Пульвер.

С 28 февраля по 20 марта на фестивале были представлены выставки, лекции, кинопоказы. В Межкультурном институте языков «Liben&Denz» прошла «Ретроспектива Рене Юбера, создателя коллекции гламурных нарядов для голливудских кинозвёзд. С его творчеством можно ознакомиться, посмотрев музыкально-романтическую комедию «Нескромный» (1931), а также фильмы «Любовь императора Франции» и «Визит», за которые Рене Юбер был дважды номинирован на «Оскар» за лучший костюм. Лекцию «Рене Юбер: швейцарец в Голливуде» прочла историк кино костюма Анна Баштовая (Москва). На фестивале были показаны лучшие австрийские кинофильмы «Дыхание» (2011), «Рай: Любовь» (2012), «Твоя красота ничего не стоит» (2012), «Тёмная долина» (2014). О

выдающемся режиссёре Австрии и его фильме «Рай: Любовь» рассказала Ксения Реутова (Санкт-Петербург) в ходе лекции «Ульריך Зайдль – австрийский киноprovокатор».

С лекциями о швейцарском документальном кино выступили Павел Дейнека, сотрудник Научно-просветительного отдела Государственного Эрмитажа, рассказав о скульпторе и поэте Дитере Роте, и искусствовед Андрей Дьяченко, поведав о выдающемся представителе символизма в европейском искусстве Арнольде Бёклине и об экспрессионизме Эрнста Людвиг Кирхнера. О творчестве швейцарской художницы Софи Тайбер-Арп, представительнице дадаизма рассказала Юлиана Каминская – историк литературы, доцент кафедры истории зарубежных литератур филологического факультета СПбГУ, кандидат филологических наук. Лекции и демонстрацию документальных фильмов о художниках можно было посетить в Екатеринбургской библиотеке им. М.Ю. Лермонтова. В ЦГДБ им. А. С. Пушкина прошли три книжно-литературные выставки. Одна из них – “Die grosse Frage” («Большой вопрос») – экспозиция немецкоязычных детских книг Австрии, Германии и Швейцарии; другая – из коллекции Гёте-института, и третья – «Саги княжества Лихтенштейн», а также выставка одного экспоната в интерактивной витрине. С онлайн-лекцией «Предания княжества Лихтенштейн» выступила Тамара Кудрявцева (Москва).

Демонстрацией фильма «Щелкунчик и Мышиный король» завершилось мероприятие «Щелкунчик и все-все-все» в Пушкинской». В наступившем 2022 году исполняется ровно 200 лет с момента смерти знаменитого немецкого сказочника Э.Т.А. Гофмана. Хотелось бы упомянуть, что в 2021 году отметили 245 лет со дня его рождения и 205 лет с момента первого издания его книги со сказками, в которую входил текст «Щелкунчика и Мышиного короля». В образовательном интеллект-центре «Охта-8» прозвучали лекции по истории немецкоязычной литературы.

Демонстрацию оперы Виктора Ульмана «Император Атлантиды, или Падение Анти-

христа», написанной по пьесе швейцарского поэта и драматурга Альберта Штеффена, предваряла лекция «Альберт Штеффен: в поисках философского камня». Её прочла Светлана Аверкина (Нижний Новгород). Перед показом фильма «Поруганная честь Катарини Блюм» Евгений Зачевский (Санкт-Петербург) прочёл лекцию «Группа 47. Страницы истории ФРГ». Фильм «Групповой портрет дамы» и лекция Татьяны Юдиной (Москва) «Генрих Бёлль и современный российский читатель» познакомили зрителей с творчеством немецкого писателя, лауреата Нобелевской премии Генриха Теодора Бёлля.

В 1990 году Шрётер экранизировал один из самых знаменитых романов австрийской писательницы Ингеборг Бахман «Малина». С этим фильмом можно было ознакомиться в эти же дни, а лекция Елизаветы Соколовой (Москва) «Ингеборг Бахман и ее роман “Малина”» позволила читателям приблизиться к австрийской культуре.

Лекция «Петер Хандке: enfant terrible австрийской литературы» Александра Белобратова, директора Австрийской библиотеки в Санкт-Петербурге, раскрыла эстетические предпочтения австрийского писателя Петера Хандке и кинорежиссёра Вима Вендерса. Показ ленты «Страх вратаря перед одиннадцатиметровым» по роману писателя приурочен к 80-летию Петера Хандке.

«Пейзажи Швейцарии» – так называлась выставка Валерии Будниковой, преподавателя кафедры живописи РГПУ им. А.И. Герцена. В своих работах, выполненных в техниках масляной живописи и гравюры, художница передаёт живые впечатления о современной Швейцарии. В этот же день в пространстве «Библиотека № 4 им. А.В. Молчанова» демонстрировался документальный фильм Марка Чудина «Добро пожаловать в Щebetландию» (оригинальное название фильма построено на игре слов «Швейцария» (Switzerland) и «Земля щebetания» (Zwitscherland). Фильм задуман так, словно режиссёр пытается подсмотреть за жизнью птиц Швейцарии, пытаясь сопоставить, как некоторые виды птиц похожи на жителей тех мест.

SOCIETY

Article
Summary &
References

Discourse Strategies

Martynov V.A. “Cultural Wars”: Theoretical Problems of the History of the “Turn” in the Science of Culture (article two).....3 / 161

Verkhovyykh I.A. Civilization Paradigm of Analysis and Optimization of Educational Models..... 14 / 162

Globalization: Polemic of Civilizations

Mosolova L.M., Bondarev A.V., Zykin A.V. “Indigenous peoples”: the Multidimensionality of the Pproblematization..... 19 / 163

Yang Ziye. Some Challenges and Prospects for China’s Cultural Diplomacy in Russia.....25 / 165

Anthropology and Ethnology in XXI Century

Kubanova T.A. The Mythological Image of the Tungus-Manchu Worldview: on the Way from Chaos to Organization and Order 30 / 166

Languages of Culture

Bedir Khanov S.A. Natural World in the Poetic Reception of P. Fatullayeva. Sociocultural Aspect.....34 / 167

Contreras Koob A. The evolution of immersive sound in American cinema.....39 / 167

World of Art Culture

Skhaplok G.A. Soviet March during the Great Patriotic War (1941–1945)..... 43 / 168

Maksimov A.N. Stage Event as a Unit of Action in a Dramatic Performance51 / 169

Cultural Heritage

Kotkov V.M., Achkasov N.B., Sorokotyaga I.A., Spirina O.S. Military Periodical Seal during the Great Patriotic War in the Arctic.....55 / 169

Matrosov A.E. Battle of Kulm in historical memory 61 / 170

Axiological Experience

Zimbuli A.E. Teacher: Moral-Significant Aspects66 / 170

Davydov S.A. Entrepreneurial Activity: How it is Evaluated in the Economic Culture of Modern Russia 76 / 172

Voskresenskiy A.A., Sultanov K.V., Sunyagina A.G. Postmaterialism epistemology in knowledge economy: values and worldview 81 / 172

Vorontsov A.V., Prilutsky A.M., Bogachev A.M., Teplykh G.I. Psychosemiotics of destructive behavior: from symbolic murder to real murder86 / 173

Pedagogical Experience

- Ponomareva E.V., Ivanova O.I.* Diagnostics of Preschool Children's Social Emotions in the Conditions of Music Training: Research Materials..... 97 / 175
- Starovoitova E.S.* The Features of the Pedagogical Methods of Yu.I. Plakhta and their Influence on the Training of Ballet dancers 103 / 176
- Okladnikova E.A., Lipatova A.A.* The experience of educating patriotism as the highest social feeling: an example of one student tour..... 111 / 176
- Mezentseva S.V.* Music Computer Technologies and Sound Design: about the Demand for a Specialist of a New Profile..... 121 / 177

ENVIRONMENT**Natural Environment**

- Druzhinina O.A.* Palaeolimnological Research in the South-Eastern Baltic Region (Kaliningrad region) in 2010–2020: New Data on the Late Pleistocene and Holocene Environment..... 125 / 178
- Ushakov M.V.* Calculated Characteristics of the Maximum Spring Runoff of the Rivers in the Northern Okhotsk Sea Region 131 / 180

NEWS

- Bobkov V.N.* On the 85th anniversary of Alexander Ivanovich Subetto..... 135 / –
- Subetto A.I.* Mercy. Reflection of a noospherologist at the beginning of the XXI century 136 / –
- Sanzheeva L.V.* Personality, scientist, teacher. Igor Leontievich Nabok. To the anniversary of the professor of Herzen University 138 / –
- Boronoev A.O., Zakharova E.M.* Maxim Maksimovich Kovalevsky – the founder of the Russian Sociological school. Round table dedicated to the 170th anniversary of his birth 139 / –
- Kutenkov P.I.* Russian language: an indicator of the vitality of humanity and its existence on Earth. The Sixth International Interdisciplinary Scientific and Practical Conference “Signs and sign systems of folk culture”, Moscow – S.-Petersburg, December 10–11, 2021, 142 / –
- Drobysheva M.N.* Events of theatrical and exhibition life of St. Petersburg. January, February, March 2022 146 / –

SUMMARY & REFERENCES

SOCIETY

DISCOURSE STRATEGIES

V.A. Martynov,

Candidate of Philological Science, Senior researcher, Omsk humanitarian academy, Omsk;

e-mail: vmartynov@list.ru

“CULTURAL WARS”: THEORETICAL PROBLEMS OF THE HISTORY OF THE “TURN” IN THE SCIENCE OF CULTURE (ARTICLE TWO)

The theoretical discussion on cultural studies in Manchester in 1996 is the key to understanding both the recent history of anthropology and the sciences of culture in general. The problem is that the discussion in the «debate group» was only apparently theoretically fundamental. The discussion did not come to fundamental problems, the main of which is the need to think about modern problems of humanitarian knowledge in the situation of the emerging new paradigm of scientific knowledge, in the context of epistemological and cultural turns. The expansion of cultural studies was primarily a sign of the beginning of these turns. It was necessary to argue about the general processes in the first place. This did not happen, the result of the discussion was an announcement decorated with militant rhetoric about consolidation and the rejection of dialogue with cultural studies. Anthropology abandoned fundamental decisions and drifted with the current, which carried it to constructivism, to the rejection of theoretical control over the definition of culture, to the loss of the subject and institutional identity. The question of the need for a systematic realistic definition of culture has not been raised, it is still relevant today. The conflicts accompanying the «cultural wars» clearly demonstrate the seriousness and relevance of the problem.

Key words: sociocultural anthropology, cultural studies, critical theory, native cultures, modernity, sub-political counter-control, cultural sciences, cultural theory, epistemological turn, constructivism, epistemological realism.

References:

- [1] Assman A. New discontent with memorial culture [Novoye nedovol'stvo memorlal'noi kul'turoi]. Moscow, NLO, 2016, 232 p.
- [2] Bek U. Risk Society. On the Way to another Modern [Obsh'estvo riska. Na puti k drugomu modernu]. Moscow, Progress, 2000, 384 p.
- [3] Elfimov A.L. Polylocal ethnography yesterday and today: a conversation with G. Markus [Polilokal'naya etnografiya vchera i segodn'a: razgovor s D. Markusom] // Ethnographic review. 2020. № 6, pp. 111–125.
- [4] Zvereva G.I. Culturology as Academic Problem [Kul'turologiya kak akademicheskaya problema] // RGGU Gerald (History. Philology. Culturology). 2007. № 10, pp. 14–32.
- [5] Iglton T. The idea of culture: introduction [Ideya kultury: vvedenie]. Moscow, HSE, 2012, 192 p.
- [6] Kagan M.S. Introduction to the History of World Culture [Vvedenie v istoriyu mirovoi kultury]. B. I. St. Petersburg, Petropolis, 2003, 368 p.
- [7] Kaller J. Theory of Literature: Short Introduction [Teoriya literatury: kratkoye vvedenie]. Moscow, AST, 2006, 158 p.
- [8] Kurennoy V. Research and Policy Program of Cultural Studies [Issledovatel'skaya i politicheskaya programma kul'turnykh issledovaniy] // Logos. 2012, № 1, pp. 14–79.
- [9] Marcus G. About the Socio-cultural Anthropology of the USA, its Problems and Prospects [O sotsio-kulturnoi antropologii Ameriki, eyo problemakh i perspektivakh]. Anthropological traditions: styles, stereotypes, paradigms. Moscow, NLO, 2012, pp. 48–67.
- [10] Mostova L.A. Paradigms of Anthropological Theory at the Turn of the XIX-XX and XX-XXI Centuries or Paradoxes of Scientific Dynamics [Paradimy antropologicheskoi teorii na rubezhe XIX-XX i XX-XXI vekov ili paradoksy nauchnoi dinamiki] // Vybora metoda. Izuchenije kul'tury v Rossii 1990 godov. Moscow, RGGU, 2001, pp. 21–27.
- [11] Reznik Yu.M. Culturology in the System of Cultural Sciences: a New Discipline or an Interdisciplinary Project? [Kul'turologiya v sisteme nauk o kul'ture: novaya distsiplina ili mezhdistsiplinarnyi project?] // Fundamental Problems of Culturology, V. 1, St. Petersburg, Aleteja, 2008, pp. 16–30.
- [12] Sokolovskij S. Mirrors and Reflections, or Once Again about the Situation in Russian Anthropology [Zerkala i otrazheniya, ili escho raz o situatsii v rossijskoy antropologii] // Anthropological Forum. 2014. № 20, pp. 143–188.
- [13] Sokolovskij S. The Past in the Present of Russian Anthropology [Proshloje v nastoyaschem rossijskoj antropologii]. Anthropological traditions: styles, stereotypes, paradigms. Moscow, NLO, 2012, pp. 78–108.
- [14] Solovej T.D. To get away from science, where yesterday is always repeated [Uiti ot nauki, gde vechno povtor'aets'a vchera] // Ethnographic review. 2021, № 3, pp. 186–188.
- [15] Tishkov V.A. Where did Russian ethnology come from and where did it go [Otkuda i kuda poshla rossijskaya etnologiya] // Ethnographic review. 2020, № 3, pp. 72–92.

- [16] Tishkov V.A. Requiem for Ethnos: Studies in Socio-cultural anthropology [Rekviem po etnosu: issledovaniya po sotsial'no-kul'turnoj antropologii]. Moscow, Science [Nauka], 2003, 544 p.
- [17] Khorckhaimer M., Adorno T. Dialectics of Enlightenment. Philosophical fragments [Dialektika prosvescheniya. Filosofskiye fragmenty]. Moscow, St.Petersburg, Medium, Uventa, 1997, 312 p.
- [18] Alasuutary P. Researching culture: Qualitative Method and cultural studies. L., SAGE, 1995, 224 p.
- [19] Anderson E. The Epistemology of Democracy // *Episteme*. 2006. V. 3, Issue 1, pp. 8–22.
- [20] Annandale E. The Sociology of Health and Medicine. Cambridge, Polity, 1998, 289 p.
- [21] Andrews D.L. Posting up: French Post-structuralism and the Critical Analysis of Contemporary Sporting Culture // *Handbook of Sports Studies* / Ed by J. Coakley and E. Dunning. L., New Delhi, SAGE Publ., 2000, pp. 106–138.
- [22] Barker Ch. Cultural Studies: Theory and Practice. L.: Sage, 2000, 485 p.
- [23] Bordo S. Unbearable Weight: Feminism, Western Culture and the Body. Berkeley, University of California Press, 1993, 408 p.
- [24] Boulter J. Melancholy and the Archive. Trauma, History and Memory in the Contemporary Novel. L., N.Y., Continuum, 2011, 208 p.
- [25] Brunsdon Ch. The feminist, the house wife and the soap opera. Oxford, Oxford Univ. Press, 2000, 268 p.
- [26] Cool J. The Mutual Co-Construction of Online and Onground in Cyborgnic: Making an Ethnography of Networked Social Media Speak to Challenges of the Posthuman // *Human no More: Digital Subjectivities, Unhuman Subjects, and the End of Anthropology* / Ed. by N.I. Whitehead, M. Wesch. Boulder. Univ. Press of Colorado, 2012, pp. 11–32.
- [27] Couldry N. Inside culture: Re-imagining the method of cultural studies. L., SAGE, 2000, 176 p.
- [28] Craps S. Beyond Eurocentrism: trauma theory in the global age // *The Future of Trauma Theory: Contemporary Literary and Cultural Criticism* / Ed. by G. Buelence, S. Durrant, R. Eaglestone. N.Y., Routledge, 2014, pp. 45–62.
- [29] Cultural Methodologies / Ed. by J. McGuigan. L., SAGE, 1997, 224 p.
- [30] Cultural Studies Will be Death of Anthropology / Ed. by P. Wade. Manchester, GDATA, 1997, 66 p.
- [31] Delayny S. Impolitic Bodies. Poetry, Saints and Fifteen-century England. N.Y., Oxford Univ. Press, 1998, 256 p.
- [32] Enterline L. The Rhetoric of the Body from Ovid to Shakespeare. Cambridge, N.Y., Cambridge Univ. Press, 2004, 272 p.
- [33] Gilbert P.K. Mapping the Victorian Social Body. N.Y., State Univ. of New York Press, 2004, 245 p.
- [34] Hall S. On Postmodernism and Articulation: An Interview with S. Hall by L. Grossbreg // *Hall S. Essential Essays*. V. 1. Foundation of Cultural Studies. Durham, L. Duke Univ. Press, 2019, pp. 222–246.
- [35] Hargreaves J., McDonald I. Cultural Studies and the Sociology of Sport // *Handbook of Sports Studies* / Ed by J. Coakley and E. Dunning. L., N. Delhi. SAGE Publ., 2000, pp. 48–60.
- [36] Ifowodo O. History, Trauma and Healing in Postcolonial Narrative. N.Y., Palgrave, 2013, 238 p.
- [37] Jense H. Locating Fashion Studies: Research Methods, Sites and Practice // *Fashion Studies: Research Methods, Sites and Practice*. L., Oxford, N.Y., New Delhi, 2016, pp. 1–18.
- [38] Kawamura Y. Fashion-ology. An Introduction to Fashion Studies. Oxford, N.Y., Berg Publ., 2005, 124 p.
- [39] Kellner D. Overcoming the divide: cultural studies and political economy // *Cultural Studies in Question*. L., Sage, 1997, pp. 102–120.
- [40] Kohl K.-X. Introduce // *The End of Anthropology?* / Ed. by H. Jebens, K.-X. Kohl. Canon Pyon, Sean Kingston Publishing, 2011, pp. 1–12.
- [41] Marcus G. The End (s) of Ethnography: Social/Cultural Anthropology's Signature Form of Producing Knowledge in Transition // *Cultural Anthropology*. 2008, № 23 (1), pp. 1–14.
- [42] Richardsson D. Rethinking Sexuality. L., SAGE., 2000, 192 p.
- [43] Richardson N., Locks A. Body Studies: The Basic. L., N.Y., Routledge, 2014, 145 p.
- [44] Richardson N. Transgressive Bodies: Representations in Film and Popular Culture. Farnham, Ashgate, 2010, 246 p.
- [45] Schmidt S.J. Memory and Remembrance: A Constructivist Approach // *Cultural Memory Studies: An International and Interdisciplinary Handbook* / Ed. by A. Erll, A. Nunning. B., N.Y., W. De Gruyter Publ., 2008, pp. 191–202.
- [46] Sullivan N. Foucault's Body // *Routledge Handbook of Body Studies* / Ed. by B.S. Turner. L., N.Y., Routledge, 2012, pp. 106–116.
- [47] Tucker H., Akama J. Tourism as Postcolonialism // *The SAGE Handbook of Tourism Studies*. / Ed. by T. Jamal. L.A., L., New Delhi, Singapore, SAGE Publ., 2009, pp. 504–520.
- [48] Turner B.S. Embodied Practice: M. Heidegger, P. Bourdieu and M. Foucault // *Routledge Handbook of Body Studies* / Ed. by B.S. Turner. L., N.Y., Routledge, 2012, pp. 62–74.
- [49] Wacquant L. Body and Soul. Notebooks of an Aesthetic Boxer. Oxford, Oxford Univ. Press, 2004, 288 p.
- [50] Weinberg D. Social Constructionism and the Body // *Routledge Handbook of Body Studies* / Ed. by B.S. Turner. L., N.Y., Routledge, 2012, pp. 144–156.
- [51] Willis P. The Ethnographic Imagination. Cambridge, Polity Press, 2000, 174 p.

I.A. Verkhovikh,

postgraduate student, St. Petersburg University of the Humanities and Social Sciences, Saint-Petersburg;
e-mail: irina.verhovikh@mail.ru

CIVILIZATION PARADIGM OF ANALYSIS AND OPTIMIZATION OF EDUCATIONAL MODELS

In the context of the modification of the key parameters of European culture, the problem of adjusting the models of higher education, taking into account the challenges of the post-nonclassical stage of culture that has passed into

the postmodern stage, is of particular relevance. The “nerve” of modern civilization continues to be the scientific and technological dominant, dooming the world to an extensive path of development, which is increasingly recognized as a dead end. The «Promethean» concept of technological progress is beginning to be supplanted and corrected by the growing anthropological vector, which increases the human-creative mission of humanitarian education, which ensures the formation of a person as a creator and creation of culture. The author characterizes the methodological scenarios of the dynamics of educational institutions in the structure of culture: formational, socio-anthropological and civilizational, adjusting educational models in accordance with the key challenges of the time and basic technological innovations, taking into account the human-creative resources of humanitarian culture. Carrying out an in-depth analysis of the key problems of a general cultural nature, the civilizational methodology reveals the resources for optimizing the anthropological functions of education, which ensures the reproduction of value-normative dominants, mental matrices and identity criteria of the subject of national culture. Russian civilization demonstrates an adaptive-open type of culture that creates favorable opportunities for the formation of multidimensionality and polyphony of educational theories and educational systems. The scientific novelty of the presented concept consists in substantiating the advantages of the civilizational methodology for analyzing education as a key institution of culture, which provides a constructive adjustment of educational models in accordance with the key challenges of the time.

Key words: Institute of Education, Anthropological Crisis, civilizational methodology of analysis, post-industrial society, resources of national culture.

References:

- [1] Arkhipova O.V. The idea of education in the context of post-non-classical culture [Ideya obrazovaniya v kontekste postneklassicheskoy kul'tury] / Abstract of diss. Doctor of Philosophy Sciences. St. Petersburg, 2012, 50 p.
- [2] Zapesotsky A.S. Culture: a view from Russia [Kul'tura: vzglyad iz Rossii]. Moscow, Science [Nauka]; St. Petersburg, St. Petersburg Humanitarian University of Trade Unions, 846 p.
- [3] Cultural-centric model of higher education. Issue 47 (New in the Humanities) [Kul'turcentristskaya model' vysshego obrazovaniya. Vypusk 47. Novoe v gumanitarnykh naukakh]. St. Petersburg State Unitary Enterprise, 2010, 288 p.
- [4] Ivanov V.V. Cultural Anthropology and History of Culture [Kul'turnaya antropologiya i istoriya kul'tury]. URL: <http://kogni.narod.ru/ivanov.htm>
- [5] Kapterev P.F. The general course of development of Russian pedagogy and its main periods [Obshchij hod razvitiya russkoj pedagogiki i ee glavnye periody]. URL: http://dugward.ru/library/kapterev_pf/kapterev_p_f_obchij_hod.html
- [6] Kornetov G.B. World History of Pedagogy: Anthropological Approach [Vsemirnaya istoriya pedagogiki: antropologicheskij podhod] // Master [Magistr]. 1997, № 6. pp. 14–15.
- [7] Cultural-centric model of higher education. Issue 47 (New in the Humanities) [Kul'turcentristskaya model' vysshego obrazovaniya. Vypusk 47. Novoe v gumanitarnykh naukakh]. St. Petersburg, State Unitary Enterprise, 2010, 288 p.
- [8] Likhachev D.S. The book of anxiety. Articles, conversations, memories [Kniga bespokojstv. Stat'i, besedy, vospominaniya]. Moscow, Publishing house «News» [Novosti], 1991, 529 p.
- [9] Likhachev D.S. On the national character of Russians [O nacional'nom haraktere russkih] // Questions of Philosophy [Voprosy filosofii]. 1990, № 4, pp. 3–6.
- [10] Markov A.P. Western Civilization of the Postmodern Era: Symptoms of Decline and Scenarios for the Future [Zapadnaya civilizaciya epohi postmoderna: simptomy zakata i scenarii budushchego] // Culture and Education [Kul'tura i obrazovanie]. 2021, № 1 (40), pp. 5–13.
- [11] Solodyankina O.Yu. Foreign bonnes and governesses in Russia (mid-18th – mid-19th centuries) [Inostrannye bonny i gubernantki v Rossii (seredina XVIII – seredina XIX vv.)]. Cherepovets, Cherepovets state university, 2006, 237. p.
- [12] Stepin V.S., Tolstykh V.I. Democracy and the fate of civilization [Demokratiya i sud'by civilizacii] // Questions of Philosophy [Voprosy filosofii]. 1996, № 10, pp. 3–13.

GLOBALIZATION: POLEMIC OF CIVILIZATIONS

L.M. Mosolova,

Doctor of Art History, Professor, Herzen State Pedagogical University of Russia, Saint Petersburg;
e-mail: mosolova@mail.ru

A.V. Bondarev,

Candidate of Cultural Studies, Associated Professor, Herzen State Pedagogical University of Russia, Saint Petersburg;
e-mail: avbondarev@mail.ru

A.V. Zykin,

Doctor of Sciences in Culturology, PhD in Philological sciences, Associated Professor, Head of Foreign Languages and Speech Culture, Saint Petersburg State Agrarian University, Saint Petersburg;
e-mail: zykinalex@mail.ru

“INDIGENOUS PEOPLES”: THE MULTIDIMENSIONALITY OF THE PROBLEMATIZATION

The article presents the experience of the «indigenous peoples» concept problematization, analyzes a significant range of the terms «small» and «indigenous» people interpretations that have developed in modern science,

and also raises the question of the nature and purpose of using these concepts in various scientific discourses and socio-political practices. The relevance of such a statement of the problem is due to the fact that the actual existence of small-numbered peoples, the direction of their mental orientations, the degree and methods of protection of ethno-cultural identity, explicit and hidden possibilities of using these ethnic groups as actors for various political and economic purposes largely depend on the adequate or inadequate interpretation and legal application of this term. The methods used in the work made it possible to show the permanence of migrations of peoples to different regions of the world with their subsequent rooting in a new territory and interaction with the peoples who came there earlier, to reveal a number of contradictions in the interpretation of the question of who should be considered indigenous ethnic groups in a particular territory. A critical analysis of the use of the term «indigenous peoples» in modern sciences and legal documents has led to the conclusion that it does not meet the criteria of a scientific concept or category, it is often associated with the mythoconstruction of national histories. Its use as a tool of scientific knowledge and a navigator of socio-political or national orientations is not heuristically promising. In the context of the regulation of interethnic relations, the term «indigenous peoples» is fraught with conflict potential and can act as a dangerous weapon in the arsenal of radical forces and those to whom their actions are politically beneficial.

Key words: indigenous peoples, concept, autochthonous, small peoples, «ancestral territory», multidimensionality of problematization.

References:

- [1] Abashidze A.Kh. The United Nations and the protection of the rights of indigenous peoples [Organizatsiya Ob`edinenny`kh Natsij i zashhita prav korenny`kh narodov]. Moscow, RUDN, 2010, 228 p.
- [2] Abashidze A.Kh., Ananidze F.R. Ensuring the rights of indigenous peoples in accordance with international and national law: collection of acts [Obespechenie prav korenny`kh narodov v sootvetstvi s mezhdunarodny`m i natsional`ny`m pravom : sbornik aktov] / Comp. by A.H. Abashidze, F.R. Ananidze, D.A. Gugunsky, D.A. Kruglov, A.M. Solntsev. Moscow, RUDN, 2017, 448 p.
- [3] Abashidze A.Kh., Ananidze F.R. The legal status of minorities and indigenous peoples. International legal analysis [Pravovoj status men`shinstv i korenny`kh narodov. Mezhdunarodno-pravovoj analiz]. Moscow, RUDN, 1997, 224 p.
- [4] Garipov R.Sh. The evolution of the rights of indigenous peoples in international law: from genocide to the UN Declaration [Evolyuciya prav korenny`kh narodov v mezhdunarodnom prave: ot genocida do deklaratsii OON] // History of the State and Law [Istoriya gosudarstva i prava]. 2013, № 7, pp. 45–48.
- [5] Gogolev P.V. Problems of institutionalization of ethnic (aboriginal) law and systematization of legislation of the subjects of the Russian Federation [Problemy` institucionalizatsii e`tnicheskogo (aborigenno) prava i sistematsizatsii zakonodatel`stva sub`ektov Rossijskoj Federatsii] // Bulletin of Surgut State University [Vestnik Surgutskogo gosudarstvennogo universiteta]. 2020. № 4 (30), pp. 61–66.
- [6] Gogolev P.V. Legal grounds for systematization of legislation of the subjects of the Russian Federation in the field of protection of the rights of indigenous minorities of the North, Siberia and the Far East / P.V. Gogolev // Law in the context of sustainable development of the Arctic: challenges of the time and new opportunities: a collection of materials of the international scientific and practical conference dedicated to the 100th anniversary of the Doctor of Law, Professor Mikhail Mikhailovich Fedorov, Yakutsk, November 17–21, 2020 [Yuridicheskie osnovaniya sistematsizatsii zakonodatel`stva sub`ektov Rossijskoj Federatsii v oblasti zashhity prav korennykh malochislennykh narodov Severa, Sibiri i Dal`nego Vostoka / P.V. Gogolev // Pravo v kontekste ustojchivogo razvitiya Arktiki: vyzovy vremeni i novye vozmozhnosti : sbornik materialov mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferentsii, posvyashhennoj 100-letiyu doktora yuridicheskikh nauk, professora Mixaila Mixajlovicha Fedorova, Yakutsk, 17–21 noyabrya 2020 goda]. Kazan`, Buk, 2021, pp. 289–293.
- [7] Kryazhkov V.A. The case of traditional hunting, or the first experience of protecting the rights of indigenous minorities in the Constitutional Court of Russia / V. A. Kryazhkov [Delo o tradicionnoj oxote, ili Pervyj opyt zashhity prav korennykh malochislennykh narodov v Konstitucionnom sude Rossii / V.A. Kryazhkov] // Analysis of the Russian and foreign legal framework, international legal acts, as well as law enforcement practice in the field of protecting the rights of indigenous minorities of the North, Siberia and the Far East of the Russian Federation [Analiz rossijskoj i zarubezhnoj pravovoj bazy, mezhdunarodno-pravovykh aktov, a takzhe pravoprime-nitel`noj praktiki v oblasti zashhity prav korennykh malochislennykh narodov Severa, Sibiri i Dal`nego Vostoka Rossijskoj Federatsii]. Moscow, Edition of the State Duma [Izdanie Gosudarstvennoj Dumy], 2019, pp. 232–247.
- [8] Kryazhkov V.A. Has the Constitution of the Russian Federation justified the expectations of indigenous peoples? [Opravdala li Konstituciya Rossijskoj Federatsii ozhidaniya korennykh malochislennykh narodov?] // Ural Forum of Constitutionalists: Materials of the Fourth Ural Forum [Ural`skij forum konstitucionalistov: Materialy chetvertogo Ural`skogo foruma, Ekaterinburg, 01–06 oktyabrya 2018 goda]. Ekaterinburg, Ural State Law University [Ural`skij gosudarstvennyj yuridicheskij universitet], 2019, pp. 96–102.
- [9] Kryazhkov V.A., Garipov R.Sh. Convention 169 and Russian legislation on indigenous small peoples [Konvencziya MOT 169 i rossijskoe zakonodatel`stvo o korenny`kh malochislenny`kh narodakh] // State and Law [Gosudarstvo i pravo]. 2019, № 9, pp. 52–64.
- [10] Kuropyatnik A.I., Kuropyatnik M.S. Sami: contexts and interpretations of social and cultural changes [Saamy`: konteksty` i interpretatsii soczial`ny`kh i kul`turny`kh izmenenij] // Siberian historical studies [Sibirskie istoricheskie issledovaniya]. 2017, № 4, pp. 226–229.

- [11] Kuropyatnik M.S. Indigeneity in the context of globalization: epistemological and socio-cultural aspects [Indigennost' v kontekste globalizatsii: e' pistemologicheskij i socziokul'turnyj aspekt] // Bulletin of the RUDN. Series: "Sociology" Bulletin of the RUDN. Series: "Sociology" [Vestnik RUDN. Seriya: «Socziologiya»]. 2019, vol. 19, № 3, pp. 387–396.
- [12] Kuropyatnik M.S. Indigenous peoples in the context of cultural continuity [Korenny'e narody' v kontekste kul'turnoj neprery'vnosti] // Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: Sociology [Vestnik Rossijskogo universiteta družby narodov. Seriya: Socziologiya]. 2016, v. 16, № 4, pp. 769–776.
- [13] Kuropyatnik M.S. Indigenous peoples in the process of socio-cultural changes [Korenny'e narody' v prozesse socziokul'turny'kh izmenenij] / Diss. ... doctor of Social Sciences. St. Petersburg, 2006, 360 p.
- [14] Mityukov M.A. The Constitution and the Federal Treaty: problems of correlation (political and legal discussions of the early 90s) [Konstitucziya i Federativny'j dogovor: problemy' sootnosheniya (politiko-pravovy'e diskussii nachala 90-kh godov)]. Moscow, Prospect, 2019, 312 p.
- [15] Molosova L.M., Bondarev A.V., Zykin A.V. Conceptualization of the concept of «indigenous peoples»: historiography, interpretations [Konceptualizatsiya ponyatiya «korenny'e narody'»: istoriografiya, interpretatsii] // Bulletin of Humanitarian Education [Vestnik gumanitarnogo obrazovaniya]. 2021, № 4 (24), pp. 50–59.
- [16] United Nations (UN), document E/CN.4/Sub.2/L/566 from 06/29/1972 <https://undocs.org/pdf?symbol=ru/E/CN.4/Sub.2/1986/7/Add.4> (01.02.2022)
- [17] Anaya J.S. Indigenous People in International Law / Second Edition. Oxford University Press, 2004, 396 p.
- [18] Bradford W.M. The Struggle for Recognition: Comparing the Rights of Indigenous Peoples and Minority Groups in International and Domestic Law. Ottawa, University of Ottawa, 2002.
- [19] Clifford J. Returns. Becoming Indigenous in the Twenty-First Century. Cambridge, Harvard University Press, 2013, 376 p.
- [20] Garipov R.S. Indigenous Peoples' Rights Providing By International Legal Tools // Astra Salvensis. V. 5. 2017, № 10, pp. 17–26.
- [21] Kryazhkov V.A., Garipov R.S. ILO 169 Convention as a vector for the aboriginal legislation development in Russia // International Journal of Human Rights. 2020. URL: <https://doi.org/10.1080/13642987.2020.1804371> (01.02.2022)
- [22] Mosolova L.M., Bondarev A.V., Zykin A.V. «Indigenous peoples» as a concept of scientific and educational discourses: terminology and interpretation problems // Psychology and Education. Vol. 58. 2021, № 3, pp. 31–50.

Yang Ziye,

Postgraduate student, St. Petersburg State University, St. Petersburg;
e-mail: ziye657579889@gmail.com

SOME CHALLENGES AND PROSPECTS FOR CHINA'S CULTURAL DIPLOMACY IN RUSSIA

The difficulties and problems that China faces in conducting cultural diplomacy in Russia are considered. Ways are proposed to overcome or mitigate these problems. Cooperation between China and Russia in the field of culture, along with political interaction and trade and economic ties, is considered as the third pillar of bilateral relations. The extent of cultural cooperation between the two countries is constantly growing and has embarked on the path of institutionalization. There is still a wide gap between the cultural perception of each other by the Chinese and Russian population, on the one hand, and the current high level of political mutual trust, on the other. Possible ways are proposed to mitigate the problems that Beijing faces in conducting cultural diplomacy in Russia.

Key words: China, Sino-Russian relations, cultural diplomacy, cultural exchange, soft power, Russia.

References:

- [1] China's threat to Russia: myth or reality? [Kitajskaya ugroza dlya Rossii: mif ili real'nost'?). URL: <http://www.putin-today.ru/archives/48656> (02.03.2021)
- [2] Sino-Russian trade will set two historical records in 2021 [Kitajsko-rossijskaya trgovlya ustanovit dva istoricheskikh rekorda v 2021 godu]. URL: <https://world.huanqiu.com/article/45M32pyTjil> (09.12.2021)
- [3] Sino-Russian New Media Forum was successful [Kitajsko-rossijskij forum novyh media proshel uspeshno]. URL: <http://www.ria.ru/20211124/forum-1760529729.html> (09.12.2021)
- [4] Li Zhi. Cultural diplomacy: interpretation of communication [Kul'turnaya diplomatiya: interpretatsiya kommunikacii]. Beijing, Beijing University Publishing House, 2005.
- [5] The Russian-Chinese Fair of Culture and Art opened in Blagoveshchensk [Rossijsko-Kitajskaya yarmarka kul'tury i iskusstva otkrylas' v Blagoveshchenske]. URL: <https://www.amur.info/news/2021/06/22/190898> (15.12.2021)
- [6] [Rossiya i Kitaj prodлили dogovor o dobrososedstve, družbe i sotrudnichestve]. URL: <http://ria.ru/20210628/dogovor-1738885401.html> (10.12.2021)
- [7] Xi Jinping and Vladimir Putin take part in a gala evening dedicated to the 70th anniversary of the establishment of diplomatic relations between China and Russia [Si Czin'pin i Vladimir Putin prinyali uchastie v torzhestvennom vechere, posvyashchennom 70-letiyu ustanovleniya dipotnoshenij mezhdru Kitaem i Rossiej]. URL: <http://russian.cri.cn/news/homeList/380/20190606/299367.html> (10.12.2021)
- [8] Joint statement by the Russian Federation and the People's Republic of China on the development of comprehensive partnership and strategic cooperation, entering a new era [Sovmestnoe zayavlenie Rossijskoj Fede-

- racii i Kitajskoj Narodnoj Respubliki o razvitiu odnoshenij vseob»emlyushchego partnerstva i strategicheskogo vzaimodejstviya, vstupayushchih v novuyu epohu]. URL: www.kremlin.ru/supplement/5413 (18.12.2021)
- [9] Barghoorn F. C. The Soviet Cultural Offensive. The role of Cultural Diplomacy in Soviet Foreign Policy. Princeton, 1960, 353 p.
- [10] Global Soft Power Index. URL: <https://brandirectory.com/globalsoftpower/> (12.12.2021)
- [11] Interdisciplinary Talent. URL: https://ebrary.net/11654/economics/interdisciplinary_talent (15.12.2021)
- [12] 中俄伙伴关系框架下的人文交流与合作[Kul'turnye obmeny i sotrudnichestvo v ramkah kitajsko-rossijskogo partnerstva] /URL: http://www.jyb.cn/rmtzcg/xwy/wzxw/202110/t20211021_629698.html (09.12.2021)
- [13] 中俄文化交流让“世代友好”理念深入人心[Kul'turnye obmeny mezhdru Kitaem i Rossiej gluboko ukorenili koncepciyu “druzhby pokolenij” v serdcah lyudej]. URL: http://ru.china-embassy.org/whhz/zgwhzels1/201603/t20160307_3144442.htm (09.12.2021)
- [14] 让短视频平台展示好中国形象传播好中国声音[Pust' korotkaya videoplatforma pokazhet horoshij imidzh Kitaya i rasprostranit horoshij golos Kitaya]. URL:https://translate.yandex.ru/?utm_source=wizard&lang=zh-ru&text= (17.12.2021)

ANTHROPOLOGY AND ETHNOLOGY IN XXI CENTURY

T.A. Kubanova,

Candidate of Cultural Studies, leading specialist in scientific and educational activities of the museum,
State Russian Museum, St. Petersburg;
e-mail: tatiana_kub@mail.ru

THE MYTHOLOGICAL IMAGE OF THE TUNGUS-MANCHU WORLDVIEW: ON THE WAY FROM CHAOS TO ORGANIZATION AND ORDER

The article is devoted to the study of the initial stage of the formation of the mythological picture of the world of the tungus-manchus of the Far East. On the basis of the published material of famous scientists and his own field material, the author structures the origin of the idea of the world order and the formation of its laws. In the article, using a synergistic approach, the ideas of the birth of order out of chaos are analyzed. The mythological image of the cosmos as a sign of the world order acts as a universal cross-cultural archetypal image of harmony and order. This study is relevant at the turn of the XX–XXI century, when the issue of human adaptation to changing conditions, the search for new forms of his relationship with the world is acute. Myth-making, as a fundamental property of human consciousness, allows a person to gain a platform in times of crisis. Each historical type of culture has its own picture of the world, within which its modern and mythological components will always develop, which are mutually permeable and easily pass one into another, ensuring the development of an ever-existing history. The study of the mythological picture of the world allows not only to isolate the traditional components in the modern image of the picture of the world, but also to determine their new variant forms and interpretations. Schematically, the initial period of the formation of the mythological picture of the world of the tungus-manchus consists of three stages: chaos / water – water / earth – water – sky / earth – taiga = female / male.

Key words: universe, demiurge, picture of the world, myth, chaos, order.

References:

- [1] Archive of the Museum of Anthropology and Ethnography (the Kunstkamera) of RAS. – F. 5, Inv. 2, Case 62.
- [2] Vasilevich G.M. Evenki. Historical and ethnographic essays (XVIII – early XX century) [Evenki. Istoriko-etnograficheskie ocherki (XVIII – nach. XX v.)]. Leningrad, Science [Nauka], 1969, 304 p.
- [3] Ancient light [Drevnij svet] / Wr. & ed. by A. Chadaeva. Khabarovsk, Book publishing house, 1990, 240 p.
- [4] Cultural industries of the Kola North: prolegomena for research [Kul'turnye industrii Kol'skogo Severa: prolegomeny k issledovaniyu: Kollektivnaya monografiya] / Ed. by L.M. Mosolova. St. Petersburg, Publishing house of Herzen State Pedagogical University of Russia, 2012, 177 p.
- [5] Mazin A.I. Traditional beliefs and rites of the Evenks-Orochons (con. XIX – beginning XX century.) [Tradicionnye verovaniya i obryady evenkov-orochonov (kon.XIX – nach. XX v.)]. Novosibirsk: Nauka, Sib. Department, 1984, 200 p.
- [6] Okladnikov A.P. Petroglyphs of the Lower Amur [Petroglify Nizhnego Amura]. Leningrad, Science [Nauka], 1971, 334 p.
- [7] Onenko S.N. Nanai-Russian dictionary: 12,800 words [Nanajsko-russkij slovar': 12 800 slov] / Ed. by V.A. Avrorin.. Moscow, Russian Language, 1980, 552p.
- [8] Ritual sculpture of the Nanais: catalog [Ritual'naya skulptura nanajcev] / Comp. T. A. Kubanova; from the funds of the museum. Komsomolsk-on-Amur, 1992, 178 p.
- [9] Sem Yu.A. Mythological representations of the Nanais about nature and man // Genesis and evolution of ethnic cultures of Siberia [Sem YU.A. Mifologicheskie predstavleniya nanajcev o prirode i cheloveke // Genezis i evolyuciya etnicheskikh kul'tur Sibiri.]. Novosibirsk, 1986, s.30–44.
- [10] Shanshina I.V. The mythology of the first creation among the Tungus-speaking peoples of the south of the Russian Far East (the experience of mythological reconstruction and general analysis) [Mifologiya pervotvorenija u tungusoyazychnyh narodov yuga Dal'nego Vostoka Rossii (opyt mifologicheskoy rekonstrukcii i obshchego analiza)]. Vladivostok, Dalnauka, 2000,157 p.

S.A. Bedirhanov,

Candidate of Philological Sciences, Senior Researcher, the Institute of Language, Literature and Art named after G. Tsadasa of the Dagestan Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences, Mahachkala;
e-mail: bedirhanov@mail.ru

NATURAL WORLD IN THE POETIC RECEPTION OF P. FATULLAYEVA. SOCIOCULTURAL ASPECT

The article considers the symbolic forms of the organization of the figurative world of the famous Lezghin poetess Pakizat Fatullaeva. The sociocultural realities of the 1950s – 1960s are traced, which determined the conditions for the intensive development of poetic creativity. It is noted that the main result of the changes that took place in the 1950s was the approval of the idea of the creative individuality of the poet and writer. The individualization of the living space of spiritual being was accompanied by a gradual rationalization of the mental structures of consciousness, as a result of which its penetration into the deepest layers of the life of the poetic spirit became more active. All this provided a variety of symbolic forms of spiritual life. One of these forms is the ideal projection of the natural world, which determines not only the content, but also the compositional features of the landscape lyrics of F. Fatullaeva. Based on this, the purpose of the article is to study the forms and principles of organizing the ideal foundations of natural phenomena in the work of the Lezghin poetess.

Key words: natural world, poetry, Pakizat Fatullaeva, socio-cultural aspect, landscape lyrics.

References:

- [1] Grigoryan K.N. Pushkin's elegy (National origins, predecessors, evolution) [Pushkinskaya elegiya (Nacional'nye istoki, predshestvenniki, evolyuciya)]. Leningrad, Science. Leningrad branch [Nauka. Leningradskoe otделение], 1990, 259 p.
- [2] Simmel G. Concept and tragedy of culture [Ponyatie i tragediya kul'tury]. URL: <https://www.libfox.ru/61338-g-zimmel-ponyatie-i-tragediya-kul'tury.html>
- [3] Pavlovsky A. On psychological analysis in Soviet literature (In a historiographic aspect) [O psihologicheskoy analize v sovetskoj literature (V istoriograficheskoy aspekto)] // Problems of psychologism in Soviet literature / Ed. by V.A. Kovalev and A.I. Pavlovsky. Leningrad, Science. Leningrad branch [Nauka. Leningradskoe otделение]. 1970, pp. 9–38.
- [4] Pospelov G.N. Problems of the historical development of literature [Problemy istoricheskogo razvitiya literatury]. Moscow, Education [Prosvetshenie], 1972, 272 p.
- [5] Temirkhanova G. Modern Lezghin poetry [Sovremennaya lezginginskaya poeziya]. Makhachkala, Dagestan book publishing house, 1988, 128 p.
- [6] Fatullaeva P. Poppy field [Makovoe pole] // Gamidova L. Dew and flower [Dew and flower]. Makhachkala, Dagestan book publishing house, 1975, 64 p.
- [7] Fatullaeva P. My light house. Poetry collection [Moj svetlyj dom. Sbornik stihov]. Makhachkala, Dagestan book publishing house, 1981, 96 p. (on Lezghine lang.)
- [8] Epshtein M.N. «Nature, the world, the secret of the universe ...»: the system of landscape images in Russian poetry [Priroda, mir, tajnik vselennoj...]: Sistema pejzaznykh obrazov v russkoj poezii]. Moscow, Higher School [Vysshajz shkola], 1990, 303 p.

A. Contreras Koob,

Associate Professor, Saint Petersburg State University of Film and Television; Senior Lecturer,
Saint Petersburg State University;
e-mail: contrerasa@mail.ru

THE EVOLUTION OF IMMERSIVE SOUND IN AMERICAN CINEMA

This article focuses on the role of immersive sound in cinema and its evolution in American cinema, starting with the first motion picture to use multi-channel, surround sound, the 1940 Walt Disney Studios animated film «Fantasia». Cinematography welcomed the possibility of using surround sound, and the speed of its introduction was determined only by technical advances and the state of the film market. Thanks to the digitalisation of media in all stages of production, as well as the development of networking, binaural technology and the rise and fall in price of computer technology, surround sound became generally available. Its application in film and music is also enabled by the possibility of playback through headphones using binaural technology, which is already embedded in various rental platforms such as Apple Music, for example.

Key words: Immersive audio, American cinema, Dolby Stereo, Dolby Atmos, binaural technology

References:

- [1] Aldoshina I. Multichannel spatial systems. Recommendations of international standards [Mnogokanal'nye prostranstvennyye sistemy. Rekomendatsii mezhdunarodnykh standartov] // Show-Master [Shou-Master]. 2003, № 2; 3, pp. 86–89; 92–93.
- [2] Goldovskiy Ye.M. Fundamentals of Film Technology [Osnovy kinotekhniki]. Moscow, Art [Iskusstvo], 1965, 636 p.

- [3] Sound effect. 3D audio or immersive technologies [Zvukovoy effekt. 3D audio ili immersivnye tekhnologii]. URL: <https://doctorhead.ru/blog/zvukovoy-effekt-3d-audio-ili-immersivnye-tekhnologii/> (16.01.2022)
- [4] Mayorov N. Chronicle of the Soviet Wide Screen [Khronika sovetskogo shirokogo ekrana] // Film Technique and Technology [Tekhnika i tekhnologii kino]. 2009, № 3, pp. 30–36.
- [5] Meerzon B. How Surround Sound Technology Developed [Kak razvivalas' tekhnologiya Surround Sound]. URL: https://www.allprosound.ru/istoriya/Technics/Technics_47.html (16.01.2022)
- [6] Pestrikov V.M. 3D sound: relevance and technical solutions [3D zvuk: aktual'nost' i tekhnicheskie resheniya] // Current Problems of Radio and Film Technologies: Proceedings of the II International Scientific and Technical Conference, 24–27 october 2017 [Aktual'nye problemy radio- i kinotekhnologii: materialy II Mezhdunarodnoj nauchno-tekhnicheskoy konferencii, 24–27 oktyabrya 2017 g.]. St. Petersburg, St. Petersburg State University of Film and Television, 2018, pp. 181–194.
- [7] Bernard J. All About Surround Sound // Radio-electronics. V. 61. 1990, № 6.
- [8] Beyond Dolby (Stereo): Cinema in the Digital Sound Age / Kerins M. Bloomington, Indiana, Indiana University Press, 2011.
- [9] Sound design & science fiction / Whittington W. Austin, University of Texas Press, 2007.
- [10] Garity W.M.E., Hawkins J.N.A. Fantasound // Journal of the Society of Motion Picture Engineers. V. 37. 1941, № 8.

WORLD OF ART CULTURE

G.A. Skhaplok,

candidate of Art criticism, Associate Professor, Military University, Moscow;
e-mail: galundik@yandex.ru

SOVIET MARCH DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR (1941–1945)

This study is devoted to the symbol of the musical life of the era of the Great Patriotic war – the Soviet march for a brass band. The author reveals the general patterns of marching music of 1941–1945 in the works of the leading military authors – S. Chernetsky and N. Ivanov-Radkevich, as well as leading figures of Soviet musical art – N. Myaskovsky, A. Khachaturian, D. Shostakovich, S. Prokofiev. The characteristic features of the genre related to the form, tonal plan, features of the musical language (melody, harmony, rhythm, etc.) are the subject of the analysis. The relevance of the work and its scientific novelty are characterized by the fact that the researcher made an attempt to examine the marching repertoire of Russian military bands through the prism of historical military events. The article emphasizes the importance of the march as the main genre of Soviet music during the war; the role of the march is determined as the most important instrument of political and ideological influence on the mass consciousness; the thematic variety of marches of the war years is characterized and summarized. The aim of the research is to identify, by the example of analysis of individual samples of the genre of musical and expressive means, artistic and aesthetic attitudes of marching creativity of the war period; designation of various ways of development of marching music: from using the march as the basis of the service-marching repertoire to creating concert samples of the genre; generalization of the idea of the evolution of march in the history of Russian musical culture of the Soviet war period.

Key words: marching creativity, the Great Patriotic war, the Soviet march, a military brass band, music, genre, N. Ivanov-Radkevich.

References:

- [1] Aksenov Ye.S. New in the instrumentation of the Soviet military March [Novoe v instrumentovke sovetskogo voennogo marsha] // Proceedings of the faculty [Trudy fakulteta]. Moscow, VDF, 1970, № 10, 132 p.
- [2] Military music of Russia: history and modernity [Voennaya muzyka Rossii: istoriya i sovremennost']. Moscow, Military Publishing House [Voennoe izd-vo], 2007, 247 p.
- [3] History of modern Russian music. Issue 1. Mass music genres [Istoriya sovremennoy otechestvennoy muzyki. Vypusk 1. Massovye muzykalnye zhanry]. URL: https://ale07.ru/music/notes/song/songbook/isom/isom2_2_3.htm (12.02.2021)
- [4] Malyutin A.S. Formation of the service and drill repertoire of Russian military orchestras (1918–1980) [Formirovanie sluzhebno-stroevogo repertuara otechestvennykh voennykh orkestr (1918–1980-e gody)] / Thesis of Candidate of Arts [Dissertatsiya kandidata iskusstvovedeniya]. Rostov-on-Don, 2019, 273 p.
- [5] Matveev V.V. Russian military orchestra: a textbook on the history of Russian military music [Russkiy voennyi orkestr: khrestomatiya po istorii otechestvennoy voennoy muzyki]. P.I. Moscow, Music [Muzyka], 1981, 389 p.
- [6] Nikitina L.D. Soviet music. History and modernity [Sovetskaya muzyka. Istoriya i sovremennost']. Moscow, Music [Muzyka], 1991, 278 p.
- [7] Petropavlovskiy A.V. Borrowed material in the Russian March for military brass band: orchestral means of implementation and peculiarities of perception [Zaimstvovannyi material v otechestvennom marshe dlya voenno-dukhovogo orkestra: orkestrvoye sredstva voploshcheniya i osobennosti vospriyatiya] / Thesis of Candidate of Arts [Dissertatsiya kandidata iskusstvovedeniya]. Saratov, 2015, 211 p.
- [8] Tutunov V.I. History of military music in Russia [Istoriya voennoy muzyki Rossii]. Executive editor E.S. Aksenov [Pod obshch. red. Ye.S. Aksenova]. Moscow, Music [Muzyka], 2005. 496 p.

- [9] Tsukkerman V.A. Works for brass band [Proizvedeniya dlya dukhovogo orkestra] // Anthology of Russian military music. Part II. Soviet military music [Khrestomatiya po otechestvennoy voennoy muzyki. Chast II. Sovetskaya voennaya muzyka]. Moscow, VDF, 1988. pp. 21–93.
- [10] Chertok M.D. Military marches of Russia. To the 200th anniversary of the Patriotic War of 1812 [Voennye marshi Rossii. K 200-letiyu Otechestvennoy voyny 1812 goda]. Moscow, Kanon+, 2013, 368 p.

A.N. Maksimov,

Professor, Herzen State Pedagogical University of Russia, St.Petersburg;
e-mail: tat18898985@yandex.ru

STAGE EVENT AS A UNIT OF ACTION IN A DRAMATIC PERFORMANCE

The director organizes stage life in accordance with the fundamental principles of the teachings of K.S. Stanislavsky. In its structure, an important place belongs to the event. Both the director and the actors turn to the professional term «event» in the process of effectively analyzing the play and role. But there is no single understanding and a single interpretation of the concept of «event» in relation to stage art. The definitions and interpretations that exist often contradict each other. Different concepts and phenomena («stage event,» «actor event,» «director event,» «initial event,» «central event,» «main event») are indicated in the terminology apparatus of modern stage pedagogy by the word «event». We agree that the concepts of «stage event» and «event» are equivalent. The purpose of this article is to highlight the specifics of the event in relation to acting; separate the event from the actual fact; give a more complete definition of the term «stage event.»

Key words: effective fact, evaluation, change of purpose, event, event as process, stage event.

References:

- [1] Knebel M.O. On an effective analysis of the play and role [O dejstvennom analize p'esy i roli]. Moscow, Russian University of Theater Arts – GITIS, 2014, 214 p.
- [2] Malochevskaya I.B. Tovstonogov Directing School [Rezhissyorskaya shkola Tovstonogova]. URL: <http://www/theatre-library.ru/authors/m/malochevskaya>
- [3] Stanislavsky K.S. Collected works in eight volumes [Sobranie sochinenij v vos'mi tomah]. V. 4. Moscow, Art [Iskusstvo], 1957, 547 p.
- [4] Arutyunova N.D. Types of language values [Tipy yazykovykh znachenij]. Moscow Science [Nauka], 1988, 341 p.
- [5] Filshinsky V.M. In the lessons of A.I. Kazman // Open pedagogy. Electronic library. URL: <https://litresp.ru/chitat/ru/%D0%A4/filshinskij-veniamin-mihajlovich/otkritaya-pedagogika/21>

CULTURAL HERITAGE

V.M. Kotkov,

PhD, professor, S.M. Budyonny Military Academy of telecommunications, Saint-Petersburg;
e-mail: k.julia@mail.ru

N.B. Achkasov,

PhD, professor, S.M. Budyonny Military Academy of telecommunications, Saint-Petersburg;
e-mail: k.julia@mail.ru

I.A. Sorokotyaga,

PhD, colonel, S.M. Budyonny Military Academy of telecommunications, Saint-Petersburg;
e-mail: k.julia@mail.ru

O.S. Spirina,

senior lecturer, S.M. Budyonny Military Academy of telecommunications, Saint-Petersburg;
e-mail: k.julia@mail.ru

MILITARY PERIODICAL SEAL DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR IN THE ARCTIC

The authors show the importance and significance of the periodic and especially military press during the Great Patriotic War in the Arctic. Newspapers were collective agitators, propagandists and organizers. It tells about the newspaper «Krasnoflotets», one of the oldest in the Murmansk region. Its first issue was published on June 18, 1937. Journalists and military correspondents of the newspaper summarized the experience of military personnel of the 14th Army and the Northern Fleet.

Key words: agitator, Great Patriotic War, military commander, military periodical press, newspapers, journalists, executive editor, writer, poet, editors.

References:

- [1] Andreev I. With the report [S donesenijem] // Krasnoflotets. 1941, August 19, № 203 (989), p. 3.
- [2] Lyubimov K.I. Following the example of the hero [Po primeru geroya] // Krasnoflotets. 1941, August 19, № 203 (989), p. 3.
- [3] Molokoedov P. The end of the air pirate [Konec vozdushnogo pirata] // Krasnoflotets. 1941, August 19, № 203 (989), p. 3.

- [4] True [Pravda]. 1943, May 5, № 115 (9251).
 [5] Sevastyanov S. Defense height [Oboronyaya vysotu] // Krasnoflotets. 1941, August 19, № 203 (989), p. 3.
 [6] Sizov A. Political agitation at the front [Politicheskaya agitaciya na fronte] // Krasnoflotets. 1941, August 19, № 203 (989), p. 3.
 [7] Simonov K. Different days of the war. Forty-first [Raznye dni vojny. Sorok pervyj]. Moscow, [Hudozhestvennaya literature] Fiction, 1983.

A.E. Matrosov,

independent researcher, Member of the association «Union of Collectors of Russia», St. Petersburg;
 e-mail: matrosov2904@yandex.ru

BATTLE OF KULM IN HISTORICAL MEMORY

The Kulm battle is one of the key episodes in the history of Russia's military glory. Its results predetermined further events: victories in the Foreign Campaigns of 1813–1814 and the complete defeat of the army of Napoleon Bonaparte. At present, an important issue for historians is the study of the image of the victory at Kulm in the historical memory of our state. At certain stages, various historical symbols and events acted as elements of commemoration for a long time. This article reveals the features of the memorialization of the events under Kulm in August 1813 both abroad and in our country. The main directions of the memorialization of the Battle of Kulm, as well as the main tools for the formation in the historical memory of the people of the heroic image of the Russian guards in those events, are considered.

Key words: Kulm, Battle of Kulm, Bohemia, Ore Mountains, Russian guards, memorialization, historical memory, Patriotic War of 1812, Foreign campaigns of 1813–1814, historical monuments.

References:

- [1] Asfatullin S.G. The liberation of Europe in 1813–1814 [Osvobozhdenie Evropy v 1813–1814 godakh]. Moscow, 2020, 194 p.
 [2] Beskrovny L.G. Essays on the military historiography of Russia [Ocherki voennoi istoriografii Rossii]. Moscow, 1962, RAS, 318 p.
 [3] Bogdanovich M.I. The history of the war of 1813 for the independence of Germany [Istoriya voiny 1813 goda za nezavisimost' Germanii]. In 2 v. V. 2. St. Petersburg, 1863.
 [4] Bogdanovich M.I. History of the War of 1813. The struggle for the liberation of Europe from the yoke of Napoleon [Istoriya voiny 1813 goda. Bor'ba za osvobozhdenie Evropy ot iga Napoleona]. St. Petersburg, 1913, 56 p.
 [5] Veselago F.F. List of Russian military courts from 1668 to 1860 [Spisok russkikh voennykh sudov s 1668 po 1860 gody]. St. Petersburg, 1872, 798 p.
 [6] Zayonchkovsky A.M. 1813 Culm. Memo Life-Jäger [1813 god. Kul'm. Pamyatka Leib-Egerya]. St. Petersburg, 1913, 68 p.
 [7] Zvegintsev V.V. Banners and standards of the Russian Army (XVI century – 1914) and naval flags [Znamena i shtandarty Russkoi Armii (XVI v. – 1914 g.) i morskije flagi]. Moscow, 2008, 320 p.
 [8] Culm. The symbol of the courage of the Russian army [Culm. Simvol muzhestva rossiiskogo voinstva]. St. Petersburg, 2013, 128 p.
 [9] Mikhailovsky-Danilevsky A.I. Description of the war of 1813, composed by lieutenant-general Mikhailovsky-Danilevsky by the highest order [Opisanie voiny 1813 goda, po vysochaishemu poveleniyu sochinennoe general-leitenantom Mikhailovskim-Danilevskim]. In 2 p. V. 2. St. Petersburg, 1840.
 [10] Mikhailovsky-Danilevsky A.I. Notes on the campaign of 1813 [Zapiski o pokhode 1813 goda]. St. Petersburg, 1834, 556 p.
 [11] Nimmergut J. Iron Cross 1813–1870–1914–1939–1957 [Zheleznyi krest 1813–1870–1914–1939–1957]. Moscow, 2011, 304 p.
 [12] Pushchin P.S. Diary of Pavel Pushchin, 1812–1814 [Dnevnik Pavla Pushchina, 1812–1814] / Ed. by V.G. Bortnevsky. Leningrad, 1987, 222 p.
 [13] Skibina L.V. Russians near Krushnogie [Russkie pod Krushnogor'em]. Usti-on-Labe, 2011, 51 p.
 [14] Tarle E.V. On the study of Russia's foreign policy relations and the activities of Russian diplomacy in the 18th–20th centuries [Ob izuchenii vneshnepoliticheskii otnošenii Rossii i deyatelnosti russkoi diplomatii XVIII–XX vekakh]. Leningrad, 1947, 676 p.
 [15] Cathedral of Christ the Savior: collection [Khram Khrista Spasitelya: sbornik] / Comp. by L.D. Polinovskaya. Moscow, 1996, 256 p.

AXIOLOGICAL EXPERIENCE

A.E. Zimbuli,

Doctor of Philosophy, Professor, Herzen State Pedagogical University of Russia, SaintPetersburg; e-mail:
 zimbuli@yandex.ru

TEACHER: MORAL-SIGNIFICANT ASPECTS

Humanity lives and develops not least due to the fact that there are people whose main mission is to generalize and translate cultural experience. You can name them in different ways: teachers, coaches, guardians, mentors, directors,

prophets. In whatever spheres their activities are carried out, they invariably show in relation to their wards morally significant qualities: unselfishness / pragmatism, humanity / cruelty, caring / indifference, creativity / dependence on other people's ideas, peacefulness / cockiness, insensitivity / vindictiveness, responsibility / irresponsibility, responsiveness / indifference, even gloating, consistency / eccentricity, integrity / lack of principle, fairness exactingness / connivance, honesty / deceit, generosity / greed. It seems useful to look in the most attentive way at full of significance field, which is most interesting for ethics, where the teacher, learners and many other interested people interact. For ethical analysis, the author proposes to consider a generalized situation: Who, Where, Whom teaches, What, Why, How it is done, what is the result, and, finally, what is the attitude of the teacher to this result. For morally significant angles of each of the listed components, brief characteristics are given, which confirms and illustrates the multi-vector, ineptitude of teachers. As a result of the analysis done, the author comes to encouraging conclusions, which are supported by the fact that pedagogical education in Russia has long traditions, which means that in the future these traditions can be enriched and improved in order to help new and new generations to live according to their minds and conscience.

Key words: ethics, morally significant relationships, cultural experience, personality of the teacher, goals and results of teaching.

References:

- [1] Aurelius, Mark. Reflections. Magnitogorsk, Amrita-Ural, 1994, 293 p.
- [2] Armenian folklore. Moscow, Science [Nauka], 1979, 375 p.
- [3] Afghan proverbs and sayings [Afganskije narodnye poslovitsy i pogovorki]. Moscow, Publishing house of foreign literature, 1961, 66 p.
- [4] Statements of famous people [Vyskazyvanija znamenityh ludej]. Moscow, KRON-PRESS, 2000, 470 p.
- [5] Gvardzhaladze I.S., Mchedlishvili D.I. English proverbs and sayings [Anglijskie poslovitsy i pogovorki]. Moscow, Higher school, 1971, 77 p.
- [6] Hesse G. Childhood of a wizard // Cosmos of childhood. Anthology [Detstvo volshebника // Kosmos detstva. Antologija]. Moscow, Russian Political Encyclopedia (ROSSPEN), 2009, 367 p.
- [7] Count A.E. Dictionary of German and Russian Proverbs [Slovar' nemetskih i russkih poslovits]. St. Petersburg, Fallow deer [Lan'], 1997, 287 p.
- [8] Griboyedov A.S. Woe from Wit. URL: <https://ilibrary.ru/text/5/p.1/index.html> (06.01.22)
- [9] Dal V.I. Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language [Tolkovij slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka]. In 4 v. V. 4. Moscow, State. publishing house of foreign and national dictionaries, 1956, 683 p.
- [10] Danilevich E. Do we not respect ourselves? [Ne uvazhazem sebya?] // «AiF». 2021, № 37.
- [11] Ancient Indian aphorisms [Drevneindijskie aforizmy]. Moscow, Science [Nauka], 1966, 96 p.
- [12] Famous people joke [Znamenitye shutyat]. Moscow, Republic, 1994, 415 p.
- [13] Cassidy F.H. Heraclitus. St. Petersburg, Aleteya, 2004, 217 p.
- [14] Cassidy F.H. From Myth to Logos: The Formation of Greek Philosophy [Ot mifa k logosu: Stanovlenie grecheskoy filosofii]. St. Petersburg, Aleteya, 2003, 360 p.
- [15] Cassidy F.H. The philosophy of history of Thukydides []. St. Petersburg, Aleteya, 2008. – 267ps.
- [16] Oath of Hippocrates. URL: https://www.bsmu.by/downloads/kafedri/k_obsch_zdorov/v1.pdf (06.01.22)
- [17] Korean folk sayings. In Korean and Russian [Koreyskie naronnje izrechenia. Na koreyskom i russkom yazykah]. Moscow, Main edition of oriental literature, 1982, 359 p.
- [18] Kurdish proverbs and sayings []. Moscow, Main edition of oriental literature, 1972, 456 p.
- [19] Makarenko Anton Semyonovich. URL: http://www.hrono.ru/biograf/bio_m/makarenko_as.php (06.01.22)
- [20] Mikhalkov S.V. A funny day [Vesyolij den']. Moscow, Children's literature [Detskaya literatura], 1984, 287 p.
- [21] Mongolian folk proverbs and sayings [Mongolskie narodnye poslovitsy i pogovorki]. Moscow, Publishing house of foreign literature, 1962, 86 p.
- [22] Montaigne M. Essays / In 3 books. Moscow, Voice [Golos], 1992.
- [23] Mowat F. Don't Shout: «Wolves!» [Ne krichi «Volki!»] // Mowat, Farley. Don't shout: «Wolves!» Van Lavik-Goodell, Jane and Hugo. Innocent killers. Lorenz, Konrad. The person finds a friend [Mouet, F. Ne krichi: «Volki!». Van Lavik-Gudell, Jein i Gugo. Nevinnje ubiytsy. Lorents, Konrad. Chelovek nahodit druga]. Moscow, Peace [Mir], 1982, pp. 11–120.
- [24] Nekrasov N.A. Scenes from the lyrical comedy «Bear Hunt» [Stseny iz liricheskoy komedii «Medvezhya ohta»]. URL: <http://nekrasov-lit.ru/nekrasov/stihi/303.htm> (06.01.22)
- [25] Proverbs of the Abkhaz people [Poslovitsy abhazskogo naroda]. Sukhumi, ASU, 1994, 74 p.
- [26] Mind of the heart: The world of morality in statements and aphorisms [Razum serdtsa: Mir nravstvennosti v vyskazyvanizh i aforizmah]. Moscow, Publishing house of political literature, 1989, 605 p.
- [27] Rock Garden: The Wisdom of China and Japan [Sad kamney: mudrost' Kitaya i Yaponii]. St. Petersburg, Parity, 2005, 318 p.
- [28] Seneca L.A. Moral letters to Lucilius [Nravstvennye pis'ma k Lutsiliyu]. Moscow, AST, 2020, 639 p.
- [29] Tales, proverbs and songs of the Lusatian Serbs [Skazki, poslovitsy i pesni luzhitskih serbov]. Moscow, Publishing house of foreign literature, 1962, 159 p.
- [30] Dictionary of Ethics [Slovar' po etike] / 6th ed. Moscow, Publishing house of political literature, 1989, 448 p.
- [31] Dictionary of the Russian language [Slovar' russkogo yazyka] / In four volumes. V.4. Moscow, Russian language, 1984, 792 p.
- [32] Somali proverbs and sayings [Somalijskie poslovitsy i pogovorki]. Moscow, Science [Nauka], 1983, 284 p.

- [33] Explanatory Dictionary of the Russian Language [Tolkoviy Slovar' Russkogo Yazyka]. URL: <https://www.vedu.ru/expdic/37152/> (06.01.22)
- [34] Uyghur proverbs and sayings [Uygurskie poslovitsy i pogovogki]. Moscow, Science [Nauka], 1981, 182 p.
- [35] Finnish folk proverbs and sayings [Finskie narodnie poslovitsy i pogovorki]. Moscow, Publishing house of foreign literature, 1962, 58 p.
- [36] Chakalov I.V. Proverbs and sayings of the Tsalka (Trialeti) Greeks [Poslovitsy i pogovorki tsalkinskih (trialetskih) grekov]. Thessaloniki, Erodios, 1997, 216 p.
- [37] Ethics: Encyclopedic Dictionary [Etika: Aentsiclopedicheskiy slovar']. Moscow, Gardariki, 2001, 669 p.
- [38] Japanese folk proverbs and sayings [Japonskie narodnye posloviy i pogovorki]. Moscow, Publishing house of foreign literature, 1959, 95 p.

S.A. Davydov,

Doctor of Social Sciences, Professor, St. Petersburg State University of Economics, St.Petersburg;
e-mail: licurg@inbox.ru

ENTREPRENEURIAL ACTIVITY: HOW IT IS EVALUATED IN THE ECONOMIC CULTURE OF MODERN RUSSIA

By the middle of the XIX – early XX centuries, Russian sociology and social philosophy have developed a set of theoretical prerequisites that allow us to make an assumption about the low level of cultural legitimization of attitudes to entrepreneurial activity in Russia. The article suggests that in the years that have passed since the formation of such theoretical concepts, the practices of capitalist economy could have influenced the change in the value-motivational structure of Russians. First of all, changes could occur in its peripheral layers, directly related to the economic interests of economic agents. At the same time, the value core of economic culture remains relatively unchanged. The results of the empirical study partially confirm the validity of this assumption. They show that at present the value of entrepreneurial activity probably has different meanings in different layers of value-motivational structures of economic agents of Russia.

Key words: Motives, entrepreneurial activity, economic culture, economic agent, values, economic interests.

References:

- [1] Bakshantovskiy V.I. Sociology of morality: normative-value systems [Sociologiya morali: normativno-cennostnye sistemy] // Sociological researches [Sociologicheskie issledovaniya]. 2003, № 5, pp. 8–12.
- [2] Bessonova O. Distribution economy as a Russian tradition [Razdatochnaya ekonomika kak rossijskaya tradiciya] // Society and modernity [Obshchestvo i sovremennost']. 1994, № 3, pp. 40–47.
- [3] Bulgakov S.N. Christian Socialism [Hristianskiy socialism]. Novosibirsk, Science [Nauka], 1991, 80 p.
- [4] Losskiy. Freedom-loving [Svobodolyubie] // Word [Slovo]. 1990, № 3, pp. 42–59.
- [5] Panarin A. Westerners and Eurasians [Zapadniki i evraziycy] // Social sciences and modernity [Obshchestvennye nauki i sovremennost']. 1993, № 6, pp. 58–67.
- [6] Of our Reverend Father Abba Dorotheus, soul-useful teachings and epistles [Prepodobnogo otca nashego avy Dorofeya dushepoleznye poucheniya i poslaniya] / 3rd edition. Moscow, the Kozel'sk Vvedenskaya Optina Desert [Kozel'skaja Vvedenskaja Optina pustyn'], 1866.
- [7] Chayanov A.V. Essays on the theory of labor economy [Ocherki po teorii trudovogo hozyajstva]. Issue 1. Moscow, 1912.
- [8] Brockhaus and Efron's Encyclopedic Dictionary. Russia [Enciklopedicheskiy slovar` Brokgauza i Efrona. Rossiya]. St. Petersburg, Brockhaus and Efron, 1898.

A.A. Voskresenskiy,

Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor, Acting Head of the Department of Philosophical Anthropology and History of Philosophy, Herzen State Pedagogical University, St. Petersburg;
e-mail: voscres@gmail.com

K.V. Sultanov,

Honored Scientist of the Russian Federation, Doctor of Philosophy, Professor,
Herzen State Pedagogical University, St. Petersburg;
e-mail: child2000@bk.ru

A.G. Sunyagina,

Senior Lecturer, Saint Petersburg Stieglitz State Academy of Art and Design, St. Petersburg;
e-mail: anasun@yandex.ru

POSTMATERIALISM EPISTEMOLOGY IN KNOWLEDGE ECONOMY: VALUES AND WORLDVIEW

The article analyzes the epistemological foundations of the concept of post-materialism by the American political scientist R. Inglehart in the context of the knowledge economy that is emerging in the late industrial society. The analysis of deep social transformations that capture all spheres of modern society: not only economic, but also educational, political, value is presented in the context of the correlation of formal and informal axiological constructs, in comparison of the relations of values and relations of power. It is shown that significant transformations associated with profound changes in the value sphere of human life in the «knowledge society» have intensified the process of movement towards a new technical and economic way of life. At the same time, the post-material values, the idea of which was proposed by R. Inglehart, are considered in the work as the imaginative capital

of the development of man and society, directed to the future and allowing to “remove” some of the difficulties associated with the declared movement towards a new type of society. It is the striving for the future, the desire for maximum self-actualization in the 21st century that begins to determine the value choice, which can become autonomous and truly free. The constitution of the value dimension of relations in the new structures of the network order depends on the solution of this very issue. At the same time, the modernity of informational or even super-informational (post-informational) civilization actualizes the issue of the timeliness, conditions and possibilities of the epistemological program of expertocracy: the power of experts, opinion leaders, influencers, etc., as well as the very foundations of their activities in the light of the knowledge economy.

Key words: cognitive capitalism, knowledge economy, post-materialism, imaginative capital, episteme, non-classical epistemology, values, post-material, knowledge.

References:

- [1] Vizgin V.P. Epistemology of Gaston Bachelard and the history of science. [Epistemologiya Gastona Bashlyara i istoriya nauki]. Moscow, IFRAN, 1996, 263 p.
- [2] Voskresenskij A.A., Rabosh V.A., Sunjagina A.G. Post-material Values of Generation Z on the Way to the Society of Knowledge – to Statement of a Problem [Postmaterial'nye cennosti pokolenija Z na puti k obshhestvu znanij – k postanovke problemy] // Society. Environment. Development [Obshhestvo. Sreda. Razvitie]. 2018, № 1, pp. 84–87.
- [3] Ingllhart R., Vecel' V. Modernization, cultural change and democracy: the sequence of human development [Modernizacija, kul'turnye izmenenija i demokratija: Posledovatel'nost' chelovecheskogo razvitija]. Moscow, New publishing house [Novoe izdatel'stvo], 2011. 464 p.
- [4] Inozemtsev V.L. Modern post-industrial society: nature, contradictions, prospects [Sovremennoye postindustrial'noye obshchestvo: priroda, protivorechija, perspektivy]. Moscow, Logos. 2000, 323 p.
- [5] Kasavin I.T. Knowledge and Reality in Historical Epistemology [Science Znaniye i real'nost' v istoricheskoy epistemologii] // Epistemology and Philosophy // [Epistemologiya i filosofiya nauki]. V. 57. 2020, № 2, pp. 6–19.
- [6] Mart'janov V.S. Global modernity, post-material values and peripheral capitalism in Russia [Global'nyj modern, postmaterial'nye cennosti i perefirijnyj kapitalizm v Rossii] // Policy [Polis]. 2014, № 1, pp. 83–98. DOI: <https://doi.org/10.17976/jpps/2014.01.06>
- [7] Porus V.N. Epistemology: some trends [Epistemologiya: nekotoryye tendentsii] // Questions of Philosophy [Voprosy filosofii]. 1997, № 2, pp. 93–111.
- [8] Puyu Yu.V., Romanenko I.B., Sultanov K.V. Manipulative influences and educational technologies: the formation of a discussion-dialogue culture [Manipulyativnyye vozdeystviya i obrazovatel'nye tekhnologii: formirovaniye diskussionno-dialogovoy kul'tury] // Society. Environment. Development [Obshhestvo. Sreda. Razvitie]. 2015, № 4, pp. 132–137.
- [9] Romanenko I.B., Solomin V.P., Sultanov K.V. Social and human capital: differentiation of approaches [Sotsial'nyy i chelovecheskiy kapital: differentsiatsiya podkhodov] // Society. Environment. Development [Obshhestvo. Sreda. Razvitie]. 2015, № 3, pp. 102–106.
- [10] Social epistemology. Ideas, methods, perspectives [Sotsial'naya epistemologiya. Idei, metody, perspektivy] / Ed. by I.T. Kasavin. Moscow, Kanon+, 2010, 712 p.
- [11] Hiks D., Alen R. Revision of the theory of value [Preshmotr teorii cennosti] // Milestones of economic thought. Volume 1. Theory of consumption and demand [Vehi jekonomicheskoy mysli. Tom 1. Teorija potreblenija i sprosa] / Ed. by V.M. Gal'perin. St. Petersburg, School of Economics [Ekonomicheskaja shkola], 2000, pp. 117–141.
- [12] Prensky M. On the Horizon // MCB University Press). Vol. 9, 2001, № 5, October.

A.V. Vorontsov,

Doctor of Philosophy, Professor, President of the Institute of History and Social Sciences,
Herzen State Pedagogical University, Saint Petersburg;
e-mail: vorontsov@herzen.spb.ru

A.M. Prilutsky,

Doctor of Philosophy, Professor, Senior Researcher at the Center for the Prevention of Extremism
in Education and Youth, Herzen State Pedagogical University, Saint Petersburg;
e-mail: april@mail.ru

A.M. Bogachev,

researcher at the Center for the Prevention of Extremism in the Field of Education and Youth,
Herzen State Pedagogical University, Saint Petersburg;
e-mail: amb1976@mail.ru

G. I. Teplykh,

Candidate of Economic Sciences, researcher at the Center for the Prevention of Extremism in Education and
Youth Environment, Herzen State Pedagogical University, Saint Petersburg;
e-mail: er232629@mail.ru

PSYCHOSEMIOTICS OF DESTRUCTIVE BEHAVIOR: FROM SYMBOLIC MURDER TO REAL MURDER

The article, which is a continuation of the material «The Tragedy in Kerch: an attempt at socio-psychological analysis», offers an analysis of destructive processes in the adolescent and youth environment of modern Russia. The relevance of the work is determined by the high scientific and social significance of understanding the causes

174 of both individual tragic events, such as the murders in Kerch and Kazan, and mass destructive processes of a psychological and socio-psychological nature. The authors propose a hypothesis of three levels of destructive processes: 1) mass processes associated with the deep layers of the collective unconscious of Russian society and manifested, among other things, in the extremely common game of «Euthanasia» among teenagers; 2) processes occurring within various adolescent and youth subcultures and 3) processes related to the personalities of specific individuals who commit destructive actions.

The authors argue that in the vacuum of meaning and in the absence of a creative ideology, teenagers at the level of the collective unconscious are captured by chaotic, destructive processes and corresponding archetypes. This kind of obsession is directly related to the formation of a negative identity and the «cult of the antihero», often of a pseudo – sacred nature («I am God!»). At the «organizational» level, this obsession is associated with manipulating consciousness in certain interests. Thus, starting with a symbolic murder, destruction can then take the form of a real murder, both at the group and individual levels.

At the same time, the authors also put forward the thesis about the existence of processes of an opposite nature: modern Russian teenagers are in a state of unconscious spiritual search and unconsciously strive to identify with the image of a creative Hero. They are in urgent need of spiritual and psychological support from representatives of those public institutions that should transmit creative and, including, sacred meanings to the younger generations.

Key words: Meaning, Ideology, Consciousness, Unconscious, Destruction, Identity, Adolescents, Youth, Archetype, Subculture

References:

- [1] Aparina E. Ufa doctor spoke about the terrible consequences of the game «dog high» during which an 8-year-old girl died [Ufimskij vrach rasskazal o strashnyh posledstviyah igry «sobachij kajb», vo vremya kotoroj pogibla 8-letnyaya devochka] // Komsomolskaya Pravda. 2020, August 25. URL: <https://www.ufa.kp.ru/online/news/3990256/>
- [2] Balagurova N. Anatoly Slivko: biography, personal life, crimes, victims, sentence and execution [Anatolij Slivko: biografiya, lichnaya zhizn', prestupleniya, zhertvy, prigovor i kazn']. URL: <https://www.syl.ru/article/418497/anatolij-slivko-biografiya-lichnaya-jizn-prestupleniya-jertvyi-prigovor-i-kaznhttps://www.syl.ru/article/418497/anatolij-slivko-biografiya-lichnaya-jizn-prestupleniya-jertvyi-prigovor-i-kazn>
- [3] Bogachev A.M., Blinkova A.O., Priluckij A.M., Shuruht S.M., Gajdukov A.V. Religious, ethical and everyday categories in the unconscious area of the mental reality of modern Russian youth: an attempt at comparative analysis [Religioznye, eticheskie i bytovye kategorii v bessoznatel'noj oblasti psihicheskoj real'nosti sovremennoj rossijskoj molodezhi: popytka sravnitel'nogo analiza] // Philosophy and Culture [Filosofiya i kul'tura]. 2020, № 8, pp. 53–67. DOI: 10.7256/2454–0757.2020.8.33359
- [4] Vorontsov A.V., Prilutsky A.M., Bogachev A.M. The tragedy in Kerch: the experience of socio-psychological analysis of prerequisites [Tragediya v Kerchi: opyt social'no-psihologicheskogo analiza predposylok] // Psychopedagogy in law enforcement agencies [Psihopedagogika v pravoohranitel'nyh organah]. 2019, Vol. 24, № 2(77), pp. 138–144. DOI: 10.24411/1999–6241–2019–12001
- [5] Grof S. The practice of holotropic breathwork [Praktika holotropnogo dyhaniya] // Methodological recommendations for students of the course «Transpersonal psychotherapy» [Metodicheskie rekomendacii dlya slushatelej kursa «Transpersonal'naya psihoterapiya»]. Moscow, VINITI, 2000, pp. 5–84.
- [6] Grof S. Holotropic consciousness: Three levels of human consciousness and their influence on our life [Holotropnoe soznanie: Tri urovnya chelovech. soznaniya i kak oni formiruyut nashu zhizn']. Moscow, Transpersonal institute, 1996, 245 p.
- [7] Ivanko O.G. Asphyxiating games of children [Asfikticheskie igry detej] // News of medicine and pharmacy [Novosti mediciny i farmacii]. 2014, № 4 (488), pp. 10–11.
- [8] Kemalova L. I. On the question of the boundaries of youth [K voprosu o granicah molodosti] // Innovative science [Innovacionnaya nauka]. 2017, № 2–2, pp. 284–287.
- [9] Krupsky V. From a «closed boy» to a psychopath with a machine gun: how Ilnaz Galyaviev turned into a child killer [Ot «zamknutogo mal'chika» do psihopata s avtomatom: kak Il'naz Galyaviev prevrashchalsya v ubijcu detej] // Komsomolskaya Pravda. 2021, May 13. URL: <https://www.kp.ru/daily/24490.5/645732/><https://www.kazan.kp.ru/daily/27277/4412386/>
- [10] Kurdyukova A. Kerch shooter burned the Bible before the massacre [Kerchenskij strelok pered bojnjej szheg Bibliju] // Komsomolskaya Pravda. 2018, October 18. URL: <https://www.crimea.kp.ru/daily/26893/3941516/>
- [11] Kukhartseva A. Do teenagers strangle each other? Yes, they play like that! [Podrostki dushat drug druga? Da eto oni tak igrayut!] // Komsomolskaya Pravda. 2010, May 17. URL: <https://www.kp.ru/daily/24490.5/645732/>
- [12] «Maniacs. Cult of murderers «: how the Ukrainian radical group recruits supporters in the Russian Federation [«Man'yaki. Kul't ubijc»: kak ukrainskaya radikal'naya gruppirovka verbuet storonnikov v RF] // NTV. URL: <https://www.ntv.ru/novosti/2560241/>
- [13] Matveychev O. Sons of Death, servants of Kali: a secret sect of strangler tugs [Syny Smerti, slugi Kali: tajnaya sekta tugov-dushitelej]. URL: <https://matveychev-oleg.livejournal.com/6109219.html>
- [14] Menninger K. Man Against Himself [Vojna s samim soboj] / Tr. by Yu. Bondarev. Moscow, EKSMO-Press, 2000, 477, [2] p.

- [15] Pribylovsky M. Second coming: youth groups have become more active in Russia [Vtoroe prishestvie: v Rossii vnov' aktivizirovalis' molodyozhnye gruppировki]. URL: https://yandex.eu/turbo/news.ru/s/society/vtoroe-prishestvie-v-rossii-vnov-aktivizirovalis-molodezhnye-gruppировki?turbo_feed_type=full
- [16] Reznik O.N., Prilutsky A.M., Lebedev V.Yu., Mikhel D.V. Society's rejection of the problem of posthumous organ donation: the causes and structure of mortal fears [Nepriyatie obshchestvom problemy posmertnogo donorstva organov: prichiny i struktura mortal'nyh strahov] // Bulletin of Transplantology and artificial organs [Vestnik transplantologii i iskusstvennyh organov]. 2019, Vol. 21, № 1, pp. 169–179.
- [17] Torchinov E. A. The path of the beyond. Religions of the world. Psychotechnics and transpersonal states [Religii mira: Opyt zappedelnogo: Psihotekhnika i ttranspepsonal'nye sostoyaniya]. St. Petersburg, Center «Petersburg Oriental Studies» [Zentr «Petepbypgskoe Vostokovedenie»]. 1998, 384 c.
- [18] Urvin A.V. Dangerous games of teenagers and students [[Opasnye igry podrostkov i studencheskoj molo-dezhi] // Bulletin of Scientific Conferences [Vestnik nauchnyh konferencij]. 2016, № 11–5 (15), pp. 168–169.
- [19] Fenichel O. Psychoanalytic theory of neuroses [Psihoanaliticheskaya teoriya nevrozov] / Tr. by A.B. Havin. Moscow, Academic project, 2004, 848 p.
- [20] Erikson E. Identity: Youth and Crisis [Identichnost': yunost' i krizis] / Tr. by A.V. Tolstyh. Moscow, Progress, 1996, 344 p.
- [21] Andrew T.A., Fallon K.K. Asphyxial games in children and adolescents // Am. J. Forensic. Med. Pathol. 2007, № 28(4), pp. 303–307.
- [22] Katz K.A., Toblin R.L. Language matters: unintentional strangulation, strangulation activity, and the «choking game» // Arch Pediatr Adolesc Med. 2009, № 163, pp. 93–4. – DOI: 10.1001/archpediatrics.2008.517

PEDAGOGICAL EXPERIENCE

E.V. Ponomareva,

Candidate of pedagogical sciences, Docent, Herzen State Pedagogical University, Saint Petersburg;
e-mail: evprgpu@gmail.com

O.I. Ivanova,

Music teacher of the State Budgetary Educational Institution, Kindergarten No. 14. Saint Petersburg;
e-mail: evprgpu@gmail.com

DIAGNOSTICS OF PRESCHOOL CHILDREN'S SOCIAL EMOTIONS IN THE CONDITIONS OF MUSIC TRAINING: RESEARCH MATERIALS

The importance of music education in the socialization of preschool children is difficult to overestimate, since social emotions in preschool childhood are inextricably linked to the development of the emotional sphere of the child. Nevertheless, it is in the field of musical pedagogy that there is virtually no research on the socialization of children in the context of musical activities. In some programmes, music is used as an addition to the proposed set of means and methods of social education of children. The article presents the material of the diagnostic study of social emotions of preschool children in a situation of perception of musical works of different emotional content. The specially chosen repertoire and research methods allow to trace the dynamics of the development of social emotions from the initial emotional response to the children's awareness of their emotional states and their verbalization.

Key words: musical lessons with preschoolers, the development of social emotions, diagnostics of social emotions, emotional response, children's awareness of their emotional conditions, research materials.

References:

- [1] Vinokurova A.V. Socio-emotional development of older preschoolers [Socio-emocional'noe razvitiye starshih doshkol'nikov]. Borisoglebsk, BGPI», 2007, 156 p.
- [2] Play as a means of social-emotional development for children aged 3–5 [Igra kak sredstvo social'no-emocional'nogo razvitiya detej 3–5 let] / Comp. by Zhukova R.A. Volgograd, Korifej, 2006, 112 p.
- [3] Karelina I.O. Psycho-pedagogical conditions for the development of children's perception, understanding and verbalisation of emotional states: study guide [Psihologo-pedagogicheskie usloviya razvitiya u detej vospriyatija, ponimaniya i verbalizacii emocional'nyh sostoyanij: ucheboe posobie]. Yaroslavl, Yaroslavl Pedagogical University Press, 2008, 55 p.
- [4] Krashenninnikova N.B., Makarova I.A. Pedagogical technology of social and emotional development of preschoolers by means of music [Pedagogicheskaya tekhnologiya social'no-emocional'nogo razvitiya doshkol'nikov sredstvami muzyki] / 2nd ed. Nizhniy Novgorod, White Lisght [Belyj svet], 2014, 202 p.
- [5] Ponomareva E.V., Ivanova O.I. Social repertoire at music lessons in kindergarten [Repertuar social'noj napravlenosti na muzykal'nyh zanyatiyah v detskom sadu] // Modern science: trends of development: Collection of scientific papers of the XVII International Scientific-Practical Conference (28 February 2017) [Sovremennaya nauka: tendencii razvitiya: Sb. nauchnyh trudov XVII Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii (28 fevralya 2017 g.)]. Krasnodar, Apriori publishing center, 2017, pp. 114–118.
- [6] Socio-emotional development of preschoolers [Social'no-emocional'noe razvitiye doshkol'nikov] // Edited by N.V. Miklyaeva. Moscow, 2013, 160 p.

- [7] Toropova A.V. HOMO-MUSICUS in the mirror of musical-psychological and musical-pedagogical anthropology [HOMO-MUSICUS v zerkale muzykal'no-psihologicheskoy i muzykal'no-pedagogicheskoy antropologii. Monografiya]. Moscow, Graph-Press, 2008, 288 p.
- [8] Toropova A.V. Musical psychology and the psychology of music education [Muzykal'naya psihologiya i psihologiya muzykal'nogo obrazovaniya]. Moscow, Graph-Press, 2008, 200 p.
- [9] I – You – We. Socio-emotional development program for pre-school children [Ya – Ty – My. Programma social'no-emocional'nogo razvitiya doskol'nikov] / Comp. by O.L. Knyazeva. Moscow, Mozaika-Sintez, 2003, 168 p.

E.S. Starovoitova,

Graduate student, Vaganova ballet Academy, Saint-Petersburg;
e-mail: polar_lights@list.ru

THE FEATURES OF THE PEDAGOGICAL METHODS OF YU.I. PLAKHTA AND THEIR INFLUENCE ON THE TRAINING OF BALLET DANCERS

The article is devoted to the features of pedagogical methods of a unique teacher of classical and duet dance Julius Plakht. This pedagogue worked for a long time in the Perm State ballet school and trained a lot of ballet stars of Soviet ballet. Julius Plakht was one of the leading and most authoritative teachers of the male classical dance of the second half of the 20th century. The purpose of the research is to describe the pedagogical methods and techniques of the famous classical dance teacher Yuliy Iosifovich Plakht, which he used in his teaching activity. The methodological basis of this article consists of: historical, complex, analytical, empirical methods of cognition, as well as a targeted approach to the topic under study. In his pedagogical activity, Plakht proved himself not only as a follower of the methodology of Vaganova, but also as a teacher who found his own way, which led him to success and determined the unique style and manner of teaching classical and duet-classical dances.

Key words: Plakht, ballet, choreography, classical dance, duet dance, pedagogue

References:

- [1] Bordovskaya N.V., Rean A.A. Pedagogy. St. Petersburg, Piter, 2000, 304 p.
- [2] Remembering Yu.I. Plakhta [Vspominaya YU.I. Plakhta] // Press bulletin of the V open competition of ballet dancers of Russia «Arabesque-98» [Press-byulleten' V otkrytogo konkursa artistov baleta Rossii «Arabesk-98»]. Perm', 1998, № 3, p. 25.
- [3] Levchenko I.E., Urazgildeev R. At the origins of the National Ballet [U istokov nacional'nogo baleta] / Collection of articles. Almaty, Unique service, 2009. URL: <http://www.literature.kg> (05.02.2022)
- [4] Teacher Yuli Plakht (1918–1988) [Pedagog Yulij Plakht (1918–1988)] / Comp. by M.I. Serov, E.P. Subbotin. Perm' Arabesque, 2001, 40 p.
- [5] Plakht Yu.I. Ballerina's talent [Talent baleriny] // Newspaper «Zvezda». 1967, September 17, pp. 9.
- [6] Plakht Yu.I. So that the lesson was always fruitful... [Chtoby urok vseгда byl plodotvornym...] // Ballet, XX century : [pages of the history of choreographic art of Russia of the twentieth century: based on the materials of the Ballet magazine : collection of articles / Ed. by V.I. Uralskaya]. Moscow, Editorial Office of the Ballet magazine, 2011, 439 p.: ill., portr.
- [7] Plakht. Yu.I. So that the lesson is always fruitful... [Chtoby urok vseгда byl plodotvornym...] // Soviet ballet. 1984, № 5, p. 45.
- [8] Pribylov G. Methodical manual on classical dance for teachers-choreographers of junior and middle classes [Metodicheskoe posobie po klassicheskomu tancu dlya pedagogov-khoreografov mladshikh i srednikh klassov]. Moscow, Galeria, 1999, 64 p.
- [9] Tyurin Yu. The vocation of a teacher [Prizvanie pedagoga] // Theater. 1973, № 7, pp. 123–124.
- [10] Chernova T. The birth of a swan [Rozhdenie lebedya]. Perm', Perm Book Publishing House, 2001, 216 p.

E.A. Okladnikova,

PhD, Professor, Herzen State Pedagogical University of Russia, St. Petersburg;
e-mail: okladnikova-ea@yandex.ru

A.A. Lipatova,

student, Herzen State Pedagogical University of Russia, St. Petersburg;
e-mail: a.lipatova@fcdigital.ru

THE EXPERIENCE OF EDUCATING PATRIOTISM AS THE HIGHEST SOCIAL FEELING: AN EXAMPLE OF ONE STUDENT TOUR

The experience of student science tourism is seen in the context of the pedagogy of nurturing patriotism as a social feeling. The authors collected interviews with students of the Russian State Pedagogical University named after A.I. Herzen, who took part in a scientific student tour to the Tarnogsky district of the Vologda region in the fall of 2021. It was revealed that of the five functions of pedagogy of patriotic education of youth – communicative, integrative, research, diagnostic and social – the greatest educational impact on students was social.

Key words: Vologda, scientific tourism, patriotic education, Tarnogsky district, students, field research, student scientific tourism, expedition.

Reference:

- [1] Batina S.I. Organization and development of international student tourism [Organizatsiya i razvitie mezhdunarodnogo studencheskogo turizma]. Saratov, 2020. URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_44377236_29716012.pdf (01.17.2022)
- [2] Birzhakov M.B. Introduction to tourism [Vvedenie v turizm]. St. Petersburg, Gerda, 2000, 192 p.
- [3] Birzhakov M.B., Nikiforov V.I. Tourism industry: transportation [Industriya turizma: perevozki]. St. Petersburg, Gerda, 2007, 528 p.
- [4] Vanyushkina L.M. Out-of-class education is the way to a new educational space [Vneauditornoe obrazovanie put' v novoe obrazovatel'noe prostranstvo]. St. Petersburg, Asterion, 2003, 224 p.
- [5] Velichkina A.V. Tourism of the Vologda region: main development trends [Turizm Vologodskoj oblasti: osnovnye tendentsii razvitiya] // Economics and management of innovative technologies [Ekonomika i menedzhment innovatsionnykh tekhnologij]. 2014, № 4. URL: <https://ekonomika.snauka.ru/2014/04/4786> (01.10.2022)
- [6] Gerasimenko T.I., Rodoman B.B. Russian scientific tourism: problems and prospects (on the example of Himalayan-Tibetan and Algerian studies) [Rossijskij nauchnyj turizm: problemy i perspektivy (na primere gimalajsko-tibetskikh i alzhirskih issledovanij)] // Proza.ru. URL: <https://proza.ru/2019/11/03/445> (01.17.2022)
- [7] Derizhan I, Valchev G. Features of teaching methods for modern student audiences [Osobennosti metodiki obucheniya sovremennoj studencheskoj auditorii] // Yearbook of the Burgas Free University [Ezhegodnik Burgasskogo svobodnogo universiteta]. Burgas, BRU, 2015, 165 p.
- [8] Kovaleva T.M. Educational journey as a pedagogical technology in the work of a modern teacher [Obrazovatel'noe puteshestvie kak pedagogicheskaya tekhnologiya v rabote sovremennoogo uchitelya] // Teacher of the XXI century [Prepodavatel' XXI veka], 2014, № 1–4, pp. 171–179.
- [9] Kvartalnov V.A. Modern features of tourism as a method of scientific knowledge and research [Sovremennye osobennosti turizma kak metoda nauchnogo poznaniya i issledovanij] // Theory and practice of physical culture [Teoriya i praktika fizicheskoy kultury]. 2002, № 11, pp. 13–17.
- [10] Korobkova E.N. Travel as an educational method [Puteshestvie kak obrazovatel'nyj metod] // People's education [Narodnoe obrazovanie]. 2015, № 3, 2015, pp. 181–187.
- [11] Scientific tourism [Nauchnyj turizm] // About tourism. Info [O turizme, Info]. URL: <https://oturizme.info/nauchnyj-turizm/> (01.15.2022)
- [12] Nikonova T.V., Klyueva G.A. “Educational journey” as an innovative technology of vocational guidance for schoolchildren [«Obrazovatel'noe puteshestvie» kak innovatsionnaya tekhnologiya professional'noj orientatsii shkol'nikov] // Scientific and methodological electronic journal “Concept” [Nauchno-metodicheskij elektronnyj zhurnal «Koncept»]. 2018, № 10. URL: <http://e-koncept.ru/2018/186093.htm>
- [13] Nussbaum M. Patriotism and cosmopolitanism [Patriotizm i kosmopolitizm] // Logos. 2006, № 2, pp. 110–119.
- [14] Teaching and learning for a sustainable future: applying innovative methods [Prepodavanie i obuchenie dlya ustojchivogo budushchego: primenenie innovatsionnykh metodov] // UNESCO. 2016. URL: http://www.unesco.org/education/tlsf/mods/theme_d.html (02.12.2016)
- [15] Sanina A.G. Patriotism and patriotic education in modern Russia [Patriotizm i patrioticheskoe vospitanie v sovremennoj Rossii] // Sociological research [Sociologicheskie issledovaniya]. 2016, № 5, pp. 44–53.
- [16] Tatarova G.G. Methodology of data analysis in sociology [Metodologiya analiza dannyh v sociologii] / 2nd ed. Moscow, NOTA BENE, 1999, 180 p.
- [17] Tatarova G.G. Methodology of data analysis in sociology [Metodologiya analiza dannyh v sociologii]. Moscow, Publishing House of Moscow State University, 1999, 240 p.
- [18] Frolova M.E., Khudova R.V. Model of the organization of patriotic education of students of a higher educational institution [Model' organizatsii patrioticheskogo vospitaniya studentov vysshego uchebnogo zavedeniya] // International Student Scientific Bulletin [Mezhdunarodnyj studencheskij nauchnyj vestnik]. 2016, № 5 (part 2), pp. 248–252.
- [19] Kholodilina Yu.E. Theoretical aspects of the development of scientific tourism in the region [Teoreticheskie aspekty razvitiya nauchnogo turizma v regione] // Bulletin of OSU [Vestnik OGU]. 2011, № 13 (132), pp. 115–27.
- [20] What young people breathe: about 300 experts discussed trends. Problems and prospects of patriotic education [Chem dyshit molodyozh': okolo 300 spetsialistov obsudili trendy. Problemy i perspektivy patrioticheskogo vospitaniya]. URL: <https://4s-info.ru/2021/11/24/chem-dyshit-molodezh-okolo-300-spetsialistov-obsudili-trendy-problemy-i-perspektivy-patrioticheskogo-vospitaniya> (01.17.2022)
- [21] MacIntyre, A. Is Patriotism a Virtue? // Patriotism. Primoratz I. (ed.). Amherst, Humanity Books, 2002, pp. 43–58.

S.V. Mezentseva,

Candidate of Art History, Associate professor, Senior Researcher,
the Herzen State Pedagogical University of Russia, St. Petersburg;
e-mail: mezenceva-sv@yandex.ru

MUSIC COMPUTER TECHNOLOGIES AND SOUND DESIGN: ABOUT THE DEMAND FOR A SPECIALIST OF A NEW PROFILE

The paper examines the problem of the demand for a modern specialist in the field of working with sound in the space of media culture. The very concept of «sound designer» is considered, and sound design is considered as a special creative activity. The problem of the formation of a new type of specialist in the university, who owns

178 | the competencies of a composer, arranger, performing musician, artist, DJ, sound engineer, sound designer, is raised. The main specificity of training a sound designer at a university is the need to combine both creative and technical principles. The new educational program of the master's program «Digital Technologies in Music and Sound Design» of the Herzen State Pedagogical University of Russia.

Key words: Sound design, sound designer, sound designer, media culture, music and computer technologies, media artistic creativity, magistracy.

References:

- [1] Bysko M.V. Noise [Shumologiya] // Mediamusic. 2014, № 3. URL: http://mediamusic-journal.com/Issues/3_6.html
- [2] Gorbunova I.B. Musical computer technologies as a new teaching and creative environment [Muzykal'no-komp'yuternye tekhnologii kak novaya obuchayushchaya i tvorcheskaya sreda] // Modern Musical Education-2002: Proceedings of the International Scientific and Practical Conference. Herzen State Pedagogical University of Russia, Rimsky-Korsakov St. Petersburg State Conservatory [Sovremennoe muzykal'noe obrazovanie-2002: materialy Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii. Rossijskij gosudarstvennyj pedagogicheskij universitet im. A. I. Gercena, Sankt-Peterburgskaya gosudarstvennaya konservatoriya im. N.A. Rimskogo-Korsakova] / Ed. by I.B. Gorbunova. St. Petersburg, the Herzen State Pedagogical University of Russia, 2002, pp. 161–169.
- [3] Gorbunova I.B., Davletova K.B., Mezentseva S.V. Musical instruments of the digital age [Muzykal'nye instrumenty cifrovoj epohi]. St. Petersburg, Publishing house of the Herzen State Pedagogical University of Russia, 2021, 216 p.
- [4] Gorbunova I.B., Mezentseva S. V. About development of a Russian electronic musical synthesizer with the timbres of traditional musical instruments of the peoples of Russia and the world [O razrabotke rossijskogo elektronnoho muzykal'nogo sintezatora s tembrami tradicionnyh muzykal'nyh instrumentov narodov Rossii i mira] // Society: Philosophy, History, Culture [Obschestvo: filosofiya, istoriya, kul'tura]. 2021, № 4, pp. 96–100.
- [5] Gorbunova I.B., Mezentseva S.V. About the role of the sequencer in the formation of a complex model of the semantic space of music [O roli sekvensora v formirovanii kompleksnoj modeli semanticheskogo prostranstva muzyki] // Society. Environment. Development [Obschestvo. Sreda. Razvitie]. 2021, № 1, pp. 51–55.
- [6] Gorbunova I.B., Mezentseva S.V. Digital computer post-folklorism: to the problem of the characteristics of the phenomenon [Electronic resource] // Mediamusic. 2021, № 12. URL: http://mediamusic-journal.com/Issues/12_3.html
- [7] Denikin A.A. Profession – sound designer [Professiya – dizajner zvuka] // ProSound.iXBT.com. URL: <http://prosound.ixbt.com/education/sound-design.shtml>
- [8] Player. Scenes from the novel by F. M. Dostoevsky [Igrok. Sceny iz romana F. M. Dostoevskogo] / BDT G.A. Tovstonogov. URL: <https://bdt.spb.ru/%D1%81%D0%BF%D0%B5%D0%BA%D1%82%D0%B0%D0%BA%D0%BB%D0%B8/%D0%B8%D0%B3%D1%80%D0%BE%D0%BA/>
- [9] Mezentseva S.V. Musical computer technologies in modern culture (to the problem of classification) [Muzykal'no-komp'yuternye tekhnologii v sovremennoj kul'ture (k probleme klassifikacii)] // Society. Environment. Development [Obschestvo. Sreda. Razvitie]. 2020, № 4, pp. 26–30.
- [10] Mezentseva S.V. About extension tools the information space of a creative university [Ob instrumentah rasshireniya informacionnogo prostranstva tvorcheskogo vuza] // Problems of Musical Science / Music Scholarship [Problemy muzykal'noj nauki / Music Scholarship]. 2020, № 3, pp. 182–191.
- [11] Chernyshov A.V. Sound master: blockbuster [Saund-master: blokbaster] // Show master. 2007, № 3, pp. 104–108.
- [12] Alieva I.G., Gorbunova I.B., Mezentseva S.V. Music Computer Technologies as a Worth-While Means of Folklore Studying, Preserving and Transmission // Utopia y Praxis Latinoamericana. Vol. 24. 2019, № Extra, pp. 118–131.
- [13] Gorbunova I.B., Plotnikov K.J., Heiner H. Music Computer Technologies as an Integrative Networking Educational Environment // REVISTA PRAXIS EDUCACIONAL. Vol. 16. 2020, № 37, pp. 483–495.
- [14] Gorbunova I.B., Zalivadny M.S., Tovpich I.O. On the Application of Models of the Semantic Space of Music in the Integrative Analysis of Musical Works and Music Education with Music Computer Technologies // APUNTES UNIVERSITARIOS. Vol. 10. 2020, № 4, pp. 13–23.

ENVIRONMENT

NATURAL ENVIRONMENT

O.A. Druzhinina,

PhD in Geosciences, Herzen State Pedagogical University of Russia;
Researcher, Shirshov Institute of Oceanology of RAS, Saint-Petersburg;
e-mail: olga.alex.druzhinina@gmail.com

PALAEOLIMNOLOGICAL RESEARCH IN THE SOUTH-EASTERN BALTIC REGION (KALININGRAD REGION) IN 2010–2020: NEW DATA ON THE LATE PLEISTOCENE AND HOLOCENE ENVIRONMENT

The results of the first decade (2010–2020) of paleolimnological work in the Kaliningrad region are presented. Comprehensive analysis included lithological, geochronological, palynological, diatomaceous, chironomide, geochemical, paleomagnetic, and paleoisotope methods. The dynamics of the natural conditions of the southeastern Baltic States over the past 16 thousand years has been detailed. Paleoclimatic reconstructions for the end of the

Pleistocene – beginning of the Holocene were performed for the region for the first time. A detailed picture of the dynamics of vegetation cover is presented. Information on the most important geochemical processes that took place in water bodies and in the surrounding territories in the Late Glacial and Holocene time has been obtained.

Key words: Kaliningrad region, paleogeography, paleolimnology, late Pleistocene, Holocene, natural environment, southeastern Baltic states.

References:

- [1] Blazhchishin A.I. Paleogeography and evolution of Late Quaternary sedimentation in the Baltic Sea [Paleogeografija i jevoljucija pozdnechetvertichnogo osadkonakoplenija v Baltijskom more]. Kaliningrad, Jan'tarnyj skaz, 1998, 160 p.
- [2] Geological exploration of the USSR. Volume 6: Kaliningrad region of the RSFSR [Geologicheskaja Izuchennost' SSSR. Tom 6: Kaliningradsckaja oblast' RSFSR]. Vil'njus, In-t of geology, 1970, 132 p.
- [3] Druzhinina O.A. Interaction of nature and society in the interfluvium of the Neman and Vistula at the turn of the Pleistocene and Holocene [Vzaimodejstvie prirody i obshhestva v mezhdurech'e Nemana i Visly na rubezhe plejstocena i golocena] / Ph.D. Thesis. Kaliningrad, 2005, 160 p.
- [4] Druzhinina O.A. Study of the Holocene vegetation of the South-Eastern Baltic as an indicator of landscape and climatic changes in the environment [Issledovanie golocenovoj rastitel'nosti Jugo-Vostochnoj Pribaltiki kak pokazatelja landshaftno-klimaticheskikh izmenenij okruzhajushhej sredy] // Issues of modern science and practice. Vernadsky University [Voprosy sovremennoj nauki i praktiki. Universitet im. V.I. Vernadskogo], 2010, № 10–12 (31), pp. 38–44.
- [5] Druzhinina O.A. Application of palaeogeographic methods in the study of the early stages of the development of the Kaliningrad region [Primenenie metodov paleogeografii v izuchenii rannih jetapov osvoenija Kaliningradsckoj oblasti] // Bulletin of Moscow State Regional University. Natural Sciences Series [Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Serija «Estestvennye nauki»], 2011, № 1, pp. 84–89.
- [6] Druzhinina O.A. On the prospects of using the method of phytolith analysis in palaeolimnology [O perspektivah primeneniya metoda fitolitnogo analiza v paleolimnologii] // Natural and technical sciences [Estestvennye i tehniczeskie nauki], 2020, № 3, pp. 139–142.
- [7] Zagorodnyh V.A., Dovbnja A.V., Zhamojda V.A. Stratigraphy of the Kaliningrad region [Stratigrafija Kaliningradsckogo regiona]. Kaliningrad, Department of Natural Resources for the Northwest Region, 2001, 226 p.
- [8] Kublickij Ju.A., Subetto D.A., Masterova N.N., Druzhinina O.A., Shodnov I.N. Reconstruction of natural and climatic changes in the southeastern part of the Baltic region in the Holocene based on the results of studies of the bottom sediments of the lake Protochnoe (Kaliningrad Region) [Rekonstrukcija prirodno-klimaticheskikh izmenenij v jugo-vostochnoj chasti Baltijsckogo regiona v golocene po rezul'tatam issledovanij donnyh otlozhenij oz. Protochnoe (Kaliningradsckaja oblast')] // Open Scientific Bulletin, 2014, № 2, p. 2.
- [9] Kublickij Ju.A. Dynamics of natural conditions in the southeastern part of the Baltic region in the late Pleistocene and Holocene [Dinamika prirodnyh uslovij v jugo-vostochnoj chasti Baltijsckogo regiona v pozdnem neoplejstocene i golocene] / Ph.D. Thesis. St. Petersburg: Herzen State Pedagogical University of Russia, 2016, 150 p.
- [10] Napreenko-Dorohova T.V. Palaeoecological reconstruction of the vegetation cover of the southeastern part of the Baltic region in the Holocene [Paleoekologicheskaja rekonstrukcija rastitel'nogo pokrova jugo-vostochnoj chasti Baltijsckogo regiona v golocene] / Ph.D. Thesis. Kaliningrad, 2016, 174 p.
- [11] Juspina L.F. Paleogeography of the Baltic Sea: According to the palynology of the Upper Quaternary sedimentary sequence [Paleogeografija Baltijsckogo morja: Po dannym palinologii verhnechetvertichnoj osadochnoj tolshhi] / Ph. D. Thesis. Kaliningrad, 2001, 136 p.
- [12] Anderson N.J., Renberg I., Segerstrom U. Diatom and lake productivity responses to agricultural development in a Northern Swedish, boreal forest catchment // Journal of Ecology. 1995, vol. 83, pp. 809–822.
- [13] Arslanov Kh.A., Druzhinina O., Savelieva L., Subetto D., Skhodnov I., Dolukhanov P.M., Kuzmin G., Chernov S., Maksimov F., Kovalenkov S. Geochronology of vegetation of South-East Baltic coast (Kaliningrad region) during Middle and Late Holocene // Geochronometria. 2011, vol. 38 (2), pp. 172–181.
- [14] Bitinas A., Druzhinina O., Damušytė A., Napreenko-Dorokhova T., Guobytė R., Mažeika J. The lower reaches of the Nemunas river at the end of the Last (Weichselian) Glacial and beginning of the Holocene // Geological Quarterly. 2017, vol. 61, pp. 156–165.
- [15] Druzhinina O., Subetto D., Stančikaitė M., Vaikutienė G., Kublitsky J., Arslanov Kh. Sediment record from Kamyshovoe Lake, Kaliningrad Region: new data on history of vegetation in the late Pleistocene – early Holocene // Baltica. 2015, vol. 28 (2), pp. 121–134.
- [16] Druzhinina O., Bitinas A., Molodkov A., Kolesnik T. Palaeoseismic deformations in the eastern Baltic region (Kaliningrad District of Russia) // Estonian Journal of Earth Sciences. 2017, vol. 66 (3), pp. 119–129.
- [17] Druzhinina O., Kublitskiy Y., Stančikaitė M., Nazarova L., Syrykh L., Gedminienė L., Uogintas D., Skipytyte R., Arslanov Kh., Kulkova M., Subetto D. The Late Pleistocene – Early Holocene Palaeoenvironmental Evolution in the SE Baltic Region, Kaliningrad District, Russia: a new approach based on chronomid, geochemical and isotopic data from Kamyshovoe Lake // Boreas. 2020, vol. 49 (3), pp. 544–561.
- [18] Gedminienė L., Druzhinina O., Stančikaitė M. Regional variations of carbonates in postglacial sediments and response of physical sediment properties to climatic events and vegetation // Limnology and Freshwater Biology. 2020, vol. 4, pp. 455–458.
- [19] Kublitskiy Y., Kulkova M., Druzhinina O., Subetto D., Stančikaitė M., Gedminienė L., Arslanov Kh. Geochemical Approach to the Reconstruction of Sedimentation Processes in Kamyshovoye Lake (SE Baltic, Russia) during the Late Glacial and Holocene // Minerals. 2020, vol. 10 (764), pp. 1–17.

CALCULATED CHARACTERISTICS OF THE MAXIMUM SPRING RUNOFF OF THE RIVERS IN THE NORTHERN OKHOTSK SEA REGION

Purpose of the work: to develop a methodology for determining the maximum water flow and runoff volumes during the spring flood on the rivers of the northern coast of the Sea of Okhotsk with different probability of exceeding. Long-term runoff observations at eight hydrological stations served as initial data. It has been established that the current global warming has not affected the maximum spring runoff of the rivers of the Northern Okhotsk. No regularities were found in the spatial distribution of the module of the maximum water discharge and the runoff layer during the flood period. Relationships between the parameters of the distribution curve of maximum discharges and runoff volumes and the catchment area are revealed. According to the obtained formulas, it is possible to determine the maximum water discharges and the volume of runoff during the spring flood period with different probability of exceeding. The methodology for calculating the characteristics of spring runoff will be useful in the design and operation of hydraulic structures, in the long-term planning of the use of water resources.

Key words: spring flood, water discharge, runoff volume, regression equation.

References:

- [1] Vladimirov A.M. Hydrological calculations [Gidrologicheskie raschety]. Leningrad, Gidrometeoizdat, 1990, 366 p.
- [2] Geokriologija SSSR. Geocryology of the USSR. Eastern Siberia and the Far East [Vostochnaja Sibir' i Dal'nij Vostok] / Ed. E.D. Ershov. Moscow, Subsoil [Nedra], 1989, 515 p.
- [3] Glotov V.E., Glotova L.P. Hydrogeology of the northern coastal zone of the Sea of Okhotsk [Gidrogeologija severnoj beregovej zony Ohotskogo morja]. Vol. 28. 2008, № 6, pp. 12–132.
- [4] Glotov V.E., Glotova L.P., Ushakov M. V. Influence of climate on the minimum winter runoff of the rivers of the Tauï ecoregion [Vlijanie klimata na minimal'nyj zimnij stok rek Taujskogo ekoregiona] // Bulletin of the North-Eastern Scientific Center of the Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences. 2018, № 3, pp. 36–42.
- [5] Dzhenkins G., Vatts D. Spectral analysis and its applications [Spektral'nyj analiz i ego prilozhenija]. Moscow, Peace [Mir], 1978, 288 p.
- [6] WMO Statement on the State of the Global Climate in 2015. WMO-No. 1167. Geneva, Publications Board World Meteorological Organization, 2016, 26 p.
- [7] Long-term data on the regime and resources of surface waters on land [Mnogoletnie dannye o rezhime i resursah poverhnostnyh vod sushi]. Vol. I, 1985, Issue 17, Leningrad, Gidrometeoizdat, 1985, 429 p.
- [8] Scientific and applied reference book on the climate of the USSR [Nauchno-prikladnoj spravochnik po klimatu SSSR]. Series 3. Part 1–6, Issue 33. Leningrad, Gidrometeoizdat, 1990, 566 p.
- [9] Estimation report on climate changes and their consequences on the territory of Russian Federation [Otsenochnyi doklad ob izmeneniyakh klimata i ikh posledstviyakh na territorii Rossiyskoy Federatsii]. V. 1. Climate changes. Moscow, Roshydromet, 2008, 227 p.
- [10] Surface water resources of the USSR. V. 19. Northeast [Resursy poverhnostnyh vod SSSR. T. 19. Severo-Vostok]. Leningrad, Gidrometeoizdat, 1969, 282 p.
- [11] The North of the Far East [Sever Dal'nego Vostoka] / Ed. by N.A. Shilo. Moscow, Science [Nauka], 1970, 487 p.
- [12] SP 33–101–2003. Determination of basic calculated hydrological characteristics [Opredelenie osnovnyh raschetnyh gidrologicheskikh karakteristik]. Moscow, Gosstroy [Gosstroj Rossii], 2004. 74 p.
- [13] Stochkute Ju.V., Vasilevskaja L.N. Long-term changes in air and soil temperature in the Far North-East of Russia [Mnogoletnie izmeneniya temperatury vozduha i pochvy na Krajnem Severo-Vostoke Rossii] // Geographic Bulletin. 2016, № 2(37), pp. 84–96.
- [14] Ushakov M.V. Spatial and temporal fluctuations of the spring flood runoff on the rivers of the Upper Kolyma [Prostranstvenno-vremennye kolebanija stoka vesennego polovod'ja na rekah Verhnej Kolymy] // Geopolitics and ecogeodynamics of regions [Geopolitika i ekogeodinamika regionov]. 2019. Vol. 5(15). Issue. 4. pp. 319–333.
- [15] Ushakov M.V. Climatic response of the minimum summer-autumn runoff of the rivers of the northern Okhotsk region [Klimaticheskij otklik minimal'nogo letne-osennego stoka rek severnogo Priohotomor'ja] // Scholarly notes V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Geography. Geology [Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V.I. Vernadskogo. Geografiya. Geologiya]. 2019, Vol. 5(71), № 1. pp. 238–246.
- [16] Ushakov M.V. Calculation of rain flood decline curves for managing the hydroecological situation on the rivers of the Northern Okhotsk Sea [Raschet krivyh spada dozhdevykh pavodkov dlja upravlenija gidrojekologicheskoy situatsiej na rekah Severnogo Priohotomor'ja] // Geographical environment and living systems [Geograficheskaya sreda i zhivye sistemy]. 2020, № 1, pp. 126–133.
- [17] Shelutko V.A. Numerical methods in hydrology [Chislennye metody v gidrologii]. Leningrad. Gidrometeoizdat, 1991. 239 p.
- [18] Gartsman B. I., Lupakov S. Yu. Effect of Climate Changes on the Maximal Runoff in the Amur Basin: Estimation Based on Dynamic–Stochastic Simulation // Water Resources. 2017, vol. 44(5), pp. 697–706.
- [19] Ushakov M.V., Ukhov N.V. Modern Changes in the Thermal Regime of Mountain Rivers in the Permafrost Zone (A Case Study for the Upper Kolyma) // Russian Meteorology and Hydrology. Vol. 45. 2020, № 12, pp. 858–863.
- [20] Woo M. Consequences of Climatic Change for Hydrology in Permafrost Zones. Journal of Cold Regions Engineering. Vol. 4. 1990, № 1, pp. 15–20.

Общие условия направления статей

1. Автор предоставляет в редакцию результаты оригинального исследования и гарантирует, что представленный текст не был ранее опубликован.
2. К рассмотрению принимаются статьи, сопровождаемые Заявкой* на публикацию.
3. Материалы к публикации представляются в электронном виде в редакцию (191015, Санкт-Петербург, а/я 83, Суворовский пр., 61, ЦНИТ «Астерион») или по электронной почте: terrahumana@asterion.ru, terrahumana@terrahumana.ru.
4. Объем принимаемых к публикации статей – 0,5 авторского листа (20 тыс. знаков), включая ссылки и сноски. Схемы, иллюстрации и таблицы, необходимые для раскрытия темы, не должны увеличивать объём статьи более чем на 0,1 авторского листа. Объём информационных сообщений – не более 0,1 авторского листа (4 тыс. знаков).
5. Аспиранты и соискатели учёной степени кандидата наук должны предоставить рецензию или отзыв научного руководителя на статью, заверенные печатью факультета, администрации вуза или отдела кадров вуза.
6. Все поданные к публикации материалы проходят внутреннее рецензирование. По итогам рецензирования статья может быть возвращена на доработку или отклонена.
7. Автор несет ответственность за достоверность предоставляемых сведений, фактов, цитат, статистических и социологических данных, имен собственных, географических названий и прочих сведений.
8. Подавая материал к публикации, автор соглашается с тем, что редакция имеет право редактировать текст, при условии, что правка не меняет смысла и основных выводов представленной статьи.
9. Подавая материал к публикации, автор соглашается с тем, что редакция имеет право размещать текст в сети Интернет в режиме Open Access, а также размещать статью и метаданные автора в базах данных на безгонорарной основе.
10. В одном номере журнала может быть опубликована только одна статья одного автора (исключением могут быть коллективные статьи при разном составе соавторов).

Требования к содержанию

11. К публикации принимаются научные статьи (теоретические, практические, обзорные статьи; рецензии и пр.) на русском и иностранных языках, соответствующие тематике журнала.
12. Структура научной статьи должна быть следующей** : 1) название, 2) аннотация, 3) ключевые слова, 4) введение, 5) материалы и методы, 6) результаты и выводы, 7) благодарности, 8) список использованной литературы.
13. Аннотация должна содержать: а) цели исследования; б) описание методов; в) главные выводы. Кроме того, она должна быть информативной (не содержать общих слов), содержательной (отражать основное содержание статьи и результаты исследований), структурированной (следовать логике описания результатов в статье). Англоязычные аннотации **не должны быть** калькой русскоязычной аннотации.

Правила оформления

14. Текст должен быть представлен в файле формата Microsoft Word (.doc или .rtf).
15. Текст не должен содержать двойные и более пробелы, табуляции, разбиение на колонки.
16. Кавычки оформляются так: «... ..»; кавычки внутри цитат: «... “...” ...».
17. Таблицы, формулы, схемы, графики, рисунки и др. иллюстрации должны быть пронумерованы в порядке их упоминания в тексте.
18. Иллюстрации представляются отдельно в виде файлов с расширением jpg, tif, bmp, png. (рисунки, как правило, помещаются на одной странице, т.е. чем больше рисунков приложено, тем меньший размер у них окажется в итоге.) Надписи на рисунках даются на языке статьи.

* Бланк заявки можно скачать на сайте www.terrahumana.ru.

** Как написать и опубликовать статью в международном научном журнале: метод. рекомендации / Сост. И.В. Сви́дерская, В.А. Кра́тасюк. – Красноярск: Сиб. федерал. ун-т, 2011. – 52 с.

19. Рисунки и другие иллюстрации должны быть подписаны. Каждая таблица должна иметь тематический заголовок.

20. Статья должна быть снабжена индексами УДК и ББК.

21. Статью должны сопровождать на русском языке: аннотация (100–250 слов), список ключевых слов (5–7).

22. Статью должны сопровождать на английском языке: название, аннотация (100–250 слов), список ключевых слов (5–7).

23. Статья должна иметь Список литературы (References) (рекомендуется 10–15 источников, включая иностранные) в двух формах: А) на русском языке (и/или языке оригинала), Б) латиницей – в транслитерированном виде и в переводе на английский язык. Правила оформления приведены на сайте журнала: <http://www.tetrahuman.ru>; см. примеры оформления на с. 262–263.

24. Ссылки на источники оформляются в квадратных скобках двумя числами. Первое указывает порядковый номер издания в списке литературы, второе – номер страницы. Например, «[4, с. 25; 8, с. 48–49]». Все поясняющие примечания даются в затекстовых сносках на последней странице текста статьи.

25. Сведения об авторе статьи предоставляются на русском и английском языках и включают:

- фамилию, имя, отчество полностью;
- ученое звание / ученую степень;
- название и шифр специальности, если планируется защита диссертации;
- должность и место работы / учебы / соискательства;
- город проживания / работы;
- контактные телефоны, e-mail.

Порядок рецензирования и опубликования рукописей, поступающих в редакцию журнала

26. Рукопись принимается к рассмотрению при условии, что она соответствует требованиям к авторским оригиналам статей (материалов), принятым в журнале «Общество. Среда. Развитие».

27. Рукопись, не соответствующая научному профилю и/или редакционной политике журнала, может быть отвергнута главным редактором и/или редакционным советом без рассмотрения ее рецензентами.

28. Рукописи, поступившие в редакцию журнала, главный редактор направляет на рецензирование двум экспертам, имеющим близкую к теме статьи научную специализацию и опубликованные статьи по той области науки, к которой относится присланный материал.

29. Рецензентами выступают члены редакционного совета журнала и привлеченные эксперты.

30. В журнале принято двойное «слепое» рецензирование (рецензент не знает, кто автор статьи, автор не знает, кто рецензент). Непосредственное взаимодействие автора и рецензента исключено. Редакция не откликается на просьбы дать координаты рецензента, чтобы автор мог ему объяснить спорные положения своей статьи.

31. Все статьи проверяются рецензентом на плагиат с помощью имеющихся в его распоряжении инструментов (<http://www.antiplagiat.ru>, <http://text.ru/antiplagiat>, программа «Etхt Антиплагиат», поисковые системы и др.). В случае большого количества некорректных заимствований рецензент вправе дать отрицательное заключение без дальнейшего чтения и анализа текста рукописи.

32. Отзыв рецензента о рукописи должен быть объективным и сформулирован в соответствии с принятыми в редакции параметрами оценивания (см. п.33). Личная критика автора неуместна. Рецензенты обязаны выражать свои взгляды четко и аргументированно.

33. При вынесении заключения рецензент оценивает следующие параметры: отвечает ли статья профилю журнала; присутствует ли в статье актуальность и новизна; сформулированы ли цель и задачи; описана ли методология исследования; есть ли историографический анализ по исследуемой проблеме; присутствует ли описание эксперимента и насколько оно четкое; все ли используемые термины и дефиниции обоснованы и определены; есть ли выводы по статье, и пр. Наличие, отсутствие или неполное соответствие этим критериям служит основанием для выработки рекомендаций о судьбе статьи.

34. Рецензия на статью пишется в свободной форме, но обязательно должна содержать оценку указанных в п. 33 параметров.

35. Сроки рецензирования определяются ответственным секретарем редакции с учетом создания условий для максимально оперативной публикации статей, но не более 45 дней.

36. Рецензент не имеет права передавать рукопись на рецензирование другому лицу без согласования с редакцией.

37. Рецензенты, а также сотрудники редакционного совета и редакции не имеют права использовать в своих собственных интересах, частично или полностью, содержащиеся в рукописи сведения и выводы до ее опубликования. Рукописи являются интеллектуальной собственностью авторов.

38. В случае конфликта интересов (конкуренстных отношений, сотрудничества или других отношений) рецензента и автора, компании или учреждения, связанных с представленной рукописью, редактор передает рукопись для рассмотрения другому рецензенту.

39. Рецензент, который считает, что не обладает достаточной квалификацией для оценки статьи, либо если присутствует конфликт интересов, должен уведомить об этом редакцию и отказать от участия в рецензировании данной рукописи.

40. Редакция оперативно информирует авторов о принятом решении и направляет авторам копии рецензий.

41. После получения положительной рецензии редакция информирует авторов о принятии статьи к печати с указанием сроков публикации.

42. При получении отрицательной рецензии редакционный совет либо отклоняет рукопись, либо направляет предложения по доработке статьи в соответствии с замечаниями рецензента. Доработанная (переработанная) статья повторно направляется на рецензирование вместе с ее первоначальным вариантом.

43. В случае несогласия с заключениями рецензентов автор статьи имеет право предоставить аргументированный ответ в редакцию журнала, на основании которого может быть принято решение о дополнительном рецензировании. Спорные случаи выносятся на специальное рассмотрение редакционного совета, решение принимается большинством голосов.

44. Рецензии на рукописи статей хранятся в редакции журнала в течение пяти лет со дня поступления рецензии и могут быть по запросу предоставлены соответствующему экспертному совету Высшей аттестационной комиссии (ВАК) РФ.

Пример списка литературы на русском языке:

1. Хачатуров К.А. Латиноамериканские уроки для России = Latinoamericanas para Rusia. – М.: Междунар. отношения, 1999. – 394 с.
2. Загуренко А.Г., Коротовских В.А., Колесников А.А., Тимонов А.В., Кардымон Д.В. Технично-экономическая оптимизация дизайна гидроразрыва пласта // Нефтяное хозяйство. – 2008. – № 11. – С. 54–57.
3. Каневская Р.Д. Математическое моделирование гидродинамических процессов разработки месторождений углеводородов. – Ижевск, 2002. – 140 с.
4. Цыпкин Ю.А. Агротаркетинг и консталтинг: учебное пособие для вузов. – М.: ЮНИТИ ДАНА, 2000. – 637 с.
5. Ненашев М.Ф. Последнее правительство СССР. – М.: Кром, 1993. – 221 с.
6. От катастрофы к возрождению: причины и последствия разрушения СССР. – М.: Былина, 1999. – 319 с.
7. Усманов Т.С., Гусманов А.А., Муллагаллин И.З., Мухаметшина Р.Ю., Червякова А.Н., Свешников А.В. Особенности проектирования разработки месторождений с применением гидроразрыва пласта // Новые ресурсосберегающие технологии недропользования и повышения нефтегазоотдачи: Труды VI Междунар. симпозиума. – М., 2007. – С. 267–272.
8. Лермонтов М.Ю. Собрание сочинений. В 4 т. Т. 2. Поэмы. – 2-е изд., испр. и доп. – СПб.: Наука, 1999. – 575 с.

Пример списка литературы на английском языке с транслитерацией:

1. Hachaturov K.A. Latin American Lessons for Russia [Latinoamericanskie Uroki dlya Rossii] = Latinoamericanas para Rusia. M., Intern. relations [Mezhdunar. otnosheniya], 1999, 394 p.

2. Zagurenko A.G., Korotovskikh V.A., Kolesnikov A.A., Timonov A.V., Kardymon D.V. Techno-economic optimization of the design of hydraulic fracturing [Tekhniko-ekonomicheskaya optimizatsiya dizaina gidrorazryva plasta]. Oil Industry [Neftyanoe khozyaistvo], 2008, no.11, pp. 54–57.
3. Kanevskaya R.D. Mathematical modeling of hydrodynamic processes of hydrocarbon deposit development [Matematicheskoe modelirovanie gidrodinamicheskih protsessov razrabotki mestorozhdenii uglevodorodov]. Izhevsk, 2002, 140 p.
4. Zipkin Y.A. Agromarketing and konstaling: textbook for High Schools [Agro-marketing i konstaling: uchebnoe posobie dlya vuzov]. M.: Dana, 2000, 637 p.
5. Nenashev M.F. Last government of the USSR [Poslednee pravitel'stvo SSSR]. Moscow, Krom Publ., 1993, 221 p.
6. From disaster to rebirth: the causes and consequences of the destruction of the Soviet Union [Ot katastrofy k vozrozhdeniju: prichiny i posledstviya razrusheniya SSSR]. Moscow, Bylina, 1999, 319 p.
7. Usmanov T.S., Gusmanov A.A., Mullagalin I.Z., Muhametshina R.Ju., Chervyakova A.N., Sveshnikov A.V. Features of the design of field development with the use of hydraulic fracturing [Osobennosti proektirovaniya razrabotki mestorozhdeniy s primeneniem gidrorazryva plasta]. Proc. 6th Int. Technol. Symp. "New energy saving subsoil technologies and the increasing of the oil and gas impact" [Trudy 6 Mezhdunarodnogo Simpoziuma "Novye resursosberegayushchie tekhnologii nedropol'zovaniya i povysheniya neftegazootdachi"]. Moscow, 2007, pp. 267–272.
8. Lermontov M.Y. Works [Sochineniya]. In 4 t. T. 2. Poems. [V 4 t. T. 2. Poemi]. – 2nd ed., Rev. and add [2-e izd., ispr. i dop]. SPb.: Nauka [SPb.: Nauka], 1999, 575 p.

РЕДАКЦИОННАЯ ЭТИКА

1. Стремясь к повышению качества научной периодики, издаваемой в России, редакция журнала «Общество. Среда. Развитие» следует публикационной этике, принятой в издательском мире. Основные нормы и правила взаимоотношений между авторами, рецензентами и редакторами строятся на основе рекомендаций, разработанных «Комитетом по этике научных публикаций»* (Committee of Publication Ethics) (COPE) и НП «Комитет по этике научных публикаций»**.

2. Редакция журнала «Общество. Среда. Развитие» в целях научного и методологического обеспечения устойчивого развития общества и гармоничного сосуществования социальной и природной среды реализует концепцию создания условий для креативного диалога между учеными гуманитарных и естественных наук.

3. Учитывая важность взаимного обмена мнениями между учеными, необходимость развития междисциплинарного дискурса, особенно между гуманитарными и естественными науками, редакция журнала «Общество. Среда. Развитие» полагает полезным увеличение количества своих авторов и читателей. В связи с этим предпочтение при рассмотрении материалов отдается подписчикам журнала.

4. Все поданные в журнал «Общество. Среда. Развитие» материалы проходят «двойное слепое» рецензирование.

5. Ответственность за некорректное заимствование лежит на авторе. Редакция журнала «Общество. Среда. Развитие» осуществляет проверку подаваемых материалов на плагиат. К сожалению, ни один из имеющихся методов проверки не гарантирует 100% выявления плагиата.

6. Редакционный совет рассматривает журнал как открытую площадку для научной дискуссии, а саму дискуссию необходимым условием для развития общества, поэтому в журнале могут быть опубликованы материалы, содержащие тезисы, не поддерживаемые редакцией.

* <http://publicationethics.org/resources/international-standards>

** <http://publicet.org>

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

К.Г. Исупов (главный редактор), доктор философских наук, профессор, профессор кафедры эстетики и этики Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена, Санкт-Петербург.

В.В. Никифоров (председатель ред. совета), кандидат технических наук, директор Центра научно-информационных технологий «Астерион», Санкт-Петербург.

Алимов А.А., кандидат исторических наук, доцент, Санкт-Петербургский государственный университет; руководитель, Научная программа «Международное сотрудничество в области окружающей среды и развития», Санкт-Петербург, Россия

Бакланов П.Я., доктор географических наук, профессор, академик Российской академии наук, Почетный профессор Института географии и агроэкологии АН КНР, научный руководитель, Тихоокеанский Институт географии Дальневосточного отделения Российской академии наук, Владивосток, Россия

Бороньев А.О., доктор философских наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, профессор кафедры теории и истории социологии, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия

Ванг Цзе, Ph.D. (искусствоведение, социальная литература), профессор, декан Института гуманитарных наук, Шанхайский университет транспорта (Цзяо Тун), Шанхай, Китай

Гладкий Ю.Н., доктор географических наук, профессор, член-корреспондент Российской академии образования, заведующий кафедрой экономической географии, Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена, Санкт-Петербург, Россия

Грибер Ю.А., доктор культурологии, профессор кафедры социологии и философии, Смоленский государственный университет, Смоленск, Россия

Давыдов С.А., доктор социологических наук, доцент, профессор кафедры социологии и управления персоналом, Санкт-Петербургский государственный экономический университет, Санкт-Петербург, Россия

Ендольцева Е.Ю., доктор искусствоведения, Институт востоковедения РАН, отдел сравнительного культуроведения, старший научный сотрудник, Москва

Збрицкий А.А., доктор экономических наук, профессор, директор Института дополнительного профессионального образования, ГАСИС НИУ ВШЭ, заслуженный деятель науки РФ, Москва, Россия

Кеневич Я., доктор исторических наук, профессор, факультет «Artes Liberales» Варшавского университета, директор Лаборатории междисциплинарных исследований «Artes Liberales», Варшава, Польша

Кошенова Р.Н., доктор философских наук, профессор кафедры философии факультета социальных наук, Евразийский университет имени Л.Н. Гумилева, Астана, Казахстан

Кривич Н.А. (зам. главного редактора), кандидат культурологии, главный редактор издательства «Астерион», Санкт-Петербург, Россия

Ловелиус Н.В., доктор биологических наук, профессор кафедры физической географии и природопользования, Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена, Санкт-Петербург, Россия

Малинин В.Н., доктор географических наук, профессор, Российский государственный гидрометеорологический университет, Санкт-Петербург, Россия

Меньшиков Л.А., доктор искусствоведения, доцент, заведующий кафедрой общественных и гуманитарных наук Санкт-Петербургской государственной консерватории имени Н.А. Римского-Корсакова

Мешкова А., Ph.D. (исследования культуры), заведующая кафедрой изучения европейской культуры, Университет Матея Бела, Банска Быстрица, Словакия

Никифорова Л.В., доктор культурологии, профессор, Академия русского балета им. А.Я. Вагановой, Санкт-Петербург, Россия

Петров А.В., доктор социологических наук, профессор, кафедра экономической социологии, Санкт-Петербургский государственный университет, исполнительный директор Российско-Китайского Центра сравнительных социальных, экономических и политических исследований факультета социологии СПбГУ, Санкт-Петербург, Россия

Росенко С.И., доктор социологических наук, профессор, Национальный государственный университет физической культуры, спорта и здоровья им. П.Ф. Лесгафта, Санкт-Петербург, Россия

Румянцев В.А., доктор географических наук, профессор, академик Российской академии наук, научный руководитель Института озероведения РАН, Санкт-Петербург, Россия

Сунарчина М.М., доктор социологических наук, доцент кафедры социологии и работы с молодежью факультета философии и социологии Башкирского государственного университета, Республика Башкортостан, Уфа, Россия

Субетто А.И., доктор философских наук, доктор экономических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, директор Центра ноосферного развития научно-исследовательской лаборатории россиеведения, евразийства и устойчивого развития Северо-Западного института управления РАНХ и ГС при Президенте РФ, Санкт-Петербург, Россия

Терещенко Е.Ю., доктор культурологии, доцент, профессор кафедры искусств, сервиса и туризма, Мурманский арктический государственный университет, Мурманск, Россия

Туминская О.А., доктор искусствоведения, заведующая сектором эстетического воспитания, Государственный Русский музей, Санкт-Петербург, Россия

Филатов Н.Н., доктор географических наук, профессор, член-корреспондент Российской академии наук, директор Института водных проблем Севера Карельского научного центра РАН, Петрозаводск, Россия

Фролова Е.В., доктор социологических наук, профессор (социология управления), профессор кафедры менеджмента и административного управления, Российский государственный социальный университет, Москва, Россия

Ю Кепин, Ph.D. (государственное и социальное управление), профессор, директор Центра инноваций в сфере государственного управления КНР, Пекинский университет, Пекин, Китай

УЧРЕДИТЕЛЬ:

ООО «Центр научно-информационных технологий «Астерион».
191015, Санкт-Петербург, а/я 83, (812) 685-73-00, 663-53-92, 970-35-70.
E-mail: asterion@asterion.ru

Дизайн обложки – Е.Ю. Абдушукурова
Подготовка оригинал-макета – ЦНИТ «Астерион»

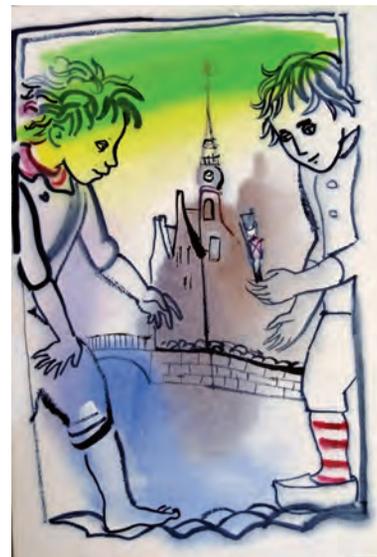
ЦНИТ «Астерион»

Заказ № 054. Подписано в печать 25.03.2022. Бумага офсетная. Формат 70×100¹/₁₆. Объем 16,1 п.л. Тираж 800 экз.

Санкт-Петербург, 191015, а/я 83, (812) 685-73-00, 970-35-70.

✉: asterion@asterion.ru 🌐: <https://terrahumana.ru>

📄: https://vk.com/asterion_izdatelstvo

Г.А.В. Траугот. Иллюстрации к книге С. Маршак «Цирк» (не опубликованы). Первая половина 1950-х.
Бумага, акварель

Г.А.В. Траугот. Иллюстрация к сказке Г.-Х. Андерсена «Стойкий оловянный солдатик». 1983.
Бумага, акварель, тушь

Г.А.В. Траугот. Иллюстрация к сказке Г.-Х. Андерсена «Стойкий оловянный солдатик». 1983.
Бумага, акварель, тушь

Иллюстрации к разрезной книге «Забавные клоуны» (не опубликованы).
Первая половина 1950-х. Раскрашенная линогравюра

К материалу М.Н. Дробышевой «Знаковые события в Александринском, Мариинском и Театре-фестивале “Балтийский дом”. Октябрь, ноябрь, декабрь 2021 года» (с. 88–98)